

Гюстав Лебон

Психология социализма

ПРЕДИСЛОВИЕ (1908)

Книга Гюстава Лебона «Психология социализма» в настоящее время может принести большую пользу в борьбе с социализмом, и революционизмом. Она выдержала во Франции в короткий промежуток времени пять изданий, переведена на несколько европейских языков и, нужно думать, успела оберечь многие умы от губительных социалистических и политических увлечений.

Гюстав Лебон — известный автор более чем двадцати ученых трудов по физикохимии, физиологии, антропологии, истории, социологии и философии. Энциклопедичность автора и творчество его — поистине поразительны. Книга «Психология социализма» является одним из позднейших его трудов, изданных вслед за трудами «Психология воспитания» и «Психология толпы».

Книга «Психология социализма», по отзыву известного социалиста Сореля, «представляет собой наиболее полную работу, изданную во Франции о социализме, заслуживающую большого внимания по оригинальности идей автора, наводящих на самые серьезные размышления». И действительно, содержание этой книги очень оригинально и поражает силой и убедительностью приводимых доказательств, при полной объективности исследования. Разбор социальных явлений относится почти исключительно к жизни западных народов, и потому книга эта особенно полезна для русского читателя, как постороннего беспристрастного зрителя, могущего найти в ней внушительное и поучительное предостережение. Книга эта напоминает исторические примеры того, как опасны увлечения социалистическими утопиями вообще, и с полной несомненностью выясняет губительное значение всяких революций.

Кроме того, эта книга представляет большой педагогический интерес. В ней автор рассматривает значение воспитания и сравнивает характеры его у народов латинской и англосаксонской рас; выясняет вред чрезмерной книжности и теоретичности обучения и силу истинного патриотизма, без которого не может быть прочным никакой народ.

Затронут в этой книге вопрос и о великом значении для народа армии, сильной прежде всего духом, хорошо обученной и дисциплинированной; вполне выяснена вся утопичность входящего ныне в моду антимилитаризма.

Разобраны также и другие явления государственной важности, относящиеся к области земледелия, промышленности, торговли, финансов и т. д.; выяснены условия, при которых данная страна может процветать, и причины, ведущие страну к упадку.

Встречаются, однако, в этой книге и слабые места в отношении глубины и полноты исследования, но таких мест очень мало, и касаются они большей частью не первостепенных вопросов. Из крупных же вопросов, разбор которых мало обоснован, можно отметить разве что один: равнение христианского социализма с социалистическими утопиями. Здесь субъективность суждений автора взяла перевес над объективностью, и для восстановления равновесия пришлось сделать подстрочное примечание.

Несмотря на эти недочеты, книга в общем сохраняет свои достоинства. Общий характер и спокойный тон исследования, при общедоступной форме изложения, настраивают ум «осторожным выводам, свободным от всякой предвзятости и страстности, углубляют мысль до самых корней изучаемых явлений.

Первое издание полного русского перевода этой книги в количестве 3.200 экземпляров разошлось в очень короткий срок.

С. Будаевский
1908 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Социализм представляет собой совокупность стремлений, верований и реформаторских идей, глубоко волнующих умы.

Правительства опасаются его, законодатели щадят, народы видят в нем зарю новой судьбы.

В этом труде, посвященном изучению социализма, найдут применение принципы, изложенные в моих последних книгах «Законы эволюции народов» и «Психология толпы». Лишь кратко касаясь подробностей доктрин, чтобы удержать в памяти только их сущность, мы рассмотрим причины, породившие социализм, и причины, замедляющие его распространение или благоприятствующие ему.

Мы покажем конфликт между прежними идеями, укоренившимися наследственно, на которых еще покоятся общества, и идеями) новыми, возникшими в новых средах, созданных современной научной и промышленной эволюцией. Не оспаривая законности стремлений; большинства людей улучшить свою участь, мы исследуем, могут ли иметь учреждения действительное влияние на это улучшение, или же наши судьбы управляются роковой необходимостью совершенно независимо от учреждений, которые может создать наша воля.

Социализм не имел недостатка в защитниках, писавших его историю, в экономистах, оспаривавших его догмы, и в проповедниках его учения, лишь психологи пренебрегали до сих пор изучением его, видя в нем один из таких неточных и неопределенных предметов, как богословие или политика, которые могут лишь дать повод к страстным и бесплодным спорам, вызывающим отвращение у ученых умов.

По-видимому, однако, лишь внимательная психология может показать происхождение новых доктрин и объяснить влияние, какое они производят как в народных слоях, так и среди некоторых культурных умов. Нужно проникнуть до самых корней событий, протекающих перед нами, чтобы понять сам ход и расцвет наблюдаемых явлений.

Ни один апостол никогда не сомневался в будущем своего вероучения, поэтому и социалисты убеждены в близком торжестве своих доктрин. Такая победа необходимо вызывает разрушение настоящего общества и переустройство его на других началах. Нет ничего проще, по мнению последователей новых догм, как это разрушение и переустройство. Очевидно, что насилем можно расстроить общество, как можно в один час уничтожить огнем долго строившееся здание. Но наши настоящие знания об эволюции вещей позволяют ли допустить, что человек может восстановить по своему желанию разрушенную организацию? Стоит лишь немного вникнуть в сам процесс образования цивилизаций, как тотчас же обнаруживается, что во всяком обществе учреждения, верования и искусства представляют собой целую сеть идей, чувств, привычек и приемов мышления, укоренившихся наследственным, путем и составляющих вместе силу общества. Общество только тогда сплочено, когда это моральное наследество упрочилось в душах, а и в кодексах. Общество, приходит в упадок, когда эта сеть расстраивается. Оно осуждено на исчезновение, когда эта сеть приходит в полное разрушение.

Такой взгляд никогда не оказывал влияния на писателей и государственных людей латинской раем. Убежденные в том, что естественные законы могут изгладиться перед их идеалом нивелировки, законности и справедливости, они полагают, что достаточно выдумать умные учреждения и законы, чтобы пересоздать мир. Они еще питают иллюзии той героической эпохи революции, когда философы и законодатели считали непреложным, что общество есть вещь искусственная, которую благодетельные диктаторы могут совершенно пересоздавать.

Такие теории, по-видимому, теперь очень мало состоятельны, тем не менее не нужно пренебрегать ими. Они побуждают к таким действиям, влияние которых весьма разрушительно и, следовательно, очень опасно. Созидательная сила покоится на времени и не подчинена непосредственно нашей воле. Разрушительная сила, напротив, в нашей власти. Разрушение общества может совершиться очень быстро, но восстановление; его происходит всегда очень медленно. Иногда нужны человеку века усилий для восстановления того, что он разрушил в один день.

Если мы желаем понять глубокое влияние современного социализма, то ненужно изучать его догмы. Исследуя причину его успеха, приходишь к заключению, что последний совсем не зависит от теорий, которые проповедуют эти догмы, и от внушаемых ими отрицаний. Подобно религиям, приемы которых социализм все более и более стремится усвоить, он распространяется отнюдь не доводами разума, а совсем иначе. Являясь очень слабым, когда пытается спорить и опираться на экономические соображения, он становится, напротив, очень сильным, когда остается в области уверений, мечтании химерических обещаний. Он был бы даже еще страшнее, если бы не выходил из этой области.

Благодаря его обещаниям возрождения; благодаря надежде, зажигаемой им у всех обездоленных, социализм начинает представлять собой гораздо более религиозное верование, чем доктрину. А великая сила верований, когда они стремятся облечься в ту религиозную форму, строение которой мы изучали в другом труде, состоит в том, что распространение их не зависит от той доли истины или заблуждения, какую они могут в себе содержать. Лишь только верование запало в души» неясность его не обнаруживается более, ум уже не касается его. Одно лишь время может ослабить его.

Такие глубочайшие мыслители, как Лейбниц, Декарт, Ньютон, безропотно преклонялись перед религиозными

догмами, слабость которых скоро показал бы им разум, если бы они могли подчинить их контролю критики. Но то, что вошло в область чувства, уже не может быть уничтожено рассуждением. Религии, действуя только на чувства, не могут быть потрясены доводами разума, и потому влияние их на души было всегда столь решительным.

Современный век представляет собой один из тех переходных периодов, когда старые верования потеряли свою силу и когда те, которые должны были заменить их, не установились. Человеку еще не удавалось обходиться без верований в божество. Оно иногда низвергается со своего престола, но этот престол никогда не оставался незанятым. Вскоре из праха умерших богов появляются новые призраки.

Наука, поборовшая веру в богов, не может оспаривать их огромную власть. Еще ни одна цивилизация не могла основаться и развиваться без них. Самые цветущие цивилизации всегда опирались на религиозные догмы, которые с точки зрения разума не обладали ни малейшей частицей логики, правдоподобности или даже простого здравого смысла. Логика и разум никогда не были настоящими руководителями народов. Неразумные всегда составляло один из самых могучих двигателей человечества.

Не при посредстве разума был преобразован мир. Религии, основанные на вздорных представлениях, наложили свой неизгладимый отпечаток на все элементы цивилизации и продолжают подчинять огромное большинство людей своим законам; философские же системы, основанные на доводах разума, сыграли лишь незначительную роль в жизни народов и имели непродолжительное существование. Они на самом деле дают толпе только доводы, тогда как душа человеческая требует лишь надежд.

Эти-то надежды всегда и внушались религиями, которые создавали, вместе с тем, идеал, способный обольщать и возвышать души. Именно эта магическая сила надежд и создавала самые могущественные царства из ничтожества, творила чудеса литературы и искусств, составляющих общую сокровищницу цивилизации.

Так же предлагает надежды и социализм, и, это составляет его силу. Верования, которым он учит, очень фантастичны и, по-видимому, едва ли могли рассчитывать на распространение; тем не менее, они распространяются. Человек обладает чудесной способностью преобразовывать вещи по воле своих желаний, познавать вещи только сквозь ту магическую призму мысли и чувств, которая представляет мир таким, каким мы желаем его видеть.

Каждый сообразно своим мечтаньям, своему честолюбию, своим желаниям, видит в социализме то, чего основатели новой веры никогда не думали в него вкладывать. Священник открывает нем всеобщее распространение милосердия и мечтает о нем, забывая алтарь. Бедняк, изнемогая от тяжелого труда, смутно усматривает в нем лучезарный рай, где он будет наделен земными благами. Легионы недовольных (а кто теперь к ним не принадлежит?) надеются, что торжество социализма, будет улучшением их судьбы. Совокупность всех этих мечтаный, всех этих недовольств, всех этих надежд придает новой вере неоспоримую силу.

Для того, чтобы современный социализм мог так скоро облечься в эту религиозную форму, составляющую тайну его могущества, необходимо было, чтобы он явился в один из тех редких моментов истории, когда люди, извлекшись в своих богах, утратили свои старые религии и живут только в ожидании новых верований.

Явившись как раз в то время, когда власть старых божеств значительно поблекла, социализм, также дающий человеку мечты о счастье, естественно, стремится занять их место.

Ничто не указывает, что ему удастся занять это место, но все показывает, что он не может долго сохранять его.

Г. Лебон

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание этой книги разошлось в течение нескольких недель, в пришлось выпустить второе без всяких изменений. Третье издание, напротив, подверглось существенной переработке. Не нахожу нужным отвечать критике, вызванной этим трудом как во Франции, так и в странах, где появился его перевод. В допросах, относящихся гораздо более к области чувств, чем разума, нельзя рассчитывать на изменение чьего-либо образа мыслей. Перевороты в области мысли, никогда не совершаются книгами¹.

Не принадлежа ни к какой школе и не помышляя заслужить одобрение одной из них, я пытался изучить общественные явления подобно тому, как изучаются физические, стараясь возможно менее впасть в ошибки.

Некоторые места этой книги по своей неизбежной краткости кажутся несколько догматичными, чего не следует, однако, заключать относительно самих изложенных мыслей. Одна из последних глав посвящена доказательству того, что в некоторых вопросах возможны только вероятные, но отнюдь не достоверные заключения.

Иногда, в этой книге я как будто уклоняюсь от предмета моего исследования, но это необходимо потому, что происхождение некоторых явлений, сам процесс их развития не могут быть поняты без предварительного изучения обстоятельств, среди которых явление возникло и развивалось. В вопросах религии, нравственности и политики изучение самого текста той или другой доктрины вовсе не имеет преобладающего значения, как могло бы казаться. Важнее всего знать среду, в которой доктрина развивается, знать чувства, на которых она зиждется, и характер умов, воспринимающих ее. В эпоху торжества буддизма и христианства догмы этих верований представляли малый интерес для философа, но ему было бы весьма интересно познакомиться с причинами укоренения их, т. е. с состоянием усвоивших эти догмы умов. Всякая догма, как бы ни была она несостоятельна с точки зрения разума, всегда восторжествует, если ей удалось изменить известным образом направление умов. В этом изменении сущность самой догмы нередко играет второстепенную роль. Торжество догмы происходит под влиянием подходящей среды, удобного момента, возбуждаемых ею страстей и главным образом от влияния проповедников, умеющих говорить толпе, зажигать в ней веру. Последняя вызывается действием отнюдь не на разум, а только на чувства. Вот почему проповедники вызывают большие народные религиозные движения, создающие новых богов.

Поэтому-то я убежден, что не выхожу из рамок моей задачи, принимая в основание при изложении некоторых глав этой книги наши верования, значение традиций в жизни народов, зачатки творческих основ в душе латинского народа, экономическое развитие в настоящее время и еще другие вопросы. Все это и представляет существенную часть данного исследования.

Немного страниц этого труда посвящено собственно изложению социалистических доктрин. Они столь неустойчивы, что бесполезно вести о них какие-либо споры. Эта изменчивость, впрочем, по общему закону, составляет необходимый признак всех новых верований. Религиозные догмы приобретают полную определенность только после своего торжества. До этого момента они блуждают в неопределенных формах. Эта-то неопределенность и есть залог успешного распространения их, так как придает им способность приспосабливаться к самым разнообразным нуждам и тем удовлетворять бесконечно разнообразные вожеления легионов недовольных, число которых в некоторые моменты истории бывает очень велико.

Социализм, как попытаемся это показать, может быть отнесен к классу религиозных верований, имеет присущий им характер неопределенности своих догм, не достигших еще своего торжества. Доктрины социализма меняются чуть не с каждым днем и делаются все более и более неопределенными, расплывчатыми. Чтобы согласовать принятые основателями этих доктрин принципы с явно противоречащими им фактами, пришлось бы предпринять труд, подобный трудам богословов, старающихся примирить разум с Библией.

Принципы, на которых Маркс, бывший долго первосвященником новой религии, основывал социализм, в конце концов были опровергнуты фактами в такой мере, что вернейшие его ученики вынуждены отказаться от этих принципов. Так, например, лет сорок тому назад по сущности теории социализма выходило, что капиталы и земли должны скапливаться в руках все меньшего и меньшего числа владельцев, тогда как статистика разных стран показала совершенно противоположное: в действительности капиталы и земли не только не скапливаются, но с большой быстротой раздробляются среди огромного числа людей. Поэтому мы и видим, что в Германии, Англии и Бельгии вожди социализма все более отрешаются от коллективизма, называя его химерой, способной увлекать только умы народов латинской расы.

Впрочем, в отношении распространения социализма всякие теоретические рассуждения не имеют никакого значения. Толпа им не внимает. Она запоминает только ту основную мысль, что рабочий — жертва нескольких эксплуататоров вследствие дурной социальной организации, и что было бы достаточно нескольких новых законов,

¹ Ничуть не рассчитывая разубедить кого-либо из социалистов, я, однако, думаю, что эта книга не будет для них бесполезна. Думаю так на основании статей об этой книге, особенно статьи наиболее сведущего социалиста Ж. Сореля, который, между прочим, говорит: «книга Гюстава Лебона представляет собой наиболее полную работу, изданную во Франции о социализме; работа эта заслуживает большого внимания по оригинальности идей автора, наводящих на самые серьезные размышления».

введенных революционным путем, чтобы изменить эту организацию. Теоретики могут себе развигать те или другие доктрины своей теории, толпа принимает их готовыми во всей их совокупности, не вникая никогда в развитие их. Усвоенные верования облакаются всегда в очень простую форму. Раз удалось их вкоренить в неразвитых умах, они непоколебимо сохраняются в них надолго.

Помимо мечтаний социалистов, и, весьма часто, совершенно наперекор им, современный общественный строй претерпевает быстрое и глубокое изменение от перемен в условиях существования, в требованиях времени и в понятиях, происходящих под влиянием научных и промышленных изобретений последнего полувека. Современные сообщества приспособляются к этим превращениям, а не к фантазиям теоретиков, которые, не видя роковой неизбежности существующих условий, полагают, что могут по своему произволу перестраивать общество. Задачи, возникающие вследствие современных превращений в мире, гораздо важнее, чем вопросы, озадачивающие социалистов. Изучению этих задач посвящена значительная часть настоящего труда.

Г. Лебон

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Господин издатель¹ сделал мне честь, обратиться ко мне с просьбой — снабдить моим небольшим предисловием издаваемый им русский перевод моей книги «Психология социализма».

Цель, которую я себе поставил, когда писал эту книгу, ясно намечена в предисловии, предпосылаемом этому труду. Судя по многочисленным изданиям этой книги и по переводам ее на многие языки, смею надеяться, цель эта достигнута. Я пытался изучать вопросы, относящиеся к социализму, как если бы я изучал какие-либо физические явления. Могу предполагать, что задача эта исполнена с беспристрастием, судя по многочисленным статьям, появившимся в периодических изданиях, принадлежащих к самым различным партиям.

В этом труде преобладает следующее главное основное положение: народы не могут выбирать свои учреждения, они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революции учреждения, переставшие ему нравиться, — это не раз наблюдалось в истории. Чего история никогда еще не показывала — это того, чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь продолжительно. Спустя короткое время все прошлое снова входит в силу, ведь из этого-то прошлого и сотканы мы, и потому оно является нашим верховным властителем.

Без сомнения, учреждения преобразуются в течение веков, но всегда путем медленной эволюции и никогда — путем внезапных революций. Революции изменяют только название вещей. Разрушительное их действие никогда не касается основных идей и чувств данного народа, какие бы кровавые перевороты они не порождали.

Таким образом, когда хотят понять учреждения данного народа, нужно изучить сперва умственный склад этого народа. Тогда и только тогда поймешь, что учреждения, наилучшие для одного народа, могут оказаться губительными для другого. Либеральные учреждения, превосходные для нации, состоящей из однородных элементов, обладающих одинаковыми чувствами и интересами, являются отвратительными для народа, состоящего из элементов разнородных, и следовательно, обладающих различными чувствами и имеющими противоположные интересы. Одна лишь мощная рука властелина может тогда поддерживать равновесие и мир между разнородными интересами — слишком большая свобода привела бы их к неизбежной борьбе.

Каждая страница истории подтверждает эти основные положения. Однако, они всегда отвергались революционерами всех времен. Можно желать переделать общество сообразно своим мечтам, но такие мечты никогда не осуществлялись. Тщетно мятется человек. Им управляют такие высшие силы, как закон неизбежности, среда, влияние прошлого, которые древними объединялись под именем судьбы. Судьбу эту можно проклинать, избежать ее невозможно.

Г. Лебон

КНИГА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛИЗМ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

§ 1. *Факторы социального развития.* Факторы, направляющие современную эволюцию обществ. В чем они отличаются от прежних? Факторы: экономические, психологические и политические.

§ 2. *Разные стороны социализма.* Необходимость изучения социализма в отношениях — политическом, экономическом,

¹ Сергей Будаевский.

философском и как верования. Противоречие между этими разными сторонами социализма. Философские определения социализма. Существо коллективное и индивидуальное.

§ 1. ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Основой цивилизаций всегда служило небольшое число направляющих идей. Когда идеи эти, успев значительно поблекнуть, теряют всю свою силу, то цивилизации, опиравшиеся на них, должны измениться.

В настоящее время мы переживаем одну из фаз такого столь редкого в истории народов превращения. Немногим философам пришлось жить в такие важные моменты появления новой идеи и иметь возможность, как теперь, изучить последовательный ход ее формирования.

При современных условиях развитие обществ происходит под влиянием троякого рода факторов: политических, экономических и психологических. Эти факторы действовали во все времена, но их относительное между собой значение изменялось в зависимости от возраста народов.

Политические факторы — это законы и учреждения. Теоретики всех партий и особенно современные социалисты придадут этим факторам большое значение. Все они убеждены, что счастье народа зависит от его учреждений, и что стоит только их изменить, как сразу изменится и судьба народа. Некоторые мыслители полагают, что, напротив, учреждения оказывают весьма слабое влияние, что судьбы народов зависят от их характера, т. е. от духовной природы той расы, к какой народ принадлежит. Этим объясняется, что нации, имея почти одинаковые учреждения и живя при одинаковых условиях, находятся на разных ступенях цивилизации.

Экономические факторы в настоящее время имеют громадное значение. В прежние времена, когда народы жили разбродившись, когда промышленность и техника не развивались целыми веками, факторы эти имели очень слабое влияние, но теперь, при быстром ходе усовершенствований, они приобрели перевес. Научные и технические открытия совершенно изменили все условия нашего существования. Вновь открытая простая химическая реакция разоряет одну страну и обогащает другую. Возникшая в глубине Азии культура какого-либо злака заставляет отказаться от хлебопашества целые провинции Европы. Усовершенствование разного рода машин изменяет условия жизни значительной части цивилизованных народов.

Психологические факторы — раса, верования, воззрения имеют также большое значение. Влияние их в старину имело даже перевес, но в настоящее время он на стороне экономических условий.

Вот эти-то изменения относительного влияния возбудителей (факторов) социального развития и составляют главное различие между условиями жизни современного и прежнего общества. Подчинившиеся прежде преимущественно своим верованиям общества в настоящее время все более и более повинуются экономическим требованиям.

Однако и психологические факторы далеко не потеряли своего значения. Насколько человек способен освободиться от гнета экономических условий, зависит от склада его ума, т. е. от свойств его расы. Вот почему некоторые народы подчиняют своим требованиям экономические условия, тогда как другие все более и более поработаются ими и пытаются сопротивляться им только покровительственными законами, бессильными, впрочем, защищать их от экономического гнета.

Таковы главные двигатели социального развития. Незнание или непризнание их недостаточны для того, чтобы помешать их действию. Законы природы действуют со слепой правильностью механизма, и тот, кто сталкивается с ними, всегда терпит поражение.

§ 2. РАЗНЫЕ СТОРОНЫ СОЦИАЛИЗМА

Итак, социализм имеет разные стороны, которые надо рассмотреть последовательно. Надо его рассмотреть в отношениях политическом, экономическом, философском и, наконец, как верование. Надо также рассмотреть столкновение этих понятий с действительностью существующего общественного строя, т. е. столкновение отвлеченных идей с неумолимыми законами природы, которые человек не может изменить.

Экономическая сторона социализма легче всего поддается исследованию. Тут задачи вполне определены. Как создается и распределяется богатство? Каково взаимоотношение между трудом, капиталом и умственными способностями? Каково влияние экономических явлений и в какой мере определяют они социальное развитие?

Если будем изучать социализм как верование, т. е. исследовать производимое им нравственное впечатление, внушаемые им убеждения и фанатическую преданность идеям, то точка зрения и сама задача становятся совершенно иными. Не имея более надобности заниматься теоретическим значением социализма как доктрины, ни теми непреодолимыми экономическими препятствиями, на которые он может натолкнуться, мы должны рассмотреть новое верование только со стороны его происхождения, его нравственных успехов и психологических последствий, которые оно может породить. Это исследование необходимо для объяснения бесполезности всяких споров с защитниками новых догм. Когда экономисты удивляются тому, что неоспоримо ясные доказательства совершенно не действуют на убежденных сторонников новых догм, пусть они обратятся к истории всяких верований и ознакомятся с учением о психологии толпы; тогда они перестанут удивляться. Доктрину не разбить указанием ее химерических сторон. Не доводами разума опровергаются мечты.

Чтобы понять силу современного социализма, надо рассматривать его преимущественно как верование; тогда

обнаружится, что основанием его служат сильные психологические причины. Непосредственный успех его почти не зависит от противоречия между его догмами и разумом. История всех верований, и особенно религиозных, достаточно показывает, что их успех в большинстве случаев не зависел от того, как велика была в них доля истины или заблуждения.

При изучении социализма как верования надо рассмотреть его как философское мировоззрение. Этой стороной последователи социализма более всего пренебрегали, а между тем, эту сторону они могли легче всего защищать. Они полагают, что осуществление их доктрин — необходимое следствие экономического развития, тогда как именно это развитие наименее соответствует их осуществлению. С точки зрения чистой философии, т. е. оставляя в стороне экономические и психологические условия, многие из социалистических теорий, напротив, вполне могли бы противостоять критике.

Что же такое, в самом деле, представляет собой, с философской точки зрения, социализм или, по крайней мере, наиболее распространенная его форма — коллективизм? Просто — реакцию существа коллективного против захватов со стороны отдельных единичных существ. Если же не принимать во внимание значения умственных способностей человека и той громадной пользы, какую эти способности могут оказать цивилизации, то несомненно, что община или союз людей, преследующий общие всем его членам цели, может рассматриваться (хотя бы в силу закона числа, этого великого символа веры современной демократии) как организация, созданная для порабощения каждого своего члена, который вне союза не мог бы существовать.

С философской точки зрения социализм есть реакция общественности против индивидуальности, как бы возврат к прошлому. Индивидуализм и коллективизм по своей сущности — две противодействующие силы, стремящиеся если не уничтожить, то, по крайней мере, парализовать друг друга. Эта борьба между противоположными интересами личности и организованной общины людей и представляет истинную задачу социализма с философской точки зрения. Отдельная личность, достаточно сильная, чтобы полагаться только на свою предприимчивость, на свое разумение, и потому способная самостоятельно содействовать прогрессу, стоит перед толпой, слабой в отношении этих качеств, но сильной своей численностью — этой единственной поддержкой права. Интересы этих двух борющихся принципов — взаимно противоположны. Вопрос в том, могут ли они даже ценой взаимных уступок удержаться, не разрушаясь в этой борьбе. До настоящего времени только религиозным верованиям удавалось вселять в людях сознание необходимости жертвовать своими личными интересами на пользу общую, заменять личный эгоизм общественным. Но древние религии уже вымирают, а на замену им новые еще не родились. При изучении развития общественной солидарности нам придется рассмотреть, в каких границах экономические потребности допускают возможное примирение двух указанных взаимно противоположных принципов. Как справедливо заметил в одной из своих речей Леон Буржуа¹, «само собой разумеется, что ничего нельзя поделать против законов природы, но необходимо непрестанно их изучать и пользоваться ими для уменьшения неравенства и несправедливости среди людей».

Чтобы закончить обзор разных сторон социализма, мы должны еще рассмотреть его изменения сообразно с характерами рас. Если начала, указанные в одном из предшествующих наших сочинений² о глубоких преобразованиях, которым подвергаются все элементы цивилизации (учреждения, религии, искусства, верования и т. д.) с переходом от одного народа к другому, верны, то можно уже предвидеть, что иногда под сходными между собой словами, выражающими у разных народов представления о государственном строе, скрывается весьма неодинаковая действительность. Мы увидим, что это так и на самом деле. У рас сильных, энергичных, достигших высшей степени своего развития, замечается — как при режиме республиканском, так и при монархическом — значительное расширение предприятий личной инициативы и постепенное уменьшение области, которой ведает государство. Совершенно противоположную роль предоставляют государству те народы, у которых отдельные личности дошли до такого умственного оскудения, что не могут рассчитывать только на свои силы. У таких народов, как бы ни назывались государственные учреждения, правительство всегда представляет всепоглощающую власть: оно все регламентирует и распоряжается мельчайшими подробностями жизни граждан. Социализм есть не что иное, как расширение такого воззрения. Он был бы диктатурой безличной, но совершенно неограниченной.

Легко видеть сложность предстоящих нам задачи насколько они упрощаются, если элементы их изучаются раздельно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗВИТИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 1. *Древность социализма.* Социальная борьба, вызванная неравенством состояний, восходит к первым векам исто-

¹ Леон Буржуа — французским правовед, в период с 1888 по 1889 г.г. замещал государстиспного секретаря в Министерстве иностранных дел. Основные его труды: «Солидарность», «Обучение демократии», «Философия солидарности», «Демократия прав».

² Труды «Психологические законы эволюции народов» (СПб. 1916).

рии. Доктрины коллективизма у греков. Каким образом социализм лишил греков независимости. Социализм у римлян и евреев. Христианство первых веков представляет собой время торжества социализма. Каким образом оно должно было вскоре отказаться от своих доктрин. Иллюзии социалистов в середине XIX века.

§ 2. *Причины развития социализма в настоящее время.* Чрезмерная чувствительность в настоящее время. Потрясения и неустойчивость современного общества, вызванные успехами промышленности. Потребности растут быстрее, чем средства для их удовлетворения. Притязания современной молодежи. Помыслы университетской молодежи. Роль финансистов. Пессимизм мыслителей. Состояние современного общества сравнительно с прежним.

§ 3. *Применение процентных соотношений при оценке общественных явлений.* Необходимо точно установить соотношение между элементами полезными и вредными, входящими в состав общества. Несостоятельность приема средних величин. В социальных явлениях процентные соотношения имеют большее значение, чем средние выводы.

§ 1. ДРЕВНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА

Социализм появился не сегодня. По излюбленному выражению историков древности, можно сказать, что начало появления социализма теряется в глубине веков. Он имел целью уничтожить неравенство общественных положений, которое как в древнем, так и современном мире представляет собой один и тот же закон. Если всемогущее божество не пересоздаст природу человека, то это неравенство, вне всякого сомнения, будет существовать, пока существует наша планета. Борьба богатого с бедным, надо полагать, будет продолжаться вечно.

Не восходя к первобытному коммунизму — этой низшей форме развития, с которой начинали все общества, мы можем сказать, что в древности уже были испытаны разные формы социализма, которые предлагаются и ныне. Особенно греки пытались их осуществлять, и от этих-то опасных попыток погибла Греция. Доктрины коллективизма изложены уже в «Республике» Платона. Аристотель их оспаривал, и, как сказал Гиро, резюмируя их сочинения: «все современные доктрины, от христианского социализма до самого крайнего коллективизма, находят там свое выражение»¹. Не раз эти доктрины применялись и на деле. Политические перевороты в Греции были вместе с тем и социальными, т. е. имевшими целью изменить социальный строй и именно уравнивать общественные положения разорением богатых и подавлением аристократии. Им это удавалось несколько раз, но всегда ненадолго. В конце концов Греция пала и утратила свою независимость. Социалисты того времени так же, как и теперь, расходились в своих положениях; единодушие их проявлялось только относительно разрушения существующего порядка. Рим положил конец этим вечным несогласиям, низведя Грецию до рабства и заставив продавать ее граждан в неволю.

Сами римляне не избежали покушений социалистов и принуждены были испытать аграрный социализм Гракхов. Он ограничивал каждого гражданина определенной площадью земли, распределял остатки земли между бедными и обязывал государство кормить нуждающихся. Все это привело к борьбе, создавшей Мария, Суллу, междоусобные войны и, наконец, падение республики и владычество империи.

Евреи также знакомы с притязаниями социалистов. Проклятия со стороны еврейских пророков — этих настоящих анархистов той эпохи — направлены преимущественно против богатства. Сам Иисус Христос вступался особенно за права бедных и осуждал богатых. Только бедному предназначено царствие небесное, а богатому труднее в него войти, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко.

В течение двух-трех первых веков нашей эры христианская религия представляла собой социализм обездоленных, бедных и недовольных и, подобно современному социализму, постоянно боролась с установившимися учреждениями. Борьба эта окончилась торжеством христианского социализма, я это, можно сказать, — первый случай такого прочного успеха социалистических идей.

Но, несмотря на ту, в высшей степени выгодную для достижения успеха, особенность христианской веры, что обещаемое ею блаженство в загробной жизни не может быть проверено смертными, христианский социализм мог удержаться, только отрекшись, вслед за своей победой, от своих принципов. Он был вынужден искать поддержку у богатых и сильных, защищать богатство и собственность, т. е. то, что прежде отвергал. Как все революционеры, добившиеся торжества своих идей, христиане сделались консерваторами, и общественные идеалы католического Рима мало чем отличались от идеалов Рима императорского. Бедные должны были по-прежнему покоряться своей судьбе, работать и повиноваться в надежде на небесные блага, если будут благоразумны, и бояться дьявола и ада, если будут неудобны для своих повелителей.

Какая чудесная история — эта двадцативековая мечта! Когда наши потомки освободятся от наследственных пут мысли, они получат возможность изучить эту мечту с чисто психологической точки зрения и будут непрестанно восхищаться громадной силой этого создания фантазии, на которое еще и теперь опирается наша цивилизация. Как бледны самые блестящие философские обобщения перед зарождением и развитием этого верования, столь простодушного с точки зрения разума и все же столь могущественного! Упорное господство этого верования ясно показывает, до какой степени мечта, а не действительность руководит человечеством. Основатели религий создавали только надежды, и, тем не менее, создания эта сохранялись всего дольше. Какие обещания социалистов могут сравняться с раем Иисуса или Магомета? Как сравнительно ничтожны обещаемые социалистами земные блага!²

¹ В книге «Propriété foncière des Grecs» («Земельная собственность у греков»).

² В издании С. Будаевского имеются следующее примечание переводчика: «В изложенной характеристике

Наши предки применяли теории социалистов во время нашей революции¹, и если ученые продолжают спорить, была ли эта революция социалистической, то это происходит или от того, что под словом «социализм» нередко подразумевают разные понятия, или от неумения вникнуть достаточно глубоко в сущность вещей². Цель социалистов во все времена совершенно ясна: отнять имущество у богатых в пользу бедных. Эта цель никогда не достигалась столь удачно, как вожаками французской революции. Правда, они объявили, что собственность священна и неприкосновенна, но сделали это только после того, как предварительно ограбили дворян и духовенство и таким образом заменили одно социальное неравенство другим. Никто, я полагаю, не сомневается, что если бы современным социалистам удалось революционным путем разорить буржуазию, то образовавшийся при этом новый класс не замедлил бы преобразиться в ярых консерваторов, которые заявили бы, что впредь собственность будет священна и неприкосновенна. Такие заявления, впрочем, совершенно излишни, когда они исходят от власть имущих, и еще более бесполезны, когда исходят от слабых. В классовой борьбе права и принципы не имеют никакого значения.

И если история так повторяется всегда, то это происходит от того, что она зависит от природы человека, не изменившейся еще в течение веков. Человечество успело значительно состариться, но, несмотря на это, продолжает увлекаться одними и теми же мечтами и повторять одни и те же опыты, не черпая из них никакого поучения. Прочтите полные энтузиазма и надежд речи наших социалистов сороковых годов, ретивых сподвижников революции 1848 г. По их мнению, наступила новая эра, и благодаря им мир должен измениться. Благодаря им страна скоро потонула в деспотизме и несколько лет спустя чуть не погибла от разорительной войны и вторжения врага. Едва полвека прошло после этой фазы социализма, и мы, забыв тяжелый урок, расположены вновь повторить тот же цикл.

§ 2. ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Итак, мы только повторяем теперь жалобы, которые в течение веков раздавались со стороны наших отцов, и если наши жалобы стали громче раздаваться, то это только потому, что прогресс цивилизации сделал нас более чувствительными. Условия нашего существования значительно улучшились сравнительно с прежними, а между тем, они все менее и менее нас удовлетворяют. Лишенный своих верований, не имея ничего впереди, кроме сурового долга и невеселой взаимной поруки, тревожась от волнений и общей неустойчивости, причиняемых изменениями в промышленности, наблюдая поочередное разрушение общественных организаций, грозящее исчезновением семьи и собственности, современный человек жадно привязывается к настоящему; в нем только он может понять и признать действительность. Интересуясь только собой, он хочет во что бы то ни стало пользоваться этим настоящим, чувствуя, что оно скоропреходяще. Взамен исчезнувших иллюзий человеку стало необходимо благосостояние и, следовательно, богатство. Они ему тем более необходимы, что наука и промышленность создали множество предметов роскоши, которые прежде не были известны, а теперь сделались необходимостью. Жажда к богатству все более и более распространяется одновременно с возрастанием числа жаждущих.

Потребности современного человека очень увеличились и возрастают значительно быстрее, чем средства для их удовлетворения. Статистика показывает, что никогда не было так развито благосостояние, как теперь, но она показывает также, что никогда потребности не были так настоятельны, как в настоящее время. При изменении же частей уравнения, равенство между ними сохраняется лишь тогда, когда они возрастают или убывают на равные величины. Соотношение между потребностями и средствами их удовлетворения представляет собой уравнение благополучия. Как бы ни были малы части этого уравнения, но если равенство между частями сохранено, человек доволен своим положением. Он остается доволен и тогда, когда в случае уменьшения средств он может уменьшить и свои потребности, т. е. восстановить равенство между частями уравнения. Такое решение задачи давно осуществлено восточными народами, и потому мы видим их всегда довольными своею судьбой. Но в современной Европе потребности переросли средства для удовлетворения их в огромной степени, части уравнения стали очень различаться, и боль-

христианского социализма автор не касается вовсе самых существенных сторон христианского учения, резко отличающих его от всех других социалистических теорий и тем не допускающих даже сопоставления с ними божественного учения Христа. Учение это устраняет всякое насилие, исповедует бескорыстную, доходящую до самопожертвования любовь к ближнему и изощрение в духовной чистоте в ущерб плоти.

Социалистические же теории не устраняют, якобы ввиду справедливости, насилия и почти исключительно заботятся только о материальных условиях жизни. Верующие полагают, что это различие и есть главная причина столь широкого распространения и прочного укоренения христианского учения, которое благодаря только своей Божественной Силе просуществовало две тысячи лет и будет существовать впредь».

¹ Т. е. во время Великой французской революции 1789–1793 г.г.

² Это и случилось с А. Лихтенбергером и его книге «Социализм и французская революция». Крайняя недостаточность его метода исторической критики приводят его иногда к заключениям, вызывающим улыбку. Сущность критики состоит не и компилировании текстов, а в раскрытии идеи, скрытых и этих текстах. Так как эволюция слов совершается гораздо медленнее, чем эволюция мысли, то одни и те же слова на протяжении одного века соответствуют весьма различным понятиям.

Андре Лихтенбергер — французский ученый, писатель, адъютант-директор Музея социальных наук. Главный редактор журнала «Мнение».

шинство цивилизованных людей проклиняет свою судьбу. Сверху донизу в обществе одно и то же недовольство, так как и вверху и внизу потребности пропорционально чрезмерно велики. Каждый, следуя общему неудержимому течению, стремится к богатству и мечтает разбить встречаемые препятствия. На почве самого мрачного равнодушия к общим интересам и доктринам личный эгоизм превзошел всякий предел. Богатство сделалось целью, преследуемой всеми, и из-за нее забывается все остальное. Такие стремления, разумеется, в истории не новы, но прежде они проявлялись не в такой общей и исключительной форме, как теперь. Токвиль сказал: «Людам XVIII века была чужда такого рода страсть к благосостоянию — этой матери рабства. Высшие классы занимались гораздо больше украшением жизни, чем удобством, и стремились более к славе, чем к богатству».

Эта всеобщая погоня за богатством повела к общему понижению нравственности и ко всем его последствиям. Наиболее ярко выразилось это понижение в уменьшении престижа буржуазии в глазах низших общественных слоев. Буржуазия постарела за один век настолько, насколько аристократия — за тысячелетие. Буржуазия вырождается ранее, чем в третьем поколении, и освежается лишь постоянным приливом элементов низшей среды. Буржуазное общество может завещать своим детям богатство, но как оно передаст потомству случайные качества, которые только веками могут быть упрочены в потомстве? Крупные состояния сменили собой наследственный гений, наследственные дарования, но эти состояния слишком часто переходят к жалким потомкам.

И вот, быть может, наглое тщеславие крупных богачей и манера их тратить свои средства более всего способствовали развитию социалистических идей. Справедливо заметил Фаге¹: «Страдают в действительности только при виде чужого счастья; несчастье бедных в этом и состоит». Социалисты отлично понимают, что они не могут сделать всех одинаково богатыми, но надеются, по крайней мере, сделать всех одинаково бедными.

Зажиточная молодежь тоже не представляет собой ничего назидательного для народных масс. Она все более и более потрясает нравственные традиции, которые одни только и могут дать устойчивость обществу. Идеи долга, патриотизма и чести молодежь слишком часто считает ненужными предубеждениями, смешными стеснениями. Воспитанная в обожании только удач в жизни, она проявляет самые хищные аппетиты и вожделения. Когда спекуляция, интрига, богатый брак или наследство предоставляют молодежи большие состояния, она их расточает на самые низменные наслаждения.

И университетская молодежь не представляет собой более утешительного зрелища. Она — печальный продукт классического образования. Пропитанная латинским рационализмом, получившая только теоретическое книжное образование, она не способна понимать что-либо в действительной жизни и не может разобраться в условиях, поддерживающих существование обществ. Идея об отечестве, без которой никакой народ не может быть долговечным, по их мнению, как сказал один очень известный академик, присуща только «глупым шовинистам, совершенно лишенным способности к философскому мышлению».

Эти злоупотребления богатством и возрастающий упадок нравственности в буржуазном обществе дали веское оправдание едким нападкам современных социалистов на неравномерность распределения богатств. Им было слишком легко показать, что часто большие состояния образовались посредством громадного хищничества за счет скудных средств тысяч бедняков. Как назвать иначе все эти финансовые операции крупных банковских учреждений по устройству заграничных займов? Эти учреждения нередко отлично знают ненадежность заемщика и совершенно уверены, что их слишком доверчивые клиенты будут разорены, но, тем не менее, без всякого колебания устраивают заем, чтобы не потерять комиссионный гонорар, доходивший иногда до очень крупного размера, как, например, при займе Гондураса² этот гонорар превышал 50% полной суммы займа. Бедняк, решающийся под влиянием голода на воровство, разве не менее виновен, чем эти грабители-хищники³. Что сказать о спекуляции молодого американца-миллиардера, который в момент испано-американской войны скупил почти на всех рынках мира зерновой хлеб и стал продавать его по завышенным ценам только тогда, когда начался им же вызванный голод? Эта спекуляция произвела кризис в Европе, голод и возмущения в Италии и Испании и была причиной голодной смерти большого числа бедняков. Не правы ли после этого социалисты, сравнивающие этих спекулянтов с простыми разбойниками, достойными виселицы?

Вот здесь-то мы и наталкиваемся на одну из труднейших задач нашего времени, для разрешения которой социалисты предлагают лишь ребяческие средства. Задача такая: избавить общество от страшного и все возрастающего могущества крупных финансистов. Подкупая прессу, закуная политических деятелей, эти дельцы все более и более

¹ Август-Эмиль Фаге — профессор литературы, член французской Академии наук. Редактор журналов «Journal les Debats», «la Revue» и других.

² Известны два таких займа. Особенно скандальным был заем 1867–1870 г.г., заключенный для постройки железной дороги. Тогда была проведена только маленькая ветка, деньги разошлись по карманам чиновников, а долг с возросшими процентами более полувека обременял бюджет Гондураса. Второй заем был получен в 1884 г. в обмен на железнодорожные концессии и земли для банановых плантаций.

³ Благодаря своим капиталам директора американских трестов могут делать и не такие банковские операции. Есть сведения об одной из них, проведенной Рокфеллером, директором «Standart oil Trust», который произвел панику на американской бирже и тем заставил значительно понизиться в курсе большинство процентных бумаг. Скупив их затем и дождавшись понижения курса, он приобрел 2 миллиарда франков, если верить вычислению Дорбиньи, приведенному в «Revue des Revues». Синдикат нефтепромышленности принес ему за этот год доход около 100 миллионов франков.

завоевывают положение единственных хозяев в странах составляют как бы правительство, особенно опасное тем, что оно одновременно и всемогущей тайно. «Это зарождающееся правительство, — по словам Фаге, — не имеет никаких идеалов, ни нравственных, ни умственных. Оно не злое и недоброе. Оно считает людей стадом, которое нужно держать за работой, кормить, не допускать до драки и стричь... Оно относится безразлично ко всякому умственному, художественному и нравственному прогрессу. Оно международно, не имеет родины и стремится, впрочем, не беспокоясь о том, истребить в мире идею об отечестве».

Трудно предвидеть, каким образом современные общества могут избежать этой страшной грозящей им тирании. Американцы, которым, по-видимому, предстоит первым сделаться жертвой этой тирании, уже предупреждаются наиболее выдающимися своими представителями о предстоящих кровавых переворотах. Но если легко восстать против деспота, то какое же может быть восстание против власти скрытой и безмянной? Как добраться до богатств, искусно разбросанных по всему свету? Вне всякого сомнения, трудно будет долго терпеть без возмущения, чтобы один человек мог для собственного обогащения вызвать голодовку или разорение тысяч людей с большей легкостью, чем, например, Людовик XIV объявлял войну.

Нравственное падение высших слоев общества, неравномерное и часто очень несправедливое распределение денег, опасные злоупотребления богатством, усиливающееся раздражение народных масс, все большая и большая потребность в наслаждениях, утрата прежнего авторитета власти и исчезновение старых верований — во всех этих обстоятельствах много причин к недовольству, объясняющих быстрое распространение социализма.

Наилучшие умы страдают недугом не менее глубоким, хотя недуг этот и другого рода. Он не всегда превращает их в сторонников новых доктрин, но он мешает им деятельнее защищать современный социальный строй. Постепенный распад всех верований и опиравшихся на них учреждений; полное бессилие науки пролить свет на окружающие нас тайны, сгущающиеся по мере того, как мы хотим в них проникнуть; ясные доказательства того, что все наши философские системы — беспомощный и пустой вздор; повсеместное торжество грубой силы и вызываемое им уныние имели результатом то, что избранные умы впали в мрачный пессимизм.

Пессимистическое настроение современных людей — неоспоримо; можно составить целый том из фраз, выражающих это настроение у наших писателей. Нижеприведенных выдержек будет достаточно, чтобы показать общую неурядицу в умах:

«Что касается картины страданий человечества, — говорит выдающийся современный философ Ренувье, — то, не говоря о бедствиях, зависящих от общих законов животного царства, изображение, сделанное Шопенгауэром, окажется скорее слабым, чем преувеличенным, если подумаем, какие социальные явления характеризуют нашу эпоху: борьба между национальностями и общественными классами, всеобщее распространение милитаризма, возрастающая нищета наряду с накоплением богатств, изощрение в наслаждениях жизнью, увеличение числа преступлений, как наследственных, так и профессиональных, самоубийства, ухудшение семейных нравов, утрата веры в непостижимое, заменяемое все более и более бесплодным материалистическим культом мертвых. Вся эта совокупность признаков видимого возвращения цивилизации к варварству и неизбежное содействие этому возвращению соприкосновения европейцев и американцев с неподвижным или даже опустившимся населением старого света — не сказывались еще в то время, когда Шопенгауэр стал призывать к пессимистическому мирозерцанию».

«Более сильные без зазрения совести попирают права более слабых, — пишет другой философ, Буаллей, — американцы истребляют краснокожих, англичане притесняют индусов. Под предлогом распространения цивилизации европейцы разделяют между собой Африку, а в действительности цель другая — создать новые рынки. Ожесточенное соперничество между государствами приняло необычайные размеры. Тройственный союз грозит нам из боязни и алчности. Россия ищет нашей дружбы из-за своих интересов».

Ненависть и зависть в низших слоях, безучастие, крайний эгоизм и исключительный культ богатства в правящих слоях, пессимизм мыслителей — таковы современные настроения. Общество должно быть очень твердым, чтобы противостоять таким причинам разложения. Сомнительно, чтобы оно могло им долго сопротивляться.

Некоторые философы находят утешение в этом состоянии общего недовольства, утверждая, что оно есть залог прогресса и что народы, слишком довольные своей судьбой, например, восточные, более не прогрессируют. «Неравенство богатств, — говорит Уэллс, — кажется величайшим злом в обществе, но как бы ни было велико это зло, уравнение богатств привело бы еще к худшему. Если каждый будет доволен своим положением и не будет видеть возможности улучшить его, то человечество впадет в состояние оцепенения, а в силу своей природы оно не может оставаться неподвижным. Недовольство каждого своим личным положением есть могущественный двигатель всего прогресса человечества».

Как ни судить об этих чаяниях и обвинениях, которые легко возводить против существующего порядка вещей, надо признать, что все социальные несправедливости неизбежны уже потому, что в разной степени они существовали всегда. Они — роковое следствие самой природы человека, и никакой опыт не дает повода заключить, что изменением учреждений и заменой одного класса другим можно было бы уничтожить или даже смягчить несправедливости, на которые мы так сетуем. В армии добродетельных людей насчитывалось всегда очень мало рядовых, еще гораздо меньше офицеров, и не найдено еще средства увеличить это число. Следовательно, нужно примириться с необходимостью общественных несправедливостей, столь же естественных, как и несправедливости в природе, каковы угнетающие нас старость и смерть, на которые бесполезно сетовать. В общем, если мы сильнее, чем прежде, чувствуем выпадающие на нашу долю бедствия, то кажется, однако, вполне верным, что в действительности они

никогда не были менее тягостными. Не говоря уже о первобытных временах, когда человек, скрываясь в пещерах, с трудом оспаривал у зверей свою скудную пищу и очень часто сам служил им добычей, вспомним, что наши отцы переживали рабство, нашествия, голод, войны всякого рода, смертоносные эпидемии, инквизицию, террор и много еще других бедствий. Не забудем, что благодаря прогрессу науки и техники, увеличению платы за труд и дешевизне предметов роскоши, самый скромный человек живет в настоящее время с большими удобствами, чем в старину феодальные владетели в своих замках, находившиеся всегда под угрозой ограбления и смерти от своих соседей. Благодаря пару, электричеству и всем новейшим открытиям, последний крестьянин пользуется теперь множеством удобств, каких не знал при всей пышности своего двора Людовик XIV.

§ 3. ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕНТНЫХ СООТНОШЕНИЙ ПРИ ОЦЕНКЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ

Для правильного суждения о данной общественной среде недостаточно принимать во внимание только дурные условия, которые нам неприятны, или несправедливости, которые нас смущают. Каждое общество имеет в некотором соотношении между собой хорошее и дурное, некоторое число людей добродетельных и негодяев, людей гениальных и людей посредственного ума и глупцов. Чтобы сравнивать общества между собой в данное время или в течение многих веков, следует рассматривать составляющие их элементы не в отдельности, а численное соотношение между ними. Нужно оставлять без внимания бросающиеся в глаза отдельные частные случаи, крайне обманчивые, а также статистические средние выводы, которые еще более вводят в заблуждение. *Общественные явления управляются процентными соотношениями, а не частными случаями и средними выводами.*

Большинство ошибочных суждений и происходящих от них торопливых обобщений есть результат недостаточного знания процентных соотношений между наблюдаемыми данными. Обычная характерная наклонность мало-развитых умов — обобщать частные случаи, не обращая внимания, в какой пропорции они имеют место. Например, путешественник, подвергшийся нападению грабителей в лесу, будет утверждать, что этот лес всегда наполнен грабителями, не осведомляясь о том, сколько вообще путешественников в течение скольких лет подвергалось там нападению до него.

Строгое применение приема процентных соотношений учит не доверять таким поверхностным обобщениям. Суждения о каком-либо народе или обществе имеют цену лишь тогда, когда они относятся к достаточно большому числу людей, позволяющему выводить процентные отношения между замеченными достоинствами или недостатками. Только при таких данных и возможны обобщения. Если мы утверждаем, что данный народ отличается энергией и инициативой, то это не значит, что среди него нет людей, совершенно лишенных этих качеств, но это значит только, что процент людей, обладающих этими качествами, значителен. Если бы явилась возможность понятное, но несколько неопределенное выражение «значителен» заменить цифровыми данными, то точность суждения много выиграла бы, но при оценках такого рода, благодаря отсутствию достаточно чувствительных реактивов, приходится довольствоваться лишь приближениями. Эти реактивы хотя и имеются, но требуют в высшей мере осторожного с ними обращения.

Определение процентных соотношений имеет первостепенное значение. Приложив его к антропологическим исследованиям, мне удалось показать глубокие различия в строении мозга у разных рас, которые не могли быть открыты при сравнении средних данных¹. До этого, сравнивая средние объемы черепов разных рас, обнаруживали различия весьма незначительные, и на основании этого большинство анатомов предполагало, что объем мозга у разных рас почти один и тот же. Посредством особых кривых, выражающих вполне точно в процентах разные объемы черепов, я мог, измерив значительное число черепов, доказать неопровержимо, что, наоборот, эти объемы для разных рас различаются в огромной степени, и что высшие расы ясно отличаются от низших тем, что первые имеют некоторое число крупных объемов мозга, которых нет у вторых. Благодаря небольшому безусловному числу крупных объемов, они не оказывают влияния на величину среднего объема мозга данной расы. Это анатомическое исследование подтвердило, впрочем, тот психологический факт, что умственный уровень какого-либо народа характеризуется большим или меньшим числом принадлежащих ему выдающихся умов.

При изучении общественных явлений приемы исследования еще слишком несовершенны, чтобы можно было прилагать методы точной оценки, позволяющие выразить эти явления геометрически, в виде кривых. Не имея возможности охватить все стороны вопроса, мы должны, однако, всегда помнить, что эти стороны многообразны, и многих из них мы даже не подозреваем или не понимаем, а между тем эти-то наименее заметные элементы часто являются самыми важными данными в вопросе. Чтобы при исследовании сложных явлений, какими всегда бывают явления социальные, получить менее ошибочные выводы, необходимо непрерывно рядом проверок и последовательных приближений делать поправки, стараясь совершенно отрешиться от наших личных интересов и симпатий. Надо долго устанавливать факты, прежде чем заключать, и очень часто только и довольствоваться этим установлением. Не таких принципов до настоящего времени придерживались специалисты по социальным вопросам, и несомненно поэтому труды их имели столь же слабое, сколь и мимолетное влияние.

¹ Gustave Le Bon. Recherches anatomiques et mathematiques sur les lois des variations du volume du crâne (Г. Лебон. Анатомические и математические исследования законов изменения объема черепа). Эта работа Лебона на русском языке не издавалась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

§ 1. *Основные принципы социалистических теорий.* Социальные теории общественного строя приводятся к коллективизму и индивидуализму. Эти взаимно противоположные принципы всегда были в борьбе между собой.

§ 2. *Индивидуализм.* Его роль в развитии цивилизаций. Его развитие возможно только среди народов, одаренных известными качествами. Индивидуализм и французская революция.

§ 3. *Коллективизм.* Все современные формы социализма требуют вмешательства государства в условия жизни граждан. Роль, предоставляемая коллективизмом государству. Неограниченная диктатура государства или общины при коллективизме. Антипатия социалистов к свободе. Каким образом коллективисты надеются уничтожить неравенство. Общая черта программ разных социалистических толков (sectes). Анархизм и его доктрина. Программы современных социалистов очень стары.

§ 4. *Социалистические идеи, как и разные учреждения у народов, суть последствия свойств их расы.* Важность идеи о расе. Различие в понятиях политических и социальных, скрывающихся под одинаковыми словами. Народы не в силах менять по своему желанию свои учреждения и могут только изменять их названия. Различие социалистических воззрений у писателей, принадлежащих к разным расам.

§ 1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Не было бы никакого интереса излагать политические и социальные идеи теоретиков социалистов, если бы эти идеи не отвечали иногда стремлениям и настроениям данной эпохи и тем не производили известного впечатления на умы. Если, как мы не раз настаивали и как постараемся показать далее, учреждения у данного народа суть плоды унаследованного им склада ума, а не продукт философских теорий, созданных во всей их целостности, то становится понятным ничтожество социалистических утопий и отвлеченно придуманных государственных учреждений. Но политики и ораторы в своих мечтаниях весьма часто лишь облачают в доступную для умов форму неясно сознаваемые стремления своей эпохи и своей расы. Редкие писатели, которым удавалось своими трудами оказать некоторое влияние на человечество, например, Адам Смит в Англии и Руссо во Франции, ничего другого не сделали, как в сжатой, но понятной форме выразили идеи, которые уже распространились повсюду. То, что эти писатели выразили, не ими создано. Только отдаленность во времени может вызвать заблуждение в этом отношении.

Если ограничить различные социалистические теории указанием только основных принципов, на которые они опираются, то наше изложение будет очень кратко.

Современные теории общественного строя при очевидном их различии могут быть приведены к двум взаимно противоположным основным принципам: индивидуализму и коллективизму. При индивидуализме каждый человек предоставлен самому себе, его личная деятельность достигает максимума, деятельность же государства в отношении каждого человека минимальна. При коллективизме, наоборот, самыми мелкими действиями человека распоряжается государство, т. е. общественная организация; отдельный человек не имеет никакой инициативы, все его действия в жизни предуказаны. Эти два принципа всегда вели более или менее напряженную борьбу, и развитие современной цивилизации сделало эту борьбу более ожесточенной, чем когда-либо. Сами по себе эти принципы не имеют никакой абсолютной цены и должны быть оцениваемы лишь в зависимости от времени и в особенности от характера рас, у которых они проявляются. В этом мы убедимся далее.

§ 2. ИНДИВИДУАЛИЗМ

Все, что создало величие цивилизаций: наука, искусство, философские системы, религии, военное могущество и т. д. — было созданием отдельных личностей, а не общественных организаций. Важнейшие открытия и культурные успехи, которыми пользуется все человечество, были осуществлены отборными людьми, редкими и высшими продуктами некоторых наиболее даровитых рас. Народы, у которых индивидуализм наиболее развит, только благодаря этому и стоят во главе цивилизаций и господствуют ныне в мире.

В течение веков, т. е. в течение многих лет, предшествовавших нашему веку, общественная организация, по крайней мере у латинских народов, была всемогуща. Отдельная личность вне ее была ничто. Революция, венец всех доктрин писателей XVIII века, представляет, быть может, первую серьезную попытку реакции индивидуализма; но, освободив, по крайней мере в теории, отдельную личность, она ее изолировала от ее касты, от семьи, от социальных или религиозных групп, к которым она принадлежала, предоставив ее только самой себе и заменив, таким образом, общество разрозненными людьми, не имеющими взаимной связи.

Такая организация не могла долго удержаться у народов, мало приспособленных по своим наследственным

своим учреждениям и своему воспитанию к тому, чтобы рассчитывать только на свои силы и управляться без руководителей. Такие народы жадно добиваются равенства, но мало интересуются свободой. Свобода — это состязание, непрестанная борьба, мать всякого прогресса; в ней могут торжествовать только самые способные, сильные люди; слабые же, как вообще в природе, осуждены на гибель. Только сильные могут переносить одиночество и рассчитывать лишь на самих себя. Слабые к этому не способны. Они скорее предпочтут самое тяжелое рабство, чем одиночество и отсутствие поддержки. Разрушенные революцией корпорации и касты служили человеку основной поддержкой в жизни, и очевидно, что они соответствовали психологической необходимости, ибо в настоящее время они всюду возрождаются под новыми именами, особенно под именем синдикатов. Эти синдикаты позволяют отдельным своим членам сводить свою работу к минимуму, тогда как индивидуализм требует от человека обратного. Предоставленный себе пролетарий — ничто и ничего не может сделать; в союзе с равными себе он становится грозной силой. Если синдикат и не может дать ему способностей и ума, то, по меньшей мере, придает ему силу, отнимая лишь свободу, которой он не сумел бы и воспользоваться.

Упрекали революцию в том, что она чрезмерно развила индивидуализм, но упрек этот не вполне справедлив. Форма индивидуализма, какой добилась революция, далека от той, которая развита у некоторых народов, например, англосаксов. Идеалом революции было разбить корпорации, подвести всех под общий тип и поглотить всех разъединенных таким образом граждан опекой сильной государственной централизации. Нет ничего противоположнее этого идеала англосаксонскому индивидуализму, который благоприятствует соединению отдельных личностей в группы и, посредством их, добивается всего, ограничивая деятельность государства тесными рамками. Создание революции было гораздо менее революционно, чем думают вообще. Преувеличив значение централизации и государственной опеки над гражданами, французская революция не более как продолжала традицию латинских народов, укоренявшуюся в течение веков монархического режима и воспринятую равным образом всеми правительствами. Разрушив корпорации политические, рабочие, религиозные и др., она сделала эту централизацию и поглощение государством еще более полными, подчинившись, впрочем, таким образом внушениям всех философов своей эпохи.

Развитие индивидуализма неизбежно приводит к тому, что отдельная личность оказывается одинокой среди яростной борьбы appetitов. Расы молодые, сильные, среди которых нет большого различия в умственном развитии отдельных людей, каковы, например, англосаксы, легко мирятся с таким порядком. Посредством ассоциаций, английские и американские рабочие отлично умеют бороться против требований капитала и не поддаются его тирании. Всякий интерес сумел, таким образом, отвоевать себе место. Но в расах старых, у которых в течение веков и благодаря системе воспитания инициатива ослабела, последствия развития индивидуализма были очень тяжелы. Философы минувшего века и революция, разрушая окончательно все религиозные и социальные связи: церковь, семью, касты, корпорации, поддерживавшие существование человека и служившие ему надежной опорой, рассчитывали, конечно, создать нечто крайне демократическое. В действительности же это разрушение совершенно непредвиденно породило финансовую аристократию, с подавляющим могуществом царствующую над массой беззащитных разъединенных людей. Феодалный владетель не обращался так сурово со своими наемниками, как обращается иногда промышленный современный туз, король фабрик и заводов, со своими рабочими. Эти последние в теории пользуются всеми свободами и равноправны со своим хозяином, а на деле они чувствуют тяготеющие над собою, по крайней мере в виде угроз, тяжелые цепи зависимости и страха нищеты.

Стремление исправить такие непредвиденные последствия революции неминуемо должно было возникнуть, и у противников индивидуализма не было недостатка в основательных причинах для борьбы против него; им было нетрудно утверждать, что общественный организм важнее индивидуального, что интересы второго должны уступить интересам первого, что малоспособные и слабые люди имеют право на поддержку и что необходимо, чтобы общество само посредством нового распределения богатств уничтожило неравенство, созданное природой. Таким образом, возник современный социализм, сын древнего социализма, стремящийся, подобно последнему, изменить распределение богатства, разоряя богатых в пользу неимущих.

Средство для уничтожения неравенства в теории очень просто. Стоит только государству самому взять в руки распределение имуществ и непрестанно восстанавливать нарушающееся в пользу богатых равновесие. Из этой далеко не новой и столь соблазнительной с виду идеи возникли положения социалистов, которыми мы теперь и занимаемся.

§ 3. КОЛЛЕКТИВИЗМ

Социалистические доктрины в своих подробностях очень разнятся между собой, но в основных своих принципах они весьма схожи. Общие стороны их заключает в себе коллективизм¹. Мы скажем несколько слов о его происхождении.

¹ Как я показал в предисловии к 3-му изданию, и странах с научными стремлениями, таких как Англия и Германия, сами социалисты начинают смотреть на коллективизм, как на неосуществимую утопию. В странах латинских, поддающихся сентиментальным идеям, коллективизм, наоборот, сохранился во всей силе. Социализм в безусловной форме значительно менее опасен в действительности, чем когда он проявляется в виде разных проектов, направленных к улучшению и регламентации условий труда. При безусловной форме социализма, грозящей разными разрушениями, опасность его видна, и с нею можно бороться. Под формой же любви к ближнему опасность эта не

дении при изучении социализма в Германии. В настоящее время социализм подразделился на множество толков, но все они носят общий характер в стремлении прибегать к опеке государства, чтобы оно распределяло богатства и сглаживало несправедливости судьбы.

Основные предложения социалистов отличаются, по крайней мере, чрезвычайной простотой: государство конфискует капиталы, рудники и имущества, распоряжается этими государственными богатствами и распределяет их между гражданами посредством огромной армии чиновников. Государство или, если угодно, община (коллективисты теперь не употребляют слова «государство») стала бы регламентировать все, не допускалась бы конкуренция. Самые слабые попытки инициативы, индивидуальной свободы и конкуренции были бы пресечены. Страна обратилась бы в громадный монастырь, подчиняющийся суровой дисциплине, которая поддерживалась бы армией чиновников. Так как наследственность имущества уничтожена, то накопление богатств в одних руках не могло бы иметь места.

Относительно же потребностей отдельных личностей коллективизм принимает во внимание почти только необходимость продовольствия и заботится только о нем.

Очевидно, что такой режим относительно регламентации распределения богатств представляет собой как безусловную диктатуру государства или, что совершенно то же, общины, так и не менее безусловное рабство рабочих. Но этот довод не мог бы тронуть последних. Они очень мало интересуются свободой, чему служит доказательством тот энтузиазм, с каким они приветствовали появление Цезарей. Они также очень мало озабочены всем, что составляет величие цивилизации: искусством, наукой, литературой и прочим; все это быстро исчезло бы в подобном обществе. Программа коллективизма, следовательно, не содержит в себе ничего, что могло бы казаться им антипатичным. За пропитание, обещаемое теоретиками социализма рабочим, «они будут выполнять свою работу под надзором государственных чиновников, как, бывало, ссыльные в каторге под зорким глазом и угрозой надсмотрщика. Всякая личная инициатива будет задушена и каждый работник будет отдыхать, спать, есть по команде начальников, приставленных к охране, пище, работе, отдыху и совершенному равенству между всеми». Не будет при этом поводов к стремлению улучшить свое положение или выйти из него. Это было бы самое мрачное рабство без всякой надежды на освобождение. Под властью капиталиста рабочий может, по крайней мере, мечтать сам сделаться капиталистом, что и бывает. О чем же он будет мечтать под игом безымянной и неизбежной деспотической тираний государства-уравнителя, предвидящего все нужды граждан и управляющего всеми их вожделениями? Бурдо¹ находит, что такая организация была бы очень похожа на организацию иезуитов Парагвая. Не будет ли она еще более похожа на организацию негров на плантациях в эпоху рабства?

Как ни ослеплены социалисты своими химерами и как ни убеждены они в могучей силе разных учреждений против экономических законов, наиболее мысленные из них не могли не признать, что огромным препятствием к осуществлению их системы служат те страшные природные неравенства, против которых всякие сетования всегда оказывались бесполезными. Если только не истреблять систематически в каждом поколении всех сколько-нибудь возвышающихся над уровнем самой скромной посредственности, то социальные неравенства, порождаемые неравенством умственным, скоро бы восстановились. Теоретики оспаривают серьезность этого препятствия, уверяя, что, благодаря новой искусственно созданной социальной среде, способности людей очень скоро сравнялись бы, и что личный интерес — этот двигатель человека и источник всякого прогресса до настоящего времени — сделался бы излишним и быстро сменился бы инстинктом любви к ближнему, которая сделала бы человека преданным общим интересам. Нельзя отрицать, что религии, по крайней мере в течение коротких периодов горячей веры вслед за их появлением, достигали некоторых подобных результатов; но они могли обещать своим верующим в награду селения праведных и вечную жизнь, тогда как социалисты не предлагают своим последователям взамен личной свободы ничего, кроме ада рабства и безнадёжного унижения.

Уничтожить последствия естественных неравенств в теории очень легко, но никогда не удастся уничтожить сами эти неравенства. Они как старость и смерть — роковая участь человека.

Но когда не выходят из области мечтаний, легко обещать все и, как Прометей Эсхила, «вселять в души смертных слепые надежды». Итак, человек изменится, чтобы приспособиться к новому созданному социалистами обществу. Разъединяющее людей различие между ними исчезнет, и останется только тип среднего человека, так метко определяемый математиком Бертраном: «без страстей и пороков, ни глуп, ни умен, средних мнений, средних воззрений, умирает в среднем возрасте от некоторой средней болезни, которую изобретает статистика».

Предлагаемые социалистами разных толков приемы осуществления их положений, различаясь по форме, преследуют одну и ту же цель. В конце концов они сводятся к возможно быстрому сосредоточению земель и богатств в руках государства, будет ли то достигнуто путем простого указа или огромным повышением пошлин на наследство, при котором фамильные состояния уничтожились бы через небольшое число поколений.

Перечень программ и теорий разных толков социализма не представляет интереса, так как в настоящее время

заметна, и социализм тогда легче принимается. Он проникает тогда во все элементы общественной организации и медленно разлагает их. Французская революция также началась проектами человеколюбивых реформ, очень невинного свойства, которые были приняты всеми партиями, даже теми, что должны были оказаться их жертвами. Она кончила кровавой резней и диктатурой.

¹ Жан Бурдо — Корреспондент Французской Академии моральных и политических наук. Основные труды: «Германский социализм и русский нигилизм», «Эволюция социализма», «Социалисты и социологи» и другие.

между всеми ими господствует коллективизм, и он один пользуется влиянием, по крайней мере в латинских странах. К тому же большая часть этих толков уже забыта. Так, например, по справедливому замечанию Леона Сэ, «христианский социализм, стоявший во главе движения 1848 года, в настоящее время отходит в последние ряды». Что касается государственного социализма, то только название его изменилось, в сущности же он не что иное, как современный коллективизм.

Относительно христианского социализма справедливо замечают, что во многом он сходится с современными доктринами. Бурдо говорит: «церковь, подобно социализму, не придает никакого значения уму, таланту, изяществу, самобытности, личным дарованиям. *Индивидуализм* церковь принимает за синоним *эгоизма*; и то, что она всегда старалась вселить в людях, имел целью и социализм: *братство под опекой власти*. Та же международная организация, то же отрицание войны, то же понимание страданий и нужд общественных. По мнению Бебеля, папа с высоты Ватикана лучше всего может видеть, как на горизонте собираются грозовые тучи. Папство было бы даже способно сделаться опасным конкурентом для революционного социализма, если бы оно решительно стало во главе мировой демократии».

Программа христианских социалистов весьма мало отличается в настоящее время от программы коллективистов. Но другие социалисты в своей ненависти ко всякой религиозной идее отстраняют христианских социалистов, и если бы когда-либо революционный социализм восторжествовал, то, конечно, эти социалисты оказались бы первыми его жертвами, и никто бы не пожалел об их участи.

Из разных толков социализма, появляющихся и исчезающих чуть не ежедневно, анархизм заслуживает особого упоминания. Социалисты-анархисты в теории как будто примыкают к индивидуализму, так как стремятся предоставить каждому человеку неограниченную свободу, но в действительности их следует рассматривать лишь как нечто вроде крайней левой фракции социализма, так как они также добиваются разрушения современного общественного строя. Их теория характеризуется той прямолинейной простотой, которая составляет основную черту всех социалистических утопий: общество не стоит ничего, разрушим его огнем и мечом. Естественным путем образуется новое, очевидно совершенное, общество. Вследствие каких чудес новое общество могло бы отличаться от предшествующего? Вот чего ни один анархист никогда не сказал. Напротив, вполне очевидно, что если современные цивилизации были бы совершенно уничтожены, то человечество прошло бы вновь все последовательные формы быта: дикость, рабство, варварство и т. д. Непонятно, что выиграли бы при этом анархисты. Допустим немедленное осуществление анархических мечтаний, т. е. расстрел всех буржуа, соединение в одну громадную массу всех капиталов, которыми стал бы пользоваться всякий участник по своему желанию. Каким образом этот капитал стал бы восполняться, когда израсходуется и когда все анархисты временно обратились бы сами в капиталистов?

Как бы то ни было, анархисты и коллективисты представляют единственные толки, пользующиеся теперь влиянием у латинских народов.

Коллективисты считают творцом своих теорий немца Маркса, между тем, они значительно старше. Их находят у древних писателей до мелких подробностей. Не восходя столь далеко, можно заметить вместе с Токвилем, писавшим в середине XIX века, что все социалистические теории пространно изложены в «Code de la Nature»¹, изданном Морелли в 1755 г.

Там вы найдете, вместе со всеми учениями о всемогуществе государства и неограниченности его прав, многие политические теории, которые наиболее пугали Францию в последнее время и которые мы считали зарождающимися как будто бы при нас: общность имуществ, право на труд, безусловное равенство, однообразие во всем, механическая правильность во всех действиях отдельных лиц, тирания регламентаций, полное поглощение личности граждан в социальном строе.

«Ничто в обществе не будет собственностью кого бы то ни было, — гласит первый параграф. — Каждый гражданин будет кормиться, содержаться и получать работу от общества, — говорит второй параграф. — Все продукты будут собираться в общественные магазины и оттуда распределяться между гражданами для удовлетворения их жизненных потребностей. Все дети в возрасте 5 лет будут отниматься от семьи и воспитываться вместе за счет государства вполне однообразно и т. д.»

¹ «Кодекс природы, или истинный дух ее законов». В 1755 г. книга вышла анонимно.

§ 4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ, КАК И РАЗНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ У НАРОДОВ, СУТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ СВОЙСТВ ИХ РАСЫ

Идею о расе еще так недавно очень мало понимали; теперь же она все более и более распространяется и принимает господствующее значение во всех наших представлениях — исторических, политических и общественных.

Значение расы, которое можно было бы считать элементарным данным, в настоящее время для многих, однако, остается еще совершенно непонятным. Это мы видим, например, в одной из последних книг Новикова¹, где он придает расе «малое значение в делах человеческих». Он полагает, что негр легко может сравняться с белым и т. д.

Такие утверждения показывают только, насколько, как выражается сам автор, «в области социологии довольствуются еще звонкими фразами вместо внимательного изучения явлений». Все, что Новикову не понятно, он называет противоречием, и авторы иного мнения причисляются к пессимистам. Такая психология, конечно, столь же легка, сколь и элементарна. Чтобы допустить «малое значение расы в делах человечества», надо совершенно не знать истории Сан-Доминго, Гаити, истории 22 испано-американских республик и истории Северо-Американских Штатов. Не признавать значения расы — значит лишить себя навсегда способности понимать историю.

В одном из наших трудов² мы показали, каким образом народы, соединяясь и смешиваясь случайно при эмиграциях и завоеваниях, образовали мало-помалу исторические расы, единственно существующие в настоящее время, так как расы чистые в антропологическом отношении можно встретить только у дикарей. Установив твердо это понятие, мы указали границы изменений признаков этих рас, т. е. каким образом на данной постоянной основе наслаиваются неустойчивые и изменчивые особенности характеров. Мы показали затем, что все элементы цивилизации: язык, искусство, обычаи, учреждения, верования, будучи следствием известного умственного склада, при переходе от одного народа к другому не могут не подвергаться глубоким изменениям. То же относится и к социализму. Он должен подчиниться этому общему закону изменений. Вопреки обманчивым названиям, которые в политике, как в религии и в морали, прикрывают собой совершенно разнородные вещи, одинаковые в этих названиях слова выражают разные политические и социальные понятия, а также и разные слова выражают иногда одни и те же понятия. Некоторые латинские народы живут под монархическим режимом, другие — под республиканским, но при этих политических формах, по названию столь противоположных, политическая роль государства и каждого отдельного человека остается у них одна и та же и представляет собой неизменный идеал расы. Под каким бы именем ни существовало у латинских народов правление, инициатива государства всегда будет преобладающей, а инициатива частных лиц очень слабой. Англосаксы при монархическом или республиканском режиме руководствуются идеалом, совершенно противоположным латинскому. У них роль государства доведена до минимума, тогда как политическая или социальная роль предоставляется, напротив, частной инициативе и доведена до своего максимума.

Из изложенного следует, что наименования и свойства учреждений играют очень ничтожную роль в жизни народов. Понадобится, вероятно, еще несколько веков, чтобы это понятие было усвоено народными массами³. А между тем, только тогда, когда массы проникнутся этой идеей, обнаружится с полной очевидностью бесполезность искусственных конструкций и революций. Из всех ошибок, порожденных историей, самая губительная та, ради которой пролилось без пользы всего больше крови и произведено всего больше разрушений; эта ошибка — мысль, что всякий народ может изменить свои учреждения по своему желанию. Все, что он может сделать — это изменить названия, дать новые имена старым понятиям, представляющим собой естественное развитие долгого прошлого.

Оправдать эти положения можно только примерами. Таких примеров мы привели немало в наших предыдущих трудах⁴, но изучение социализма у разных рас, которому посвящено несколько следующих глав, даст нам еще много других. Мы прежде всего покажем, каким образом появление социализма было подготовлено у данного народа умственным складом его расы и его историей. Мы увидим, что одни и те же социалистические доктрины не могут иметь успеха у разных народов, принадлежащих к иным расам.

¹ Яков Александрович Новиков (1850–1912) — русский писатель-социолог, психолог. Писал и основном по-французски, его работы на русский язык не переводились.

² «Психология народов и масс».

³ Недостаточно усвоено оно и образованными людьми, но крайней мере латинской расы. В одной замечательной статье нью-йоркской газеты «Evening Post» за 1 апреля 1898 года по поводу идеи выдающегося французского писателя Брюнетьера редактор газеты выражается так: «Характер, а не учреждения, создает величие народов, как отлично показал это Гюстав Лебон и своей новой книге. Ошибка Брюнетьера и его собратьев состоит в том, что они считают возможным создать величие народов законами, увеличением армии и флота или заменой избирательной системы». Речи политических деятелей всех партий латинских народов показывают, до какой степени политики исповедуют воззрения Брюнетьера. Их воззрения являются не личными, а общерасовыми.

⁴ «Психологические законы эволюции народов», «Психология народов и масс».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СОЦИАЛИЗМА И ИХ УМСТВЕННЫЙ СКЛАД

§ 1. *Классификация последователей социализма.* Общая связь между разными категориями социалистов. Необходимость раздельного изучения разных групп последователей социализма.

§ 2. *Рабочие классы.* Ремесленники и чернорабочие. Различие социалистических представлений у этих классов. Психология парижского рабочего. Его смысленность и дух независимости. Его превосходство над классом чиновников. Беспечный и импульсивный характер этого рабочего. Его художественное чутье. Его консервативные инстинкты. Его общительность и отсутствие эгоизма. Наивная простота его политических взглядов. Чем представляется ему правительство? Класс парижских рабочих окажется наиболее неподатливым к восприятию социализма,

§ 3. *Правящие классы.* Успехи сентиментального социализма в образованных классах. Причины этих успехов. Заразительность примера, влияние страха, скептицизма и равнодушия.

§ 4. *Полученные и доктринеры.* Что такое полученный? В каком случае можно быть одновременно и полученным и весьма образованным? Полученный, воспитанный на книгах, всегда останется чуждым окружающей его действительности. Быстрое развитие социализма в среде полученных. Гибельная роль высших учебных заведений и их питомцев. Доктринеры. Их непонятливость и наивность.

§ 1. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА

Понятие о социализме охватывает весьма разнообразные теории, и на первый взгляд, очень противоречивые. Армия последователей этих теорий не имеет почти никакой другой взаимной связи, кроме ненависти к существующему порядку вещей и неопределенных стремлений к новому идеалу, который должен улучшить положение и заменить старые верования. Хотя все эти последователи дружно идут к разрушению наследия прошедших времен, но одушевлены они весьма различными чувствами.

Только при отдельном изучении главнейших их групп можно несколько выяснить их психологию и, следовательно, их восприимчивость к новым доктринам.

Социализм, казалось бы на первый взгляд, должен приобрести больше всего последователей в низших слоях народа и особенно среди рабочих. Новая идея является в самой простой и, следовательно, самой общепонятной форме: поменьше работы и побольше наслаждений. Взамен неопределенного заработка, часто нищеты в старости, подчинения фабричным правилам, подчас очень тяжелым, им обещают создать такое обновленное общество, в котором, при новом распределении богатств всемогуществом государства, работа станет отлично оплачиваться и очень облегчится.

Перед такими блестящими и так часто повторяемыми обещаниями, казалось бы, низшие классы не могут колебаться, особенно тогда, когда, имея право посредством всеобщего голосования выбирать законодателей, они держат всю власть в своих руках. Тем не менее они колеблются. То, что наиболее бросается в глаза в настоящее время, это не быстрота распространения пропаганды новых доктрин, а, напротив, относительная его медленность. Нужно изучить, что сейчас мы и сделаем, разные категории приверженцев социализма, чтобы понять это различие влияний его в разных средах.

Мы последовательно рассмотрим с этой точки зрения следующие категории: рабочие классы, правящие классы, класс так называемых полученных и доктринеров.

§ 2. РАБОЧИЕ КЛАССЫ

Психология рабочих классов, в зависимости от ремесла, места и среды, слишком разнообразна для того, чтобы могла быть изложена подробно. На это потребовалось бы очень долгое и утомительное исследование, требующее большой наблюдательности, почему, вероятно, и не было сделано попыток в этом направлении.

Я ограничусь изучением рабочего класса вполне определенного, а именно парижского. Рабочий класс Парижа я мог изучить с некоторой основательностью. Парижские рабочие представляют особый интерес, так как именно в Париже всегда происходят наши революции. Последние удаются или не удаются в зависимости от того, имеют или не имеют вожжаки за собой парижский рабочий класс.

Этот интересный класс содержит в себе, очевидно, много разновидностей; но подобно естествоиспытателю, описывающему общие характерные черты данного рода, присущие всем относящимся к нему видам, мы коснемся лишь характерных свойств, общих большинству наблюдаемых разновидностей.

Существует, однако, одно подразделение, которое необходимо отметить с самого начала, чтобы не соединять вместе элементы слишком различающиеся. В самом деле, в рабочем классе наблюдаются две резко отличающиеся

категории, каждая со своей особой психологией: чернорабочие и ремесленники.

Класс чернорабочих — самый низший по умственным способностям, но и самый многочисленный. Он — непосредственный продукт развития машинного производства и растет с каждым днем. Совершенствование машин стремится все к большей автоматичности работы, и, следовательно, уменьшает все более и более степень умственных способностей, необходимую для ее выполнения. Роль фабричного рабочего только и ограничивается тем, чтобы постоянно направлять проход какой-нибудь нитки или проталкивать сквозь зубцы какие-либо металлические пластинки, которые сами складываются, выковываются и чеканятся. Обиходные предметы, например простые фонари для освещения рвов и канав, стоящие всего 5 су, состояются из 50 разных частей, из них каждая выделяется специальным рабочим, который ничего другого и не будет делать в течение всей своей жизни. Такая легкая работа роковым образом и оплачивается плохо, тем более что для ее исполнения имеется много конкурентов, женщин и детей, так же способных на нее. Незнакомый ни с какой другой работой, чернорабочий находится поневоле в полной зависимости от директора фабрики, на которой работает.

Социализм более всего может рассчитывать на чернорабочий класс потому, во-первых, что он наименее умственно развит, а во-вторых — потому что он и менее обеспечен, и поэтому поневоле увлекается всеми доктринами, обещающими улучшить его положение. Этот класс никогда сам не начнет революции, но послушно примкнет ко всякой.

Рядом или, вернее, значительно выше этой категории стоят ремесленники. К ним принадлежат рабочие на стройках, в механических мастерских, занятые промышленными искусствами и в мелкой промышленности: плотники, столяры, цинковщики, литейщики, электротехники, маляры, декораторы, каменщики и т. д. У них каждый день новая работа, представляющая новые затруднения, для преодоления которых нужно размышлять, что способствует умственному развитию.

Эта категория — самая распространенная в Париже; ее, главным образом, я и буду иметь в виду в последующем исследовании. Психология этой категории особенно интересна, так как характер ее вполне определенный, чего нет в большинстве других социальных категорий.

Парижские ремесленники составляют касту, из которой редко кто пытается выйти. Сын рабочего желает, чтобы его сыновья оставались рабочими, мечта крестьянина и мелкого служащего — изменить общественный статус своих сыновей.

Мелкий чиновник презирает ремесленника, но последний относится к первому еще с большим презрением, считает его лентяем, лишенным способностей. Он сознает, что уступает чиновнику в щегольстве одежды, в утонченности манер, но зато считает себя значительно выше в отношении энергии, деятельности и смелости, что очень часто так и бывает. Ремесленник преуспевает только благодаря своим достоинствам, чиновник — благодаря выслуге лет. Чиновник ничего не представляет вне своей корпорации. Ремесленник — самостоятельная единица, имеющая цену сама по себе. Если ремесленник хорошо знает свое дело, он уверен, что для него найдется работа везде, тогда как чиновник не может иметь такой уверенности; поэтому этот последний всегда дрожит перед своим начальством, которое может лишить его места. Ремесленник, напротив, имеет гораздо больше достоинства и независимости. Чиновник не способен действовать вне узких рамок известных правил, и вся его служба состоит в соблюдении этих правил. Ремесленник, наоборот, каждый день встречается с новыми затруднениями, которые возбуждают в нем предприимчивость и наводят на размышления. Наконец, ремесленник, лучше оплачиваемый, чем чиновник, и не имеющий надобности в одинаковых с ним расходах на внешнюю атрибутику, может вести гораздо более широкую жизнь. Мало-мальски способный ремесленник 25 лет от роду может без затруднений зарабатывать столько, сколько служащий по торговой или административной части может получить лишь через 20 лет службы. Не ремесленник, а чиновник — настоящий современный пария, вот почему последний является всегда ярым социалистом. Но, впрочем, он социалист не особенно опасный: почти не имея возможности бастовать и вступать в синдикаты, постоянно опасаясь потерять место, он принужден скрывать свои мнения.

Психологические особенности, к описанию которых я сейчас приступлю, настолько общи, что могут быть отнесены к большей части парижских ремесленников одной и той же расы. Но к рабочим разных рас эти описания не подойдут в силу того, что влияние расы гораздо сильнее влияния среды. Я покажу в другой части этого труда, насколько отличаются англичане от ирландцев, работающих в одной и той же мастерской, т. е. в одинаковых внешних условиях. То же самое мы легко увидели бы и в Париже, если бы сравнили парижского рабочего с итальянским или немецким, работающими в одних и тех же условиях, т. е. подчиняющимися одинаковым влияниям обстановки. Оставляя в стороне это исследование, мы ограничимся только указанием, что эти влияния расы ясно сказываются на парижских рабочих, пришедших из некоторых провинций, например из округа Лиможа. Многие из указанных ниже психологических черт характера совершенно чужды этим последним. Лиможский рабочий воздержан, терпелив, молчалив, не любит ни шума, ни роскоши. Не посещая ни кабаков, ни театров, он только и мечтает скопить некоторую сумму и вернуться к себе в деревню. Он ограничивается небольшим числом ремесел, тяжелых, но очень хорошо оплачиваемых (например, каменщика), и в этих ремеслах им очень дорожат за его воздержанность и исполнительность.

Установив эти основные начала и эти подразделения, мы рассмотрим теперь психологию парижских рабочих, имея в виду преимущественно ремесленников. Вот самые характерные черты их умственного склада.

Парижский рабочий приближается к первобытным существам по своей легко воспламеняющейся натуре, по

своей непредусмотрительности, по неспособности владеть собой и своей привычке руководствоваться только инстинктом минуты; но он одарен художественным и подчас критическим чутьем, весьма утонченным под влиянием среды, в которой он живет. Вне своего ремесла, которое он отлично исполняет, не столько, однако, в отношении точности отделки, сколько в отношении вкуса, он рассуждает мало или плохо и почти недоступен другой логике, кроме логики чувств.

Он любит жаловаться и браниться, но жалобы эти более пассивны, чем активны. В сущности он очень консервативен, большой домосед и не терпит перемен. Безразлично относясь к политическим доктринам, он всегда легко подчинялся всякому режиму, лишь бы во главе его стояли люди, имеющие престиж. Генеральский мундир всегда возбуждает в нем некоторое почтительное волнение, которому он почти не может противиться. Он легко поддается фразам и престижу, а отнюдь не доводам разума.

Он очень общителен, ищет компании товарищей и только для того и посещает винные лавки — настоящие народные клубы. Не потребность в спирте привлекает его туда, как многие думают. Вино только предлог, который, конечно, может обратиться и в привычку, но собственно не вино притягивает рабочего в кабаки.

Если он уходит в кабаки от семьи, как буржуа в клуб, то это происходит от того, что домашняя обстановка не имеет ничего особенно притягательного. Жена рабочего, или, как он ее называет, хозяйка, обладает несомненными качествами: она бережлива и предусмотрительна, но ничем другим не интересуется, кроме своих детей, ценами на продукты и покупками. Совершенно недоступная общим идеям и страстным рассуждениям, она принимает участие в них только тогда, когда кошелек и буфет пусты. Она, конечно, уже никогда не подала бы голос за стачку только из принципа.

Частые посещения винных лавок, театров, общественных собраний парижским рабочим вызываются его потребностью в возбуждении, общительности, в волнении и упоении фразами и шумными спорами. Разумеется, по мнению моралистов, он поступил бы лучше, оставаясь благоразумно дома. Но для этого ему нужно было бы иметь вместо своего умственного склада рабочего мозг моралиста.

Политические идеи иногда захватывают рабочего, но он почти никогда ими не проникается. Он способен на один миг стать бунтовщиком, дойти до неистовства, но никогда не может обратиться в фанатика идеи. Он слишком легко поддается минутному увлечению, чтобы какая-либо идея могла укорениться в нем. Его неприязнь к буржуа — сеть чаще всего неглубокое напускное чувство, происходящее просто от того, что буржуа богаче его и лучше одет.

Надо очень мало знать парижского ремесленника, чтобы предполагать в нем способность горячо преследовать осуществление какого-либо идеала, социального или другого. Идеал у рабочего если и бывает, то менее всего революционный, менее всего социалистический и самый что ни на есть буржуазный: всегда маленький домик в деревне, с условием, чтобы он был неподалеку от винной лавки.

Он очень доверчив и великодушен. Он очень охотно, и нередко стесняя себя во многом, дает у себя приют своим товарищам в затруднительном положении и постоянно оказывает им множество мелких услуг, каких светские люди при тех же обстоятельствах никогда не оказали бы друг другу. Он не имеет никакого эгоизма и в этом отношении стоит значительно выше чиновника и буржуа, эгоизм которых, напротив, очень развит. С этой точки зрения он заслуживает симпатии, которой буржуа не всегда достоин. Развитие эгоизма в высших классах, как надо полагать, есть непременно следствие их состоятельности и культуры и, притом, пропорциональное этим данным. Только бедняк действительно готов всегда подать руку помощи, так как только он может действительно чувствовать, что такое нищета.

Это отсутствие эгоизма, при той легкости, с какою рабочий готов восторгаться личностями, успевшими его очаровать, придает ему способность жертвовать собой если не ради торжества какой-либо идеи, то, по крайней мере, ради вожаков какого-либо движения, сумевших завоевать его сердце. Свежая еще в памяти затея Буланже дает показательный в этом смысле пример¹.

Парижский рабочий охотно подсмеивается над религией, но в душе чувствует к ней бессознательное почтение. Его насмешки никогда не относятся к самой религии как верованию, а только к духовенству, которое он считает как бы частью правительства. Свадьбы и похороны без участия церкви редки в парижском классе рабочих. Брак, заключенный только в мэрии, не удовлетворяет его. Его религиозные инстинкты, склонность подчиняться каким бы то ни было верованиям, политическим, религиозным или социальным, трудно искоренимы. Такая склонность когда-нибудь послужит залогом успеха социализма, который в сущности не что иное, как новый символ веры. Если пропаганда социализма среди рабочих удастся, то отнюдь не потому, как думают теоретики, что рабочие удовлетворятся его обещаниями, а под влиянием бескорыстной преданности, которую проповедники социализма сумеют в них возбудить.

Политические понятия у рабочих — самые простые и крайне наивные. Правительство для него — это таинственная неограниченная власть, которая по произволу может повышать или понижать заработную плату, но вообще враждебная рабочим и благоприятствующая хозяевам. Всякие свои невзгоды рабочий считает непременно следствием ошибок правительства, и потому легко соглашается на его смену. Впрочем, он очень мало заботится о том, какого собственно рода и устройства это правительство, признавая только, что оно вообще необходимо. По его

¹ Имеется в виду движение за пересмотр республиканской конституции 1875 года и роспуск парламента, возглавленное генералом Жоржем Буланже в 1887–1889 г.г.

мнению, то правительство хорошо, которое покровительствует рабочим, способствует повышению заработной платы и притесняет хозяев. Если рабочий проявляет симпатию к социализму, то только потому, что видит в нем правительство, которое повысило бы заработок, сократив число рабочих часов. Если бы он мог себе представить, какой системе регламентации и надзора социалисты предполагают подчинить его в том обществе, о котором он мечтает, он тотчас же сделался бы непримиримым врагом новых доктрин.

Теоретики социализма полагают, что хорошо знают душу рабочих классов, а в действительности они очень мало ее понимают. Они воображают, что вся сила убедительности заключается в аргументации и в рассуждениях. В действительности же, ее источники совсем иные. Что остается в душе народа от всех их речей? Поистине, очень мало. Если умело расспросить рабочего, считающего себя социалистом, и оставить при этом в стороне избитые, искусственные фразы, банальные, машинально повторяемые им проклятия капиталу, то обнаружится, что социалистические идеи рабочего представляют собой какую-то неопределенную мечту, очень похожую на мечты первых христиан. В далеком будущем, слишком далеком для того, чтобы произвести на него достаточно сильное впечатление, ему мерещится наступление царства бедных, бедных материально и духовно, царства, из которого тщательно будут исключены богатые, богатые деньгами или умственными способностями.

Какими средствами эта отдаленная мечта может осуществиться — рабочие о том вовсе не думают. Теоретики, очень мало понимая их душу, не подозревают, что социализм, когда он захочет перейти от теории к практике, именно в народных слоях встретит самых неотразимых врагов. Рабочие и еще более крестьяне, имеют столь же развитую, как и у буржуа, склонность к собственности. Они очень желают увеличить свое имущество, но с тем, чтобы самим по своему желанию распоряжаться плодами своего труда, а не предоставлять это какой-нибудь общественной организации, даже если бы эта организация обязывалась удовлетворять все потребности своих членов. Это чувство сложилось веками и всегда встанет несокрушимой стеной перед всякой серьезной попыткой коллективизма.

Несмотря на буйный, порывистый нрав рабочего, готового всегда примкнуть к зачинщикам революции, он очень привязан к старине, большой консерватор, он очень самовластен и деспотичен. Он всегда приветствовал тех, кто разрушал алтари и троны, но еще одушевленнее приветствовал тех, кто их восстанавливал. Когда случай делает его хозяином какого-либо предприятия, он держит себя, как неограниченный монарх, значительно более тяжелый для своих бывших товарищей, чем хозяин буржуа. Генерал дю Барайль описывает следующим образом психологию рабочего, переселившегося в Алжир, чтобы сделаться там колонистом, роль которого попросту заключается в принуждении туземцев работать из-под палки: «он проявлял все инстинкты феодальных времен; выйдя из мастерских большого города, он говорил и рассуждал, как сподвижники Пипина Короткого или Карла Великого или как рыцари Вильгельма Завоевателя¹, которые выкраивали себе обширные поместья во владениях завоеванных народов».

Всегда насмешливый, подчас остроумный, парижский рабочий ловко схватывает комическую сторону вещей и в политических событиях преимущественно ценит забавную сторону или слишком резкие проявления какого-либо события. Его очень забавляют нападки депутата или журналиста на какого-либо министра, но мнения, защищаемые министром и его противниками, мало интересуют рабочего. Споры с перебранками его занимают, как спектакль в Амбигю². К рассуждениям с разными доводами он совершенно равнодушен.

Этот характерный склад ума проявляется также в приемах и манере споров у рабочего, и их можно наблюдать в политических народных собраниях. Он всегда разбирает не значения данного мнения, а только достоинства того, кто это мнение излагает. Его может увлечь только личный престиж оратора, а не рассуждения его. Он не нападает, собственно, на мнения оратора, который ему не нравится, а набрасывается исключительно на самую личность оратора. Честность противника в споре сейчас же подвергается сомнению, и этот противник должен считать себя счастливым, если его просто обзывают негодяем и, кроме брани, он не получит в голову чего-либо другого. Споры в политических собраниях, как известно, неизменно сводятся к диким перебранкам и потасовкам. Это, впрочем, порок расы, а не исключительно рабочего класса. Многие не могут слушать человека, высказывающего несогласное с их взглядами мнение, и не остаются внутренне убежденным, что он круглый идиот или гнусный злодей. Понимание чужих идей было всегда недоступно для людей латинской расы.

Импульсивный, беззаботный, подвижный и буйный характер парижских рабочих всегда им мешал вступать в сообщества, как делают то английские рабочие при больших предприятиях. Эта упорная неспособность делает их беспомощными при отсутствии общего над ними руководства и в силу только этого обрекает их на вечную опеку. Они ощущают неисцелимую потребность иметь над собой руководителя, которого они могли бы беспрепятственно делать ответственным за все, что с ними случается. И в этом опять видна особенность расы.

Единственным вполне осязаемым результатом социалистической пропаганды в рабочих классах явилось распространение среди них того мнения, что они эксплуатируются своими хозяевами и что с переменой правительства их заработок увеличится одновременно со значительным сокращением работы. Консервативные инстинкты большинства из них препятствуют им, однако, вполне согласиться с этим мнением. На выборах в палату депутатов в 1893 году на 10 миллионов избирателей только 556.000 голосовали за депутатов-социалистов, и таковых оказалось

¹ Пипин Короткий и Карл Великий — франкские короли. Вильгельм Завоеватель — король Англии. Прославились политикой экспансии.

² Амбигю — название одного из парижских театров.

только 49. Такой маленький процент, увеличившийся только, по-видимому, на выборах в 1898 году, показывает, как прочны консервативные инстинкты рабочего класса.

Есть, впрочем, основная причина, которая будет чрезвычайно препятствовать распространению социалистических идей (по крайней мере, у парижских рабочих). Число мелких собственников и мелких акционеров среди рабочего класса имеет повсюду наклонность возрастать. Как бы ни был мал домик, как бы ни была незначительна акция или даже часть акции, они преобразовывают своего владельца в расчетливого капиталиста и изумительно развивают его инстинкты собственности. Как только рабочий обзаведется семьей, домашним очагом и сделает некоторые сбережения, он тотчас же делается упорным консерватором. Социалист и особенно социалист-анархист чаще всего холост, без домашнего очага, без семьи и без средств, т. е. кочевник, а кочевник всегда, во все эпохи истории, был необузданным варваром. Когда экономическая эволюция обратит рабочего в собственника хотя бы самой небольшой части той фабрики, на которой он работает, его понятия об отношении между капиталом и трудом изменятся в корне. Доказательством тому могут служить некоторые фабрики, где такое преобразование уже сделано, а также и сам склад ума крестьянина. Крестьянину вообще живется значительно тяжелее, чем городскому рабочему, но крестьянин в большинстве случаев владеет пашней и уже по этой простой причине почти никогда не бывает социалистом. Он бывает им только тогда, когда в его неразвитой голове зародится мысль о возможности поживиться пашней соседа, не уступая, разумеется, своей.

На основании изложенного можно сказать, что парижские рабочие, на который так много рассчитывают социалисты, окажется именно менее всего восприимчивым к социализму. Пропаганда социалистов возбудила разные вождедения и ненависть, но новые доктрины неглубоко запали в душу народа. Весьма возможно, что вследствие какого-либо из тех событий, за которые рабочий всегда делает ответственным правительство, например, продолжительная безработица или иностранная конкуренция, ведущая к понижению заработной платы, социалистам удастся вербовать в ряды революции рабочих, но эти же самые рабочие живо пристанут к цезарю, который явится, чтобы подавить эту революцию.

§ 3. ПРАВЯЩИЕ КЛАССЫ

«Много содействует успеху социализма, — как пишет де Лавелей (de Laveleye), — то обстоятельство, что он по-немногу охватывает образованные классы».

Причины тому, как думаем мы, различны: заразительность модных вероучений, страх, потом — равнодушие.

«Большая часть буржуазии, — пишет Гарофало¹, — хотя и смотрит с некоторой боязнью на социалистическое движение, думает, что теперь это движение уже неотразимо и неизбежно. В том числе есть чистосердечные натуры, наивно влюбленные в идеал социалистов и видящие в нем стремление к царству справедливости и всеобщему счастью».

Это не что иное, как выражение поверхностного, неразумного чувства, воспринятого, как нечто заразительное. Принимать политическое или социальное воззрение только тогда, когда, по зрелом размышлении, оно оказывается соответствующим действительности, есть такой умственный процесс, к какому, по-видимому, не способно большинство латинских умов. Если бы мы при этом проявляли хотя бы незначительную часть того здравого смысла и обдуманности, какими пользуются последний лавочник при заключении торговых сделок, то мы не были бы, как теперь, в вопросах политики и религии под властью моды, обстановки, чувств, и, следовательно, не блуждали бы по воле событий и мнений, господствующих в данный момент.

Эти модные мнения составляют одну из главных причин принятия или непринятия доктрин. Для громадного большинства людей нет других причин. Страх перед мнением глупцов представлял собой всегда один из важных факторов истории.

В настоящее время социалистические стремления значительно более распространены среди буржуазии, чем в народе. Они распространяются в ней с особой быстротой в силу простой заразительности. Философы, литераторы и артисты покорно примыкают к движению и деятельно содействуют его распространению, ничего, впрочем, в нем не понимая.

«Скажем без преувеличения, — пишет Бурдо, — что в палате из 50 депутатов-социалистов найдется, пожалуй, дюжина знающих в точности, что они понимают под словом «социализм», и способных объяснить это толково. Даже те, которые принадлежат к сектам, возникшим под влиянием разных теорий, упрекают друг друга в невежестве... Большая часть социалистов, даже среди вожаков, — социалисты по инстинкту; социализм для них есть энергичная формула выражения недовольства и возмущения».

Театр, книги, картины все более и более пропитываются чувствительным, слезливым и смутным социализмом, вполне напоминающим гуманизм правящих классов времен революции. Гильотина не замедлила им показать, что в борьбе за жизнь нельзя отказываться от самозащиты, не отказываясь вместе с тем и от самой жизни. Историк будущего, видя всю легкость, с какой высшие классы в настоящее время все более и более выпускают из рук оружие, с полным презрением отметит их прискорбную недалекость и не пожалует их.

¹ Рафаэль Гарофало — знаменитый итальянский криминалист, один из основателей школы позитивной криминологии. Основной труд «Криминология» (1885).

Еще один двигатель социализма в среде буржуазии — это страх. «Буржуазия, — пишет только что упомянутый мною автор, — страшится; нерешительная, она идет ощупью и надеется спастись посредством уступок, забывая, что это как раз один из безумейших приемов политики и что нерешительность, мировые сделки, желание угодить всем суть недостатки характера, за которые, в силу вечной несправедливости, мир всегда жестоко наказывал, сильнее, чем за преступления».

Последнее из чувств, о котором я говорил, равнодушие, если и не содействует прямо распространению социализма, то облегчает его, мешая бороться с ним. Скептическое равнодушие или, как говорят, «наплевательство» есть серьезная болезнь современной буржуазии. Когда воззвания и нападки возрастающего меньшинства, горячо добивающегося осуществления какого-нибудь идеала, встречаются на пути только равнодушие, можно быть уверенным, что торжество такого меньшинства близко. Кто злейший враг общества — тот ли, кто на него нападает, или тот, кто даже не дает себе труда его защищать?

§ 4. ПОЛУУЧЕННЫЕ И ДОКТРИНЕРЫ

Полуучеными я называю тех, кто не имеет других знаний, кроме книжных, и, следовательно, не имеет никакого понятия о действительной жизни. Они — продукт наших университетов и школ, этих жалких «фабрик вырождения», с гибельной деятельностью которых нас познакомил Тэн¹ и многие другие. Профессор, ученый, студент нередко многие годы и очень часто на всю жизнь остаются полуучеными. Молодой англичанин, молодой американец, который уже 18-ти лет от роду объездил свет, познакомился с технической деятельностью и умеет обходиться сам собою, — не полуученый и никогда не будет неудачником. Он может быть очень мало сведущ в греческом и латинском языках или в теоретических науках, но он выучился рассчитывать только на самого себя и руководить собой. Он владеет той дисциплиной ума, той привычкой размышлять и рассуждать, каких никогда не давало одно чтение книг.

Самые опасные последователи социализма и иногда даже самые злые анархисты набираются именно в беспорядочной толпе полуученых, в особенности из окончивших курс лицеев, не нашедших себе дела бакалавров, сетующих на свою участь учителей, оставшихся без казенных мест, университетских профессоров, считающих свои научные заслуги непризнанными. Последний казенный в Париже анархист был кандидат на поступление в политехническую школу, не нашедший никакого приложения своим бесполезным поверхностным знаниям, и вследствие того ставший врагом общества, не сумевшего оценить его достоинства, естественно жаждавший заменить это общество новым, среди которого выдающиеся способности, какие он признавал в себе, найдут свое применение. Недовольный полуученый — самый злостный из всех недовольных. Недовольство это и порождает частое проявление социализма среди некоторых кругов, например, среди народных учителей, поголовно считающих себя недостаточно оцененными.

Быть может, среди учителей начальных школ и особенно профессоров высших учебных заведений социализм наиболее всего находит приверженцев. Глава французских социалистов — бывший профессор. В газетах оттенили тот поражающий факт, что желание этого профессора-социалиста читать в Сорбонне курс о коллективизме было подержано 16 профессорами против 37.

Роль, какую играет в настоящее время этот класс полуученых в латинских странах в отношении развития социализма, становится крайне опасной для общества, среди которого они живут.

Совершенно чуждые всякой действительности, они, вследствие этого, не способны понять искусственные, но необходимые условия для возможности существования общества. Общество, управляемое ареопагом профессоров, как мечтал о том Огюст Конт, не продержалось бы и шести месяцев. В вопросах, имеющих общий интерес, мнение специалистов в области литературы или науки отнюдь не более, а, весьма часто, гораздо менее ценно, чем мнение невежд, если этими последними являются крестьяне или рабочие, по своей профессии соприкасающиеся с действительностью жизни. Я уже настаивал на этом положении, которое представляет собой наиболее серьезный довод в пользу всеобщей подачи голосов. Очень часто со стороны толпы и редко со стороны специалистов проявляются политический ум, патриотизм и чувство необходимости защищать общественные интересы.

Толпа часто соединяет в себе дух своей расы и понимание ее интересов². Она в высокой степени способна к самоотверженности, к жертвам, что, впрочем, не мешает ей быть иногда бесконечно ограниченной, хвастливой, свирепой и готовой всегда поддаться обольщению самых пошлых шарлатанов. Толпой, без сомнения, управляет инстинкт, а не разум, но разве бессознательные поступки не бывают очень часто более высокими, чем сознательные?

Безотчетные машинальные действия нашей физической жизни и громадное большинство таких же действий нашей духовной жизни по отношению к действиям сознательным представляют собой такую же громаду, как водяная масса всего океана относительно волн на его поверхности. Если бы непрерывное течение этих бессознательных

¹ Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 5. Глава III (СПб, 1907).

² Мы имели поразительный пример этому в знаменитом деле, которое недавно произвело во Франции столь глубокий разлад. Тогда как значительная часть буржуазии жестоко напала на армию с бессознательностью человека, яростно подтачивающего фундамент своего жилища, народные массы инстинктивно приняли ту сторону, на которой были истинные интересы страны. Если бы эти массы также обратились против армии, то мы, может быть, претерпели бы междоусобную кровавую войну, необходимым следствием которой было бы вторжение неприятеля.

действий остановилось, человек не мог бы прожить и одного дня. Бессознательные элементы нашей психики представляют собой просто наследие всех приспособлений, созданных длинным рядом наших предков. В этом-то наследии и сказываются расовые чувства, инстинкт своих потребностей, которому полунаука очень часто дает ложное направление.

Неудачники, непонятые, адвокаты без практики, писатели без читателей, аптекари и доктора без пациентов, плохо оплачиваемые преподаватели, обладатели разных дипломов, не нашедшие занятий, служащие, признанные хозяевами негодными, и т. д. — суть естественные последователи социализма. В действительности они мало интересуются собственно доктринами. Все, о чем они мечтают, это создать путем насилия общество, в котором они были бы хозяевами. Их крики о равенстве и равноправии нисколько не мешают им с презрением относиться к черни, не получившей, как они, книжного образования. Они считают себя значительно выше рабочего, тогда как в действительности, при своем чрезмерном эгоизме и малой практичности, они стоят гораздо ниже рабочего. Если бы они сделали хозяевами положения, то их самовластие не уступило бы самовластию Марата, Сен-Жюста или Робеспьера — этих типичных образцов непонятых полуученых. Надежда сделаться тиранами в свою очередь, после долгой неизвестности, пережитых унижений, должна была создать изрядное число приверженцев социализму.

Чаще всего именно к этой категории полуученых и принадлежат доктринеры, сочиняющие в ядовитых произведениях печати теории, которые подхватываются и пропагандируются наивными последователями. Они как будто идут во главе своих солдат, а на самом деле только следуют за ними. Их влияние больше кажущееся, чем действительное: они, в сущности, только облачают в шумные, бранные фразы стремления, не ими созданные, и придают им такую догматическую форму, которая дает возможность главарям на них опираться. Их книги становятся иногда какими-то священными; их никто никогда не читает, но из них можно приводить, как доказательство, заглавия или обрывки фраз, воспроизводимых в специальных журналах. Неясность их сочинений составляет, впрочем, главное условие их успеха. Как Библия для протестантских пасторов, сочинения эти для тех, кто верит, представляются как бы прорицательными книгами, которые стоит только открыть наудачу, чтобы найти там решение любого вопроса.

Итак, доктринер может быть очень сведущ, но это ничуть не мешает ему оставаться крайне наивным и лишенным здравых понятий, и вместе с тем очень часто недовольным и завистливым. Заинтересованный только одной стороной вопросов, ум его остается чуждым ходу событий и их последствиям. Он не способен понять сложность социальных явлений, экономические законы, влияние наследственности и страстей, которые управляют людьми. Руководствуясь только книжной и элементарной логикой, он легко верит, что его мечтания могут изменить ход развития человечества и управлять его судьбой.

Больше всего он верит в то, что общество должно так или иначе измениться в его пользу. Что действительно его заботит — это не осуществление социалистических доктрин, а водворение во власти самих социалистов. Ни в какой религии не было так много веры в народных массах и так мало ее у большинства главарей.

Разглагольствования всех этих шумных доктринеров очень туманны; их идеал будущего общества очень химеричен; но что уже совсем не химерично — это их страшная ненависть к современному обществу и их горячее желание разрушить его. Но если революционеры всех времен были бессильны что-нибудь создать, им было не очень трудно разрушать. Ребенок может легко сжечь сокровища искусства, для накопления которых потребовались целые века. Таким образом, влияние доктринеров может вызвать революцию победоносную и разрушительную, но дальше этого оно не может идти. Неискоренимая потребность быть под чьим-либо управлением, которую всегда проявляла народная толпа, привела бы быстро всех этих новаторов под власть какого-либо деспота, которого, впрочем, они же первые стали бы восторженно приветствовать, как доказывает то наша история. Революции не могут изменить дух народа; вот почему они никогда ничего не порождали, кроме полных иронии изменений в словах и поверхностных преобразований. И, однако, из-за таких-то ничтожных перемен человечество столько раз было потрясено и, без сомнения, будет и впредь подвергаться тому же.

Чтобы резюмировать роль разных классов в разрушении общества у латинских народов, можно сказать, что доктринеры и недовольные, созданные школой, действуют, главным образом, расшатывая идеи, и служат, вследствие порождаемой ими умственной анархии, самыми ядовитыми агентами разрушения; что буржуазия помогает своим равнодушием, страхом, эгоизмом, слабостью воли, отсутствием политического смысла и инициативы, и что народные слои будут действовать революционным образом, довершая разрушение здания, уже шатающегося на своем основании, как только оно будет достаточно потрясено.

КНИГА ВТОРАЯ

СОЦИАЛИЗМ КАК ВЕРОВАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВЫ НАШИХ ВЕРОВАНИЙ

§ 1. *Унаследование наших верований от предков.* Чтобы понять социализм, надо исследовать, как образуются наши верования. Понятия унаследованные, или понятия, основанные на чувстве. Понятия приобретенные или внушенные образованием. Влияние этих двух категорий понятий. Каким образом понятия, кажущиеся новыми, всегда происходят от понятий предшествующих. Медленность, с какою изменяются верования. Польза общепризнанных верований. Установление таких верований означает высшую степень цивилизации. Великие цивилизации представляют расцвет лишь небольшого числа верований. Никакая цивилизация не могла держаться, не имея в своем основании общепринятых верований.

§ 2. *Влияние верований на наши представления и суждения. Психология непонимания.* Каким образом наше познание мира искажается унаследованными верованиями. Они влияют не только на наше поведение, но и на смысл, придаваемый нами словам. Отдельные личности разных рас и классов в действительности говорят на весьма различных языках. Взаимное непонимание разъединяет их столь же, сколь и противоположность их интересов. В чем именно убедительность никогда не исходила от разума. Преобладающее влияние мертвых при спорах живых между собой. Последствия взаимного непонимания. Невозможность колонизации со стороны народов, у которых это непонимание слишком велико. Почему исторические сочинения очень мало отражают действительность.

§ 3. *Наследственное образование нравственных понятий.* Истинные мотивы, руководящие нашими действиями, в большинстве случаев подчиняются наследственным инстинктам. Нравственность существует действительно только тогда, когда она перешла в область бессознательного и наследственного. Малоценность современного школьного обучения нравственности.

§ 1. УНАСЛЕДОВАНИЕ НАШИХ ВЕРОВАНИЙ ОТ ПРЕДКОВ

Все цивилизации, следовавшие в течение веков одна за другой, основывались на небольшом числе верований, игравших всегда в жизни народов основную роль.

Как нарождаются и развиваются эти верования? Мы уже изложили в общих чертах этот вопрос в «Lois psychologiques de l'Evolution des peuples» («Психологические законы эволюции народов»). Небесполезно будет вернуться к этому вопросу. Социализм представляет собой в большей степени верование, чем доктрину. Только глубоко проникнувшись самим механизмом происхождения верований, возможно предвидеть, какую роль предстоит сыграть социализму.

Человек не может изменять по своему желанию чувства и верования, которые им руководят. За суетными волнениями отдельных личностей находятся всегда влияния законов наследственности. Эти влияния придают толпе тот узкий консерватизм, который лишь временно пропадает в минуту возмущений. Что труднее всего переносится человеком и чего он даже никогда не переносит в течение очень продолжительного времени, это изменение унаследованных им привычек и образа мыслей.

Именно эти влияния предков оберегают еще и теперь значительно одряхлевшие цивилизации, обладателями которых мы являемся и которым в настоящее время со многих сторон грозит разрушение.

Эта медленность развития верований есть один из самых существенных фактов истории и, тем не менее, факт, менее всего выясненный историками. Мы попробуем определить его причины.

Помимо внешних и изменчивых условий, которым подчиняется человек, он более всего руководится в жизни двумя категориями представлений: *представлениями врожденными, т. е. преемственно унаследованными или возникшими под влиянием чувств, и представлениями приобретенными или умственными.*

Врожденные представления составляют наследство расы, завещанное отдаленными или ближайшими предками, наследство, воспринимаемое человеком бессознательно при самом рождении его и направляющее его поведение.

Приобретенные или умственные представления суть те, которые человек приобретает под влиянием среды и воспитания. Они направляют рассуждение, разъяснение, толкование и очень редко — поведение. Их влияние на действия остается совершенно ничтожным до тех пор, пока представления, наследственно повторяясь в поколениях, не перейдут в область бессознательного и не сделаются чувствами. Если и удастся иногда приобретенным представле-

ниям восторжествовать над врожденными, то это бывает только тогда, когда последние были уничтожены врожденными же представлениями противоположного свойства, как это случается, например, при скрещивании представителей различных рас. Человек превращается тогда как бы в *tabula rasa*¹. Он потерял свои врожденные представления; он стал не более как помесь, не имеющая ни нравственности, ни характера, легко поддающаяся под всякие влияния.

В силу этой-то огромной тяжести многовековой наследственности, среди такого множества нарождающихся ежедневно верований, лишь столь немногие из них делались с течением веков преобладающими и всеобщими. Можно даже сказать, что в среде уже очень старого человечества никакое новое общее верование не могло бы образоваться, если бы оно не было тесно связано с предшествующими верованиями. Совершенно новых верований народы почти никогда не знали. Религии, например, буддизм, христианство, магометанство, кажутся оригинальными, если рассматриваются только в позднейшей фазе своего развития; в действительности же они представляют собой лишь простой расцвет предшествовавших верований. Они могли развиваться только тогда, когда уступившие им место верования за давностью своей выдохлись и потеряли обаяние. Они видоизменяются в зависимости от принявших их рас, и общего у них только и имеется, что буква учения. Мы показали в одном из предыдущих наших трудов, что религии, переходя от народа к народу, претерпевают глубокие изменения, чтобы установить связь с предшествовавшими религиями этих народов. Новое верование становится, таким образом, простым обновлением старого. Не только одни еврейские элементы находятся в христианской религии; она имеет свой источник в наиболее отдаленных религиях европейских и азиатских народов. Тонкая струя воды, вытекшая из Галилеи, не обратилась бы в стремительный поток, если бы древнее язычество не влилось в нее широкой волной. Луи Менар справедливо говорит: «Вклад евреев в христианскую мифологию едва равняется со вкладом египтян и персов».

Самые простые и ничтожные изменения в верованиях требуют, однако, целого ряда лет, чтобы укорениться в народной душе. Верование — совсем не то, что какое-либо мнение, являющееся предметом обсуждения. Верование влияет на поведение и поступки людей, и, следовательно, обладает действительной силой, лишь когда оно перешло в область бессознательного, чтобы там образовать прочный осадок, называемый чувством. Тогда оно обладает существенным характером повелительности и недоступно влиянию анализа и критики. Только в начале своего появления, когда верование еще не установилось, оно может корениться до некоторой степени в разуме; но для обеспечения его торжества, повторяю, оно должно перейти в область чувств, и, следовательно, из области сознательного перейти в область бессознательного.

Нет надобности восходить к героическим временам, чтобы понять, что представляет собой верование, сделавшееся неоспоримым. Стоит только бросить взор вокруг себя, чтобы увидеть целую толпу людей, к которым глубоко привиты на мистической наследственной почве известные верования, выросшие на этой мистической почве, которые невозможно поколебать никакими доводами. Все мелкие религиозные секты, зародившиеся в последние 25 лет, как и возникшие в конце языческого периода, — спиритизм, теософизм, эзотеризм и т. д. — имеют многочисленных последователей с таким настроением мыслей, что верование их не может быть разрушено никакими доказательствами. Знаменитый процесс о спиритических фотографиях вполне убеждает в верности такого заключения. Фотограф Б. признался на суде, что все фотографии призраков, вручаемые его легковверным клиентам, были снимками с приготовленных для этого манекенов. Доказательство, казалось бы, не допускало возражения. Однако оно несколько не поколебало веру приверженцев спиритизма. Несмотря на признание шутника-фотографа и предъявление тех же самых манекенов-моделей, клиенты-спириты энергично продолжали настаивать на том, что они отчетливо признали на фотографиях черты своих покойных родственников. Это чудесное упорство веры очень поучительно и дает отличное понятие о силе верования.

Нужно настаивать на этом влиянии прошлого при выработке верований и на том факте, что новое верование не может утвердиться иначе, как всегда входя в связь с предшествующим. Это водворение верований представляет собой, быть может, важнейшую фазу в последовательном развитии цивилизаций. Одно из величайших благодетельных установившегося верования состоит в том, что оно воодушевляет народ общими чувствами, дает ему общие формы мышления и, следовательно, общие слова, вызывающие одинаковые представления. Укоренившееся верование в конце концов создает сходство между настроениями умов, аналогичность между последовательными суждениями, оно кладет свой отпечаток на все элементы цивилизации. Общее верование составляет самый могущественный фактор для образования национального духа, национальной воли и, следовательно, единства в направлении чувств и идей народа. Великие цивилизации всегда представляли собой логическое развитие небольшого числа верований, и упадок этих цивилизаций наступал всегда в тот момент, когда в общих верованиях происходил раскол.

Коллективное верование имеет ту огромную выгоду, что оно соединяет все индивидуальные маленькие желания в одно целое, заставляет народ действовать, как действовал бы один человек. По справедливости можно сказать, что великие исторические эпохи — это именно те, когда устанавливалось какое-либо общее верование.

Роль общих верований в жизни народов так громадна, что важность ее не может быть преувеличена. История не дает примеров цивилизаций, возникших и долго существовавших, не имея в основании верований. общих всем отдельным личностям целого народа или, по крайней мере, целого города. Эта общность верований придает народу, владеющему ими, грозную мощь даже и тогда, когда верования эти имеют временный характер. Мы это видели во

¹ Чистая доска (*лат.*) — т. е. доска, на которой можно писать, что угодно.

времена революции, когда французский народ, воодушевленный новой верой (которая не могла долго держаться из-за неосуществленности своих обещаний), победоносно боролся против вооруженной Европы.

§ 2. ВЛИЯНИЕ ВЕРОВАНИЙ НА НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ. ПСИХОЛОГИЯ НЕПОНИМАНИЯ

Как только верование упрочилось в душе, оно становится регулятором жизни человека, пробным камнем суждений, руководителем разума. Ум тогда может воспринимать только то, что согласуется с новым верованием. Как христианство в средние века, ислам у арабов, господствующая вера кладет свой отпечаток на все элементы цивилизации, в особенности на философию, литературу и искусство. Она — высший критерий, она дает объяснение всему.

Способ приобретения наших познаний, одинаковый для ученых и неученых, состоит в сущности в том, что неизвестное мы стараемся привести к тому, что нам уже известно или что мы считаем известным. Понять явление — это значит наблюдать его и связать с тем небольшим запасом идей, который у нас имеется. Таким образом связывают непонятые явления с явлениями, которые считаются понятными. Каждый ум устанавливает эту связь сообразно со своими господствующими безотчетными представлениями. Прием этот одинаков для всех умов, от низшего до высшего, и состоит неизменно в том, что новое явление вводится в круг уже воспринятых понятий.

И вследствие того, что наши представления о мире связываются с понятиями, унаследованными нами от предков, люди разных рас имеют различные суждения об одних и тех же предметах. Мы воспринимаем вещи не иначе, как видоизменяя их сообразно нашим верованиям.

Верования, обратившиеся в чувства, влияют не только на наши поступки, но и на смысл, какой мы придаем различным словам. Раздоры и борьба между людьми в большинстве случаев происходят от того, что одни и те же явления порождают в умах разного склада крайне различные идеи. Проследите из века в век, от одной расы к другой и от одного пола к другому представления, вызываемые одними и теми же словами. Посмотрите, например, чем являются для умов различного происхождения такие термины, как «религия», «свобода», «республика», «буржуазия», «собственность», «капитал», «труд» и т. д., и вы увидите, какая пропасть лежит между умственными представлениями, выраженными одним и тем же словом¹. Кажется, что разные классы общества, люди разных полов говорят на одном языке, но это только обманчивая внешность.

Разъединение разных слоев общества и еще более — разных народов происходит столько же от различия их понятий, сколько и от различия их интересов; и вот почему борьба между классами и между расами, а не призрачное их согласие составляло всегда в истории преобладающий факт. В будущем несогласие может только возрасти. Вместо того, чтобы стремиться к уравнению людей, цивилизация стремится сделать различие между ними все более и более ощутимым. Различие в умственном развитии между могущественным феодальным бароном и последним его воином было бесконечно меньше, чем ныне между инженером и подвластным ему чернорабочим.

Между разными расами, между разными классами, между разными полами согласие возможно только относительно технических вопросов, не касающихся области бессознательных чувств. В морали, религии, политике, напротив, согласие не возможно или возможно только тогда, когда люди одного и того же происхождения. При этом не доводами сторон достигается согласие, а одинаковостью склада их понятий. Не в уме находит свое основание убедительность. Когда люди собираются для обсуждения политических, религиозных или нравственных вопросов, это рассуждают уже не живые, а мертвые. Это душа их предков говорит их устами, и их речи тогда — лишь эхо того вечного голоса мертвых, которому всегда внимают живые.

Итак, слова по своему смыслу весьма различаются у разных людей и пробуждают у них идеи и чувства крайне различные. Для проникновения в умы иного склада, чем наш, нужно самое напряженное усилие мысли. С большим трудом это достигается в отношении наших соотечественников, отличающихся от нас лишь возрастом, полом или воспитанием; каким же образом проникнуть в мысли людей чуждых рас, да еще тогда, когда нас отделяют от них целые века? Чтобы быть понятым кем-либо, надо говорить на языке слушателя со всеми свойственными его понятиям оттенками. Можно, как это и бывает в действительности между родителями и их детьми, прожить 6 течение многих лет рядом с человеком и никогда не понимать его. Вся наша обиходная психология, основанная на том предположении, что люди под влиянием одинаковых возбуждений испытывают и одинаковые чувства, как нельзя более ошибочна.

Мы никогда не можем видеть вещи такими, каковы они в действительности, потому что мы воспринимаем лишь состояния нашего сознания, создаваемые нашими же чувствами. Еще менее мы можем рассчитывать на то, что невольные искажения в представлениях будут одинаковы у всех людей, так как эти искажения подчиняются врожденным и приобретенным понятиям людей, и, следовательно, различаются между собой сообразно расе, полу, среде и т. п., и поэтому-то можно сказать, что всего чаще общее взаимное непонимание управляет отношениями между людьми разных рас, разных полов, принадлежащими к разным общественным слоям. Они могут пользоваться одинаковыми словами, но никогда не будут говорить одним и тем же языком.

¹ Преломление идей, т. е. видоизменение понятий в зависимости от пола, возраста, расы, образования — недостаточно исследованный вопрос психологии. Я слегка коснулся его в одном из последних моих трудов, показав, как изменяются учереждения, религии, языки и искусства с переходом от одного народа к другому.

Вещи представляются нам всегда не такими, каковы они в действительности, чего мы и не подозреваем. Мы даже вообще убеждены, что этого и быть не может; оттого-то для нас почти и невозможно допустить, что другие люди могут мыслить и действовать совершенно не так, как мы. Это непонимание мнений в конце концов обращается в полную нетерпимость, особенно в области верований и воззрений, основанных исключительно на чувствах.

Все люди, придерживающиеся в религии, морали, искусствах, и политике мнений, отличных от наших, тотчас являются в наших глазах людьми недобросовестными или, по меньшей мере, опасными глупцами. Поэтому если мы располагаем какой-нибудь властью, мы считаем своим неперменным долгом, энергично преследовать столь зло-вредных чудовищ. Если мы их более не сжигаем и не гильотинируем, так это потому, что упадок нравов и при-скорбная мягкость законов препятствуют этому.

Относительно людей, принадлежащих к расам, значительно отличающимся от нашей, мы допускаем еще, по крайней мере в теории и не без сожаления, плачевное ослепление этих людей, то, что они могут мыслить не вполне так, как мы. Мы считаем, впрочем, если случайно становимся повелителями этих людей, что для их благополучия они должны быть подчинены нашим правам и законам самыми энергичными мерами. Арабы, негры, аннамиты, мальгаша и т. д., которым мы хотим навязать наши нравы, законы и обычаи, ассимилировать их, как говорят в политике, узнали по опыту во что обходится желание мыслить иначе, чем их победители. Они, разумеется, продолжают, сохраняя свои врожденные понятия, которых они не в силах изменить, но они научились скрывать свои мысли и, вместе с тем, приобрели непримиримую ненависть к своим новым повелителям.

Полное взаимное непонимание между народами разных рас, не всегда порождает между ними неприязнь. Оно может даже сделаться косвенным источником симпатий между ними, так как ничто в этом случае им не мешает создавать в своем воображении желаемое представление друг о друге. Справедливо было замечено, что «одним из самых надежных оснований, на котором покоится франко-русский союз, было почти полное незнание друг друга со стороны обоих народов».

Взаимное непонимание бывает разных степеней у разных народов. Оно достигает высшей степени у народов, которые мало путешествуют вне своей страны, например, народы латинской расы; у них поэтому нетерпимость безгранична. Наша неспособность понимать идеи других цивилизованных или нецивилизованных народов поразительна. Она, заметим кстати, и есть главная причина плачевного состояния наших колоний. Наиболее выдающиеся представители латинской расы и даже такие гениальные, как Наполеон, не отличаются в этом отношении от обыкновенных людей. Наполеон никогда не имел даже смутного понятия о психологии испанца или англичанина. Его суждения о них не шли далее того мнения, какое можно было недавно прочесть в одном из наших больших политических журналов по поводу отношений Англии к дикарям Африки: «Англия всегда вмешивается в дела дикарей, чтобы препятствовать им освободиться от их царей и перейти к республиканскому образу правления», — уверял с негодованием простодушный автор. Трудно выказать большее непонимание и большую наивность.

Впрочем, и сочинения наших историков кишат подобного рода суждениями. И вот отчасти почему я пришел к заключению, что исторические описания — не более как настоящие романы, совершенно чуждые всякой действительности¹. То, с чем они нас знакомят, никогда не было душой исторических лиц, а являет единственно душу самих историков.

Вследствие того, что расовые понятия не подходят под общую мерку, и что однородные слова возбуждают весьма неодинаковые понятия в умах, различающихся между собой, я пришел еще и к другому, на вид парадоксальному, заключению, что написанные сочинения совершенно непереводаемы с одного языка на другой. Это справедливо даже для языков современных и еще в несравненно большей степени — для языков, передающих нам понятия народов умерших.

Такие переводы тем более невозможны, что действительный смысл слов, т. е. чувства и представления, вызываемые ими, меняются из века в век. Не имея возможности изменять сами слова, которые видоизменяются значительно медленнее, чем идеи, мы бессознательно меняем смысл слов. Так именно религиозный и моральный кодекс англосаксов — Библия, написанная 3000 лет тому назад для племен периода варварства, могла приспособиваться к последовательным и изменчивым потребностям высоко цивилизованного народа. При помощи собственных измышлений всякий подводит под древние слова свои современные понятия. Истолковывая таким образом Библию, можно, как это и делают англичане, открыть ее на удачу и найти там решение любого политического или морально-го вопроса.

Повторяю, что только между людьми одной и той же расы, находящимися в течение продолжительного времени в одинаковых условиях существования и обстановки, может иметь место некоторое взаимное понимание. Благодаря наследственным формам их мыслей, слова, которыми они обмениваются в устной или письменной речи, могут тогда возбуждать в них приблизительно одинаковые понятия.

¹ Макс Мюллер упрекает меня за это мнение. В одной из статей в «Revue historique» Л. Лихтенбергер, о недостаточно критическом взгляде которого я уже говорил, тоже заявляет своим читателям, что мое мнение его «ошеломило». Это мнение, тем не менее, я высказывал уже давно в моих исторических сочинениях, указывая, что только в творениях искусства или литературных памятниках могут читаться мысли умерших народов.

§ 3. НАСЛЕДСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ

Роль известных нравственных качеств в судьбе народов имеет решающее значение. Нам скоро придется это показать при изучении сравнительной психологии разных рас. Теперь же мы хотим только указать, что нравственные качества, подобно верованиям, переходят по наследству и, следовательно, составляют часть прародительской души народа. На этой-то унаследованной от предков почве и возникают возбудители наших действий, а наша сознательная деятельность служит нам только для наблюдения их результатов. Общее руководство нашими поступками обыкновенно принадлежит унаследованным нами чувствам и очень редко — разуму.

Эти чувства приобретаются очень медленно. Нравственные качества обладают некоторой прочностью лишь тогда, когда они, сделавшись нашим наследственным достоянием, перешли в область бессознательного и, следовательно, ускользают от влияний, всегда эгоистичных и чаще всего противных разумным интересам расы. Нравственные начала, внушаемые при воспитании, поистине имеют очень слабое влияние; я даже сказал бы, что влияние это равно нулю, если бы не приходилось принимать в расчет те безразличные натуры, которых Рибо¹ справедливо называет бесформенными, безличными (*amorphes*); натуры эти находятся на той неопределенной границе, где малейший повод может с одинаковой легкостью отклонить их в сторону добра или зла. Для этих-то безразличных существ особенно полезны законы и полиция. Они не сделают ничего такого, что последними запрещается, но до более высоких нравственных начал они не поднимутся. Разумное воспитание, т. е. пренебрегающее совершенно философскими разглагольствованиями и рассуждениями, может им доказать, что хорошо понятый интерес состоит в том, чтобы не слишком близко держаться сферы действий полиции.

Пока наш разум не вмешивается в наши действия, наша мораль остается инстинктивной, и наши побуждения не отличаются от побуждений самой бессознательной толпы. Эти побуждения безотчетны в том смысле, что они инстинктивны, а не подсказаны разумом. Но они и не лишены целесообразности в том смысле, что являются следствием медленных приспособлений, созданных целым рядом предшествующих потребностей. В душе народной эти инстинктивные возбудители проявляются во всей своей силе, и потому инстинкт толпы отличается всегда глубоким консерватизмом и способностью защищать общие интересы расы, пока теоретики и ораторы его не затемняют.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОЛЬ ПРЕДАНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ПРЕДЕЛЫ ИЗМЕНЯЕМОСТИ УНАСЛЕДОВАННЫХ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ

§ 1. *Влияние преданий в жизни народов.* Трудность освободиться от ига предания. Настоящие свободные мыслители встречаются редко. Трудность установления самых очевидных истин. Происхождение наших повседневных мнений. Слабое влияние преданий на учреждения, верования и искусства. Бессилие художников освободиться от влияний прошлого.

§ 2. *Пределы изменяемости унаследованных душевных качеств.* Разные элементы, составляющие душевный организм, унаследованный от предков. Разнородные элементы этого организма. Каким образом они могут возникать.

§ 3. *Борьба между традиционными верованиями и запросами современной жизни. Современная неустойчивость мнений.* Каким образом народы могут сбросить иго предания. Невозможность освободиться от него сразу. Склонность латинских народов совершенно отвергать влияние прошлого и перестраивать заново свои учреждения и законы. Борьба между их традициями и современными запросами. Прочные верования заменились переходными и мимолетными. Неустойчивость, насильственность и сила общественного мнения. Разные примеры. Общественное мнение подсказывает судьям приговоры, а правительствам — войны и союзы. Влияние печати и скрытое могущество финансистов. Необходимость общепризнанного верования. Социализм бессилён выполнишь эту роль.

§ 1. ВЛИЯНИЕ ПРЕДАНИЙ В ЖИЗНИ НАРОДОВ

Мы сейчас видели, что человек главным образом действует под влиянием своих врожденных качеств и особенно повируется преданиям.

Эту зависимость от преданий, которая нами руководит, мы можем проклинать, но как ничтожно в каждую эпоху число людей, художников, мыслителей или философов, способных выйти из этой зависимости! Очень немногим удается хотя бы в некоторой мере освободиться от влияния прошлого. Миллионы людей считают себя свободными мыслителями, но в действительности таковыми можно признать лишь несколько дюжин в целую эпоху. Самые

¹ Теодул-Арманд Рибо — профессор философии, возглавлявший курсы экспериментальной психологии в Сорбонне в 1885 г., член Академии моральных и политических наук.

очевидные научные истины и те иногда устанавливаются с величайшим трудом, и не столько вследствие доказательства, сколько благодаря престижу лица, защищающего их. Врачи не признавали в течение целого века явлений магнетизма, которые они могли, однако, наблюдать повсюду, до той поры, пока один, ученый, обладавший достаточным престижем, не подтвердил, что эти явления происходят в действительности¹.

Нет такого заблуждения, которое не могло бы быть навязано, благодаря престижу. Лет тридцать тому назад академия наук, в которой должно бы быть всего больше критического ума, опубликовала как подлинные несколько сотен подложных писем Ньютона, Паскаля, Галилея, Кассини и др., сфабрикованных очень мало образованным обманщиком. Они были переполнены грубыми ошибками, но престиж предполагаемых авторов и знаменитого ученого, который их представил, сделал так, что эти документы были признаны. Большая часть академиков вместе с постоянным секретарем ничуть не сомневались в подлинности этих документов до тех пор, пока сам поддельватель не сознался в сделанном подлоге. По исчезновении престижа стиль писем был признан из рук вон плохим, хотя прежде его признавали превосходными вполне достойным предполагаемых авторов.

На обиходном языке «свободным мыслителем» называют чуть не всякого антиклерикала. Какой-нибудь провинциальный аптекарь уже считает себя свободным мыслителем, если не ходит в церковь, преследует своего священника, высмеивая его догмы; в сущности же этот аптекарь так же мало свободомыслящий, как и этот священник. Они оба принадлежат к одной и той же психологической семье и оба одинаково руководствуются понятиями своих предков.

Надо было бы изучить в подробностях повседневные мнения и суждения, которые мы произносим по поводу всяких вопросов, чтобы убедиться в какой мере справедливо все вышеизложенное. Эти мнения, которые мы считаем столь свободными, внушены нам окружающей нас средой, книгами, журналами и, в зависимости от унаследованных нами чувств, принимаются или отвергаются нами во всей своей совокупности чаще всего без какого-либо участия в том нашего разума. На разум ссылаются часто, но, поистине, он играет такую же ничтожную роль в образовании наших суждений, как и в наших действиях. Главнейшие источники наших идей в отношении наших основных понятий надо искать в наследственности, а в отношении понятий второстепенных — во внушении. Потому люди разных общественных классов, но одной и той же профессии столь похожи между собой. Живя в одной и той же обстановке, повторяя непрерывно одни и те же слова, одни и те же фразы, одни и те же идеи, они кончают тем, что приобретают понятия столько же избитые, сколь и одинаковые между собой.

Идет ли речь об учреждениях, верованиях, искусствах или любой стороне цивилизации, мы всегда находимся под давлением среды и в особенности — прошлого. Если мы вообще этого не замечаем, то это происходит от той легкости, с какою мы способны старые вещи называть новыми именами, полагая, что этим мы изменяем и сами вещи.

Чтобы выяснить значение влияний наследственности, врожденности, надо рассмотреть совершенно определенные элементы цивилизации, например, искусства. Значение прошлого тогда выступит с полной ясностью, так же как и борьба между преданиями и современными идеями. Когда художник воображает, что избавился от гнета прошлого, то он делает не что иное, как обращается к формам еще более старинным, либо искажает самые необходимые элементы своего искусства заменой, например, одной краски другою — розовой, принятой для изображения лица, зеленой, либо воплощает все те фантазии, которые можно видеть на ежегодных, выставках. Но этими самыми бреднями художник только подтверждает свое, бессилие освободиться от влияния преданий и вековых обычаев. Вдохновение, кажущееся ему свободным, всегда, есть раб всего прошлого. Вне форм, установившихся веками, он ничего придумать не может. Развитие его творчества может происходить лишь очень медленно.

§ 2. ПРЕДЕЛ ИЗМЕНЯЕМОСТИ УНАСЛЕДОВАННЫХ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ

Таково, влияние прошлого, и надо всегда иметь его в виду, если хотим понять развитие всех сторон цивилизации, как образуются наши учреждения, верования и искусства, и какое громадное участие в их созидании принимают унаследованные нами воззрения наших предков. Современный человек самым усердным образом и совершенно бесполезно старался сбросить с себя ярмо прошлого. Наша великая революция считала себя в силе даже совершенно уничтожить всякие влияния прошлого. Как тщетны подобные попытки! Можно покорить народ, поработить его, даже уничтожить. Но где та сила, которая могла бы изменить душу народа?

Ведь эта наследственная народная душа, от влияния которой столь трудно избавиться, формировалась веками. В нее было вложено много разнообразных элементов и под влиянием тех или других возбудителей эти элементы могут проявляться. Внезапное изменение обстановки и среды может пробудить дремавшие в нас зародыши. Этим и объясняются те возможные проявления характера, о которых я говорил в другом моем труде и которые обнаруживаются при известных обстоятельствах. Таким-то именно образом в мирной душе какого-нибудь начальника бюро, судьи, лавочника скрывается иногда Робеспьер, Марат, Фукье-Тенвиль. Достаточно некоторых возбудительных

¹ Имеется в виду австрийский врач Фридрих Антон Месмер (1734–1815), получивший сенсационную известность своими опытами лечения болезней при помощи «животного магнетизма», основанного на гипнотическом внушении.

причин, чтобы эти скрытые личности проявились, и тогда можно видеть, как мирные чиновники приказывают расстреливать заложников, как художники приказывают разрушать монументы; придя же в себя, эти люди сами недоумевают, как они могли сделаться жертвами таких заблуждений. Буржуа, заседавшие в конвенте, возвратясь после революционной бури к своим мирным занятиям, нотариусы, сборщики податей, профессора, судьи, адвокаты и т. д. не раз в изумлении задавали себе вопрос: каким образом они могли проявить столь кровожадные инстинкты и умертвить столько народу? Взбалтывание осадка, заложенного предками в глубине нашей души, не проходит без наказания. Неизвестно, что может из этого выйти: Душа героя или разбойника.

§ 3. БОРЬБА МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМИ ВЕРОВАНИЯМИ И ЗАПРОСАМИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. СОВРЕМЕННАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ МНЕНИЙ

Только благодаря нескольким оригинальным самостоятельным умам, какие появляются во все эпохи, каждая цивилизация мало-помалу освобождается из под гнета традиций. Но так как такие умы редки, то и освобождение это совершается очень медленно.

Прежде всего стойкость, а затем изменчивость составляют главные условия возникновения и развития обществ. Цивилизация устанавливается лишь тогда, когда ею создана известная традиция, и развивается не иначе, как при том условии, что ей удастся понемногу изменять эту традицию в каждом поколении. Если традиция не изменяется, то не будет и прогресса, примером чему служит Китай со своей застывшей цивилизацией. Если хотят слишком быстро изменить эту традицию, то цивилизация теряет всякую устойчивость, разлетается в прах и вскоре исчезает. Сила англосаксов и заключается, главным образом, в том, что, подчиняясь влиянию прошлого, они умеют отделяться от него, не переходя известных границ. Напротив, слабость латинской расы зависит от того, что она старается совершенно отделаться от влияния прошлого и постоянно стремится переделывать заново все свои учреждения, верования и законы. Исключительно по этой причине латинские народы в течение целого века переживают революции и непрерывные потрясения, из которых не предвидится скорого исхода.

Великая опасность настоящего времени состоит в том, что мы почти не имеем больше общих верований. Общие, одинаковые для всех интересы все в большей и большей мере заменяются частными, разнообразными интересами. Наши учреждения, законы, искусства, наше воспитание были построены на известных верованиях, которые с каждым днем все более и более распадаются и которых не могут заменить ни наука, ни философия, никогда, впрочем, и не претендовавшие на такую роль.

Несомненно, что мы не вышли из-под влияния нашего прошлого, так как человек и не может избавиться от него, но мы перестали верить в те принципы, на которых создан весь наш общественный строй. Существует постоянное противоречие между наследственно укоренившимися в нас чувствами и современными идеями. В морали, в религии, в политике нет уже признанных авторитетов, как то было прежде, и никто не может более надеяться установить определенное направление в области этих важнейших сторон общественного быта. Поэтому правительства вместо того чтобы руководить общественным мнением, принуждены считаться с ним и подчиняться непрерывным его колебаниям.

Современный человек, особенно принадлежащий к латинской расе, связан бессознательно с прошлым, тогда как его разум непрерывно ищет выхода из этой зависимости. Пока не установится какое-либо определенное верование, он имеет только такие верования, которые преходящи и кратковременны вследствие того, что они не наследственны. Верования эти возникают самобытно под влиянием событий каждого дня, как набегают волны, поднятые бурей. Они приобретают иногда значительную силу, но сила эта мимолетна. Эти верования нарождаются под влиянием тех или других обстоятельств; подражательность и мода их распространяют. При современной нервности некоторых народов самая незначительная причина вызывает чрезмерные проявления чувств: взрывы ненависти, ярости, негодования, энтузиазма разражаются по ничтожному случаю, как громовые удары. Несколько солдат захвачено китайцами в Лангсоне, и происходит взрыв ярости, который в несколько часов опрокидывает правительство. Деревушка где-нибудь в углу Европы затоплена наводнением, и вдруг разражается взрыв национального умиления: подписки, благотворительные праздники и т. п.; собранные суммы отсылаются вдаль, тогда как они были бы столь необходимы для облегчения наших собственных бедствий. Общественное мнение знает крайние чувства или глубокое равнодушие. Оно страшно женственно и, как женщина, отличается полной неспособностью владеть своими рефлекторными движениями. Оно беспрерывно колеблется по воле всех веяний внешних обстоятельств.

Эта крайняя подвижность чувств, не направляемых более никаким основным верованием, делает их очень опасными. За отсутствием исчезнувшей власти общественное мнение с каждым днем все более и более становится хозяином положения. И так как к его услугам имеется всемогущая печать, чтобы его возбудить или за ним следовать, то роль правительства делается с каждым днем все более трудной, и политика государственных людей становится все более нерешительной и колеблющейся. В душе народной можно найти многое, что может быть использовано, но никогда в ней не найти ума Ришелье или даже ясных взглядов скромного дипломата, обладающего некоторой последовательностью идей и действий.

Такое громадное и такое колеблющееся могущество общественного мнения распространяется не только на политику, но и на все элементы цивилизации.

Оно диктует художникам их произведения, судьям — их приговоры, правительствам — их образ действий.

Одним из любопытнейших примеров вторжения общественного мнения в дело суда, где некогда заседали люди более стойкого характера, служит недавнее очень поучительное дело доктора Лапорта. Это останется примером, заслуживающим упоминания во всех трактатах по психологии. Призванный ночью к тяжелобольной, почти умирающей роженице и не имея под рукой необходимого специального инструмента, он воспользовался взятым у соседа-рабочего подходящим инструментом, отличающимся от специального лишь несущественными подробностями. Но так как этот случайный инструмент не принадлежал к набору хирургических инструментов, представляющихся чем-то: таинственным и потому имеющим свой престиж, соседки-кумушки тотчас же разнесли по всему околотку, что доктор этот Невежда и палач. Вопли их собирают соседей, молва растет, газеты подхватывают, общественное мнение возмущается. Находится судья, чтобы засадить несчастного врача в тюрьму, потом суд, чтобы присудить его к новому содержанию в тюрьме после долгого предварительного заключения. Но в это время известные специалисты взяли дело в свои руки и совершенно перевернули общественное мнение, и в несколько недель палач обратился в мученика. Дело было пересмотрено, и суд, продолжая покорно следовать за поворотом общественного мнения, оправдал на этот раз обвиняемого.

Опасно в этом влиянии течений общественного мнения то, что они действуют бессознательно, на наши идеи и изменяют их, а мы этого и не подозреваем. Судьи, которые осуждают или оправдывают под влиянием этого мнения, повинуются ему, чаще всего сами этого не сознавая. Их бессознательный инстинкт претерпевает превращение для того, чтобы следовать за общественным мнением, а разум служит только для того, чтобы найти оправдание тем переменам, которые безотчетно происходят в уме.

Эти характерные для настоящего времени народные движения лишают правительства, как я сказал выше, всякой устойчивости в их действиях. Общественное мнение устанавливает союзы, например, франко-русский¹, возникший под влиянием взрыва народного энтузиазма, объявляет войны, например, испано-американскую², происшедшую вследствие движения общественного мнения, созданного газетами, состоящими на содержании нескольких финансистов.

Американский писатель Годкин в недавно вышедшей любопытной книге «Unforeseen Tendencies of Democracy» («Непредвиденные тенденции демократии») указал на губительную для направления общественного мнения роль американских газет, большая часть которых состоит на содержании спекулянтов. «Всякая предстоящая война, — говорит он, — всегда будет приятна газетам по той простой причине, что новости с театра войны, победы или поражения в огромных размерах увеличивают их сбыт». Книга была написана до войны из-за Кубы³, и события показали, насколько было верно предвидение автора. Газеты руководят общественным мнением в Соединенных Штатах, но сами состоят под управлением нескольких финансистов, направляющих журналистику из своих контор. Могущество их губительнее могущества самых злейших тиранов, потому что, во-первых, оно безымянно, и во-вторых, потому что они руководствуются только личными интересами, чуждыми интересам страны. Как я уже упоминал выше, одна из важных задач будущего состоит в отыскании средства избавиться от всесильного и развращающего влияния банкиров-космополитов, которые во многих странах все более и более стремятся стать косвенно хозяевами общественного мнения, а следовательно, и правительств. Американская газета «Evening Post» недавно указывала, что тогда как все другие влияния в народных движениях слабы или бессильны, могущество мелкой прессы возросло сверх меры, могущество тем более грозное, что оно ничем не ограничено, безответственно, бесконтрольно и находится в руках первого встречного. Две наиболее влиятельные популярные газеты в Соединенных Штатах, те, которые принудили правительство объявить Испании войну, редактировались — одна бывшим извозчиком, другая — совершенно молодым человеком, получившим многомиллионное наследство. «Их мнения, — замечает американский критик, — о том, каким образом страна должна пользоваться своей армией, своим флотом, своим кредитом и своими традициями, имели более веское влияние, чем мнения всех государственных деятелей, философов и профессоров страны».

Здесь мы видим еще раз проявление одного из крупных требований настоящей минуты, т. е. необходимость найти верование, которое было бы принято всеми и заменило бы собой прежние верования, управлявшие людьми до настоящего времени.

Резюмируя эту и предыдущую главы: цивилизации всегда покоились на небольшом числе, верований, чрезвычайно медленно образующихся и очень медленно исчезающих; верование не может привиться или, по меньшей мере, достаточно проникнуть в умы, чтобы, стать руководящим началом, если оно более или менее не связано с предшествующими верованиями; современный человек наследственно владеет верованиями, еще служащими основанием его учреждений и морали, но настоящее время находящимися в постоянной борьбе с его разумом. Отсюда единственный для него выход: стараться выработать новые догматы, связанные в достаточной мере с прежними верованиями и, вместе с тем, согласованные с его современными понятиями. В этом-то противоречии между прошлым и настоящим, т. е. между безотчетными влечениями нашей Души и нашими сознательными размышлениями, и коренятся причины современной анархии умов.

Обратится ли социализм в новое верование, способное заменить прежние верования? Для успеха ему не достает магической способности, создающей представления о будущей жизни и составляющей до сих пор главную силу великих религий, завоевавших мир и продолжавшихся долго. Все блага, обещаемые социализмом, должны осуще-

¹ Военно-политический союз (1891–1917), противостоящий Тройственному союзу.

² Имеется в виду война 1898 года.

³ Война 1868–1878 гг. против колонизаторов Испании.

ствиться на земле. Но осуществление таких обещаний неминуемо натолкнется на экономические и психологические препятствия, устранить которые не в силах человека. Поэтому момент водворения социализма будет вместе с тем и началом его падения. Социализм может восторжествовать только на минуту, как торжествовали гуманитарные идеи во времена французской революции; но затем он быстро погибнет в кровавых переворотах, так как душу народов нельзя возмущать безнаказанно. Таким образом, социализм может образовать собой одно из таких мимолетных верований, возникающих и исчезающих на протяжении одного и того же века, которые служат только для подготовки или для возобновления других верований, более подходящих и к природе человека и к разным потребностям, которым должны подчиняться общества. Только рассматривая социализм с этой точки зрения, т. е. как разрушительную силу, которой суждено подготовить расцвет новых догматов, наше потомство, может быть, не признает роль его безусловно губительной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТРЕМЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ПРИНЯТЬ ФОРМУ ВЕРОУЧЕНИЯ

§ 1. *В настоящее время социализм стремится, заменить собой старые верования.* Религиозная эволюция социализма. В чем успех социалистических понятий как верований религиозных, связанных с прежними верованиями. Религиозное чувство — неискоренимый инстинкт. Человек ищет не свободы, а умственного рабства. Новая доктрина отвечает запросам и надеждам нашего времени. Бессилие защитников старых догм. Малоценность социалистических догм с научной стороны не может вредить их распространению, великие религиозные, верования, управлявшие человечеством, никогда не были плодом разума.

§ 2. *Распространение верований. Их проповедники.* Роль проповедников в созидании верований. Их средства для убеждения. Важность роли галлюцинов. Религиозный склад ума проповедников социализма. Недоступные всяким доводам разума, они жаждут распространения своей веры. Их возбужденность, преданность, простодушие и потребность разрушать. По своей психологии они не отличаются от проповедников верований во все времена. Боссюэ и драгонады, Торквемада и Робеспьер. Гибельная роль филантропов. Почему не следует смешивать проповедников социализма с обыкновенными умалишенными преступниками. Проповедникам социализма помогают вырождающиеся разных классов.

§ 3. *Распространение верований среди толпы.* Всякие понятия — политические, религиозные или социальные в конце концов укореняются в народных массах. Характер толпы. Она никогда не руководствуется личными интересами. Лишь толпа проявляет коллективные интересы рас. Лишь при посредстве толпы возможна деятельность на общую пользу, требующая слепой преданности. Видимая насильственность и действительный консерватизм толпы. Не легкомысленная подвижность, а устойчивость господствует над толпой. Почему социализм не может долго соблазнять народные массы.

§ 1. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СОЦИАЛИЗМ СТРЕМИТСЯ ЗАМЕНИТЬ СОБОЙ СТАРЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Рассмотрев роль наших верований и давность их возникновения, мы достаточно подготовлены, чтобы понять религиозную эволюцию, которую переживает современный социализм и которая, несомненно, составит наиболее серьезный элемент в его успехе. Мы показали уже в другом нашем труде о психологии толпы, что убеждения масс стремятся всегда принять религиозную форму. Толпа не способна ни к критике, ни к скептицизму. *Символ веры*, политический, религиозный или социальный, принятый толпой, усваивается ею и всегда усердно читается без рассуждений.

Мы рассматриваем в этой главе не философское или экономическое достоинство новых доктрин, а исключительно впечатление, производимое ими на умы. Мы много раз повторяли, что успех вероучения совершения не зависит от доли истины или заблуждения, заключающихся в нем, но исключительно от возбуждаемых им чувств и доверия, которое оно внушает. История всех верований представляет тому очевидные доказательства.

Как религиозные вероучения идеи социализма в своей будущности имеют неоспоримые данные для успеха. Во-первых, идеям этим не придется много бороться с прежними верованиями, так как последние и сами уже исчезают. Во-вторых, эти идеи представляются в такой простой форме, что легко воспринимаются всеми умами. Наконец, в третьих, они легко и удобно связываются с предшествующими верованиями, и потому без затруднения могут их заменить. Действительно, мы уже показали, что доктрины христианских социалистов почти одинаковы с доктринами других социалистов.

Первое условие — исчезновение предшествующих верований — представляется существенным. Человечество до настоящего времени не могло жить без верований. Как только старая религия начинает исчезать, является на смену новая. Религиозное чувство, т. е. потребность подчиняться той или другой вере божественного, политического или социального характера составляет один из наших самых повелительных инстинктов. Человеку нужно верование для машинального направления своей жизни, для избежания всяких усилий, сопряженных с размышлением. Не к свободе, а скорее к порабощению мысли стремится человек. Ему удается иногда избавиться от угнетающего господства тиранов, но как может он освободиться еще от гораздо более повелительного господства своих верований? Сначала они служат выражением потребностей и особенно надежд человека, затем эти потребности и надежды изменяются под влиянием верований, и последние кончают тем, что управляют областью его инстинктивных стремлений.

Новая доктрина вполне отвечает современным желаниям и надеждам. Она появилась как раз в то время, когда умирают религиозные и социальные верования, которыми жили наши отцы, и готова возобновить прежние обещания. Уже одно название доктрины есть магическое слово, заключающее в себе, подобно раю древних времен, наши мечты и надежды. Как ни ничтожна ее ценность, и как ни сомнительно ее осуществление, она составляет новый идеал, которому будет принадлежать, по крайней мере, заслуга возврата человеку надежды, которой боги ему больше не дают, и иллюзий, отнятых у него наукой.

Если допустить, что еще долго счастье человека должно заключаться в удивительной способности создавать божества и веровать в них, то нельзя не признать важности новой догмы.

Обманчивый призрак растет с каждым днем, и могущество его становится все более и более внушительным. Старые догмы потеряли свою мощь, алтари прежних богов опустели, семья распадается, учреждения разваливаются, иерархии исчезают. Один лишь социалистический мираж развертывается на развалинах, нагромождающихся повсюду. Он распространяется, не встречая особенно сильных порицателей. Тогда как последователи его являются ярыми убежденными проповедниками, проникнутыми, подобно ученикам Христа, верой в новый идеал, способный возродить мир, робкие защитники старого общественного строя, напротив, очень слабо убеждены в правоте своего дела. Вся их защита — не что иное, как томительное переживание древних таинственных богословских и экономических формул, давно затасканных и потерявших всякую силу. Сами защитники производят впечатление мумий, пыгающихся пошевелиться под обвивающими их повязками. В отчете об одном из академических конкурсов Леон Сэ указал на удивительное ничтожество представленных на конкурс сочинений, претендующих опровергнуть социализм, несмотря на значительность предложенного вознаграждения. Защитники язычества были столь же немощны, когда новое божество, явившееся из равнин Галилеи на смену древних покачнувшихся богов, нанесло им последний решительный удар.

Несомненно, что новые верования не имеют логического основания; но какие же верования за все время существования человечества опирались на логику? Большинство из них, тем не менее, положило начало расцвету блестящих цивилизаций. Неразумное, упрочиваясь, становится разумным, и человек кончает тем, что свыкается с ним. Общества основываются на желаниях, верованиях, потребностях, т. е. на чувствах, и никогда — на доводах разума, или на каком-либо подобии их. Развитие этих чувств, конечно, следует некоторой скрытой логике, законы которой еще никому неизвестны.

Ни одно из крупных верований, руководивших человечеством, не происходило от разума, и если каждое из них подчинялось общему закону, по которому религии и царства приходят в упадок и умирают, то точно так же не разум привел их к концу.

То, чем в высокой степени обладают верования, и чем разум не будет владеть никогда — это удивительная способность связывать между собой вещи, не имеющие никакой связи, превращать самые явные заблуждения в самые очевидные истины, поработать людей, очаровывая их сердца, и в конце концов преобразовывать цивилизации и государства. Верования эти не подчиняются логике, но управляют историей.

При соблазнительных сторонах новых учений, чрезвычайной их простоте, делающей их доступными для всех умов, при современной ненависти народных масс к обладателям богатств и власти, при безусловной политической возможности изменять, благодаря всеобщей подаче избирательных голосов, учреждений, которыми эти классы владеют, — при таких, повторяю я, исключительно благоприятных условиях распространения новых учений можно спросить себя: почему успех их сравнительно так медлен, и какие таинственные силы руководят их ходом? Сказанное нами выше относительно происхождения наших верований и медленности их изменения служит ответом на этот вопрос.

§ 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЕРОВАНИЙ. ИХ ПРОПОВЕДНИКИ

В настоящее время мы видим разработку социалистической религии, Мы можем при этом изучить действие ее проповедников и всех главных факторов, роль которых была ранее указана: несбыточных мечтаний, слов и формул, утверждений, повторений, обаяния и заразительности.

Социализм, может быть, восторжествует на короткое время, главным образом благодаря своим проповедникам. Одни лишь они, эти убежденные люди имеют рвение, необходимое для создания веры — этой магической силы, преображавшей в разные времена мир. Они владеют искусством убеждать, искусством одновременно и тонким и простым, законам которого ни в каких книгах выучиться нельзя. Они знают, что толпа ненавидит сомнения, что она понимает только крайние чувства: энергичное утверждение или такое же отрицание, горячую любовь или неистовую ненависть. Они знают, как возбудить и развить эти чувства,

Необязательно число этих апостолов должно быть очень велико для выполнения их задачи. Надо вспомнить, какое небольшое число ревнителей было достаточно для возбуждения столь крупного движения, как крестовые походы — события, быть может, более чудесного, чем насаждение какой-либо религии, так как миллионы людей были доведены до того, что бросили все, чтобы устремиться на Восток, и возобновляли не раз это движение, Несмотря на самые крупные неудачи и жесточайшие лишения.

Каковы бы ни были верования, управлявшие миром, — христианство, буддизм, магометанство или просто какие-либо политические учения вроде тех, какие руководили французской революцией, — они распространялись усилиями именно этой категории убежденных проповедников, которых называют апостолами. Загипнотизированная поработившей их верой, они готовы на все жертвы для ее распространения и кончают даже тем, что исключительной целью своей жизни ставят воцарение этой веры. Эти люди находятся как в полубреду, изучение их требует патологического исследования их умственного состояния, но, несмотря на это, они всегда играли в истории громадную роль.

Такие люди появляются главным образом из среды умов, одаренных религиозным инстинктом, характерным тем, что человек чувствует потребность подчиняться какому-либо существу или символу веры, и жертвовать собой для торжества предмета своего поклонения.

Религиозный инстинкт как чувство бессознательное сохраняется, конечно, и тогда, когда исчезнет верование, поддерживавшее его в начале. Апостолы-социалисты, проклиная или отвергающие старые христианские догмы, тем не менее остаются в высшей степени религиозными. Существо их веры изменилось, но они остаются под влиянием всех наследственных инстинктов своей расы. Ожидаемый ими на земле общественный рай весьма близок к раю небесному наших праотцов. В этих наивных умах, вполне подчиненных наследственности, старый деизм воплотился в земную форму государства, обладающего силой провидения, исправляющего все несправедливости и всемогущего, подобно древним богам. Человек меняет иногда своих кумиров, но как он может разрушить наследственные формы породивших их представлений?

Итак, апостол всегда представляет собой религиозно настроенный ум, одержимый желанием распространить свое верование; но вместе с тем и прежде всего, это ум простой, совершенно неподдающийся влиянию доводов разума. Его логика элементарна. Законы и всякие разъяснения совершенно недоступны его пониманию. Можно составить себе вполне определенное понятие о его воззрениях, просмотрев интересные выдержки из ста семидесяти автобиографий воинствующих социалистов, напечатанных недавно одним писателем из их среды, Гамоном. Среди них находятся люди, исповедующие крайне различные между собой учения; так, анархизм представляет собой не что иное, как крайнюю форму индивидуализма, по которой всякое правительство подлежит уничтожению, и каждый человек должен быть предоставлен самому себе, между тем как коллективизм рекомендует полное подчинение человека государству. Но на практике это различие, впрочем, едва замечаемое проповедниками, совершенно исчезает. Последователи разных форм социализма проявляют одну и ту же ненависть к существующему общественному строю, капиталу, буржуазии и предлагают одни и те же средства для их разрушения. Самые мирные секты социализма добиваются только конфискации богатств у их обладателей; самые боевые, кроме такого грабежа, настаивают еще и на истреблении побежденных.

Что их разглагольствования избличают лучше всего — это их простодушную наивность. Ничто их не затрудняет. Для них ничего нет легче, как перестроить общество: «стоит только свергнуть революционным путем правительство, отнять социальные богатства у их обладателей и предоставить всё в распоряжение всех... Общество, в котором исчезло различие между капиталистом и работником, не нуждается в правительстве».

Все более и более поддаваясь гипнозу двух или трех непрестанно повторяемых формул, проповедник-социалист чувствует жгучую потребность распространять свою веру и поведать всему свету добрую весть, призванную вывести человечество из заблуждения, в котором оно коснело до его пришествия. Разве не блещет сиянием свет этого нового учения, и кто, кроме злых и бесчестных людей, не будет привлечен этим светом?

Гамон пишет: «Под влиянием горячего стремления вербовать себе последователей, проповедники-социалисты не останавливаются ни перед какими страданиями, проповедуя свои идеи. Ради идеи они порывают свои семейные и дружеские связи; они теряют свои места, свои средства существования. В своем усердии они готовы дойти до тюрьмы, каторги и смерти; они хотят осуществить свой идеал и спасти помимо их желаний народные массы. Они похожи на террористов 1793 года, которые из любви к человечеству убивали людей».

Установлено, что социалисты-проповедники всех толков и сект одинаково одержимы жаждой разрушения. Один из них, указываемый Гамоном, желает разрушить все памятники и особенно церкви, будучи убежден, что этим разрушатся спиритуалистические религии. Впрочем, этот наивный разрушитель лишь следует знаменитым примерам. Христианский император Феодосий рассуждал не иначе, когда в 389 г. по Р.Х. разрушил все религиозные памятники Египта, сооружавшиеся в течение 6000 лет на берегах Нила. Устояли только очень прочные, не поддававшиеся разрушению стены и колонны.

По-видимому, почти во все времена имел силу общий психологический закон, по которому нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настойчивой потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить.

Проповедник, обрушивающийся только на памятники, относится к числу сравнительно безобидных, но, очевидно, не особенно фанатичных. Истинный апостол не довольствуется такими полумерами. Он признает необходимым вслед за разрушением храмов лжебогов уничтожить и их поклонников. Какое значение имеют кровавые жертвы, когда речь идет о возрождении рода человеческого, о водворении истины и уничтожении заблуждения? Не очевидно ли, что лучшее средство избавиться от неверных — это умертвить гуртом всех, кто встает поперек пути, оставив в живых только проповедников и их учеников. В этом и состоит программа искренно убежденных, презирующих лицемерные и пошлые сделки с ересью.

К несчастью, еретики оказывают еще некоторое сопротивление, и в ожидании возможности их истребить приходится поневоле довольствоваться единичными убийствами и угрозами. Эти последние, впрочем, очень решительны и не оставляют никакого сомнения в предстоящих избиениях. Один передовой итальянский социалист, как говорит Гарофало, резюмирует свою программу так: «Мы перережем тех, кого встретим с оружием в руках, сбросим с высоты балконов или выбросим в море стариков, женщин и детей».

Эти приемы новых фанатиков совсем не новы; они практиковались всегда в тех же формах в разные периоды истории. Все апостолы в тех же выражениях выступали против нечестия своих противников, и как только получали власть, применяли к ним те же средства для энергичного и быстрого разрушения. Магомет обращал неверных мечом, инквизиторы — огнем, Конвент — гильотиной, наши современные анархисты — динамитом. Только способы истребления несколько изменились.

Что наиболее прискорбно в этих взрывах фанатизма, которые временами должно переносить общество, это то, что среди убежденных самый высокий ум бессилен против дикого увлечения своей верой. Наши современные анархисты говорят и действуют так же, как Боссюэ в отношении к еретикам, когда он начал против них поход, приведший к их истреблению и изгнанию. Какими только резкими словами не громил знаменитый прелат врагов своей веры, «которые готовы скорее коснеть в своем невежестве, чем сознаться в нем, лучше питать в своем строптивном уме свободу мыслить все, что им вздумается, чем покориться божественной власти». Нужно прочитать в письменных свидетельствах того времени, с какой дикой радостью были приняты духовенством отмена Нантского эдикта Людовиком XIV (1685 г.) и драгонады¹. Епископы и набожный Боссюэ от энтузиазма были как в бреду. Последний, обращаясь к Людовику XIV, говорил: «Вы истребили еретиков; это самое достойное дело вашего царствования, это венец его».

Истребление было действительно достаточно полное. Это «достойное дело» имело результатом переселение около 400 тысяч французов (кроме громадного числа стойких протестантов, погибших на медленном огне, четвертованных, повешенных, выпотрошенных или сосланных на королевские галеры). Инквизиция не менее того опустошила Испанию, а Конвент — Францию. Этот последний тоже обладал полнотой истины и старался искоренить заблуждения. Он всегда гораздо более походил на церковный собор, чем на политическое собрание.

Легко объяснить себе опустошения, совершенные всеми этими ужасными истребителями людей, когда умеешь читать в их душе. Торквемада, Боссюэ, Марат, Робеспьер — все они считали себя кроткими филантропами, мечтающими лишь о участии человечества. Филантропы религиозные, филантропы политические, филантропы социальные принадлежат к одному и тому же семейству. Они себя вполне искренно считают друзьями человечества,

¹ Драгоналы — военные посты из драгун, которые должны были по замыслу правительства Людовика XIV обращать гугенотов в католичество. Драгонады продолжались и после отмены Нантского эдикта.

тогда как на самом деле они всегда оказывались самыми опасными его врагами. Слепой фанатизм правоверных делает их значительно опаснее хищных зверей.

Современные психиатры полагают вообще, что фанатики социализма, составляющие авангард, принадлежат к особому типу преступников, которых они называют прирожденными преступниками. Но такое определение уж очень поверхностно и чаще всего совершенно неправильно, так как охватывает разные классы людей, из которых большая часть не имеет никакой родственной связи с настоящими преступниками. Что среди распространителей новой веры встречаются люди преступного типа — в этом нет сомнения, но большинство преступников, выдающих себя за социалистов-анархистов, делает это только для того, чтобы придать обыкновенным преступлениям политическую окраску. Истинные проповедники могут совершать деяния, которые справедливо признаются законом преступными, но которые с психологической точки зрения не заключают в себе ничего преступного. Деяния эти совершаются не только без всякого личного интереса, составляющего существенный признак настоящего преступления, но чаще всего они даже прямо противоположны самым очевидным их интересам. Проповедники эти представляют собой первобытные и мистические умы, совершенно не способные рассуждать, поглощенные религиозным чувством, которое заглушило у них всякую мыслительную способность. Они действительно очень опасны, и общество, не желающее быть разрушенным ими, должно старательно их удалять из своей среды. Но умственное их состояние гораздо более подлежит ведению психиатра, чем криминалиста.

История полна их подвигами, так как они представляют собой особый психологический тип, существовавший во все времена.

Чезаре Ломброзо¹ говорит: «Душевнобольные с альтруистическими наклонностями появлялись во все времена, даже в эпоху варварства, но тогда пищу свою они находили в религиях. Позднее они бросились в политические партии и антимоноархические заговоры своей эпохи. Сперва это были крестоносцы, потом бунтовщики, потом странствующие рыцари, потом мученики за веру или за безбожие.

В наше время, и особенно в латинской расе, как только появится такой фанатик-альтруист, он тут же находит возможную пищу для своих страстей на социальной и экономической почве.

И на этой почве свободное поле энтузиазму фанатиков почти всегда открывают самые спорные и наименее верные идеи. Вы найдете сто фанатиков для решения богословского или метафизического вопроса и не найдете ни одного для решения геометрической задачи. Чем страннее и безрассуднее идея, тем большее число душевнобольных и истеричных людей она увлекает, особенно из среды политических партий, где каждый частный успех обращается в публичную неудачу или торжество, и эта идея поддерживает фанатиков в течение всей их жизни и служит им компенсацией за жизнь, которую они теряют, или за переносимые ими муки».

Наряду с описанной нами категорией проповедников, необходимых распространителей всяких верований, существуют менее значительные разновидности, у которых гипноз проявляется только в одном каком-либо пункте. Повседневно встречаются очень умные люди, даже выдающиеся, теряющие способность рассуждать, когда дело касается некоторых вопросов. Увлеченные тогда своей политической или религиозной страстью, они обнаруживают изумительное непонимание и нетерпимость. Это случайные фанатики, фанатизм которых становится опасным лишь тогда, когда его раздражают. Они рассуждают с умеренностью и ясностью о всем, кроме тех вопросов, которые соприкасаются с охватившей их страстью — единственным руководителем их в этих случаях. На этой ограниченной почве они встают со всей яростью преследования, свойственной настоящим проповедникам, которые находят в них в критические моменты помощников, полных ослепления и пылкого усердия.

Существует, наконец, еще и другая категория фанатиков социализма, не увлекающихся одной идеей и даже не отличающихся особенной стойкостью веры. Эта категория принадлежит к обширной семье дегенератов. Занимая, благодаря своим наследственным физическим или умственным порокам, низшие положения, из которых нет выхода, они становятся естественными врагами общества, к которому они не могут приспособиться вследствие своей неизлечимой неспособности и наследственной болезненности. Они — естественные защитники доктрин, которые обещают им и лучшую будущность, и как бы возрождение. Эти уродливые жертвы наследственности, которыми мы займемся в главе о «неприспособленных», значительно пополняют ряды проповедников. Особенность наших современных цивилизаций заключается, несомненно, в том, что они создают и, по странной иронии гуманности, поддерживают с самой близорукой заботливостью все более и более возрастающий запас разных общественных отбросов, под тяжестью которых рухнут, быть может, и сами эти цивилизации.

Новая религия, представляемая социализмом, вступает в такую фазу, когда распространение ее учения совершается апостолами, около которых появляются уже мученики, придающие ей новый элемент успеха. Вслед за последними казнями анархистов в Париже, полиция должна была принять меры против набожного паломничества на могилы этих жертв и продажи их изображений, украшенных всякими религиозными атрибутами. Фетишизм, самый древний из всех культов, может быть, окажется и последним. Народу всегда нужны какие-нибудь кумиры, воплощающие его мечты, желания и ненависть.

Таким-то образом распространяются догмы, и никакое рассуждение не может бороться против них. Сила их неодолима, так как она опирается на вековую неразвитость и низость умственного уровня толпы и, вместе с тем, на вечный призрак счастья, мираж которого манит людей и мешает им видеть непреодолимые границы, отделяющие

¹ Ломброзо Ч. «Гениальность и помешательство».

мечты от действительности.

§ 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЕРОВАНИЙ СРЕДИ ТОЛПЫ

Рассмотрев подробно в двух предшествующих моих трудах механизм распространения верований, я только могу направить читателя к этим трудам¹. Из них он узнает, каким образом все цивилизации возникают под влиянием небольшого числа основных идей, которые после ряда превращений кончают тем, что укореняются в народной душе в виде верований. Сам процесс этого укоренения имеет громадное значение, так как идеи только тогда приобретают все свое социальное значение, благотворное или вредное, когда они достаточно упрочились в душе народа. Тогда и только тогда они становятся общим достоянием, затем — незыблемыми верованиями, т. е. существеннейшими факторами религий, революций и изменений цивилизации.

Именно в душе народной, этой основной почве, и укрепляются корни всех наших понятий: метафизических, политических, религиозных и социальных. Следовательно, весьма важно основательно изучить эту почву. Поэтому изучение самого процесса умственного развития народов и психологии толпы нам казалось необходимым предисловием к изучению социализма. Это изучение было тем более необходимо, что указанные столь важные вопросы, особенно последний, были очень плохо исследованы.

Редкие писатели, изучавшие толпу, приходили к заключениям, часто противоположным действительности или по крайней мере отличающимся односторонностью в вопросе, имеющем несколько сторон. Они в большинстве случаев видели в толпе только «хищного, кровожадного, ненасытного зверя». Когда мы глубже вникнем в вопрос, то найдем, что наихудшие неистовства, которым предавалась толпа, исходят весьма часто из самых великодушных и бескорыстных побуждений, и что толпа одинаково легко обращается и в жертву, и в палача. Книга, озаглавленная «Добродетельная толпа», могла бы быть так же оправдана, как и книга под заглавием «Преступная толпа». Я обстоятельно настаивал на том, что одна из основных особенностей, отличающих всего более отдельную личность от толпы, состоит в том, что первая почти всегда руководствуется личным интересом, тогда как толпа редко подчиняется эгоистическим побуждениям, а чаще всего повинуетеся интересам общественным и бескорыстным. Героизм, самозабвение значительно чаще присущи толпе, чем отдельным людям. В основе всякой коллективной жестокости очень часто лежит верование, идея справедливости, потребность в нравственном удовлетворении, полное забвение личного интереса, жертва общему интересу, т. е. как раз полная противоположность эгоизму.

Толпа может сделаться жестокой, но она прежде всего альтруистична и так же легко пойдет на самопожертвование, как и на разрушение. Управляемая своими бессознательными инстинктами, толпа имеет нравственный склад и великодушие, стремящиеся всегда к проявлению на деле, тогда как те же качества у отдельных людей остаются вообще созерцательными и ограничиваются одними разговорами. Размышление и рассуждение приводят чаще всего к эгоизму. Этот эгоизм, которым столь глубоко проникнуты отдельные люди, неизвестен толпе как раз потому, что она не способна ни размышлять, ни рассуждать. Целые армии рассуждающих и делающих умозаключения приверженцев не могли бы создать ни религий, ни государств. Очень мало нашлось бы в таких армиях солдат, способных жертвовать своей жизнью для успеха своего дела.

Нельзя хорошо понимать, историю, не имея постоянно в виду, что мораль и поведение отдельного человека сильно отличаются от морали и поведения того же человека, когда он представляет собой часть коллектива. Лишь толпой поддерживаются общие интересы расы, которые всегда заставляют в большей или меньшей мере забывать личный интерес. Полнейший альтруизм — на деле, а не на словах — составляет добродетель коллективную. Всякое дело общего интереса, требующее для своего выполнения наименьшего эгоизма и наибольшей слепой преданности, самоотвержения и самопожертвования, может совершаться почти только толпой.

Несмотря на свойственные толпе скоропреходящие неистовства, она всегда оказывалась способной перенести все. Фанатики и тираны всех времен всегда без затруднений находили толпу, готовую идти на смерть в защиту какого угодно дела. Толпа никогда не выказывала упорного сопротивления никакой тирании — религиозной или политической, тирании живых или тирании мертвых. Чтобы овладеть толпой, достаточно заставить ее полюбить себя или возбудить боязнь к себе. Этого скорее можно достичь обаянием престижа, чем силой.

В редких случаях — минутные вспышки неистовства толпы, и гораздо чаще — ее слепая покорность — суть две взаимно противоположные характерные ее черты, которые не следует разделять, если хочешь понять душу народных масс. Проявления неистовства толпы подобны шумным волнам, поднимающимся в бурю на поверхности океана, но ненарушающим спокойствия в глубине его. Волнения толпы имеют также под собой прочный фундамент, который не может быть задет движениями на поверхности. Он создан наследственными инстинктами, совокупность которых составляет душу расы. Эта глубокая основа тем прочнее, чем раса древнее, и, следовательно, чем она устойчивее.

Социалисты полагают, что они легко могут увлечь толпу, но они скоро убедятся, что в этой среде они найдут не союзников, а самых упорных противников. Несомненно, может случиться, что разъяренная толпа когда-нибудь произведет страшное потрясение общественного строя, но на другой же день она восторженно встретит первого окруженного военным блеском Цезаря, который обещает ей восстановить все, что ею же было разрушено. Господ-

¹ «Психологические законы эволюции народов», «Психология народов и масс».

ствующим свойством толпы у народов, имеющих долгое прошлое, является в действительности устойчивость, но никак не изменчивость. Ее разрушительные революционные инстинкты мимолетны, ее консервативные инстинкты отличаются крайним упорством. Инстинкты разрушения могут способствовать минутному успеху социализма, но инстинкты консервативные не допустят продолжения этого успеха. В его торжестве, как в его падении, никакие тяжеловесные аргументации теоретиков не будут играть никакой роли. Еще не пробил час, когда логика и разум будут призваны руководить сцеплениями исторических событий.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛИЗМ У РАЗНЫХ РАС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ

§ 1. *Теоретические основания социализма в Германии.* Научные формы германского социализма. Различие между основными положениями социализма у народов германской и латинской рас. Латинский рационализм и понятие о мире как о развивающемся организме. При разных исходных точках социалисты латинские и германские приходят к одинаковым практическим выводам.

§ 2. *Современное развитие социализма в Германии.* Искусственность путей, приведших Германию к социалистическим воззрениям, тождественным с воззрениями латинской расы. Перемены в духе германской расы вследствие общей воинской повинности. Постепенное возрастание государственной опеки в Германии. Современное видоизменение социализма в Германии. Оставление прежних теорий. Безвредные формы, которые стремится принять германский социализм.

§ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

В настоящее время социализм получил наибольшее распространение в Германии, особенно в средних и высших классах. История его в этой стране выходит из рамок этого труда. Если я и посвящаю социализму в Германии несколько страниц, то единственно потому, что развитие его может на первый взгляд как бы противоречить нашей теории о тесной связи между социальными воззрениями народа с одной стороны и его духом — с другой. Существует, конечно, очень глубокое различие между духом рас латинской и германской, и, несмотря на это, социалисты обеих рас часто приходят к одинаковым воззрениям.

Прежде чем разъяснить, почему теоретики столь различных рас приходят иногда к заключениям почти одинаковым между собой, покажем сперва в кратких чертах, насколько разнятся приемы суждений теоретиков германских и латинских.

После того, как в течение продолжительного времени немцы вдохновлялись французскими идеями, они в свою очередь сами стали их вдохновителями. Их временным верховным жрецом (немцы их меняют часто) был в течение долгого времени Карл Маркс. В основном он пытался облечь в научную форму старые, изношенные умозрения, заимствованные, как то очень хорошо показал Поль Дешанель¹, у французских и английских писателей.

Маркс, пренебрегаемый ныне даже своими старыми учениками, был в течение более 30 лет теоретиком немецкого социализма. Научная форма его сочинений и их неясность были очень соблазнительны для методического и вместе с тем туманного ума немцев. Основанием своей системы он хотел принять закон развития Гегеля и закон борьбы за существование Дарвина. По его мнению, руководит обществами не жажда справедливости или равенства, а потребность в пище, и главнейший фактор развития — это борьба за пропитание. Между разными классами всегда происходит борьба, но она видоизменяется вместе с техническими открытиями. Использование машин уничтожило феодальный строй и обеспечило торжество третьего сословия. Развитие крупной промышленности разделило лю-

¹ Поль Дешанель — член французской Академии наук, генеральный советник и депутат, президент свободного колледжа социальных наук. Сотрудничал в журналах «les Journal des Debats», «le Temps». Автор многочисленных эссе в области бизнеса и политики и работы «Социальный вопрос» (1898).

дей на два новых класса: рабочих-производителей и капиталистов-эксплуататоров. По мнению Маркса, хозяин обогащается за счет работника, уделяя ему только возможно малую часть ценностей, добытых его трудом. Капитал — это вампир, сосущий кровь рабочего. Богатство капиталистов-эксплуататоров безостановочно растет по мере того, как возрастает нищета рабочих. Эксплуататоры и эксплуатируемые близятся к взаимно истребительной войне, результатом которой будет уничтожение буржуазии, диктатура пролетариата и водворение коммунизма.

Большая часть этих утверждений не выдержала критики, и в настоящее время в Германии о них почти уже и не спорят. Они сохранили свой престиж только в латинских странах и служат там еще опорой коллективизма.

Но что более всего нужно запомнить из всего указанного, это научные стремления немецких социалистов: тут полностью проявился дух германской расы. Вместо того, чтобы согласно со своими французскими собратьями рассматривать социализм как организацию произвольную, которая может создаваться и навязываться целиком, немцы видят в нем только дальнейший неизбежный шаг экономической эволюции и открыто выражают свое полное презрение к геометрически простому построению нашего революционного рационализма. Они учат, что не существует ни постоянных экономических законов, ни постоянного естественного права, существуют только переходные формы. «Экономические категории отнюдь не представляются логическими, их следует считать историческими». Общественные учреждения имеют лишь относительное достоинство, а отнюдь не безусловное. Коллективизм есть такая форма развития, в которую неминуемо должно вступить общество в силу современной экономической эволюции.

Такое мирозерцание, основанное на идее эволюции, весьма далеко от латинского рационализма, который, как показали отцы нашей революции, стремится разрушить и совершенно пересоздать общество. Хотя германские и латинские социалисты исходят из разных принципов, отражающих в себе основные черты характера рас, они приходят совершенно к одному и тому же выводу: пересоздать общество, предоставив его вполне поглощению государством. Первые желают произвести это переустройство во имя эволюции, полагая, что оно является ее последствием. Вторые хотят совершить это разрушение во имя разума. Но будущие общества представляются и тем и другим в одной и той же форме. И те и другие одинаково ненавидят капитал и частную предприимчивость, одинаково равнодушны к свободе и одинаково считают необходимым объединять в послушные команды отдельные личности и управлять ими посредством регламентации, доведенной до крайних пределов. И, те и другие стремятся разрушить современный государственный строй и взамен его тотчас же установить новый, под другим именем, с администрацией, отличающейся от современной только тем, что ее права будут значительно расширены.

§ 2. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

У латинских народов государственный социализм, как я вскоре покажу, является следствием их прошлого, многовековой централизации и постепенного развития центральной власти. У немцев это не совсем так. Они были доведены искусственными путями до такого же, как и у латинских народов, представления о роли государства. Это представление явилось как следствие изменения условий существования и характера, изменения, вырабатывавшегося в Германии в течение целого века вследствие распространения всеобщей воинской повинности. Это обстоятельство вполне признают наиболее просвещенные немецкие писатели, в особенности Циглер¹. Единственно возможное средство изменить дух народа или, по меньшей мере, его обычаи и поведение — это суровая военная дисциплина. Только с ней не в силах бороться отдельная личность. Она внушает ей дух подчиненности и уничтожает всякое чувство инициативы и независимости. Догмы можно еще оспаривать, но как оспаривать приказания начальника, имеющего право жизни и смерти над подчиненными и могущего ответить заключением в тюрьму на самое смиренное возражение?

Пока еще милитаризм не получил всеобщего распространения, он служил для правительств отличным средством для подавления и приведения к покорности. Он создавал силу у всех народов, которые успевали его развить до необходимой степени, и ни один народ не мог бы существовать без него. Но нынешний век создал всеобщую обязательность военной службы. Прежде действие военного режима распространялось на очень ограниченную часть народа, а теперь он влияет на дух всего народа. Изучить его действие лучшего всего можно в тех странах, например, в Германии, где военный режим достиг максимума своего развития. Никакой другой режим, даже монастырский, не приносит более полно личность в жертву общему интересу и не подходит ближе к социальному типу, о котором мечтают социалисты. В течение одного века суровый прусский военный режим преобразовал Германию и сделал ее изумительно способной воспринять государственный социализм. Я советую нашим молодым профессорам, ищущим для своих диссертаций несколько менее банальных тем, чем те, какими они часто довольствуются, заняться изучением тех изменений в философских и социальных воззрениях, которые совершились в течение XIX века в Германии под влиянием всеобщей воинской повинности.

Современная Германия, управляемая прусской монархией, создалась не путем медленного исторического развития; недавно установившееся единство ее создано исключительно силой оружия, вследствие побед Пруссии над Австрией и Францией. Пруссия сразу соединила под одной в действительности неограниченной властью большое число маленьких, когда-то благоденствовавших королевств. На развалинах провинциальной жизни Пруссия создала могущественную централизацию, напоминающую режим во Франции при Людовике XIV и Наполеоне. Но такая централизация не замедлит породить и здесь, как везде, разрушение частной жизни, особенно жизни умственной, уничтожение частной инициативы, постепенное поглощение государством всех функций общественной жизни. История нам показывает, что такие большие военные монархии могут процветать лишь тогда, когда во главе их стоят выдающиеся люди; но так как такие люди появляются редко, то процветание это никогда не бывает очень продолжительным.

Поглощающая роль государства тем легче могла проявиться в Германии, что прусская монархия, приобретая своими счастливыми войнами большой престиж, может проявлять свою власть почти бесконтрольно, что не имеет места в других странах, где правительства, потрясаемые частыми революциями, встречают в своей деятельности многочисленные препятствия. Германия в настоящее время есть главный центр самовластия, и можно опасаться, что вскоре в этой стране не будет никакой свободы.

Легко теперь понять, что социализм, требующий все большего и большего вмешательства государства, нашел в Германии очень хорошо подготовленную почву. Развитие его не могло не нравиться правительственным сферам такой страны, как современная Пруссия, где все подчинено начальству и поставлено в строй. Таким образом, социалисты долгое время пользовались благосклонностью правительства. Бисмарк сначала им покровительствовал, и это продолжалось бы и далее, если бы они своей неловкой политической оппозицией не кончили тем, что стали неудобными для правительства.

С тех пор их перестали щадить, и так как германская империя есть военная монархия, способная, несмотря на свою парламентарную внешность, легко принимать самодержавную форму, против социалистов были приняты самые энергичные и бесцеремонные меры. По свидетельству журнала «Vorwärts», в течение только двух лет, с 1894 по 1896 год, по приговорам судов против социалистов за преступления в печати и политические преступления наказания составили в общей сложности 226 лет заключений в тюрьме и 2.800.000 франков штрафа.

Оттого ли, что такой образ действий правительства заставил социалистов призадуматься, или просто оттого, что усилившееся под игом сурового всеобщего военного режима порабощение умов наложило свой отпечаток на дух немцев, и без того уже весьма дисциплинированный и практичный, в настоящее время, бесспорно, социализм у них стремится принять более мягкие формы. Он делается уступчивее, держится исключительно парламентской почвы и

¹ Генрих Ансельм фон Циглер унд Клинхаузен (1663–1696) — немецкий писатель, представитель прециозной литературы.

почти отказывается добиваться торжества своих принципов.

Исчезновение класса капиталистов и уничтожение монополистов представляется социалистам лишь как теоретический идеал, осуществимый не иначе, как в очень далеком будущем. Германский социализм поучает в настоящее время, что «так как буржуазное общество создано не сразу, то не сразу может быть и уничтожено». Он все в большей и большей мере стремится к слиянию с демократическим движением, ввиду улучшения быта рабочих классов.

Придется, я думаю, отказаться от надежды, что немцы первые сделают поучительные опыты социализма у себя. Очевидно, они предпочитают предоставить эту задачу латинским народам.

И не только на практике немецкие социалисты делают разные уступки. Их теоретики, прежде столь решительные и суровые, все более и более отказываются от самых существенных положений их доктрин. Сам коллективизм, бывший в течение продолжительного времени столь могущественным, теперь считается несколько устаревшей утопией, годной разве только для большой публики, да и то без практической пользы. Впрочем, слишком научный и практичный ум немцев и не мог не заметить особенной слабости доктрины, к которой французские социалисты относятся все еще с таким благоговением.

Очень интересно отметить, с какой легкостью и быстротой изменяется в своем дальнейшем развитии немецкий социализм не только в подробностях, но и в наиболее существенных частях теории. Так, например, Шульце-Дэлич, пользовавшийся в свое время большим влиянием, придавал большое значение кооперативному движению, чтобы «приучить народ рассчитывать только на свою собственную инициативу, для улучшения своего положения». Лассаль и все его преемники, наоборот, держались всегда того мнения, что «народ особенно нуждается в поддержке со стороны государства».

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЦИАЛИЗМ В АНГЛИИ И АМЕРИКЕ

§ 1. *Представления о государстве и воспитании у англосаксов.* Особенную важность для народа составляет не принятый им политический режим, а усвоенное им представление о взаимных ролях государства и отдельной личности. Социальный идеал англосаксов. Этот идеал остается у них неизменным при самых разнообразных политических режимах. Особенности умственного склада англосакса. Различие между его нравственными, частными и общественными понятиями. Чувство солидарности, энергия и т. д. Англосаксонские дипломаты. Каким образом расовые качества поддерживаются воспитанием. Характеристика англосаксонского воспитания. Его результаты.

§ 2. *Социальные идеи англосаксонских рабочих.* Как происходит их обучение и воспитание. Как они обращаются в хозяев. Редкие случаи неудачников. Почему ручной труд не презирается у англосаксов. Административные способности англосаксонских рабочих. Как они их приобретают. Рабочие в Англии часто избираются в мировые судьи. Как англосаксонский рабочий защищает свои интересы перед хозяином. Отвращение англосаксонского рабочего к вмешательству государства. Американский рабочий. Частная предприимчивость и промышленность в Америке. Коллективизм и анархия в Англии и Америке. Последователи их набираются лишь из наименее способных, рабочих низших ремесел. Армия социалистов в Соединенных Штатах. Борьба, какую придется вести с этой армией.

§ 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ВОСПИТАНИИ У АНГЛОСАКСОВ

При сравнении понятий о государстве у англичан и у латинских народов с особенной ясностью обнаруживается, насколько государственные учреждения суть создания расы, и до какой степени под одинаковыми названиями могут скрываться совершенно различные вещи. Можно рассуждать нескончаемо, как это делал Монтескье и другие, о превосходстве республиканского правления над монархическим или наоборот; но если мы увидим, что народы, живущие при совершенно различных политических режимах, имеют совершенно одинаковые социальные понятия и весьма сходные между собой учреждения, то мы из того заключим, что эти политические режимы, столь различные по названию, не имеют никакого действительного влияния на дух народов, которыми они будто бы управляют.

Мы уже настаивали в предшествующих наших трудах на этом безусловно основном положении. В своей книге «Психологические законы эволюции народов» мы показали в вопросе о соседних народностях (англичан Северной Америки и латинян испано-американских республик), насколько при почти одинаковых политических учреждениях (ибо вообще учреждения эти в испано-американских республиках суть копии с учреждений Северо-Американских Штатов) развитие этих республик пошло по разным путям. Тогда как громадная англосаксонская республика достигла высшей степени процветания, республики испано-американские, несмотря на удивительно плодородную почву, неисчерпаемые естественные богатства, находятся в полнейшем упадке. Не имея ни искусств, ни торговли,

ни промышленности, они все впали в мотовство, банкротство и анархию. Во главе этих республик было слишком много людей, чтобы не нашлось между ними несколько способных, и, однако, ни один из них не мог изменить их судьбу.

Следовательно, не политический режим, принятый народом, имеет для него значение. Этот режим — не более, как наружный, ничего не значащий костюм, не имеющий, как всякие костюмы, никакого, в сущности, влияния на душу тех, кто его носит. Для понимания развития нации нужно знать те воззрения о взаимных отношениях между отдельной личностью и государством, которые в ней укоренились. Ярлык «монархия» или «республика» на социальном здании сам по себе не имеет никакого значения.

То, что мы расскажем о том, как понимается государство в Англии и Америке, послужит подтверждением вышесказанному. Изложив уже в книге, которую я упоминал выше, характерные особенности англосаксонского духа, я ограничусь теперь лишь весьма кратким резюме из всего сказанного.

Наиболее существенные качества англосаксонской расы можно, впрочем, выразить немногими словами: инициатива, энергия, сила воли и, в особенности, власть над собой, т. е. та внутренняя дисциплина, которая избавляет человека от искания руководства вне себя.

Социальный идеал англосаксов весьма определенный, и при том один и тот же, как в Англии при монархическом режиме, так и в Соединенных Штатах при режиме республиканском. Идеал этот состоит в том, чтобы роль государства низвести до минимума, а роль каждого гражданина возвысить до максимума, что совершенно противоположно идеалу латинской расы. Железные дороги, морские порты, университеты, школы и прочее создаются исключительно частной инициативой, и государству, особенно в Америке, никогда не приходится ими заниматься.

Что мешает другим народам хорошо понять характер англичан, так это то, что они забывают устанавливать резкую грань между индивидуальным поведением англичанина по отношению к соотечественникам и коллективным поведением его по отношению к другим народам. Личная нравственность отдельных англичан вообще очень строга. Действуя как частный человек, англичанин очень добросовестен, очень честен и в большинстве случаев верен своему слову, но когда английские государственные люди действуют во имя коллективных интересов своей страны, дело обстоит совсем иначе. Они поражают иногда полной неразборчивостью в средствах. Человек, явившийся к английскому министру с предложением воспользоваться случаем обогатиться без большого риска, задушив старуху-миллионершу, неминуемо попадет в тюрьму. Но авантюрист, предложивший английскому государственному человеку образовать шайку разбойников для захвата вооруженной силой какой-либо плохо защищенной территории той или другой небольшой южноафриканской республики с уничтожением части местного населения для увеличения богатств Англии, может быть уверен, что встретит наилучший прием, и что предложение его будет немедленно принято. Если предприятие удастся, общественное мнение будет на стороне такого авантюриста. Таким именно образом английские государственные люди покорили большую часть маленьких индусских царств. Надо, впрочем, заметить, что такие же приемы колонизации практикуются и у других народов. Но такие приемы у англичан сильнее поражают, благодаря их большей смелости и искусству доводить свои предприятия до полного успеха. Несчастные кропотливые труды, называемые фабрикантами книжного товара международным правом, представляют собой не более как кодекс теоретической вежливости, способный только занимать досуг старых юристов, слишком утомленных для какой-либо полезной деятельности. На практике этим фразам придают совершенно такое же значение, как и выражениям почтения и преданности, которыми оканчиваются дипломатические письма.

Для англичанина чужие расы как бы не существуют; он имеет чувство солидарности только с людьми своей расы и в такой степени, в какой не владеет им никакой другой народ. Чувство это держится на общности идей, вытекающей из чрезвычайно прочно сложившегося английского национального духа. Всякий отдельный англичанин в любом уголке мира считает себя представителем Англии и вменяет себе в непременную обязанность действовать в интересах своей страны. Она для него — первая держава во всей вселенной, единственная, с которой надо считаться.

«В странах, где англичанин уже господствует, и в особенности в тех, на которые он зарится, — как писал из Трансвааля корреспондент газеты «Temps», — он на первом плане ставит, как аксиому, превосходство англичан над всеми остальными народами. Своей настойчивостью и упорством, своим единомыслием и полным согласием с соотечественниками, он насаждает свои нравы и обычаи, свои развлечения, свой язык, свои журналы и вводит даже свою кухню. К другим национальностям он относится с величайшим презрением, даже враждебно, как только представители их выкажут желание или возможность оспаривать у англичан хоть маленький клочок колониальной земли. В Трансваале такие примеры мы видим чуть не ежедневно. Англия — не только верховная держава (paramount power), но и первая ни с кем несравнимая и единственная нация в мире».

Эта солидарность, столь редкая у народов латинской расы, придает англичанам неодолимую мощь; она-то и делает их дипломатию столь могучей. При столь давно установившемся духе расы все их дипломаты мыслят одинаково о существенно важных вопросах. Из всех дипломатических агентов разных национальностей английские получают от своего правительства инструкций и указаний, может быть, меньше, чем все другие, а между тем, рассуждают и действуют они с наибольшим единством и последовательностью. Их можно рассматривать как части механизма, не нарушающие при замене одних другими его исправного действия. Всякий вновь назначаемый анг-

лийский дипломат всегда будет поступать точно так, как поступал его предшественник¹. У латинских народов — совершенно наоборот. В Тонкине, на Мадагаскаре и в других колониях у нас практиковалось столько же разных политических систем, сколько было там разных представителей правительства, как известно, столь часто меняющихся. Французский дипломат занимается политикой, но не способен преследовать известную политику.

Наследственные качества англосаксонской расы самым тщательным образом поддерживаются воспитанием, совершенно непохожим на французское: безразличное отношение и даже презрение к книжному образованию; большое уважение ко всему, что развивает характер; высшее школьное образование, низшие школы — более чем посредственны; университетов мало, по крайней мере в Англии. Инженеры, агрономы, юристы (адвокаты, судьи и прочие) подготавливаются практически в мастерской, в конторе. Профессиональное обучение везде преобладает над учением книжным и классным. Начальное обучение в кое-каких школах, основанных по частной инициативе, кончается в пятнадцатилетнем возрасте и считается в Англии вполне достаточным.

Среднее образование в Англии дается или в родительском доме, с помощью вечерних курсов, или в школах, расположенных обыкновенно вне городов и совершенно непохожих на французские лицеи. Умственной работе там отводится очень мало времени; большая часть занятий составляет ручной труд (работы столярные, каменные, садовые, земледельческие и т. д.). Существуют даже школы, в которых ученики, готовящиеся к жизни в колониях, всецело предаются подробному изучению скотоводства, земледелия и строительного искусства, причем сами изготавливают все предметы, необходимые для обихода одинокого колониста в пустынной стране. Нигде не заставляют учеников работать на конкурс и никогда не выдают им наград. Соревнование вызывает зависть, и потому считается презренным и опасным. Языки, естественная история, физика преподаются, но всегда практическим способом: языки — на разговорах, естественные науки — на опытах и частью на изготовлении самих приборов. В пятнадцатилетнем возрасте ученик выходит из школы, отправляется путешествовать и избирает какую-либо профессию.

Такое ограниченное образование не мешает, по-видимому, англичанам выдвигать из своей среды знаменитых ученых и мыслителей, не уступающих ученым и мыслителям других стран, имеющих самые ученые школы. Эти ученые, вышедшие не из университетов и школ, отличаются особенной самобытностью, которая только и присуща умам, развивавшимся самостоятельно, и какой никогда не проявляют те, которые прошли через шаблонный школьный режим.

Такие известные большие школы, как Кэмбриджская, Оксфордская, Итонская и прочие, в которых учатся только сыновья высшей аристократии, и где содержание учеников обходится в 6.000 франков, служат для образования лишь ничтожного меньшинства, так как в них всего 6.000 воспитанников. Это — последние убежища переводов на древние языки и греческих стихов, но и тут предпочтение отдается гребному спорту. Кроме того, ученики там пользуются полнейшей свободой, что приучает их к самостоятельности. Это последнее обстоятельство в Англии справедливо считается основанием воспитания. Игры, в которых надо уметь командовать и подчиняться, считаются там школой дисциплины, солидарности и стойкости, неизмеримо более полезной, чем гораздо менее значительное и бесполезное искусство составления сочинений и диссертаций на разные темы.

Эта самобытность формы и мысли сказывается даже в ученых трудах, где менее всего можно было бы ее ожидать. Сравните, например, книги по физике Тиндаля, Тэта, лорда Кельвина и т. д. с подобными же книгами французских профессоров. Оригинальность, выразительная и захватывающая образность изложения встречаются на каждой странице, тогда как холодные и безупречные книги наших профессоров написаны по одному шаблону. Прочитав одну, можно и не заглядывать в другие. Их цель — отнюдь не наука сама по себе, а подготовка к известному экзамену, что, впрочем, всегда заботливо и указывается на обложке.

Одним словом, англичанин старается воспитать из своих сыновей людей, вооруженных для жизни, способных жить и действовать самостоятельно, обходиться без постоянной опеки, от которой не могут избавиться люди латинской расы. Такое воспитание прежде всего дает человеку self-control², умение управлять собой, — то, что я называл внутренней дисциплиной, и что составляет национальную добродетель англичан, которая едва ли не одна уже могла бы обеспечить процветание и величие нации.

Так как эти принципы вытекают из чувств, совокупность которых образует английский дух, мы, естественно, должны встречать их во всех странах, заселенных английской расой, особенно в Америке. Вот как свидетельствует о том рассудительный наблюдатель де Шасселу-Лоба:

«Взгляд американцев на общественное значение обучения юношества составляет еще одну из причин устойчивости американских учреждений: при определенном минимуме знаний, который они считают нужным сообщать детям в первоначальных школах, американцы считают, что главную цель педагогов должно представлять общее воспитание, а не обучение. Воспитание физическое, нравственное и умственное, т. е. развитие энергии и выносливости тела, умай характера, составляет, по их мнению, для каждого человека важнейший залог успеха. Несомненно,

¹ Я полагал, что это обстоятельство очевидно для всех, кто путешествует и наблюдает: но в одном заседании, где присутствовало несколько французских дипломатов, на мое заявление об этом свойстве английской дипломатии я встретил единодушные протесты со стороны всех, кроме одного адмирала, который вполне разделял мое мнение. Разные дипломаты с одинаковым направлением! Не есть ли это отрицание дипломатии? Чему же будет служить разум, образование и т. д.? Это еще раз убедило меня в том, какая глубокая пропасть лежит между воззрениями латинской и англосаксонской рас, и насколько неизлечима наша неспособность к колонизации.

² Самоконтроль (*англ.*).

что работоспособность, стремление к неперемному успеху и привычка к неустанному повторению усилий в принятом направлении — неоценимые силы, так как они могут прилагаться в любой момент и во всякой деятельности; запас же сведений, напротив, должен меняться сообразно с занимаемым положением и избираемой деятельностью».

Подготавливать людей к жизни, а не к добыванию дипломов — идеал американцев. Развивать инициативу и силу боли, приучать обходиться своим умом — вот результаты такого воспитания. Эти идеи, очевидно, очень далеки от идей латинской расы. По мере дальнейшего нашего исследования разница между ними будет выясняться все более и более.

§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ АНГЛОСАКСОНСКИХ РАБОЧИХ

В Англии социалисты набираются не в зажиточных классах, а среди рабочих. Поэтому мы должны перейти от предшествующих общих замечаний к исследованию источников обучения и воспитания англосаксонского рабочего и к вопросу об образовании его социальных понятий.

Обучение и воспитание его мало отличаются от тех, какие имеют место в буржуазных слоях. И то и другое достигается более практическим путем, непосредственно на деле, а совсем не с помощью только книг. Потому-то в Англии и не может существовать между классами глубокой пропасти, создаваемой у латинских народов разными дипломами и конкурсами. Во Франции можно еще иногда встретить фабричного или рудничного рабочего, превратившегося в хозяина, но не встретишь ни одного, приобретшего степень инженера, так как для получения ее надо сначала пройти через школу и получить диплом, который дается только тем, кто поступил в школу ранее 20-летнего возраста. Английский рабочий, если он обладает достаточными способностями, делается мастером, потом — инженером, и другого пути для достижения этого звания не существует¹. Ничто не может быть более демократично. При таком порядке не могут пропадать в народе хорошие силы, а главное — не может быть неудачников. Никто и не думает презирать ручной труд, столь ненавистный и чуждый французским бакалаврам и обладателям дипломов, потому что этот труд для всех классов народа признается необходимой переходной ступенью.

Рассмотрев источники технического обучения английского рабочего, посмотрим, на чем основано теоретическое его образование, столь необходимое, если оно следует за практикой дела или сопровождает ее, но не предшествует ей. Так как начальная школа дала ему только самые первоначальные сведения, то он сам чувствует потребность дополнить их, и в этих дополнительных занятиях он сознает пользу и предается им со всей присущей англосаксонской расе энергией. Он легко приобретает это дополнительное образование на вечерних курсах, созданных всюду частной инициативой и имеющих всегда прямое отношение к тому, чему слушатели учатся на практике в мастерских и в рудниках. Таким образом, они всегда имеют возможность проверять пользу того, чему обучаются.

К этому источнику практического обучения присоединяются основанные всюду народные библиотеки, а также газеты. С последними нельзя и сравнивать французскую газету, столь легковесную, что она не нашла бы по ту сторону Ла-Манша ни одного читателя: английская газета обыкновенно бывает богата точными сведениями всякого рода. Журналы, посвященные изобретениям в области механики, например, «Engineering», имеют своих читателей преимущественно в среде рабочих. Листки, наиболее распространенные по маленьким местечкам и селам, переполнены сведениями по экономическим и промышленным вопросам, возникающим во всех странах. Де Рузье говорит, что из разговоров с английскими фабричными он вынес заключение, что «они гораздо лучше осведомлены о всем происходящем на земном шаре, чем значительное большинство французов, получивших так называемое либеральное образование». Он передает свою беседу с одним из рабочих по вопросам о двойной валюте, о действии тарифа Мак-Кинли² и т. д. Со стороны рабочего не было изысканных фраз, но высказанные им замечания были практичны и верны.

Вот каково теоретическое образование. Но каким путем рабочий приобретает сверх того те общие экономические познания, которые изошряют суждение и позволяют ему вести свои дела? Очень просто: участвуя в управлении теми предприятиями, которые его интересуют, вместо того, чтобы предоставлять ведение их дел государству или одному хозяину. Самые незначительные рабочие центры имеют общества — кооперативные, взаимопомощи, взаимного страхования и т. п., управляемые исключительно рабочими. Таким образом, рабочие постоянно соприкасаются с действительными условиями жизни и быстро учатся избегать столкновений с невыполнимыми и фантастическими желаниями.

«Посредством множества этих автономно управляемых кооперативных обществ, рабочих союзов (trades-unions), обществ воздержания, взаимопомощи и т. п. Великобритания, — пишет де Рузье, — готовит поколения способных граждан и становится, таким образом, в положение, при котором без насильственных переворотов могут совершаться политические преобразования». Для доказательства практических способностей, приобретаемых таким

¹ Молодой англичанин из богатой семьи, желающий быть инженером, не проработав и в качестве обыкновенного оплачиваемого рабочего, не имеет другого пути, как поступить на 2 или на 3 года на большую фабрику, очень дорого оплачивая свое обучение. Хорошо устроенные заводы берут за это обыкновенно 2.500 франков в год. Ценные результаты, достигаемые такой системой практического обучения, совсем не те, что во Франции. Во главе всех наиболее важных технических работ в мире в настоящее время стоят английские инженеры.

² Уильям Мак-Кинли, 25-й президент США, был инициатором закона о повышении таможенного тарифа (1890 г.).

образом рабочими, де Рузье замечает, что в Англии только в течение одного года 70 рабочих были выбраны в мировые судьи, из них 12 попало в парламент и один сделался помощником государственного секретаря. Капитал, вложенный рабочими в кассы рабочих союзов, частных обществ, в сберегательные кассы и т. п., достигает 8 миллиардов франков.

Легко доказать, что все эти качества английского рабочего — исключительно результат характера расы, а не влияний окружающей среды и обстановки, так как рабочие других рас, в той же среде и при совершенно тех же условиях, не обнаруживают только что описанных качеств. Таковы, например, ирландские рабочие в английских мастерских. Де Рузье и многие другие свидетельствуют о низком уровне способностей ирландского рабочего, что также замечено и в Америке: «Ирландцы не обнаруживают стремления к улучшению своего положения и считают себя удовлетворенными как только находят средства к пропитанию». В Америке их, как и итальянцев, можно встретить почти только среди нищих, политиканов, каменщиков, прислуги или тряпичников.

Отлично понимающий экономические необходимости английский рабочий прекрасно умеет отстаивать свои интересы перед хозяином предприятия, не отказываясь при случае от стачки; но он не завидует состоянию хозяина и не ненавидит его уже потому, что не считает его по природе и происхождению отличающимся от себя. Ему прекрасно известен доход хозяина, а, следовательно, и то, сколько он может ему платить. Английский рабочий не решится пойти на стачку зря, без предварительного зрелого и обстоятельного рассмотрения и убеждения в том, что различие между прибылью на капитал и заработной платой действительно сделалось несоразмерно большим. «Нельзя, — говорят рабочие, — слишком притеснять хозяина по двум причинам: притеснять его — значит разорять, а раз он разорен, то он уже не хозяин». Столь дорогой нашим социалистам принцип вмешательства государства в регулировку отношений между хозяевами и рабочими английскому рабочему вполне антипатичен. Он считает безнравственным и бессмысленным просить у правительства пенсию при отставке. Еще Тэн в своих письмах об Англии¹ отметил это отвращение английских рабочих к правительственному покровительству и противопоставлял это характерное свойство постоянному вызыванию французских рабочих к государству.

Совершенно так же, как и на материке, английский рабочий бывает жертвой экономических переворотов и вызываемых ими промышленных кризисов, но он слишком хорошо понимает требования необходимости и обладает такой деловитостью, что не способен делать ответственным своего хозяина за такие случайности. Он презирает обычное в латинской расе празднословие по адресу эксплуататоров и ненавистного капитала. Он отлично знает, что рабочий вопрос не ограничивается только столкновениями между капиталом и трудом, и что капитал и труд подчинены фактору огромной силы — потребителю. Поэтому английский рабочий готов перенести приостановку работ или уменьшение заработной платы, если считает это неизбежным. Благодаря своей предприимчивости и своему воспитанию, он сумеет при необходимости даже и переменить свое ремесло на другое. Де Рузье указывает на каменщиков, уезжающих ежегодно на 6 месяцев в Америку для заработка. Другие рабочие, видя свое разорение вследствие ввоза шерсти из Австралии, послали своих делегатов туда для изучения дела на месте. Там, в колониях они стали скупать шерсть, установили новый вид торговли и тем быстро изменили условия существования в своей местности.

Такая энергия, такая предприимчивость и такие способности рабочих показались бы в латинских странах совершенно необыкновенными. Стоит только переплыть океан, чтобы найти эти качества рабочих англосаксонской расы в Америке развитыми еще в большей степени². Это там более, чем где-либо, никогда нельзя рассчитывать на покровительство государства. В уме американца не может даже зародиться мысль просить устроить за счет государства железную дорогу, порт, университет и т. п. Одной частной инициативы достаточно для всего этого. Особенно в устройстве железных дорог, покрывающих огромную сеть путей великую республику, частная инициатива показала свою удивительную мощь. Ни в каких других предприятиях не обнаруживается лучше пропасть между духом латинским и англосаксонским в отношении независимости и предприимчивости.

Железнодорожная промышленность считается в Америке наравне со всякой другой. Созданная частными обществами, она держится только тогда, когда дает прибыль. Никому и в голову не придет, чтобы акционеры в случае малой доходности предприятия могли быть вознаграждаемы правительством, как во Франции³. Самые длинные рельсовые пути из существующих ныне сначала всегда устраивались на небольших протяжениях для ограничения риска и удлинялись постепенно, не иначе как в зависимости от достигнутого успеха. Этим простым средством американские железные дороги достигли такого большого протяжения, какого нет ни у одной из европейских наций, несмотря на поддержку их правительств. И притом эта огромная железнодорожная сеть управляется самой простой административной орга-

¹ Тэн И. «Очерки современной Англии» (СПб, 1872).

² Во всем, что касается крупной механической промышленности, превосходство американских рабочих в настоящее время почти не оспаривается. Несмотря на огромную стоимость перевозки, американские машины и особенно паровозы все более и более распространяются в Европе. Вот как недавно выражался один английский инженер в «Revue scientifique»: «Американские паровозы можно изготовить при меньшей стоимости на единицу веса металла, чем в Европе, несмотря на то, что заработная плата в Америке значительно выше. Это коренное различие объясняется, впрочем, *характерными качествами американского рабочего* и, вероятно, более широким использованием приемов механической обработки».

³ Все железнодорожные компании во Франции, кроме одной, вынуждены прибегать к гарантии прибыльности дорог. Государству приходится платить их акционерам огромные суммы, сильно обременяющие бюджет.

низацией, состоящей из очень малого числа начальников службы, заинтересованных в деле и ответственных.

«Рассмотрим, — пишет Л. Дюбуа, — простую, точную и быструю работу административной машины. Контор не существует; нет безответственных служащих, изготавливающих рапорты, которые начальники подписывают, не читая. Девиз такой: всякий сам за себя. Работа сообразно существу дела распределена и децентрализована; на всех ступенях службы, от верха до низу, всякий имеет свои полномочия, несет личную ответственность и делает все самолично: Это — самая лучшая система для оценки индивидуальных качеств работника. Вспомогательным составом служащих являются только мальчики для посылок и девушки, пишущие на машинах письма, только что записанные ими же стенографически под диктовку. Ни в чем нет замедления: *всякое дело должно быть окончено в 24 часа*. Все озабочены и завалены своим делом, все — от президента до простого клерка, каждый работает 9 часов в сутки. Кроме того, самые крупные железнодорожные администрации состоят из небольшого числа лиц и занимают небольшие помещения: «Chicago Burlington and Quincy», обслуживающее на западе более 10 тысяч километров рельсового пути, занимает только один этаж своего здания в Чикаго; «Сен-Поль» — то же самое.

Президент компании координирует деятельность всего предприятия. Он — главный начальник по всем отраслям дела; все важные вопросы по каждой отрасли службы доходят до него: ему приходится быть и инженером, и экономистом, и финансистом, и адвокатом в судах по делам компании, и дипломатом в сношениях с законодательными учреждениями; он всегда наготове. Часто президент достигает своего положения, пройдя последовательно все ступени административной службы в той же компании; один из таких президентов начал службу в качестве простого механика в обществе, которым теперь управляет. Все они — люди высокой ценности, хорошо характеризующие высший тип американского дельца, воспитанного и приводимого к общим идеям практической деятельностью».

После всего изложенного легко угадать, как мало шансов на успех могут иметь у англосаксов столь обычные у латинских народов представления о государственном социализме. Ничего нет удивительного, что на конгрессах социалистов сразу проявляется самое глубокое разноречие между рабочими-делегатами англосаксонской и латинской рас. Английская раса обязана своим могуществом развитию частной предприимчивости и ограничению вмешательства государства. Раса эта идет по направлению, противоположному стремлениям социализма, и потому процветает.

Отсюда не следует, конечно, что в Америке и Англии не проповедовались самые худшие формы коллективизма и даже анархия. Уже несколько лет замечается прогресс социализма в Англии; но замечается также, что адепты социализма пополняются там почти исключительно из рабочих плохо оплачиваемых ремесел, практикуемых людьми, наименее способными, т. е. такими неприспособленными, которым далее мы посвящаем целую главу этой книги. Это исключительно они кричат, будучи одни в этом заинтересованы, о национализации земли и капитала и о попечительном вмешательстве государства.

Но социалисты обладают огромной армией приверженцев, особенно в Соединенных Штатах. Эта армия с каждым днем растет и становится все более и более грозной. Она пополняется из возрастающей волны эмигрантов чужой крови, не имеющих средств к существованию, людей без энергии, неприспособленных к условиям существования в своем новом отечестве. Они составляют ныне громадный отброс. Соединенные Штаты предчувствуют уже день, когда придется начать с этой чернью кровавые битвы и предпринять беспощадное ее истребление, которое напомним, но только в значительно большем размере, уничтожение варварских орд, предпринятое Мариусом для спасения римской цивилизации от их нашествия. Быть может, только ценой подобных гекатомб¹ и можно будет спасти святое дело независимости человека и прогресса цивилизации, от которого, по-видимому, многие народы готовы отказаться в настоящее время.

¹ Гекатомбы — огромные жертвы войны, террора, эпидемии и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ

§ 1. *Как определяется истинный политический режим народа.* Нужно дойти до самых корней учреждений, чтобы понять, как они зародились. Каким образом за кажущимися учреждениями удается распознать основные принципы управления народом. Учреждения, созданные теоретически, часто являются только позаимствованной вывеской.

§ 2. *Умственный склад народов латинской расы.* Что должно разуметь под названием «народы латинской расы». Их характерные признаки. Живость ума. Слабость инициативы и воли. Жажда равенства и равнодушие к свободе. Потребность в опеке. Страсть к словам и логике. Противоположность между складом ума англосаксов и латинских народов с точки зрения логики. Следствия. Развитие общительности и слабая солидарность в латинской расе. Качества, которые прежде давали этой расе превосходство, в настоящее время становятся бесполезными. Роль характера и ума в развитии цивилизаций.

§ 1. КАК ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ИСТИННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ НАРОДА

Исследование проявлений социализма у англосаксов показало нам, что социалистические теории натолкнулись бы у этих народов на такие характерные особенности расы, при которых развитие этих теорий оказалось бы невозможным. Мы сейчас покажем, что, напротив, у так называемых латинских народов социализм есть следствие предварительной эволюции того режима, которому они бессознательно подчиняются уже давно и требуют только все большего и большего его развития.

Важность этого предмета требует, чтобы изучению его было посвящено несколько глав. Прогрессивный ход некоторых учреждений можно уловить, только проследив его от самых корней. Когда данное учреждение в народе процветает, можно быть вполне уверенным, что расцвет учреждения есть следствие всех предшествующих стадий развития.

Это развитие не всегда заметно, потому что, особенно в настоящее время, учреждения часто представляют собой не более как созданные теоретиками вывески, которые, не соответствуя действительности, не имеют никакой жизненности. Изучать учреждения и государственное устройство лишь по их внешней форме и Названиям, указывать, что народ живет при республиканском или при монархическом правлении, — это значит ничего не объяснять и лишь внушать неверные понятия. Существуют страны, например испано-американские республики, обладающие удивительно написанными конституциями и превосходными учреждениями, а в действительности в них царит полная анархия под игом абсолютного деспотизма маленьких тиранов, ничем не ограниченных в своих фантазиях. В других частях света есть, напротив, такие страны, как Англия, живущая под монархическим и аристократическим режимом и имеющая конституцию самую неопределенную и несовершенную, какую только теоретик может себе вообразить, а между тем, там свобода, преимущества и личная деятельность граждан развиты так, как никогда ни у какого другого народа развиты не были.

Наиболее действительный способ распознать скрывающийся за наружными пустыми формами истинный политический режим народа состоит в том, чтобы посредством изучения подробностей различных отраслей общественной деятельности народа выяснить взаимные границы ролей правительства и частных лиц, т. е. определить усвоенные этими народами представления о государстве. Как только углубишься в это изучение, тотчас вывеска спадает, и действительность всплывает наружу. И тогда сейчас же убеждаешься, как тщетны все теоретические споры о достоинстве внешних форм правления и учреждений, и становится совершенно ясным, что народ так же не может выбрать себе учреждения, которые действительно будут им управлять, как человек не может выбрать себе возраст. Теоретически навязанные учреждения имеют почти ту же цену, как и всевозможные искусственные средства, к которым прибегает человек, желающий скрыть свои годы. ненаблюдательные люди не заметят действительности, но, тем не менее, она существует.

Мы уже пытались в нескольких наших трудах доказать вышеизложенное. Исследование социализма у разных народов дает новые данные для этих доказательств. Прежде чем начать это исследование относительно латинских народов, мы дадим краткий очерк их психологии.

§ 2. УМСТВЕННЫЙ СКЛАД НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ

Читателю наших трудов известно что мы разумеем под названием «латинские народы», «латинская раса». Термин «раса» мы понимаем отнюдь не в антропологическом смысле, так как уже давно (если не считать дикие народы) чистые расы почти исчезли. У цивилизованных народов существуют только расы, которые мы назвали историческими, т. е. расы, создавшиеся всецело под влиянием исторических событий. Такие расы образуются, когда народ, состоящий иногда из элементов весьма различного происхождения, в течение веков подвергается влияниям сходных между собой условий среды и общественного строя, общих учреждений и верований и совершенно одинакового воспитания. Если только соприкасающиеся таким образом народности не очень различны по своему происхождению (например, ирландцы, подчиненные господству англичан, и разнородные расы, находящиеся под австрийским владычеством), то они сливаются и приобретают единый национальный дух, т. е. сходные чувства, интересы, склад мыслей.

Все это совершается не в один день, но пока создание национального духа народа не закончено, до тех пор нельзя считать, что народ сформировался, что данная цивилизация определилась, что историческая раса установилась.

Только после того, как создание национального духа закончено, масса не имевших взаимной связи существ, соединенных случайностями завоеваний, набегов, присоединений, образует однородный народ. Сила его становится тогда очень большой, потому что он обладает общим идеалом, общей волей и способен на большие коллективные усилия. Все люди создавшейся таким образом расы принимают решения в своих делах, руководствуясь сходными между собой принципами. На все крупные религиозные или политические вопросы они имеют почти одинаковые взгляды. В способе обсуждения какого бы то ни было дела, коммерческого, дипломатического или технического, дух расы не замедлит сказаться.

Образцом народа, приобретшего весьма определенный национальный дух, могут служить англичане. Этот дух проявляется даже в мелочах. Для такого народа никакая децентрализация не опасна, так как всякий маленький центр, одушевленный общей мыслью, будет преследовать и общую цель.

У латинских народов, составленных из разноплеменных народностей, очень расходящихся между собой во всем, национальный дух еще не окреп, и потому народы эти нуждаются в строгом централизованном режиме, который не допустил бы распада. Только он может заменить собой общий дух, которого народы эти еще не успели приобрести.

Это выражение — «латинские народы» — прилагается к таким народам, у которых, может быть, нет и капли латинской крови, которые сильно различаются между собой, но которые в течение долгих веков находились под игом латинских идей. Они принадлежат к латинским народам по своим чувствам, учреждениям, литературе, верованиям, искусствам и воспитанию, поддерживающему латинские традиции. «Начиная с эпохи Возрождения, — пишет Ганото, — образ Рима неизгладимыми буквами запечатлен на лице Франции... В течение трех веков французская цивилизация казалась только подражанием римской». Не продолжает ли она быть таковой и теперь?

Гастон Буастье в своем недавнем отзыве о новом издании «Римской истории» Мишле защищает ту же мысль. Он справедливо замечает, что «мы полнили от Рима наибольшую часть своего духовного содержания. Всмотревшись в себя, мы находим в глубине своей души запас чувств и идей, оставленных нам Римом; ничто не могло избавить нас от них, и все остальное опирается на этот запас».

Самые общие характерные черты психологии латинских народов можно резюмировать в нескольких строках.

Основные черты этих народов, особенно кельтов: очень живой ум и весьма слабо развитые инициатива и постоянство воли. Неспособные к продолжительным усилиям, они предпочитают быть под чьим-либо руководством и всякую неудачу приписывают не себе, а своим руководителям. Склонные, как это заметил еще Цезарь, опрометчиво предпринимать войны, они приходят в уныние при первых же неудачах. Они непостоянны, как женщины; это непостоянство еще великий завоеватель¹ назвал галльской слабостью. Оно делает их рабами всякого увлечения. Пожалуй, самая верная их характеристика — это отсутствие внутренней дисциплины, которая, давая возможность человеку управлять самим собой, мешает ему искать себе руководителя.

К сущности вещей они вообще очень равнодушны, увлекаясь лишь одной внешней стороной. Они кажутся очень изменчивыми, очень склонными к политическим переворотам, но в действительности они в высшей степени консервативны. Их революции совершаются главным образом ради слов и не изменяют почти ничего, кроме одних названий.

Пьер Боден² в одной из своих министерских речей сказал: «Нет другой страны, где бы новые идеи так легко находили воодушевленных проповедников, но зато нигде так прочно не держится рутина. Она тут упорно выдерживает натиск научной мысли».

Ради этих-то слов, захватывающих умы с какой-то магической силой, латинские народы не перестают ожесточенно бороться между собой, не замечая, в жертву каким иллюзиям они себя приносят. Нет других народов, среди

¹ Александр Македонский.

² Пьер Боден — министр общественных работ в министерстве Вальдена-Руссо. Автор работ «Потерянные силы», «Современные армии и великие державы» и др.

которых было бы такое множество политических партий, столь враждебно относящихся друг к другу. Но и нельзя указать, где бы было большее, чем у латинских народов, единство мыслей в вопросах политики. Общий идеал всех партий, от наиболее революционных до наиболее консервативных, — это абсолютизм государства. Приверженцы этого идеала (Etatistes) — единая политическая партия латинских народов. Якобинец, монархист, клерикал или социалист почти не различаются в этом отношении. Да и как могли бы они различаться, будучи сынами одного и того же прошлого, рабами идей и представлений своих предков? Мы обречены еще надолго поклоняться одним и тем же богам, хотя и под другими именами.

Латинские народы, по-видимому, очень любят равенство и очень ревнивы ко всякому превосходству среди людей; но в то же время легко заметить, что за этой кажущейся жаждой равенства скрывается сильная жажда к неравенству. Они не могут переносить кого-либо выше себя, потому что им хотелось бы видеть всех ниже себя. Они тратят значительную часть своего времени на то, чтобы добиться титула или ордена, которые дали бы им возможность с пренебрежением относиться к тем, кто этих отличий не имеет. Снизу вверх — зависть, сверху вниз — презрение.

Если потребность в неравенстве у них и велика, стремление к свободе весьма слабо. Как только они ею обладают, они стараются ее отдать какому-либо руководителю, чтобы получать от него указания и правила, без которых они жить не могут. Они только тогда и играли в истории важную роль, когда во главе их стояли великие люди; и вот почему под влиянием векового инстинкта они их всегда ищут.

Латинские народы во все времена были большие говоруны, любители слов и логики. Почти не останавливаясь на фактах, они увлекаются идеями, лишь бы последние были просты, общи и красиво выражены. Слова и логика были всегда самыми опасными врагами этих народов. «Французы, — пишет Мольтке, — всегда принимают слова за факты». Другие латинские народы — то же самое. Было верно замечено, что когда американцы атаковали Филиппины¹, испанские кортесы² только и занимались произнесением пышных речей и устройством кризисов, при которых партии вырывали друг у друга власть, вместо того, чтобы постараться принять необходимые меры для защиты последних следов своего национального родового наследия.

Можно было бы воздвигнуть громадную пирамиду, выше самой большой египетской, из латинских черепов — жертв громких слов и логики. Англосакс преклоняется перед фактами и реальными требованиями жизни и, что бы с ним ни случилось, никогда не сваливает вину на правительство, очень мало обращая внимание на кажущиеся указания логики. Он верит опыту и знает, что не разум руководит людьми. Человек латинской расы все выводит из логики и во всех отношениях перестраивает общество по планам, начертанным при свете разума. Такова была мечта Руссо и всех писателей его века. Революция лишь применила их доктрины. Никакое разочарование не могло еще поколебать могущества этих иллюзий. Это то, что Тэн называет классическим умом: «Выделить несколько очень простых и очень общих положений; затем, не обращая внимания на практический опыт, сравнить их, сочетать между собой и из полученной таким образом искусственной комбинации вывести посредством небольшого рассуждения все заключающиеся в нем следствия». Великий писатель удивительно верно схватил в речах наших революционных собраний сущность этого умственного настроения:

«Пересмотрите речи, произнесенные с трибун и в клубах, доклады, мотивировку законов, памфлеты, всякие писания, внушенные современными трагическими событиями: никакого представления о природе человека такой, какой она представляется нашим глазам повсюду, в полях и на улице; человека всегда представляют себе как простого автомата с хорошо известным механизмом. У писателей сейчас человек представляется в виде говорящей машины; в политике в настоящее время он обращается к машине для подачи голосов, до которой достаточно дотронуться пальцем в надлежащем месте, чтобы получить подходящий ответ. Никогда никаких фактов, а только одни отвлеченности, бесконечный ряд афоризмов о природе, разуме, народе, тиранах, свободе — своего рода надутые мыльные пузыри, без всякой пользы толкающиеся в пространстве. Если бы не было известно, что все это ведет за собой страшные практические последствия, то можно было бы думать, что все это только игра в логику, школьные упражнения, академические выступления, отвлеченные комбинации».

Общительность в латинской расе и особенно у французов сильно развита, но чувство солидарности у них чрезвычайно слабо. Англичанин, напротив, мало общителен, но солидарен до мелочей со всеми людьми своей расы. Мы видели, что эта солидарность — одна из великих причин его силы. Люди латинской расы преимущественно руководствуются личным эгоизмом, англосаксы — эгоизмом общественным.

Это полное отсутствие солидарности, замечаемое у всех латинских народов, составляет для них один из наиболее вредных недостатков. Это — порок расы, и порок очень развившийся под влиянием их воспитания. Своими постоянными конкурсами и классификациями оно заставляет человека постоянно бороться с подобными себе и развивает личный эгоизм в ущерб общественному.

Отсутствие солидарности проявляется у латинских народов во всех мелочах жизни. Давно замечено, что даже в играх французов с англичанами в мяч молодые французы всегда проигрывают по той простой причине, что англичанин, интересуясь успехом всей своей партии, а не своим личным, передает товарищу мяч, который сам не может удержать, тогда как француз старается удержать мяч у себя, считая, что лучше проиграть партию, чем видеть ее

¹ 1899–1901 г.г.

² Испанский парламент.

выигранной товарищем. Успех партии для него безразличен, он интересуется только своим личным успехом. Этот эгоизм естественно сопутствует французу и в жизни; и если он делается генералом, то может иногда случиться, что он представит неприятелю возможность разгромить товарища по оружию, которому он мог бы оказать помощь. Такие печальные примеры мы видели в нашей последней войне¹.

Этот недостаток солидарности у латинских народов особенно бросается в глаза путешественникам, посещающим наши колонии. Я мог много раз убедиться в верности следующих замечаний Майе:

«Очень редко бывает, чтобы в колониях два соседа-француза не были между собой врагами. Путешественник, попавший в колонию, испытывает тотчас же ошеломляющее впечатление. Всякий колонист, всякий чиновник, даже всякий военный так язвительно отзываясь о других, что невольно является недоумением — как эти люди не стреляют друг в друга?»

Люди латинской расы совершенно неспособны понимать чужие идеи и, следовательно, неспособны их уважать. По их мнению, все люди созданы по одному шаблону и, следовательно, должны мыслить и чувствовать одинаковым образом.

Следствием этой неспособности является их крайняя нетерпимость. Эта нетерпимость проявляется тем ярче, что усваиваемые ими мнения, будучи чаще всего внушены чувством, оказываются недоступными никакой аргументации. Всякого, кто не согласен с их воззрениями, они считают злонамеренным существом, которое надо преследовать, пока не удастся избавиться от него хотя бы и самыми насильственными мерами. Религиозные войны, Варфоломеевская ночь, инквизиция, террор — все эти явления суть следствия этой особенности латинского духа. Она навсегда сделает для них невозможным продолжительное пользование свободой. Человек латинской расы понимает свободу только как право преследовать тех, кто не так думает, как он.

Латинские народы всегда предьявляли доказательства большой храбрости. Но их нерешительность, непредусмотрительность, недостаток единения, отсутствие хладнокровия, боязнь ответственности делают эту храбрость бесполезной, если только ими не командует сильная и умелая власть.

В современных войнах значение высшего командования все более и более уменьшается вследствие возрастающего протяжения полей сражения. Берут верх такие качества, как хладнокровие, предусмотрительность, единение, методичность, и потому латинским народам трудно будет возобновить свои прежние успехи. Еще не так давно ум, красноречие, рыцарские доблести, литературное и артистическое дарования представляли главные факторы цивилизации. Благодаря этим качествам, которыми латинские народы щедро одарены, они долго находились во главе всех наций. При промышленной, географической и экономической эволюции настоящего времени, условия для превосходства того или другого народа в жизненной борьбе требуют от него дарований, весьма отличных от перечисленных. Главное, что теперь дает перевес народу, — это настойчивая энергия, дух предприимчивости, инициатива и методичность. Этими качествами латинские народы обладают в очень слабой степени; их инициатива, воля и энергия все более и более ослабевают, а потому они должны были постепенно уступать место тем, кто наделен такими качествами.

Воспитательный режим юношества все более и более разрушает то, что еще оставалось от этих качеств. Оно все больше теряет твердость воли, настойчивость, инициативу и особенно ту внутреннюю дисциплину, которая делает человека самостоятельным, способным обходиться без руководителя.

Различные события, посредством много раз повторявшегося подбора отрицательных качеств, содействовали значительному уменьшению числа людей с наиболее развитыми энергией, самостоятельностью и жаждой к деятельности. Латинские народы расплачиваются теперь за прошлые свои ошибки. Инквизиция систематически уничтожала в Испании в течение нескольких веков то, что она имела наилучшего. Отмена Нантского эдикта (Людовик XIV, 1685 г.), революция, империя, междоусобные войны уничтожили во Франции самые предприимчивые и энергичные натуры. Слабый прирост населения, отмеченный среди большей части латинских народов, еще усиливает эти причины упадка. Если бы еще воспроизводились лучшие части населения, то беды не было бы никакой, так как не число жителей данной страны, а их высокие качества составляют ее силу. К несчастью, численный уровень населения еще поддерживается только самыми неспособными, самыми слабыми, самыми непредусмотрительными.

Нет никакого сомнения, что достоинство народа определяется числом производимых им замечательных людей на разных поприщах. Упадок народа происходит вследствие уменьшения, а затем и исчезновения высших элементов. Недавно в «Revue scientifique» Лапуж высказал аналогичные заключения относительно римлян:

«За двухсотлетний период наиболее знаменитые старейшие фамилии исчезли и заменились менее достойными, вышедшими из разных слоев и даже из освободившихся невольников. Когда Цицерон жаловался на упадок римских добродетелей, знаменитый арпинянин забывал, что в городе, даже в самом сенате, римляне старых фамилий были редки и что на одного потомка квиритов² приходилось десять латинян нечистой крови и десять этрусков; он забывал, что римское государство начало приходить в упадок с того дня, когда открылся доступ в него чужестранцам, и что причина, по которой титул гражданина беспрестанно терял свой блеск, была та, что между носителями его было более сынов народов побежденных, чем народа-победителя. Когда путем последовательных натурализации право римского гражданства было распространено на все народности, когда бретонцы, сирийцы, фракийцы и африканцы

¹ Франко-прусская война 1870–1871 г.г.

² Квириты — официальное название полноправного гражданина в Древнем Риме.

облеклись в это звание, которое было им не по плечу, то родовые римляне уже исчезли».

Причина быстрых успехов некоторых рас, как, например, англосаксов в Америке, заключается в том, что подбор у них совершился не в отрицательную сторону, как в латинских государствах Европы, а в обратном порядке — в сторону прогресса. Действительно, Соединенные Штаты в течение продолжительного времени заселялись людьми разных стран Европы, преимущественно Англии, отличающимися своей независимостью и энергией. Надо было обладать необыкновенным мужеством, чтобы рискнуть переселиться с семьей в отдаленную страну, населенную воинственными и враждебными племенами, и создать там цивилизацию.

Здесь важно отметить, на что я много уже раз обращал внимание в своих последних трудах, что народы приходят в упадок и исчезают с исторической сцены не вследствие понижения своих умственных способностей, а всегда вследствие ослабления характера. Закон этот некогда подтвердился примерами Греции и Рима; немало фактов подтверждают его верность и для нашего времени.

Это основное положение мало понято и часто еще очень оспаривается, но тем не менее уже начинает распространяться. Я нашел его очень хорошо выраженным в недавнем труде английского писателя Бенджамена Кидда и не сумею лучше подтвердить правильность моего тезиса, как позаимствовав у него некоторые места, где он вполне верно и беспристрастно указывает различия характера, разделяющие англосаксов и французов, и исторические следствия этих различий:

«Всякий беспристрастный ум, — говорит этот автор, — должен признать, что некоторые характерные черты французов ставят Францию во главе умственно развитых народов Европы... Умственное влияние этой страны действительно чувствуется во всей нашей цивилизации, в политике, во всех отраслях искусства, во всех направлениях отвлеченной мысли... Тевтонские народы вообще добиваются наивысших умственных результатов там, где необходимы исследования глубокие, кропотливые и добросовестные, там, где надо постепенно собирать один за другим элементы, составляющие работу; но этим исследованиям недостает идеализма французского ума... Всякий добросовестный наблюдатель, впервые близко соприкасающийся с французским умом, должен тотчас же почувствовать в нем нечто неопределенное, но неопределенность эта возвышенного умственного порядка, что не свойственно по природе ни немцам, ни англичанам. Это нечто неопределенное чувствуется и в искусстве и в текущей современной литературе не менее, чем и в высших творениях национального гения в прошлом».

Признав это превосходство французского ума, английский автор настаивает на преобладании в социальных явлениях характера над умом и показывает, в какой мере ум мог быть полезен народам, которые им обладали. Рассматривая историю колониальной борьбы между Францией и Англией во второй половине XVIII века, он выражается так:

«В середине XVIII века окончился между Францией и Англией поединок, самый необычайный из всех известных в истории событий, зависевших от исхода этой борьбы. Последствия этого поединка предчувствовались во всем цивилизованном мире еще до начала борьбы. Она завязалась в Европе, в Индии, в Африке, в Северной Америке, на всех океанах. Если судить по данным, действующим на воображение, то все обстоятельства казались благоприятными для более блестящей расы. Она, казалось, имела перевес и в вооружении, и в средствах, и в численности населения. В 1789 году Великобритания имела 9.600.000 жителей, Франция — 26.300.000. Годовой доход Великобритании составлял 391.250.000 франков, а Франции — 600.000.000. В начале XIX века во Франции было 27.000.000 жителей, тогда как все население, говорившее на английском наречии, вместе с ирландцами и обитателями Штатов Северной Америки и колоний, не превосходило 20.000.000.

В настоящее время, в исходе XIX века, население, говорящее на английском языке, не считая покоренных народов, индусов и негров, дошло до громадной цифры — 101.000.000, тогда как французский народ едва достиг численности в 40.000.000. Повсюду в продолжение уже долгого времени народы, говорящие на английском языке, одерживали верх, где только затевали борьбу. Они стали хозяевами почти всей Северной Америки, Австралии и земель Южной Африки, наиболее пригодных для поселения европейцев. Никакой другой народ не утвердился более прочно и совершенно во всех этих странах. Не видно, чтобы будущее должно было остановить это распространение английской расы; напротив, оно в предстоящем XX веке, по-видимому, неизбежно должно дать этим народам преобладающее влияние во всем мире».

Рассматривая качества характера, благодаря которым англичанам удалось достигнуть таких огромных успехов, столь удачно устроить свои гигантские колониальные владения, преобразовать Египет и даже в течение нескольких лет поднять до высшей степени процветания кредит нации, близкой к совершенному банкротству, тот же писатель прибавляет:

«Не качествами, бросающимися в глаза, и не умом достигнуты такие результаты..., а качествами из числа тех, которые не поражают воображения. Эти качества по преимуществу: сила и энергия характера, неподкупная честность, простая преданность долгу и сознание его. Те, кто приписывает огромное влияние в мире народов, говорящих на английском языке, вероломным комбинациям их государственных людей, бывают часто очень далеки от истины. Это влияние в значительной своей части — результат качеств, мало бросающихся в глаза».

Итак, мы теперь подготовлены к пониманию того, каким образом народы, сильные умом, но слабые энергией и характером, всегда естественно стремились вручить свою судьбу своим правительствам. Беглый взгляд на прошлое этих народов покажет нам, каким образом форма государственного социализма, известная под именем предлагаемого нам ныне коллективизма, вовсе не будучи новостью, представляет собой естественный расцвет прежних учре-

ждений и наследственных потребностей рас, у которых он и развивается в настоящее время. Доводя до минимума запас энергии и предприимчивости, которыми должен обладать отдельный человек, и освобождая его от всякой ответственности, коллективизм представляется весьма удобоприменимым к нуждам народов, у которых воля, энергия и личная инициатива постепенно ослабли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОНЯТИЕ О ГОСУДАРСТВЕ У НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ

§ 1. *Каким образом у народов устанавливаются понятия.* Народы неизбежно должны подчиняться традициям, а затем уметь освобождаться от них. Немногие народы обладали достаточной гибкостью, чтобы удовлетворить двойному условию — изменямости и устойчивости. Невозможность освободиться от ига традиции, когда она прочно установилась. Сила авторитета власти у народов латинской расы. Авторитет власти политический и религиозный. Почему народам латинской расы не пришлось страдать от своего подчинения традиционным догматам власти до самых новейших времен и почему они в настоящее время страдают от этого подчинения. Вынужденная неустойчивость их правительств. Понятие о государстве во Франции одно и то же у всех партий.

§ 2. *Понятие о государстве у народов латинской расы.* Почему успехи социализма являются естественным последствием эволюции этого понятия. Старый режим. Революция внесла в него лишь весьма слабые изменения. Подробности приемов правления при старом режиме. Постоянное вмешательство государства в мельчайшие дела при старом режиме. Разные примеры. Современное развитие социализма у народов латинской расы представляет собой расцвет их прошлых учреждений и их понятия о государстве.

§ 1. КАКИМ ОБРАЗОМ У НАРОДОВ УСТАНАВЛИВАЮТСЯ ПОНЯТИЯ

Мы только что изложили, изучая психологию народов латинской расы, каким образом характер последних способствовал развитию у них некоторых учреждений. Нам остается показать, каким образом учреждения эти упрочились и как, сделавшись в свою очередь причинами, они кончили тем, что породили новые явления. Мы уже обратили внимание на то, что цивилизация может возникнуть лишь при том условии, если народы долгое время подчинялись силе традиций. В течение периода формирования народа, когда его элементы несходны между собой и имеют интересы различные и колеблющиеся, прочные учреждения и верования имеют значительную ценность¹. Важно, чтобы эти учреждения и верования отвечали умственному складу и потребностям народа, управлять которым они призваны. Важно также, чтобы учреждения эти и верования были достаточно тверды. Это последнее положение является основным, и мы уже на нем настаивали. Но указав на то, что народы должны быть долгое время подчинены силе установившихся традиций, мы показали также, что они прогрессируют лишь при том условии, если могут освобождаться затем постепенно от влияния этих преданий.

Они никогда не освобождаются от них путем насильственных переворотов. Такие перевороты всегда скоропреходящи. Общества, как и породы животных, меняют свой облик лишь благодаря наследственному накоплению незначительных последовательных изменений.

Немногие народы обладали гибкостью, необходимой для удовлетворения двойному условию — устойчивости и изменямости. Без достаточно большой устойчивости никакая цивилизация не может утвердиться; без достаточной способности к изменениям никакая цивилизация не может прогрессировать.

Нужно рассматривать учреждения народа как последствия, которые делаются причинами в свою очередь. Прдержавшись известное число поколений, учреждения эти придают совершенную определенность психологическим особенностям народа, бывшим до того времени несколько неопределенными и колеблющимися. Кусок глины, сперва тягучий и упругий, скоро теряет свою мягкость, затем приобретает твердость камня и может скорее разбиться, чем изменить форму. Приобретение известной совокупности твердых и сплоченных чувств и понятий дается иногда народу с большим трудом, но зато ему несравненно труднее впоследствии ее изменить.

Когда гнет традиций укоренялся в душах в течение слишком долгого времени наследственным путем, народы

¹ Можно найти кажущееся противоречие между этим положением и приведенным в другом труде, что учреждения в жизни народов никакой роли не играют. Но тогда мы говорили о народах, достигших зрелости, у которых элементы цивилизации упрочились благодаря наследственности. У этих народов элементы цивилизации не могут быть изменены новыми учреждениями, а эти последние могут быть приняты лишь внешним образом. Иное дело у народов молодых, т. е. более или менее еще варварских, у которых ни один элемент цивилизации еще не установлен. Читатель, желающие лучше познакомиться с этим вопросом, должен обратиться к нашему труду «Les Lois psychologiques de l'Evolution des peuples» («Психологические законы эволюции народов»).

могут от него избавиться только ценой больших усилий, а чаще всего они от него и вовсе не избавляются. Известно, как жестоко был потрясен западноевропейский мир, когда во времена Реформации народы северной Европы захотели освободиться от религиозной централизации и господства догматов, которые отнимали у них всякую независимость и от которых все более и более отвращался их разум.

Латинские народы также захотели освободиться от гнета прошлого, и великая революция не имела никакой другой цели. Но было уже слишком поздно. После нескольких лет потрясений узы прошедшего забрали свою прежнюю власть. Эти узы были действительно слишком могущественны, отпечаток их в душе народной был так глубок, что порвать их в один день было невозможно.

Проникнутые необходимостью принципа власти, правительства в продолжение веков препятствовали латинским народам мыслить, желать и действовать, и все воспитание имело целью поддерживать этот тройной запрет. Зачем людям было мыслить и рассуждать? Это запрещалось религией. Зачем им было желать и действовать? За них желало и действовало правительство. С течением времени латинский дух поддался этой необходимости; люди привыкли подчиняться без рассуждений догматам церкви, признанной непогрешимой, и королей, представителей божественного права, также непогрешимых. Они всецело предоставили политическим и духовным главарям заботу о направлении своих мыслей и действий. Это подчинение было необходимым условием их единства. Оно придавало им в известные моменты большую силу. Латинские народы переживали периоды большого блеска только тогда, когда во главе их стояли гениальные люди.

От этого безусловного подчинения власти латинские народы не особенно страдали до тех пор, пока экономическая эволюция всего мира не перевернула старых условий существования. Пока способы сообщения были весьма несовершенны и успехи промышленности почти сводились к нулю, нации оставались разобщенными и, следовательно, совершенно находились в руках своих правительств, которые поэтому и могли всецело управлять жизнью и деятельностью народов. С помощью правил, подобных изданным Кольбером правительства могли управлять промышленностью до мельчайших подробностей так же легко, как управляли они учреждениями и верованиями¹.

Открытия научные и промышленные, так глубоко изменившие условия существования народов, изменили вместе с тем характер деятельности правительств и мало-помалу ограничивали возможные пределы этой деятельности. Вопросы промышленные и экономические стали преобладать. Телеграф и пар, уничтожая расстояния, обратили весь мир в единый рынок, свободный от всякой регламентации. Правительства должны были вполне отказаться от желания подчинять правилам промышленность и торговлю.

В странах, где личная предприимчивость развилась уже давно и где действие правительств стало более ограниченным, последствия современной экономической эволюции переносились без труда. Страны, где этой предприимчивости у граждан не существовало, оказались безоружными, и население их вынуждено было прибегать к помощи своих правителей, которые столько веков и думали, и действовали за них. Таким-то образом правительства, продолжая свою традиционную роль, были приведены к необходимости руководить столькими промышленными предприятиями. Но ввиду того, что изделия, производимые под контролем государства, по многим причинам обходятся дорого и изготавливаются медленно, народы, предоставившие правительству то, что сами должны были бы делать, очутились в положении менее выгодном, чем другие.

Очевидно, правительства латинских народов, отказавшись от прежнего стремления управлять всем, хотели бы как можно более сузить круг своего руководства, но очевидно также, что теперь уже народы настоятельно требуют, чтобы ими руководили. Изучая эволюцию социализма у латинских народов, мы покажем, до какой степени их потребность в регламентации увеличивается с каждым днем. Государство и продолжало регламентировать, управлять и покровительствовать просто потому, что не могло поступить иначе. Эта задача становится более и более тяжелой, более и более трудной и требует исключительных и потому весьма редких способностей. Малейшие промахи правителей вызывают теперь громадные последствия. Отсюда происходит их крайняя неустойчивость и постоянные перевороты, бывшие у латинских народов за последнее столетие.

Эта неустойчивость правительств, впрочем, на деле вовсе не соответствует неустойчивости режима. Франция с первого взгляда кажется разделенной на множество партий, но все они — республиканцы, монархисты, социалисты и прочие — имеют одинаковые понятия о государстве. Все требуют расширения его функций. Под разными ярлыками скрывается, следовательно, одна партия, партия латинской расы, вот почему все изменения правительственных ярлыков на самом деле никогда не производили никакой действительной перемены в режиме.

§ 2. ПОНЯТИЕ О ГОСУДАРСТВЕ У НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ. ПОЧЕМУ УСПЕХИ СОЦИАЛИЗМА ЯВЛЯЮТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМ ПОСЛЕДСТВИЕМ ЭВОЛЮЦИИ ЭТОГО ПОНЯТИЯ

Определяя, каким образом установились основы начальных понятий у латинских народов, мы достаточно указали, в чем состояло у них понятие о государстве. Теперь нам остается показать, почему развитие социализма является

¹ Кольбером, главным министром при Людовике XIV, были выпущены несколько ордонансов (особых актов), детально описывающих процесс производства. За нарушение регламента грозили тяжкие наказания вплоть до смертной казни.

естественным последствием этого понятия.

Разобрав характерные признаки латинских народов, можно прибавить, что едва ли найдутся другие народы, совершившие более переворотов и вместе с тем столь упорно привязанные к своим старым учреждениям. О французах можно сказать, что они — одновременно самый революционный и самый консервативный из всех народов мира. Наиболее кровавые из французских революций всегда оканчивались лишь новым наименованием самых устаревших учреждений.

Это потому, что если в действительности легко создавать теории, устраивать революции и произносить речи, то невозможно изменить сложившийся веками дух народа. Можно, в крайнем случае, силой навязать ему на некоторое время новые учреждения, но он скоро возвращается к прежним, так как только они одни соответствуют потребностям его умственного склада.

Умы поверхностные воображают еще, что революция как бы обновила французские учреждения, создала всецело новые начала, новое общество. В действительности, как давно уже показал Токвиль, она только грубо опрокинула то, что в старом обществе уже было истощено временем и разрушилось бы само несколькими годами позже. Но учреждений, не устаревших вследствие того, что они отвечали духу своей расы, не могла коснуться революция, а если и могла задеть их, то лишь мимоходом. Несколькими годами позже те, кто пытался уничтожить эти учреждения, сами же их восстанавливали под другими названиями. Нелегко изменить наследие, создавшееся в течение двенадцати веков.

Особенно революция не изменила ничего и не могла ничего изменить в утвердившемся среди французов понятии о государстве, т. е. понятии о все более возрастающем расширении его функций и о постоянно суживающемся ограничении инициативы граждан — этих основах современного социализма. Если хотят понять, до какой степени это стремление все передать в руки правительства, а следовательно, и увеличить число общественных должностей, присуще духу расы, стоит только перенестись мыслью за несколько лет до революции. Действие центрального правительства было почти так же сильно, как и теперь.

«Города, — пишет Токвиль, — не могут ни устанавливать пошлин, ни взимать податей, ни отдавать в залог, ни продавать, ни вести тяжбу, ни отдавать свои имения в аренду, ни управлять ими, ни распоряжаться избытком доходов. На все это надо постановление Совета министров по рапорту интенданта. Все работы исполняются по планам и сметам, утверждаемым решением Совета. В присутствии интенданта или его заместителей работы отдаются с торгов и ведутся обыкновенно инженером или архитектором от правительства. Вот что удивит тех, кто думает, что все происходящее во Франции — ново... Нужно было испросить разрешение Совета, чтобы исправить причиненное ветром повреждение церковной крыши или восстановить обрушившуюся стену дома священника. Самый дальний от Парижа деревенский приход был подчинен этому правилу, как и самые близкие. Я знал приходы, испрашивавшие у Совета право израсходовать 25 ливров».

Тогда, как и теперь, местная провинциальная жизнь с давнего времени была сведена на нет развивавшейся централизацией, явившейся следствием не самодержавной власти, а равнодушия граждан.

«Удивляются, — говорит тот же автор, — той поразительной легкости, с какой Учредительное собрание могло уничтожить разом старое деление на провинции, многие из которых были древнее самой монархии, и методически разделить государство на 83 отдельные части, как будто речь шла о девственной земле Нового Мира. Ничто другое так не поразило и не испугало остальную Европу, не ожидавшую подобного зрелища. «Впервые, — говорил Бэрк, мы видим, что люди так варварски кромсают свою родную землю». Действительно, казалось, что раздирали живые тела, занимались же только кромсанием мертвых».

Именно благодаря исчезновению провинциальной жизни облегчилась возрастающая централизация старого порядка.

«Не будем удивляться, — говорит Токвиль, — с какой поразительной легкостью была восстановлена централизация во Франции в начале этого века. Люди 1789 года разрушили здание, но фундамент его уцелел в самой душе разрушителей, и на нем они могли заново воздвигнуть разрушенное и построить его с небывалой до того прочностью».

Постепенное поглощение государством личной инициативы граждан при старом порядке вызвало необходимость в увеличении числа должностей, и все граждане мечтали добиться таковых.

«В 1750 году, в одном провинциальном городе средней величины, 129 человек было занято отправлением правосудия, а на 126 человек было возложено исполнение их приговоров; все эти чиновники были жителями этого города. Ревность жителей к занятию этих мест была поистине несравненна. Как только кто-либо из них приобретал маленький капитал, вместо того чтобы пустить его в оборот, он спешил воспользоваться им для получения места. Это жалкое честолюбие более повредило успехам земледелия и торговли во Франции, чем цехи и даже подушная подать».

Значит, не принципами 1789 года, как это часто повторяют, живем мы в настоящее время. Мы живем принципами, созданными старым режимом, и развитие социализма представляет собой только их высший расцвет, последнее проявление идеала, преследуемого в течение веков. Идеал этот, несомненно, был некогда очень полезен в такой несолидарной стране, как наша, которую можно было объединить только энергичной централизацией. К несчастью, по установлении единства, привычки, глубоко укоренившиеся в душе народа, не могли измениться. Убитый в гражданах дух предприимчивости не мог возродиться с уничтожением местной жизни. Умственный склад народа созда-

ется медленно, но также очень медленно изменяется, когда он , установился.

Всё — как учреждения, так и воспитание — было направлено к поглощению государством всех функций, приведшему, как мы покажем, к страшным последствиям. Одной нашей системы воспитания было бы достаточно для полного уничтожения самой живучей из наций.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОНЯТИЯ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ О ВОСПИТАНИИ, ОБРАЗОВАНИИ И РЕЛИГИИ

§ 1. *Понятия латинских народов о воспитании и образовании.* Понятие о воспитании вытекает из понятия о государстве. Основания нашей учебной системы. Как она создает у целых категорий лиц банальность мысли и ослабление характера. Нормальная школа. Почему учебные заведения являются могущественным очагом государственного социализма, стремящегося все уравнивать и нивелировать? Современная полемика о печальной роли нашего классического образования. Сравнение принципов воспитания и обучения у англосаксов и латинских народов; Общее непонимание этого предмета. Не то важно, чему обучают, а то, как учат. Разные примеры результатов наших методов обучения.

§ 2. *Понятие латинских народов о религии.* Религиозные понятия, оказав в течение продолжительного времени весьма хорошее влияние на народы латинской расы, в настоящее время сделались для них вредными. Как англосаксы сумели согласовать свои религиозные верования с современными потребностями. Непримируемость религиозных догм латинских народов и ее результаты. Общие следствия понятий латинских народов с социалистической точки зрения.

§ 3. *Каким образом понятия латинской расы наложили свой отпечаток на все элементы, цивилизации.*

§ 1. ПОНЯТИЯ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Понятие латинских народов о воспитании является следствием понятия их о государстве. Так как государство должно было всем управлять, то оно должно было руководить также и воспитанием. Думая и действуя за граждан, оно должно было позаботиться запечатлеть в душах чувство повинования, уважение ко всякой иерархии и строго подавлять все поползновения к независимости и инициативе. Ученик должен был ограничиваться заучиванием наизусть руководств, передающих ему лишь то, что решено авторитетами по всем вопросам — политическим, религиозным, философским и научным. Это был всегдашний идеал иезуитов, мудро довершенный Наполеоном. Учебная система, какой ее создал этот великий деспот, является наилучшим образцом методов, которые следует использовать для порабощения интеллигенции, обезличивания характеров и превращения латинской молодежи в рабов или мятежников.

Время ушло вперед, но наша учебная система мало изменилась. Над ней особенно тяготеет всемогущее могущество предков. Государство — исключительный направитель дела обучения — сохранило систему воспитания, годную разве только для средних веков, когда господствовали богословы. Эта система накладывает на все латинские народы свой отпечаток разложения. В настоящее время она и не имеет целью поработать ум, заглушать голос разума, уничтожать инициативу и независимость, но так как приемы не изменились, то результаты получаются прежние. Мы имеем, впрочем, учреждения, которые с точки зрения их психологического действия просто поражают изобретательностью, с какой они создают в целых категориях людей совершенную банальность мысли и характера. Что может быть поразительнее, например, нашей высшей школы с ее изумительной системой экзаменов? Разве что в Китае можно найти нечто подобное. Большая часть молодых людей, оканчивающих эту школу, отличается одинаковостью понятий обо всем и даже одинаковостью их выражения. Страница, начатая одним из них, может быть продолжена кем-либо другим без всякого изменения в идеях и в слоге. Одни только иезуиты умели изобретать такие совершенные способы дисциплинирования ума.

Приученные мелочными правилами рассчитывать чуть ли не с точностью до минуты свое время, ученики наших лицеев оказываются хорошо подготовленными на всю остальную их жизнь к однообразию мысли и действий, которых требует развитие государственного социализма. Они всегда будут испытывать величайшее отвращение ко всякой оригинальности, ко всяким личным усилиям, всегда будут глубоко презирать то, что еще не обозначено известными рамками и не зарегистрировано, будут относиться с несколько завистливым, но всегда почтительным уважением ко всякой иерархии и внешним отличиям. Всякое стремление к инициативе, к индивидуальному усилию будет у них совершенно подавлено. Они будут в состоянии иногда возмутиться, как они это делали в школе, когда их надзиратели бывали слишком суровы, но эти возмущения никогда не будут ни серьезными, ни продолжительными. Школа, лицеи и другие подобные им заведения оказываются, таким образом, прекрасными школами государственного социализма, все уравнивающего и нивелирующего. Благодаря этой системе мы все ближе и ближе подходим к

такой форме правления.

Только подробно изучив нашу латинскую систему воспитания, можно вполне понять настоящий успех социализма у латинских народов. Этому вопросу я могу коснуться здесь только вкратце¹.

Англосаксы никогда не знали нашей гнусной системы воспитания, и отчасти поэтому они теперь и стоят во главе цивилизации, оставив далеко за собой латинские народы. Основы англосаксонского воспитания совершенно иные, чем у последних. Несколько строк будет достаточно, чтобы показать очевидность этого различия.

Цивилизованный человек не может жить без дисциплины. Эта дисциплина может быть внутренняя, т. е. в нем самом, и внешняя, т. е. вне его, и тогда она по необходимости налагается другими.

Англосакс, обладая этой внутренней дисциплиной, благодаря своему наследственному характеру, укрепленному воспитанием, может сам собой управлять в жизни и не нуждается в заботах государства. Человек латинской расы, обладающий вследствие наследственности и воспитания очень малой внутренней дисциплиной, нуждается во внешней. Она налагается на него государством, и вследствие этого он окутан тесной сетью правил, притом бесчисленных, так как они должны руководить им во всех обстоятельствах жизни.

Основной принцип английского воспитания заключается в том, что ребенок проходит через школу не для того, чтобы быть дисциплинированным другими, а для того, чтобы познать пределы своей независимости. Он должен сам себя дисциплинировать и приобрести, таким образом, контроль над собой, из которого происходит самоуправление. Английский юноша выходит из школы с очень малыми сведениями по древним языкам и небольшими теоретическими познаниями, но в ней он стал человеком, умеющим руководить собой в жизни и рассчитывать только на самого себя. Методы воспитания, позволяющие достигать такого результата, удивительно просты. Подробное изложение их можно найти во всех книгах о воспитании, написанных англичанами.

Воспитание у латинских народов стремится как раз к противоположному. Его цель — уничтожить инициативу, независимость, волю ученика мелочными и строгими правилами. Единственная обязанность ученика — учиться, отвечать уроки и повиноваться. Мельчайшие действия предусмотрены. Его время распределено по минутам. После 7 или 8 лет этого каторжного режима всякие следы воли и инициативы должны исчезнуть. Но когда молодой человек будет предоставлен самому себе, как он сможет управлять собой, если он к этому не приучен? Удивительно ли после этого, что латинские народы так плохо умеют управлять собой и оказываются столь слабыми в коммерческой и промышленной борьбе, происходящей под влиянием мировой эволюции настоящего времени? Не естественно ли, что социализм, умножающий только те пути, которыми государство связывает граждан, принимается так охотно умами, столь хорошо подготовленными школой к рабскому подчинению?

О следствиях методов воспитания у англичан и латинских народов можно судить по достигаемым ими результатам. При выходе из школы, молодому англичанину не представляет никакого затруднения найти свою дорогу в промышленности, земледелии или торговле, между тем как наши бакалавры, кандидаты, инженеры умеют только хорошо делать выкладки на доске. Через несколько лет по окончании воспитания они совершенно забывают приобретенную в школе бесполезную науку. Если государство не пристроит их, то они выбиваются из колеи. Если они решаются снизойти до промышленности, то принимаются там на самые низшие должности до тех пор, пока не успеют совершенно перевоспитать себя, что им почти никогда не удается. Если они пишут книги, то это только бледные переделки их учебников, так же лишенных оригинальности по форме, как и по мысли.

Не наши учебные программы, а наши методы обучения следовало бы изменить. Все программы хороши, если уметь ими пользоваться. К несчастью, чтобы изменять эти методы, следовало бы сначала иметь возможность изменять идеи профессоров и, следовательно, их подготовку, отчасти даже их психику.

§ 2. ПОНЯТИЕ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ О РЕЛИГИИ

Религиозные понятия, исполнив свою полезную роль, сделались столь же пагубными для латинских народов, как и их понятия о государстве и воспитании, и все по той же причине — по неспособности к дальнейшему развитию.

Не порывая резко связи с прежними верованиями, Англосаксы сумели создать религию более широкую, могущую применяться ко всем современным потребностям. Слишком стеснительные догматические истины сглажены, им придано символическое значение, мифологический характер. Таким образом, религия могла без вражды ужиться с наукой. Она во всех отношениях не представлялась явным врагом, с которым надо было бы бороться. Католическая догма латинских народов, напротив, сохранила свои неподвижные, неизменные и нетерпимые формы, может быть полезные раньше, но очень вредные теперь. Она осталась тем же, чем была 500 лет тому назад. Вне ее нет спасения. Она стремится внушить верующим самые неприемлемые исторические несообразности. Никакое соглашение с ней невозможно. Ей нужно подчиниться или же бороться с ней.

Протесты разума заставили правительства латинских народов отказаться от поддержки верований, столь глубоко несогласных с развитием идей, и правительства кончили тем, что вообще стали воздерживаться от всякого вмешательства в область религии.

Но тогда обнаружились два следствия. Над слабыми душами старые догматы проявляют всю свою власть и по-

¹ Читатель найдет весьма полные документы по этому вопросу в моей книге «Psychologic de l'education» («Психология образования»).

работают их обветшалым верованиям, не имеющим никакого отношения к современным нуждам. Более независимые умы сумели освободиться от явно нерационального и тягостного ига, но так как в молодости им твердили, что всякая мораль опирается на религиозные догматы и без них существовать не может, то они вообразили, что с исчезновением этих догматов должна исчезнуть и опирающаяся на них мораль. Нравственность этих людей значительно ослабла, и скоро они не стали признавать других правил поведения, кроме предписываемых законами и поддерживаемых жандармами.

Таким образом, три основных понятия — об управлении, воспитании и религии — способствовали образованию духа латинских народов и привели их к современному состоянию. Все народы на известной ступени цивилизации подчинялись этим понятиям, и ни один не мог избежать подчинения им, ибо когда народы еще слабы, невежественны, мало развиты, то, очевидно, для них выгодно, как для ребенка, чтобы лучшие умы давали ему идеи и верования, думали и действовали за него. Но в развитии народов наступает момент, когда они выходят из детского возраста и должны сами управлять собой. Народы, не сумевшие приобрести этой способности, оказываются далеко отставшими от народов, выработавших в себе такую способность.

Латинские народы еще не преуспели в этом и, не сумев научиться думать и действовать самостоятельно, они в настоящее время безоружны в промышленной, торговой и колониальной борьбе, вызванной современными условиями существования и в которой так быстро восторжествовали англосаксы. Являясь жертвами своих наследственных понятий, латинские народы обращаются к социализму, обещающему им думать и действовать за них, но, попав под его власть, они подчинятся лишь новым господам и еще более отдают приобретение тех качеств, которых им недостает.

§ 3. КАКИМ ОБРАЗОМ ПОНЯТИЯ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ НАЛОЖИЛИ СВОЙ ОТПЕЧАТОК НА ВСЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мне бы оставалось еще, для несколько большей полноты, проследить в различных отраслях цивилизации — литературе, искусствах, промышленности и т. п. — следствия, полезные или вредные, смотря по эпохам, основных понятий, значение которых я только что здесь вкратце наметил, но такая обширная задача не может быть здесь принята. Достаточно было показать, что современный прогресс социализма у латинских народов является следствием их понятий, и определить образование этих понятий. Мы найдем влияние их на каждой странице этой книги, и в особенности, когда будем говорить о торговой и промышленной борьбе, на которую современное экономическое развитие обрекает все народы. Читатель, который захочет применить наши принципы к какому-нибудь элементу любой цивилизации, будет поражен той ясностью, с какой они освещают ее историю. Они, очевидно, недостаточны для объяснения всего, но они дают объяснение многим фактам, непонятным без них. Принципы эти особенно действуют пониманию той потребности в постороннем управлении, которая заставляет латинские народы бояться ответственности, их неспособности доводить до успешного конца всякое предприятие без твердых руководителей и их современного стремления к социализму. Когда во главе их стоят великие государственные люди, великие полководцы, дипломаты, мыслители, артисты, они оказываются способными к самым энергичным усилиям. Но гениальные инициаторы встречаются не всегда, и из-за недостатка таких руководителей латинские народы находятся в упадке. С Наполеоном они господствовали над Европой. Находясь потом под начальством неспособных генералов, они стали жертвами самых неправдоподобных поражений и не могли противиться тем, кого они раньше так легко победили. Такие народы, не всегда без оснований, так склонны возлагать на своих начальников ответственность за понесенные поражения. Они стоят того же, что и их начальники, и они это сознают.

При подробном изучении истории войны 1870 года беспрестанно выступает подавляющая неспособность не только стоявших во главе армий генералов, но также и офицеров всяких чинов без исключения. Эти последние никогда не смели проявить ни малейшей инициативы, овладеть незанятым мостом, атаковать мешающую батарею и прочее. С особенной озабоченностью они ждали приказаний, которые не могли прийти. Подобно дипломатам, упомянутым мною выше, они не руководствовались умением принимать решение в непредвиденных случаях, при отсутствии начальника; силу же немцев составляло то, что они обладали этим умением. Приказания были для них бесполезны и, кроме общих указаний («директив», по выражению Мольтке), они получали их очень немного. Каждый офицер знал, что ему делать в разных возможных ситуациях, и вследствие технического воспитания, долгое время применявшегося на практике, он делал это инстинктивно. Воспитание является полным только тогда, когда действия, сначала сознательные и требующие значительных усилий, совершаются затем бессознательно. Они совершаются тогда инстинктивно и без размышления, но такой результат достигается не изучением книг. Наш главный штаб, после 30 лет размышления, едва только начинает подозревать важность этих принципов, но воспитание, получаемое в Военной Академии нашими офицерами, осталось еще совсем латинским, т. е., к сожалению, совершенно книжным и теоретическим.

Народы латинской расы должны приобрести умение владеть собой, иначе им грозит скорая гибель. Поля сражений, как на войне, так и в промышленности, в настоящее время слишком обширны для того, чтобы небольшое количество людей, даже самых выдающихся, могло управлять сражающимися. В той мировой фазе, в которую мы вступили, влияние великих способностей не изглаживается, но выказывает все меньшую и меньшую склонность

играть руководящую роль. Авторитет слишком раздроблен, и потому стал близок к исчезновению. Современный человек не может больше рассчитывать ни на какую опеку, а на опеку социализма — еще меньше, чем на всякую другую. Он должен научиться полагаться только на самого себя. К этой-то основной необходимости воспитание и должно бы его подготавливать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА У НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ

§ 1. *Всепоглощающая роль государства.* Современный социализм у латинских народов представляет собой следствие прежнего понятия их о правительстве. Постепенное расширение государственных функций. Почему требования общества вызывают необходимость подобного расширения? Государство чем дальше, тем больше принуждено управлять большими предприятиями и поддерживать субсидиями те, которыми оно не управляет. Различные примеры, показывающие необходимость для государства вмешиваться в это против своего желания, для регламентации и поддержки.

§ 2. *Последствия расширения государственных функций.* Исчезновение чувства инициативы и ответственности у граждан. Одна регламентация вызывает другую. Трудности, испытываемые государством при управлении всем. Огромные расходы, вызываемые постоянным его вмешательством. Неизбежное возрастание бюрократии у латинских народов. Дробление государственной власти. Постоянные требования со стороны общества все большей и большей регламентации. Огромная стоимость всего того, что изготавливается государством. Роковые последствия усложнения в его администрации. Разные примеры из управления армией и флотом. Стоимость изделий частной промышленности. Система управления колониями у народов латинской расы. Однородные последствия такого управления в Италии и Франции.

§ 3. *Коллективистское государство.* Латинским народам осталось еще преодолеть немного ступеней для того, чтобы дойти до чистого коллективизма. Латинские народы давно вступили в фазу коллективизма. Обзор различных предложений коллективистов и того, что уже сделано в этом направлении.

§ 1. ВСЕПОГЛОЩАЮЩАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

В предыдущих главах достаточно ясно показано, что социализм в форме государственного социализма, очень близкой к коллективизму, является во Франции расцветом долгого прошлого, прямым последствием уже очень старых учреждений. Современный, совершенно неимеющий революционного характера коллективизм следовало бы считать очень отсталой доктриной, а приверженцев ее — робкими реакционерами, ограничивающимися лишь развитием самых старых и наименее возвышенных латинских традиций. Они нам каждый день во всеуслышание твердят о близком торжестве своих утопий. Они еще не родились, а мы уже давно были жертвами этих мечтаний.

Государственный социализм, т. е. сосредоточение в руках правительства всех элементов жизни народа, является, пожалуй, самым характерным; основным и неотразимым понятием латинских обществ. Всепоглощающая роль государства не только не уменьшается, а, напротив, с каждым днем все более и более расширяется. Долгое время ограничиваясь только политическими функциями, государство не могло значительно расширить свою деятельность в сфере промышленности в то время, когда ее почти и не было. Когда же промышленность стала играть преобладающую роль, правительство стало вмешиваться во все ее отрасли. Государство увидело себя вынужденным восполнить собой недостаточную частную инициативу в деле созидания железных дорог, портов, каналов, разных сооружений и пр. Оно исключительно само управляет самыми важными предприятиями и сохраняет монополию в многочисленных отраслях: обучения, телеграфа, телефона, производства табака, спичек и пр., которые постепенно поглотились государством. Оно принуждено поддерживать и те предприятия, которыми само не управляет, чтобы только не дать им прийти в упадок. Без его субсидий большая часть из них быстро дошла бы до несостоятельности. Так, например, оно платит железнодорожным обществам огромные субсидии под видом гарантирования доходов. Оно выплачивает их акционерам ежегодно около 100 миллионов франков, и к этой сумме надо прибавить 48 миллионов франков ежегодного дефицита от линий, эксплуатируемых самим государством.

Число частных предприятий — морских, коммерческих или земледельческих, которые государство вынуждено субсидировать под разными видами, весьма значительно. Оно выплачивает премии судостроителям, сахарозаводчикам, владельцам бумагопрядилен, шелководам и прочим. Только для этих последних годовые премии достигают 10 миллионов франков; сахарозаводчики же получают более 100 миллионов франков в год. Нет почти видов промышленности, которые в настоящее время не требовали бы финансового покровительства государства. В этом вопросе и, к сожалению, только в нем одном самые противоположные политические партии проявляют полное согласие. Считаясь всеми ответственным за все и обязанным всем управлять, государство представляется обладателем огромной казны, из которой каждый может черпать. Нужна ли какому-нибудь департаменту (как это было, например, с торговой палатой X., по сообщению газеты «Temps») известная сумма для вознаграждения рисовальщика за работу по улучшению исключительно местной отрасли промышленности, но приносящей ему прибыль в несколько миллионов, — он обращается к государству, а не к лицам, заинтересованным в успехе этой промышленности. Хочет ли другой департамент иметь железную дорогу чисто местного значения, он обращается опять-таки к государству. Нужны ли морской гавани улучшения, которыми только она одна и будет пользоваться, — опять государство. Нигде ни малейшего следа инициативы или частного сообщества для создания или поддержания какого-нибудь дела.

П. Бурд¹ привел очень типичный, пример такого умственного склада. Это совершенно непонятная и неправдоподобная для англичанина или американца История с обитателями маленького города X. Лопнула одна из водопроводных труб, и в нее попали нечистоты из соседней сточной трубы. Позвать рабочего и исправить трубу было слишком необычно для латинского склада ума, чтобы могло прийти в голову муниципальному совету, собравшемуся для обсуждения этого случая. Очевидно, надо обратиться к правительству. Четыре больших газетных столбца едва могли вместить изложение всего, что было по этому поводу сделано. Благодаря вмешательству значительного числа министров, сенаторов, депутатов, префектов, инженеров и т. п. дело прошло не меньше чем через 20 инстанций в различных управлениях, а окончательное решение дошло до городка X. только через два года; до тех пор жители продолжали с покорностью пить воду из сточной трубы, ни разу и не подумав о том, чтобы самим исправить беду. Примеры, приведенные Токвилем, указывают, что точно так же велись дела и при старом режиме.

В этом виден особенный склад ума, очевидно, являющийся характерной чертой расы. Государство вынуждено постоянно вмешиваться с целью регламентации и покровительства; а если бы оно выслушивало все жалобы, то ему пришлось бы вмешиваться еще больше. Несколько лет тому назад почтенный сенатор сделался перед сенатом посредником требований союза колбасников, добивавшегося обязать государство заменить говядину соленой свиной в продовольствии армии с целью покровительства разведению поросят. Так как, по понятию этих молодцов, естественной функцией государства является покровительство промышленности, то оно непременно должно было обеспечить продажу их товаров и заставить есть соленую свинину.

Совсем напрасно упрекают коллективистов в желании передать все монополии, все виды промышленности, все общественные должности в руки правительства. Это не только их мечта, это мечта всех партий, мечта всей расы.

Атакуемое со всех сторон государство защищается, как может, но под единодушным напором общества вынуж-

¹ Поль Бурд — публицист, ученый. Автор многочисленных работ, крупнейшие из которых «Через Алжир» и «Злоупотребления во флоте».

дено против своей воли покровительствовать и регламентировать. Со всех сторон требуют у него вмешательства и всегда в одном и том же смысле, т. е. в смысле ограничения инициативы и свободы граждан. Законы этого рода, предлагаемые ему каждый день, бесчисленны: законы о выкупе железных дорог и о казенном управлении ими, о монополизации спирта, об управлении французским банком, об урегулировании рабочего времени на фабриках, об устранении конкуренции иностранных продуктов, о пенсиях всем престарелым работникам, о возложении на предпринимателей казенных поставок обязанности использовать только известные категории рабочих, о регулировании цены на хлеб, об обложении налогом холостяков ввиду принуждения их к вступлению в брак, о налогах на большие магазины в пользу малых и т. п.

Таковы факты. Рассмотрим теперь вытекающие из них следствия.

§ 2. ПОСЛЕДСТВИЯ РАСШИРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

Последствия такого поглощения всех функций государством и его постоянного вмешательства, требуемых всеми партиями без исключения, губительны для народа, который подчиняется им, или скорее вызывает их. Это постоянное вмешательство, в конце концов, всецело уничтожает у граждан дух инициативы и ответственности, которыми они и без того обладают в столь малой степени. Оно обязывает государство управлять предприятиями с большими расходами, вызываемыми сложностью административного механизма, тогда как частные лица, побуждаемые собственным интересом, успешно повели бы эти предприятия без таких расходов, как это, впрочем, и делается в других странах.

Во всех странах мира хорошо известно, что предприятия, ведущиеся частными лицами, естественно заинтересованными в успехе дела, преуспевают гораздо лучше, чем правительственные, обслуживаемые безымянными агентами, в деле мало заинтересованными. Симон Гананн, американский консул во Франкфурте, сделал по поводу металлургических предприятий России следующие наблюдения: «любопытен тот факт, что когда государство само управляло этими предприятиями, все они едва только перебивались, и так было до 1885 г., когда в них стали участвовать местные капиталы, и что иностранные капиталы добились успеха там, где другие испытывали лишь неудачи. Из 17 южных сталелитейных заводов России русским владельцам принадлежат только 4».

Таковы давно признанные экономистами результаты. «Сосредоточение экономических сил в руках государства, — по словам Леруа-Болье¹, — ведет к исчезновению в новой Франции частной инициативы, вырождению воли и личной энергии и, наконец, к своего рода бюрократическому рабству или парламентскому цезаризму, в одно и то же время ослабляющему и деморализующему всю обедневшую страну».

«Регламентация, — говорит со своей стороны Герберт Спенсер, — вызывает новые регламентации, порождая со всем непредвиденные законодателем последствия... Всякая регламентация влечет за собой создание новых должностей распорядительных агентов, большее развитие чиновничества и увеличение сословия должностных лиц. Чем больше сказывается вмешательство государства, тем в большей мере теряют свою личную инициативу управляемые им граждане; сверх того, всякое новое вмешательство государства укрепляет в них невысказываемое вслух мнение, что долг государства — врачевать всякое зло и осуществлять всякое благо».

Никогда экономисты не были так осязательно правы, и однако никогда их проповедь не была в такой мере гласом вопиющего в пустыне, как в настоящем случае. Никто не оспаривает их уверений, и, тем не менее, мы продолжаем все более и более подвигаться по пути, который приводит к полному упадку и рабству народы, попавшие на этот путь.

Только благодаря все более и более возрастающей армии чиновников, государство в настоящее время в состоянии всем управлять, всем руководить, все централизовать. Каких-нибудь 50 лет тому назад чиновников было 188.000, и они обходились ежегодно в 245 миллионов франков; теперь их насчитывается 689.000², и обходятся они в 627 миллионов франков.

Число их в силу необходимости будет возрастать еще в большей пропорции. Даваемое государством образование служит почти только для создания государственных чиновников. Половина учащихся в средних школах готовится к занятию общественных должностей. Только недоучившиеся посвящают себя торговле, земледелию и промышленности, что как раз противоположно тому, что происходит в Америке и Англии.

Правительство всеми средствами защищает от нашествия обладателей дипломов, которых их притупляющее воспитание и наследственные способности не наделяют инициативой в мере, необходимой для создания себе независимого положения. У них хватает воли только на заучивание наизусть самых толстых учебников, и в этом отношении ничто их не устрашает. Государство беспрестанно усложняет программы экзаменов, учебники все более и более растут, кандидаты же ничуть не унывают. Четвертой доли того терпения, какое они проявляют при заучивании наизусть скучных и бесполезных книг, было бы для большей их части достаточно, чтобы приобрести состояние в промышленном предприятии, но это им и в голову не приходит. Справедливо можно было бы сказать, что наш век —

¹ Анатолий Леруа-Болье — директор свободной школы политических наук, имеет обширное литературное наследие. Основные его труды: «Император, король, папа, Реставрация», «Царская империя и русские», «Социализм и демократия» (1892), «Христианство и социализм» (1905).

² Считая с том числе привлеченных на службу общин согласно «переписи служащих» 1896 г.

век экзаменов. Это в точности китайская система; она, по словам Ренана, довела народ мандаринов до неизлечимой дряхлости.

На самом деле, в настоящее время управляет Францией бюрократия и по необходимости будет управлять ею все больше и больше. Раздробленная власть государства оказывается в руках бесчисленного множества чиновников. Так как неотразимая потребность латинских народов быть управляемыми сопровождается не менее неотразимой жадной властью, то все чиновные представители государства управляют друг другом, следуя мелочной и строгой иерархии, нисходящей по последовательным ступеням — от министра до последнего мелкого чиновника. Так как каждый чиновник ведает только очень ограниченной областью, то он не может исполнить самого мелкого дела, не прибегая к целому ряду высших инстанций. Он опутан сетью правил и ограничений, от которых не может освободиться и тяжесть которых по необходимости падает на всех, кто вынужден к нему обращаться.

Эта сеть правил развивается с каждым днем по мере того, как инициатива граждан слабеет. По замечанию Леона Сэ, «поднимается все более сильный крик, требующий все более и более мелочной регламентации».

Побуждаемое беспрестанными требованиями общества, жаждущего опеки, государство безостановочно издает законы и правила. Вынужденное всем управлять, все предвидеть, оно входит в самые мелочные подробности жизни граждан. Раздавит ли повозка частное лицо, украдут ли часы в мэрии, сейчас же назначается комиссия для выработки правил, и эти правила всегда составляют целый том. В одном хорошо осведомленном журнале говорится, что новые правила для извозчиков и в отношении других средств передвижения в Париже, составленные комиссией, которой было поручено упростить существующий порядок вещей, будут содержать не менее 425 пунктов!

Эта невероятная потребность в регламентации не является новостью в истории. Она уже замечалась у нескольких народов, особенно у римлян и в Византии, в эпохи полного упадка, и она должна была значительно его ускорить. Гастон Буасье обращает внимание на то, что при конце римской империи «никогда еще административная мелочность не заходила так далеко. Эта эпоха прежде всего бумажная; государственный чиновник не ходил иначе, как в сопровождении секретарей и стенографов».

Эта столь сложная иерархия, эта тесная регламентация приводит прежде всего к тому, что государство производит все и очень медленно и очень дорого. Недешево обходится гражданам нежелание самим управлять своими делами, а доверять все государству. Последнее заставляет их платить очень дорого за свое вмешательство. Как очень типичный пример можно привести постройку различных железных дорог по настоянию разных департаментов Франции.

Повинуясь общественному давлению, правительство постепенно понастроило и непосредственно управляет линиями длиной в общем около 2.800 километров, стоившими, согласно отчету бюджетной комиссии за 1895 г., огромной суммы в 1.275 миллионов франков, считая в том числе капитализованный ежегодный дефицит. Так как ежегодный доход составлял 9 миллионов франков, а расход был в 57 миллионов франков, то, следовательно, ежегодный дефицит достигал почти 48 миллионов франков. Этот дефицит происходит отчасти от огромных расходов по эксплуатации.

«Невозможно сказать, — пишет Леруа-Болье, — до какой атрофии личной инициативы доводит французский режим общественных работ. Привыкнув рассчитывать на помощь общины, департамента или центральной власти, различные группы жителей, в особенности в деревнях, не умеют уже ничего предпринять сами или прийти в чем-либо к соглашению. Я видел сам, как деревни в 200 или 300 душ, принадлежащие большой разбросанной общине, ждали целыми годами и униженно ходатайствовали о помощи для устройства необходимого им колодца, приведение которого в порядок требовало лишь 200 или 300 франков, т. е. по одному франку с головы».

Мы смело утверждаем, что среди богатых наций старой цивилизации Франция находится в самых невыгодных условиях относительно обладания и дешевизны орудий для общественного пользования. Газ обходится ей дороже, чем где-либо, электричество едва только начинает освещать некоторые улицы в немногих городах, городской транспорт находится в первобытном состоянии — трамваи, очень немногочисленные, существуют только в перворядных городах и лишь в нескольких второстепенных; компании, занимающиеся этой отраслью промышленности, за исключением, быть может, двух или трех на всем протяжении нашей территории, разорены; капиталисты, уstraшенные такими неудачами, не чувствуют никакого расположения устраивать в наших городах усовершенствованные сообщения. Телефон стоит в Париже в два или три раза дороже, нежели в Лондоне, Берлине, Брюсселе, Амстердаме, Нью-Йорке. Таким образом, оказывается, что великая страна в XIX веке пользуется лишь в очень ограниченной степени недавними и многочисленными плодами прогресса, которые за последние 50 лет преобразили городскую жизнь. Не потому ли это происходит, что государство недостаточно вмешивается в устройство жизни граждан? Нет, — потому что оно вмешивается слишком много! Представляющие его муниципалитеты чрезмерно злоупотребляют своей двойной властью принуждений — уставных и административных, увеличивающих число приказов или запрещений и размеры натуральных повинностей; они подчиняют иногда без всякого ограничения промышленные компании изменчивому произволу муниципальных советов; принуждения же со стороны контроля стараются сделать из каждого сообщества капиталистов неистощимую дойную корову для муниципалитета; к этому нужно еще присоединить то узкое чувство зависти, с каким смотрят на всякое благополучие частных компаний, принимаемое за покушение на общественную власть».

Сложность делопроизводства, рутина, а также и необходимость для должностных лиц подчиняться, во избежание личной ответственности, самым мелочным формальностям вызывают огромные расходы, замечаемые во всем,

что подлежит государственному управлению.

Как образчик склада ума, специально созданного требованиями бюрократического режима, можно привести рассказанную в парламенте министром Делькассе историю долгого спора в отделениях одного министерства о том, должен ли выразиться в бюджете этого министерства расход на 77 килограммов железа цифрой в 3 франка 46 или 3 франка 47 сантимов. Для решения этого потребовалось долгое обсуждение полдюжины начальников отделений и, наконец, непосредственное вмешательство самого министра.

Все предприятия, управляемые администрацией в латинских странах, подчинены той же системе крайне мелочного контроля, причем в окончательном результате является израсходование весьма значительных сумм для получения грошовой экономии: О больнице Сальпетриер, огромном учреждении на 5.000 человек с бюджетом в 2,5 миллиона, в одном журнале говорилось следующее:

«Все удивились бы, если бы стало известно, сколько колес нужно привести в движение, сколько людей расшевелить для получения разрешения поставить маленькую газовую грелку: нужно требование, а затем согласие эконома, разрешение наблюдательного комитета, отправка к архитектору, распланировка, проект, смета, возвращение в наблюдательный комитет, предписание архитектору, уведомление подрядчику, т. е. потеря 2-х месяцев и расход от 80 до 100 франков, тогда как у самостоятельного директора дело было бы оборудовано в 8 дней, при расходе от 15 до 20 франков».

Доклады, сделанные в парламенте от имени бюджетной комиссии Кавеньяком о военном бюджете и Пельтаном о морском, показывают, что административная путаница превосходит все, что только можно себе представить. В докладе Кавеньяка в числе многих аналогичных фактов имеется неправдоподобная и, однако, достоверная история батальонного командира, который, позволив себе заказать пару ботинок неустановленной формы, оказался должным 7 франков 80 сантимов государству, каковую сумму он, впрочем, был вполне готов заплатить. Чтобы узаконить платеж, понадобилось 3 письма военного министра, 1 письмо министра финансов, 15 писем, решений или отношений генералов, директоров, начальников отделений и пр., поставленных во главе разных административных учреждений!

В одном докладе морской бюджетной комиссии замечается еще гораздо большая запутанность. Месячное жалование простого лейтенанта флота состоит из 66 разных ассигнований, «снабженных длинным хвостом десятичных знаков». Чтобы получить в морской гавани «петлю для прикрепления паруса», т. е. кусок кожи, стоящий 10 сантимов, нужно заготовить специальный лист, на котором во всех концах порта должны быть собраны 6 разных подписей, после чего начинаются новые записи и внесения в новые книги. Для получения некоторых предметов нужна отчетность, требующая двухнедельной работы. Число описей, составляемых в некоторых бюро, определяется в 100 тысяч.

На судах путаница не меньшая: бюрократический порядок снабжения там изумительный. «Мы там нашли, — говорит докладчик, — вместе с 33 томами правил, излагающих подробности административной жизни на корабле, перечисление 230 различных типов реестров, книг, тетрадей, ежедневных и месячных ведомостей, удостоверений, квитанций, брошюрок, отдельных листков и прочее». В этом лабиринте цифр несчастные служащие совершенно теряются. Подавленные своей ужасной работой, они кончают тем, что пишут совершенно наобум. «Сотни служащих заняты исключительно счетом, переписыванием, списыванием бесчисленных реестров, переносом на бесчисленные бланки, делением, сложением и отправкой министру цифр, не имеющих никакого реального значения и не отвечающих фактическому положению; они были бы, вероятно, ближе к истине, если бы были просто выдуманы».

Поэтому и невозможно получить какое-нибудь точное сведение о снабжении, поскольку оно зависит от целого ряда самостоятельных канцелярий. Несколько проверок, сделанных наудачу докладчиком бюджета, дали ему цифры самые нелепые. Тогда как крайне необходимые вещи совсем отсутствовали, и приходилось покупать их неотлагательно (например, упомянутые в докладе 23.000 ложек и вилок, продающихся в розницу на улицах Тулона по 11 сантимов штука и приобретенных администрацией по 50 сантимов), встречались некоторые вещи в запасе на 30 или даже на 68 лет. Что касается до покупок администрации, то цифры, которые могли быть удостоверены, по истине фантастичны. Она платит за рис на Крайнем Востоке, на месте производства, на 60% дороже, чем в Тулоне. Все цены вообще вдвое больше того, что заплатил бы частный человек. Происходит это только потому, что администрация, не имея возможности заплатить раньше урегулирования бесчисленных отчетных статей, принуждена обращаться к посредникам, которые дают ей авансы, часто уплачиваемые слишком поздно по причине ужасной канцелярской волокиты. Все это ужасное и неизбежное мотовство сводится к солидной цифре миллионов, расточаемых так же бесполезно, как если бы они были брошены в воду. Промышленник, ведущий так свои дела, скоро бы разорился.

Цитируемый нами докладчик полюбопытствовал выяснить, что делает частная промышленность для уменьшения числа служащих, избежания тысяч реестров и отчетности, которая, из-за невозможности разобраться в ней, приводит к полнейшему беспорядку. Нет ничего интереснее этого сравнения, сопоставляющего государственный социализм, эту мечту коллективизма, и частную инициативу, как ее понимают англичане и американцы. Вот его слова: «Чтобы иметь опорный пункт для сравнения, мы запросили о принципах действия большого частного промышленного предприятия, которое взаимодействует с одним из наших арсеналов и, подобно ему, занято постройкой кораблей. Судить о значительности этого предприятия можно, если принять во внимание, что в настоящее время оно имеет на верфи один из наших больших крейсеров 1-го класса, два бразильских броненосца, один крей-

сер, один пакетбот и пять парусных судов, в общем — флот водоизмещением 68.000 тонн. Очевидно, что для этого необходимы значительные склады материалов.

Одна большая книга достаточна для отчетности каждого из этих складов. Кроме того, над местом складирования определенных предметов помещена дощечка, указывающая род предмета, соответствующий номер листа большой книги и затем сверху в трех колонках — приход, расход и наличность. Таким образом, с первого взгляда можно узнать состояние заготовок. Если начальнику мастерской нужно что-нибудь получить со склада, он выдает записку со своей подписью и датой, указывающую номер и род требуемой вещи. Заведующий складом надписывает на обороте название, вес, цену розничную, цену оптовую, записки переписываются в тетрадь и — затем в большую книгу. Нет ничего проще и, по-видимому, этого вполне достаточно».

Любопытно сравнить заводскую стоимость изделий частного промышленного предприятия, работающего всегда только ради прибыли, с такой же стоимостью изделий казенных предприятий, чуждых всяких забот о прибыли. Это сравнение уже давно показало, что в общем казенные изделия обходятся на 25–50% дороже изделий частной промышленности. Согласно докладу Кержегю, для броненосцев стоимостью приблизительно около 20 миллионов франков разница между заводскими ценами в Англии и во Франции составляет около 25%.

Сравнение заводских цен частной промышленности и цен государственных учреждений очень трудно, ибо заинтересованные лица старательно забывают показывать в стоимости изделий значительные издержки, например, арендная плата, жалованье служащим и т. д., относимые на другие статьи бюджета. Таким же образом специальное расследование, проведенное бюджетной комиссией, доказало палате депутатов, что национальная типография, показывающая доход от своих операций, в действительности имеет ежегодно 640.000 франков дефицита. Такой дефицит происходит, однако, не от дешевизны ее продукции. Доклад доказал, что печатные издания этого учреждения, получающего от государства 888.000 франков дотации, обходится дороже на 25–30%, чем в частной промышленности. Различия иногда бывают даже гораздо большие. Из примеров, приведенных перед палатой депутатов, можно указать на случай со специальным сочинением, предполагающимся к изданию морским министерством. Национальная типография, учреждение субсидируемое, просила 60.000 франков; частный же издатель, не получающий субсидии, просил 20.000. Правда, что в национальной типографии, которую можно считать прототипом учреждений будущего коллективистского общества, все производится с мелочной регулярностью. Один из докладчиков, Эрвье, выражается так: «нужна бумага, разрешающая туда войти; другая, разрешающая сделать желаемую покупку; третья, разрешающая унести покупку; и наконец еще одна, на свободный выход».

Причин, вызывающих это увеличение цен на все казенные изделия, весьма много. Нам достаточно было указать на сам факт, оставляя в стороне исследование всех этих причин. Мы ограничимся лишь замечанием, что некоторые из них коренятся не только в запутанности правил и формальностей, но еще и в одном весьма существенном психологическом факторе, а именно — в равнодушии, с которым неизбежно относятся люди ко всякому предприятию, не затрагивающему их личного интереса. Вот серьезная причина шаткости тех промышленных предприятий, которые управляются не лично заинтересованными хозяевами, а посредниками.

Вот что писал мне по этому поводу крупный бельгийский промышленник, находящийся в деловых сношениях со многими странами, почему я и обращался к нему по этому вопросу:

«Явным доказательством верности ваших слов о шаткости предприятий, управляемых посредниками, служит длинный список котируемых на бирже предприятий, дававших превосходные результаты и дошедших почти до нуля после превращения их в анонимные общества.

Мы имеем здесь дела, которые, будучи в руках небольшой группы, непосредственно заинтересованной в них, давали дивиденды 12–15%; с преобразованием же их в анонимные общества доход упал в среднем до 3%, а некоторые не дают уже ничего».

Эти различные условия необходимо порождают весьма различные административные приемы. Я имел недавно тому подтверждение одним случаем, который воспроизвожу здесь, потому что он очень типичен.

Иностранное общество построило на свои средства во Франции между двумя крупными промышленными центрами трамвайную линию и само ей управляло. Дело шло превосходно. Ежегодный доход достигал 1.100.000 франков, и расходы по эксплуатации не превышали 47%. Когда местные власти заметили обществу, что досадно видеть во главе иностранца, оно согласилось заменить его французским инженером. Результат оказался чрезвычайно характерным. Инженер прежде всего приступил к реорганизации канцелярий и снабдил их многочисленными агентами: вице-директором, начальником отчетности, юрисконсульту, кассиром и прочими, затем, естественно, он выработал длинный, очень запутанный устав, где развернулась во всю ширь изобретательность его латинского ума.

Результаты не заставили себя ждать. Не прошло и года, как издержки по эксплуатации почти удвоились, достигнув 82%, и общество быстро пошло к разорению.

Оно приняло героическое решение. Директор его пошел к властям, наглядно изложил им результаты, затем предложил им сохранить инженеру его звание и жалованье, но под непременным условием, что нога его ни под каким предлогом не будет в канцелярии. Предложение было принято, прежняя организация восстановлена, сумма расходов вскоре упала до прежней нормы 47%. Этот опыт администрации в латинском духе стоил испробовавшему его предприятию около 500.000 франков.

Наша система управления в применении к колониям привела к самым бедственным результатам. Она привела к постепенному разорению наших владений. В то время как английские колонии почти не обременяют бюджета, мы тратим ежегодно около 110 миллионов франков на содержание своих. За эти деньги мы ведем с ними коммерческие дела, дающие нам менее 10 миллионов прибыли. Значит, ежегодный дефицит — огромный. Этот дефицит гораздо больше простой потери, так как издержанная сумма служит в действительности развитию торговли наших конкурентов. У них-то преимущественно и покупают наши колонисты разные товары, так как наши соотечественники не в состоянии изготавливать их по тем же ценам. Торговые обороты наших колонистов с иностранцами превосходят на 46 миллионов сделки с нашими соотечественниками. Едва ли могло бы быть иначе при существовании административных путей, которыми мы окружаем свою торговлю в наших колониях. Для управления 230 тысячами жителей Кохинхины нам требуется гораздо больше чиновников, чем имеют англичане для управления 250 миллионами индусов.

Печальное состояние наших колоний также является, в значительной степени, последствием одной из тех сторон психологии расы, на непреодолимую силу которой я не раз указывал. Совершенная неспособность латинских народов понимать идеи других народов, их нетерпимость и жажда равенства и единообразия привели их к принципу ассимиляции, по которому подчиненные народы должны управляться согласно с законами и обычаями народа-завоевателя. Негры, мальгаши, аннамиты, арабы и пр. положены на то же самое прокрустово ложе. Мы посылаем из Парижа армию правительственных агентов, навязывающих им законы, созданные для народов совершенно другого умственного склада, полки чиновников, которые подчиняют их всем мелочным правилам, изданным щепетильной и недоверчивой бюрократией. Чтобы судить несколько тысяч негров и управлять двумя или тремя городишками, которые остались у нас в Индии, мы содержим более 100 чиновников, из которых 38 судей. На Мадагаскаре наша администрация обходится нам в 45 миллионов. Эти полчища бесполезных агентов в некоторой степени содействуют заселению наших колоний, но какой ценой! Не только содержание их тяжело ложится на бюджет метрополии, но сверх того, от них бегут все европейские колонисты и спасаются в соседних английских колониях от безвыходной сети всевозможных правил и притеснений¹. «На 1914 французов, проживающих в Тонкине², — писал несколько лет тому назад Бонвало³, — приходится 1.500 чиновников, 400 лиц, живущих за счет протектората, и 13 колонистов, причем из этих 13-ти шестеро получают субсидию!» В одной газете сообщалось недавно, что в эпоху дагомейских королей⁴ наши коммерсанты скорее предпочитали селиться на их территории, чем подчиняться ужасной административной путанице, царившей в нашей колонии. Самый жестокий из тиранов гораздо менее жесток, чем безличная бюрократическая тирания, которой, вследствие неумения управлять собой, мы поневоле должны подчиняться.

Стоит побывать в наших колониях, чтобы убедиться, до какой степени нас ненавидят туземцы, тогда как англичане, управляющие на совершенно иных началах, пользуются глубоким уважением. Эти начала очень просты; состоят они в том, чтобы предоставлять туземцам управляться по возможности самостоятельно и как можно меньше вмешиваться в их дела. Начала эти никак нельзя назвать новыми: они применялись уже римлянами. «Каким образом, — пишет Буасье, — после столь сильного сопротивления Галлия так быстро и искренно сделалась римской? Римская администрация, по крайней мере в лучшие эпохи, отличалась достоинством и в настоящее время довольно редким: она была нетребовательной и совсем непридирчивой. Она не стесняла свободы муниципий⁵, как можно меньше вмешиваясь в их дела, уважала религиозные предрассудки и местное самолюбие, ограничивалась очень небольшим количеством чиновников и еще меньшим числом войск. Нескольких отрядов полиции и неясных слухов о легионах, расположенных у границы, было достаточно для удержания в подчинении народа легкомысленного, тщеславного, строптивного, любящего перемены, не расположенного к власти, — народа, в котором нам не трудно узнать себя. Мир вскоре водворил богатство в этой стране, которой только и нужно, что спокойствие, для процветания».

Административные приемы латинской расы, естественно, требуют огромного бюджета; с 1.800 миллионов в 1869 году он постепенно поднялся приблизительно до 5 миллиардов, если к государственному бюджету прибавить еще бюджет общин. Такой бюджет может пополняться только посредством обременительных налогов⁶. Повинуясь общему направлению умов, ставящих преграды всем частным предприятиям, государство отягощает промышлен-

¹ Эти притеснения еще более тяжелым бременем ложатся на туземцев и делают понятными их постоянные возмущения. Некоторое время тому назад было прочитано в газетах историю того сделавшегося резидентом бюрократа, который для проявления своей власти приказал закопать в цепи в его собственном дворце и через его же первого министра короля Нородома, личность безусловно священную в глазах населения. Ужасно подумать, что великая колониальная держава может управляться такими неспособными мозгами.

² Тонкин — северная часть Индо-Китая, французский протекторат в 1884–1945 г.г.

³ Пьер-Габриэль Бонвало — член Французского географического общества. Был с миссией в Туркестане, Персии, исследовал Сибирь, Абиссинию, Китай.

⁴ Т. е. в раннефеодальном государстве Дагомея, сложившемся в XVII веке в Западной Африке (Бенин).

⁵ Муниципии — в римском государстве италийские и провинциальные города, свободное население которых получало в полном или ограниченном объеме нрава римского гражданства и самоуправление.

⁶ На предметы повседневного обихода налог поднят более чем вдвое против их стоимости. На алкоголь налог в 10 раз! больше его стоимости. Соль, табак, керосин и т. п. обложены в такой же степени. Самые насущные предметы, такие как хлеб и мясо, вследствие таможенных пошлин стали дороже вдвое.

ность налогами подчас сумасбродными. Омнибусная компания в своем отчете 1898 г. указала, что при дивиденде в 65 франков на акцию, уплачиваемых акционерам, она платит государству или городу 149 франков податей, что составляет налог более 200%. У главной компании городского извоза государство и город заранее удерживают из ежедневной выручки каждого экипажа 2 франка 44 сантима, тогда как на долю акционеров приходится 11 сантимов и т. п. Всем этим предприятиям, идущим таким образом к разорению, суждено роковым образом раньше или позже также перейти в руки государства.

Предыдущие цифры позволяют предугадать, к чему приведет нас государственный социализм, когда завершится его развитие. Это будет решительная и быстрая гибель всей промышленности тех стран, где он восторжествует.

Было бы почти излишним прибавлять, что действия централизации и поглощения государством, наблюдаемые во Франции, равным образом наблюдаются у других латинских народов в еще более сильной степени. В Италии дело дошло до того, что правительство предложило парламенту на заседании 21 февраля 1894 года законопроект, согласно которому король должен был быть облечен в течение года диктаторскими полномочиями, чтобы попытаться переустроить правительственные административные органы. Очень жаль, что этот закон не был принят; его применение ясно показало бы всю тщету попыток преобразовать учреждения, когда последние являются продуктом умственного склада расы.

Можно составить себе понятие о развитии государственного социализма в Италии и о препятствиях, создаваемых им, по следующим извлечениям из доклада итальянского депутата Бонази, опубликованного в октябре 1895 г. журналом «Revue politique et parlementaire»:

«Начальникам правлений, стоящим в провинции во главе различных отделов администрации, не предоставляется не только никакой инициативы, но даже той скромной возможности толкования и применения указаний, которая все же неразлучна с исполнением административных функций. Вне указаний, точно изложенных в законах, правилах, циркулярах и министерских инструкциях, эти начальники не могут шевельнуться без предварительного разрешения и последующей за этим санкции министра, которому они подчинены... Префекты, высшие финансовые чиновники, председатели судов, ректоры университетов не имеют права разрешить даже самый маленький расход или произвести ремонт, как бы он ни был мал и необходим, если их решение не получит министерской санкции...

Если община или благотворительное учреждение хочет приобрести недвижимое имущество, будь это хоть метр земли, или получить завещанную вещь стоимостью всего в несколько франков, то требуется обсуждение общинного совета или администрации учреждения и, сверх того, в обоих случаях требуются согласие административной провинциальной комиссии, прошение королю для высочайшего соизволения, рапорт префекта, сопровождающий бумагу в министерство, с заключением и оправдательными документами, рапорт министра в Государственный совет, мнение этого совета и в конце концов — королевский указ и внесение его в список счетной палаты».

Как неизбежное последствие такого порядка вещей произошло очень быстрое увеличение числа итальянских чиновников и, следовательно, бюджетных расходов.

Так как подобные же явления происходят у всех латинских народов, ясно, что они представляют собой простое следствие умственного склада их расы. Доказательство становится еще более убедительным, если сопоставить эти факты с тем, что мы говорили в другой главе о результатах, достигнутых частной инициативой у англосаксов.

Нужно особенно запомнить из нашего объяснения, что не правительства, а исключительно мы сами виноваты в предоставлении всепоглощающей роли государству и в происходящих от того последствиях. Какой бы ни предположить образ правления — республику, цезаризм, коммунизм или монархию, будь во главе его Гелиогабал, Людовик XIV, Робеспьер или победоносный полководец, роль государства у латинских народов не может измениться. Она является следствием потребностей их расы. Государство в действительности — это мы сами, и только себя мы должны обвинять в его организации. Вследствие такого склада ума, отмеченного уже Цезарем, мы всегда делаем ответственным государство за свои собственные недостатки и остаемся при убеждении, что с переменой наших учреждений или наших начальников все преобразится. Никакие доводы не могут излечить нас от этого заблуждения. Даже когда политические случайности делают министрами депутатов из числа самых яростных критиков администрации, им не удается даже хотя бы слегка уменьшить те злоупотребления, которые они справедливо считали недопустимыми.

§ 3. КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Мы только что рассмотрели успехи государственного социализма и его последствия. Нам нужно еще показать, как мало ступеней остается ему пройти, чтобы дойти до полного коллективизма — мечты жрецов этой доктрины.

Опасности коллективизма не ускользнули от государственных людей, сколько-нибудь одаренных прозорливостью, но, по-видимому, они совсем не заметили, что мы уже давно дошли до него. Вот как выражался по этому поводу один из них, Бурдо (Burdeau), бывший президент палаты депутатов:

«Не того следует бояться, что коллективизм торжествует, упрочивается, преобразовывает общество по-своему, а того, что он продолжает проникать в умы, проникать маленькими дозами в наши учреждения, внушать презрение к капиталу, патронату, учреждениям, вытекающим из него (кредитные учреждения, банки и т. п.), презрение к частной инициативе, постоянно уничтожаемой в пользу государственных монополий, презрение к сбережениям, личной собственности, наследствам, к плате по заслугам и полезности производимых продуктов, к средствам, которыми

ныне пользуются для перехода из худших положений к лучшим и для поддержания общества если не для себя, то для своего потомства посредством инициативы, возбуждаемой личным интересом.

Таким образом раздули бы до чудовищных размеров роль государства, поручив его заботам железные дороги, рудники, банки, а может быть, и морские предприятия, страховые, большие магазины; отяготили бы налогами как средние, так и большие состояния, наследства, все то, что побуждает человека к изобретательности, к смелым предприятиям или же требует от него продолжительной работы, все то, что делает из него деятеля предусмотрительного, думающего о будущих поколениях, работающего для будущего человечества; отучили бы работника от тяжелой работы, от экономии и отняли бы у него надежду пробить себе дорогу; одним словом, низвели бы отдельную личность к посредственности желаний, честолюбия, энергии, таланта, под опекой государства-грабителя, и привели бы к постепенной замене человека, одушевленного своими личными интересами, каким-то квазичиновником».

Выводы Бюрдо для всякого, хоть сколько-нибудь знакомого с экономическими и психологическими законами, управляющими жизнью народов, совершенно ясны. Он очень хорошо понял, что скрытое торжество коллективизма более обеспечено и еще более опасно, чем его провозглашение.

Общество будущего, о котором мечтают коллективисты, уже давно и все более и более осуществляется у латинских народов. Государственный социализм является в самом деле, как я показал, необходимым завершением их прошлого, конечным этапом, который приведет их к падению, какого до сих пор не могла избежать ни одна цивилизация. Уже в течение веков привыкшие к иерархии, уравненные школьным воспитанием и системой экзаменов, которая всех их отликает в одну и ту же форму, жаждущие равенства и очень мало интересующиеся свободой, привыкшие ко всякой тирании — административной, военной, религиозной и нравственной, потерявшие всякую инициативу и всякую волю, приученные все больше и больше полагаться во всем на государство, они принуждены, по роковым свойствам своей расы, подчиниться государственному социализму, проповедуемому теперь коллективистами. Я упоминал выше, что они уже давно подчинились ему. В этом легко убедиться при рассмотрении предложений коллективистов, в которых мы найдем простое развитие того, что уже существует. Коллективисты считают себя большими новаторами, но их учение только ускоряет фазу естественного развития, подготовка и наступление которой — дело не их рук. Краткий обзор их основных положений легко докажет это.

Одной из главных целей коллективизма является поглощение государством всех отраслей промышленности и всех предприятий. А все то, что в Англии и особенно в Америке основано и ведется частной инициативой, оказывается в настоящее время у латинских народов большей частью в руках правительства, с каждым днем создающего новые монополии: сегодня — телефоны и спички, а завтра — алкоголь, рудники и средства передвижения. Когда поглощение будет полное, очень значительная часть мечты коллективистов осуществится.

Коллективисты хотят передать общественное достояние в руки государства различными средствами, особенно с помощью прогрессивного увеличения пошлин на наследство. Эти последние возрастают у нас с каждым днем: недавний закон только что довел их до 15%. Достаточно еще несколько раз повысить этот процент, чтобы дойти до социалистической нормы.

Коллективистское государство даст всем гражданам одинаковое, даровое и обязательное образование. Наша учебная система, это ужасное прокрустово ложе, уже давно осуществила этот идеал.

Коллективистское государство будет управлять всем посредством огромной армии чиновников, которые будут регламентировать мельчайшие подробности жизни граждан. Эти чиновники уже представляют собой целые полчища, они являются в настоящее время единственными действительными хозяевами в государстве. Число их растет с каждым днем единственно вследствие возрастания законов и правил, все более и более ограничивающих инициативу и свободу граждан. Они уже надзирают под разными предлогами за работой на фабриках и за малейшими проявлениями частной предприимчивости. Нужно будет только еще немного увеличить их число и расширить их полномочия, и мечта коллективистов осуществится также и в этом отношении.

Не переставая надеяться дойти до поглощения государством личных состояний посредством увеличения пошлин на наследство, коллективизм всеми способами преследует также и капитал. Государство уже опередило его на этом пути. Все частные предприятия с каждым днем все более и более обременяются тяжелыми податями, все более и более уменьшающими производительность капитала и шансы на достижение благосостояния. Существуют, как мы показали выше, предприятия, например компания омнибусов в Париже, которые при 65 франках дивиденда на акцию платят 149 франков разных налогов. Другие источники доходов облагаются постепенно возрастающими налогами. Мы дошли до того, что желаем обложить налогом доход! В Италии, где эта фаза давно уже достигнута, подоходный налог постепенно возрос до 20%. Достаточно еще нескольких последовательных увеличений налогов, чтобы дойти до полного поглощения дохода, а следовательно, и капитала в пользу государства.

Наконец, по мнению коллективистов, пролетариат должен лишиться современные правящие классы политической власти. Это еще не сделано, но мы быстро к тому идем. Низшие классы являются хозяевами положения благодаря всеобщему голосованию и они начинают посылать в парламент все более и более возрастающее число социалистов. Когда большинство будет социалистическим, цикл завоеваний завершится. Всякие фантазии будут возможны, и тогда, чтобы положить им конец, неминуемо откроется эра Цезарей, а за ними — вторжения, знаменовавшие всегда для слишком старых народов час окончательного падения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОСТОЯНИЕ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 1. *Слабость латинских народов.* Эта слабость есть результат совокупности обстоятельств, ранее изложенных. Опасности для них, вытекающие из развития социализма. Народы латинской расы не могут более прибегать к опытам и переворотам, иначе они должны исчезнуть. Современные потребности.

§ 2. *Латиноамериканские республики.* Испания и Португалия. Состояние испано-американских республик в настоящее время. Они представляют собой самую низкую из латинских цивилизаций. Будущность этих республик. Португалия и Испания. Состояние упадка, в котором они находятся. Колониальное правительство испанцев. Почему они потеряли свои колонии. Испано-американская война с психологической точки зрения. Влияние характеров встретившихся рас. Случайности в этой войне,

§ 3. *Италия и Франция.* Состояние Италии в настоящее время. Расстройство ее управления, ее армии и ее финансов. Угрожающие Италии перевороты. Близкое торжество социализма. Почему торжество социализма угрожает гораздо более Италии, чем Испании. Общее понижение нравственности у народов латинской расы. Состояние Франции в настоящее время. Признаки ее утомления и равнодушия.

§ 4. *Результаты усвоения латинских понятий народами различных рас.* Современные греки с эпохи своей независимости приняли всецело латинские понятия, в особенности о воспитании. Результаты, достигнутые за пятьдесят лет. Полное расстройство их финансов, управления и армии. Успехи социализма. Греко-турецкая война. Иллюзии европейцев относительно Греции.

§ 5. *Будущность, грозящая народам латинской расы.* Новая мировая эволюция не позволит слабым народам долго держаться. Предсказания лорда Солсбери. Социалистические опыты грозят латинским народам страшными опасностями.

§ 1. СЛАБОСТЬ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ

Мы только что видели, к каким последствиям привело у этих народов все большее расширение свойственного им понятия о государстве как о центральной власти, заменяющей собой инициативу граждан и действующей вместо них. Безразлично, представляется ли эта центральная власть монархом или общиной. Под этими малозначащими наружными формами основное понятие остается то же.

С практической точки зрения социализм — не что иное, как расширение того же основного понятия. Регламентация труда и постоянное вмешательство чиновников во все распорядки жизни привели бы скоро к полному уничтожению последних следов инициативы и воли в душе граждан.

Многие умы, которых пугает борьба, все более, кажется, склоняются предоставить социализму развиваться. Лишенные способности предугадывать что-либо за видимым для них горизонтом, они не отдают себе отчета в том, что за ним скрывается; скрывается же нечто опасное и страшное. Народам латинской расы, если они хотят еще держаться, нельзя более подвергать себя риску опытов и переворотов. Новые экономические потребности готовы перевернуть условия существования наций, и не далеко то время, когда для слишком слабых народов не будет уже более места. В ближайшем же будущем большая часть латинских народов дойдет до крайнего предела слабости, за которым уже нет возможности подняться. Ни упоение громкими фразами, ни увлечение бесплодными спорами, ни восхваление подвигов предков не изменят существующего положения вещей. Времена рыцарства, геройских и гордых чувств и остроумной диалектики миновали надолго. Нас все более и более охватывает неумолимая действительность, и самые остроумные речи, самые звучные дифирамбы в честь права и справедливости так же мало производят на нее впечатления, как розги, которыми Ксеркс наказывал море за уничтожение его кораблей.

Чтобы точнее определить нашу мысль, мы попробуем представить общую картину современного положения латинских народов. Читателю тогда легче будет судить о возможных последствиях развития социализма у этих народов.

§ 2. ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ. ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

Рассмотрим сперва состояние наций, находящихся на самой низкой ступени латинской цивилизации, т. е. двадцати двух испано-американских республик. Их я не раз приводил в пример, когда указывал на малое значение учреждений в жизни народов, и было бы излишним снова излагать подробно их положение. То будущее, которое нам только еще угрожает, у них уже давно осуществилось. Решительно все без исключения они дошли до той степени, когда упадок оборачивается полнейшей анархией, и когда народы могут только выиграть от завоевания их нацией достаточно сильной, чтобы ими управлять.

Двадцать две испано-американские республики, населенные расами истощенными, не энергичными, не предприимчивыми, лишенными нравственных качеств и безвольными, несмотря на то, что занимают богатейшие области земного шара, не способны извлекать никакой пользы из громадных средств, находящихся в их распоряжении. Живут они европейскими займами, которые разделяются между собой шайками хищников-политиканов в сообществе с другими шайками европейских грабителей-финансистов, эксплуатирующих невежество публики и тем более виновных, что им отлично известна невозможность уплаты выпущенных ими займов. В этих несчастных республиках всеобщий грабёж не прекращается, и так как всякий хочет при этом урвать свою долю, то междоусобные войны не переводятся; президенты каждый раз умерщвляются, чтобы новая партия могла захватить власть и обогатиться в свою очередь. Так будет продолжаться до тех пор, пока какой-нибудь талантливый авантюрист во главе нескольких тысяч дисциплинированных людей не соблазнится легкостью завоевания этих печальных стран и не введет в них железный режим, единственный, которого заслуживают народы, лишенные мужества, нравственных качеств и не способные к самоуправлению.

Если бы некоторые иностранцы, англичане и немцы, прельщенные естественными богатствами почвы, не водворились в столицах, то давно бы все эти выродившиеся страны вернулись к полному варварству. Единственная из них, которая еще кое-как держится, Аргентинская республика, спасается от общей гибели лишь потому, что в ней все более и более селятся англичане.

До введения республиканского режима все эти провинции были под владычеством Испании. Им удалось избавиться путем переворотов от мрачного правления ее монахов и ее алчных правителей. Но было уже слишком поздно: складка образовалась, духовный облик определился, и возрождение стало невозможным. К тому же монахи уже давно позаботились об уничтожении всех тех, кто проявлял хоть тень умственного развития и независимости.

От латиноамериканских республик перейдем к латинским монархиям Европы. Их положение, конечно, менее печально, но далеко не блестяще!

Современное состояние Португалии и Испании известно. Наименее наблюдательный путешественник скоро составит себе о них весьма определенное понятие после короткого в них пребывания. Финансы расстроены, промышленности и торговли — почти никакой. Те редкие отрасли промышленности, которые еще процветают, находятся в руках иностранцев или возникли благодаря последним. Страны эти, когда-то столь могущественные, теперь одинаково неспособны управлять как собой, так и своими колониями, постепенно ими утерянными. У Испании оставались Филиппины и Куба. Она подвергла эти острова столь жадной эксплуатации, во главе их поставила столь продажных и жестоких правителей, что этим вызвала ожесточенное восстание туземцев и вмешательство иностранцев.

Доктор Пинто де Гимарес в своем недавнем труде, озаглавленном «Испанский террор на Филиппинах», приводит подробности, показывающие, что представляло собой в колониях испанское владычество, и насколько было основательно глубокое отвращение, внушаемое им. Извлекаю из этого труда следующие строки:

«Необходимость вмешательства Соединенных Штатов в дела островов Тихого океана, равно как и островов Атлантического океана, сразу бросается в глаза. Испанское владычество так же тяжело отражалось на Филиппинах, как и на Кубе. Если же допущенные на Филиппинах жестокости дольше оставались тайной, то причиной этого является не столько долготерпение жертв, сколько совершенная обособленность, отдаленность от цивилизованного мира и приложенные местными губернаторами старания заглушить всякую жалобу и не давать ходу никаким заявлениям. Но истина, более сильная, чем всякий деспотизм, в конце концов всегда выступает наружу и, несмотря на то, что испанцы силой зажимали рты филиппинцам, им удалось-таки поднять такой крик, что его услышал весь мир.

Нельзя вообразить себе, какого рода притеснения, какие придирчивые формальности, какие разорительные выдумки могут зародиться в мозгу чиновника из испанцев. Предмет заботы у всех этих господ один: в три года или шесть лет их обязательного пребывания на Филиппинах составить себе возможно крупное состояние и вернуться в Испанию, избавясь, таким образом, от единодушных проклятий со стороны жителей острова. Если губернатор, спустя два года после своей деятельности, не обеспечил широко своего будущего, все его сочтут за глупца. Знаменитый генерал Вейлер¹ поместил в лондонские и в парижские банки сумму, которую его собственные соотечест-

¹ Валентино Вейлер — испанский генерал, военный министр. Известен главным образом жестокой борьбой с восстаниями в испанских колониях и внутри страны. Его репрессии во время кубинского восстания в 1896 г. вызвали возмущение во всех странах и послужили поводом к испано-американской войне.

венники исчисляются не менее как в 12–15 миллионов франков. Каким образом в три года он сумел отложить 15 миллионов при годовом окладе в 200.000 франков?

А все-таки невольно думаешь — какие удивительные ресурсы могла бы доставлять эта страна, и какие превосходные результаты, конечно, извлекло бы из нее всякое другое государство, кроме Испании! Несмотря на кражи, вымогательства, разорения, мучения, Филиппины, тем не менее, находят возможность существовать. Но характеры должностных лиц и придирки государственной казны отстраняют от этой прекрасной страны всех тех, кто мог бы способствовать развитию ее благосостояния.

Монахи вместе с чиновниками составляли одну из самых печальных язв Филиппин. Их было шесть тысяч, и их алчность могла сравниться лишь с их ужасающей свирепостью¹. Они снова восстановили все пытки инквизиции.

Доктор де Гимарес приводит ужасающие подробности того, как жестоко поступали испанцы с туземцами. Особенно замечательна достойная воображения романиста история сотни пленных, заключенных в темнице под названием «Яма смерти», наполненной до половины гнилой водой и кишасей крысами, змеями и всякими гадами: «Ночь, которую они там провели, была ужасна; слышны были их страдальческие вопли и мольбы о том, чтобы их прикончили. На другой день все они были мертвы».

«Перед такими фактами, — заключает Гимарес, — никто не выразит удивления, что повстанцы радовались успехам американцев². Испания на этих злополучных островах в течение веков выказала такую свирепость, что при всем геройстве, с которым она защищалась, нельзя ее простить».

Господство испанцев на Кубе было, естественно, такое же, как и на Филиппинах, и население точно так же кончило возмущением³. Повстанцы, собранные в плохо снаряженные банды, никогда числом не превосходили 10.000 человек. Испания выслала против них 150.000 человек под начальством многочисленных генералов и истратила в четыре года на их усмирение около 2 миллиардов. Но всем этим генералам, писавшим велеречивые воззвания, несмотря на неумолимую свою жестокость, не удалось после нескольких лет борьбы восторжествовать над этими плохо вооруженными бандами. Жестокость испанцев, избияния мирного населения, производимые в широких размерах, послужили Соединенным Штатам отличным поводом к вмешательству. Все, кто не совсем лишен человеколюбия, не могли не радоваться их успехам.

Испано-американская война весьма поучительна с психологической точки зрения. Никогда так ярко не обрисовывалась роль, которую играет в жизни народов характер, а следовательно, и раса. Мир впервые был свидетелем того, как целые прочно бронированные флоты в полном составе уничтожались в несколько мгновений, не успев нанести противнику ни малейшего урона. В двух боях двадцать испанских судов были разбиты, причем не было сделано даже и слабой попытки к защите. Стоическая смерть является весьма печальным извинением неспособности. Лучшим примером того, к чему приводят непредусмотрительность, нерешительность, халатность и недостаток хладнокровия могут служить Манила и Куба. Когда американский флот входил ночью в Манилу, испанцы забыли зажечь огни, которые обнаружили бы его присутствие, и забыли также минировать пролив. В Сантьяго не позаботились послать подкрепления (в людях не было недостатка на острове), которое очень облегчило бы защиту. В Пуэрто-Рико даже не нашлось защитников. Что касается флота, который по своей доброй воле выбросился на скалы и погиб, причем ни одно из его ядер не достигло противников, — он представлял собой самое грустное зрелище. Если бы испанский флот вместо бегства ринулся на врага, то, наверняка, нанес бы последнему хоть некоторый вред и, по меньшей мере, спас бы свою честь. Совершенно справедливо пишет по этому поводу Г. Депасс⁴: «Оба противника как будто принадлежали к различным цивилизациям или, скорее, к разным историческим эпохам. Один, в силу своего воспитания, вполне владел как самим собой, так и своими средствами; другой же повиновался только внушениям природного инстинкта». Нельзя лучше оттенить в нескольких строках один из главнейших результатов воспитания англосаксонского и латинского.

Следующее извлечение из беседы испанского маршала Кампоса, опубликованной во всех газетах, очень хорошо выражает впечатление, произведенное на весь мир невероятными успехами импровизированной армии Соединенных Штатов в битве с боевой и весьма многочисленной испанской армией (на Кубе испанцы имели 150.000 человек, т. е. в десять раз более, чем американцы): «Самому закоренелому пессимисту не могло и в голову прийти, что на нас обрушится столько неудач. Поражение при Кавите, уничтожение эскадры Серверы, сдача Сантьяго, быстрое и беспрепятственное занятие Пуэрто-Рико — это такие события, которые никто не считал бы возможными, даже если бы намеренно преувеличивал могущество Соединенных Штатов и сравнительную слабость Испании».

Только что высказанное мнение об Испании не принадлежит исключительно иностранцам. Испанский писатель Бардо Базан в своем замечательном наброске в «Revue bleue» отметил сильными штрихами то жалкое состояние упадка, в котором находится его несчастная родина. Он особенно отмечает глубокий упадок нравственности в правящих классах: «Безнравственность и продажность подтачивают нашу администрацию... судов боятся больше, чем

¹ Согласно цифровым данным Монтеро-и-Видаля, самые малопродуктивные приходы приносили их начальникам 10.000 франков: называют и такие, доход от которых простирался от 25.000 до 75.000 франков. Эти суммы платили туземцы — народ крайне бедный.

² Имеется в виду испано-американская война 1898 года.

³ Имеется в виду кубинское национально-освободительное восстание 1895–1898 г.г.

⁴ Гектор Депасс — советник парижского муниципалитета, публицист, вице-президент группы социальных реформ. Основные труды: «Социальные изменения», «Труд и его условия».

преступников». Грабеж — всеобщий; партии неустанно борются за обладание властью только для того, чтобы иметь возможность в свою очередь грабить и обогащаться. Вымогательство у народа последней копейки довело его до полнейшей нищеты; учителя, давно уже не получающие жалования, доведены до необходимости просить милостыню по дорогам во избежание слишком скорой смерти от голода. Испании остались только ее легенды. В древней империи Карла V нет более действительно живых: все окаменело.

В Испании, когда еще не было королей-католиков, процветали две величественные цивилизации — римская и испано-арабская средневековая. В это докоролевское время Испания была густо населена, имея около 40 миллионов жителей, и вся страна была сплошь покрыта великолепными городами, развалины которых еще и теперь вызывают удивление. В то время мы были сильны, учены, была у нас и своя промышленность, и превосходное земледелие. Еще теперь мы применяем способы орошения, принесенные когда-то маврами в наши южные провинции. Через два века по водворении королей-католиков население Испании сильно поредело, страна стала голодать и истощаться. Еще через четыре века, т. е. уже в настоящее время, от завоеваний и прежнего величия не уцелело ничего. Одни лишь следы прошлого, развалины, бледные воспоминания — вот наше наследие».

§ 3. ИТАЛИЯ И ФРАНЦИЯ

Хотя Италия и не так низко пала, как Испания, все же ее положение не особенно лучше, что показывает печальное состояние ее финансов. Она является жертвой не только присущих латинской расе воззрений¹, создавших ее душу, но, кроме того, — и роковой идеи объединения, зародившейся в головах ее политиканов. Италия предприняла самый губительный и разорительный из опытов, когда принялась объединять под одной центральной властью такие столь глубоко различные между собой национальности, как пьемонтцы, ломбардцы, сицилийцы и прочие. В течение 30 лет она из весьма завидного состояния пришла в полнейшее расстройство в отношениях — политическом, административном, финансовом и военном.

Финансы Италии еще не так плачевны, как в Испании, но, тем не менее, она уже вынуждена установить налог на государственную ренту, который, постепенно повышаясь, достиг 20%; дальнейшее его повышение приведет Италию к такому же краху, какой испытала Португалия. Издали Италия представляется великой страной, но могущество ее напоминает непрочный фасад, неспособный сопротивляться самым легким толчкам. Хотя Италия потратила много миллионов на создание своей военной силы, позволившей ей занять положение среди великих держав, она, тем не менее, впервые представила миру невиданное доселе зрелище — уничтожение в правильном сражении 20-тысячной армии европейцев ордой негров². В результате значительная цивилизованная страна должна была выплачивать вознаграждение африканскому царьку, столица которого несколько лет перед этим была без труда занята ничтожным отрядом англичан. Италия идет на буксире Германии и вынуждена безропотно сносить постоянно выражаемое в германской печати презрение к себе. Хищение и халатность в Италии превосходят всякое вероятие. Она воздвигает бесполезные памятники, например памятник Виктору Эммануилу, который будет стоить более 40 миллионов франков. В то же время на острове Сицилия мы видим области, испытывающие самую горькую нищету, села, покинутые своими жителями и поросшие колючкой³. Можно судить о достоинстве управления по судебным делам разных банков или хотя бы по двум прискорбным процессам (в Палермо и Неаполе), доказавшим, что все правительственные агенты, начиная с директоров и кончая последним чиновником, целыми годами занимались самым наглым хищением общественных сумм. В виду этих ежедневных доказательств разложения администрации и общественной нравственности, указывающих на близость итальянской революции, становится понятным, почему выдающийся ученый итальянского полуострова Ломброзо в одной из последних своих книг⁴ дал о своей родине следующий безнадешный и, хочется думать, слишком строгий отзыв:

«Надо быть десять раз слепым, чтобы не замечать, что несмотря на нашу любовь к восхвалению, мы если не последний, то предпоследний из европейских народов в Европе в смысле нравственности, просвещения, промышленной и земледельческой деятельности, неподкупности суда и особенно в смысле относительного благосостояния наших низших классов».

Италии, по-видимому, не избежать переворотов, и скоро ей придется испытать на себе роковой круг явлений, о котором мы уже много раз говорили, а именно — социализм, затем — цезаризм, разложение и иноземное нашествие».

¹ Итальянцы в своем понимании роли государства превосходят французов, доводя латинские понятия о государстве до последних крайностей. Нигде столько не развита безусловная вера во всемогущество государства, как в Италии — вера в необходимость вмешательства государства во все дела, особенно в торговлю и промышленность. Как окончательное следствие всего этого, развивается чиновничество и неспособность граждан нести свои дела без постоянной поддержки правительства.

² Видимо, имеется в виду конфликт в Абиссинии в 1896 г.

³ Между тем, требования итальянского мужика поистине минимальны. Редко когда заработная плата поденщиков бывает более 50 сантимов в день. Что касается рабочих, то они считают себя вполне счастливыми, когда им удастся заработать 2 франка. Если бы правящий класс обладал хоть в слабой степени выносливостью и энергией низших классов, то Италия имела бы того, чтобы находиться почти в последнем ряду цивилизованных народов, заняла бы место среди самых цветущих наций.

⁴ «Les Anarchistes» («Анархисты»).

вие.

Неразрешимой для Италии задачей, по крайней мере в ближайшем будущем, является вопрос, как примирить стремление подражать богатым народам, создавшее множество потребностей в роскоши и удобствах жизни, с бедностью, не позволяющей удовлетворять эти потребности.

«Большинство итальянцев, — пишет Вильгельм Ферреро, — стало на ступень высшей цивилизации, приобрело новые потребности, стремится украсить свою жизнь известной долей комфорта, культуры, а на это их средств не хватает... Италия не может видеть великие и прекрасные вещи без желания ими пользоваться. Сколько разочарований, неистовой злобы, огорчений должна вызывать у большинства лиц повседневная жизнь в таких условиях!.. Сосчитайте, какой необычайный запас раздраженности скапливается во всем обществе, и вы легко поймете ужасную неустойчивость его равновесия».

Легче всего социализм развивается у людей с весьма большими потребностями, но лишенных той степени способности и энергии, которой достаточно для приобретения средств к удовлетворению этих потребностей. Социализм предлагается как средство против всех зол. Вот почему Италия кажется обреченной самой судьбою на самые рискованные опыты социалистов.

В стремлении к роскоши, к наслаждениям и великолепию Италия очень отличается от Испании. Что касается внешней стороны цивилизации, то очевидно, что в этом отношении Испания стоит гораздо ниже Италии. Но средние и низшие слои испанского населения довольно мало страдают от нужды, так как их потребности не увеличились и, следовательно, по-прежнему удовлетворяются легко. Так как пути сообщения, особенно железные дороги, в Испании мало развиты, то целые провинции, оставаясь отрезанными от остального мира, сохранили свой прежний образ жизни. По-прежнему жизнь там осталась невероятно дешевой. Так как потребности населения не велики, и роскошь ему неизвестна, то оно вполне довольствуется местными изделиями. Если не принимать во внимание большие города и внешнюю роскошь, — единственные вещи, которые известны, так как только они одни заставляют о себе говорить, — то Испанию можно считать обладательницей цивилизации, конечно, не особенно утонченной, но вполне соответствующей ее умственному развитию и потребностям. Поэтому, социализм не может особенно серьезно угрожать этой стране.

Впрочем, у большинства народов латинской расы все более стремятся к дорогостоящей утонченной цивилизации лишь так называемые правящие классы. Стремление это весьма похвально, когда чувствуешь в себе достаточный запас энергии и умственного развития для достижения такой утонченной жизни. Стремление это менее похвально, когда качества эти гораздо менее развиты, чем сами потребности. Когда хотят разбогатеть во что бы то ни стало и не в силах этого достигнуть своими способностями, то становятся малоразборчивыми в средствах; честность падает, и безнравственность вскоре делается всеобщей. Это замечается у большинства народов латинской расы. Все с большим беспокойством мы наблюдаем, что нравственность у них среди правящих классов часто стоит гораздо ниже, чем в массе народа. В этом и кроется один из самых опасных признаков могущего наступить упадка, так как прогресс цивилизации или гибель их всецело зависят от состояния высших классов общества.

Слово «нравственность» так неопределенно охватывает собой предметы столь между собой различные, что употребление его неизбежно влечет за собой серьезные недоразумения. Я его здесь беру просто в смысле честности, привычки исполнять свои обязательства, в смысле чувства долга, т. е. в том самом смысле, в каком понимает его неоднократно цитируемый мною английский писатель, который указывает, что благодаря лишь этим скромным с виду, но важным в действительности качествам, англичане быстро преобразовали кредит Египта и довели финансы своих колоний до столь цветущего состояния.

Не в уголовной статистике, куда заносятся только случаи чрезвычайные, надо искать мерилу нравственности народа. Нужно непременно вникать в подробности. Финансовая несостоятельность служит показателем только конечной фазы состояния, прошедшего предварительно ряд последовательных ступеней. Чтобы составить себе мнение, основанное на серьезных данных, нужно проникнуть в интимную жизнь каждой страны, изучить ведение дела финансовыми обществами, нравы торговой среды, независимость или продажность судебной власти, честность нотариусов и чиновничества и многие другие признаки, требующие непосредственного наблюдения, и обсуждения которых нельзя найти ни в одной книге. В Европе едва ли найдется несколько дюжин людей, вполне знакомых с подобными вопросами. Однако если вы хотите без долгих изысканий составить себе верное представление о нравственности различных наций, стоит только просто порасспросить известное число крупных промышленников: строителей, заводчиков, предпринимателей и прочих, неминуемо соприкасающихся с торговлей, администрацией и судом разных стран. Предприниматель, который в разных странах устраивал железные дороги, трамваи, электричество, газ и прочее, назовет вам (если захочет) такие страны, где покупается все — министры, судьи и чиновники; такие страны, где на подкуп идут немногие, и такие, где нельзя никого подкупить; такие, где торговля ведется честно, и такие, где она совсем бесчестна. Если при всем разнообразии источников таких сведений они окажутся совершенно согласными между собой, то, очевидно, их можно признать вполне верными.

Бесполезно было бы входить в подробности этого расследования, которое я мог произвести во многих странах, благодаря связям, созданным моими путешествиями. Я скажу только одно: мне было крайне приятно установить тот факт, что из латинских стран Франция, за исключением нескольких политиков, финансистов и журналистов, является той страной, где администрация и суды оказываются наиболее честными. Представители суда часто имеют ограниченный кругозор и весьма легко поддаются политическим давлениям и вопросам о служебных повышениях, но всегда остаются чест-

ными. Только у промышленников и коммерсантов нравственность иногда довольно слаба.

Существуют страны, например, Испания и Россия, где продажность судей и администрации, недостаток в честности дошли до такой степени, что подобные пороки не стараются даже чем-либо прикрывать.

Наш беглый обзор латинских рас не может быть полным, если не прибавить к нему Францию, игравшую когда-то столь блестящую и выдающуюся роль. Франции еще далеко до упадка, но она значительно расшатана в настоящее время. Она в одно столетие узнала все, что только может испытать народ: и самые кровавые перевороты, и славу, и бедствия, и междоусобные войны, и вторжения. Меньше всего она знала покой. Особенно бросаются в глаза в настоящее время ее утомление и равнодушие, доходящие до расслабления. Если судить по внешним признакам, то она могла бы представляться жертвой того биологического закона, по которому «чем великолепнее был расцвет данного типа, тем полнее его истощение».

«Сравнительно с буржуазией английской и немецкой, — писал недавно один швейцарский памфлетист, цитированный во «France exterieure», — французская буржуазия представится вам этаким особым престарелым возрастом. Личная инициатива все уменьшается, дух предприимчивости как бы парализован; потребность в отдыхе и спокойных занятиях все увеличивается. Увеличивается также число государственных вкладов, число чиновников, т. е. капиталы, ум и способности отстраняются от дел. Поступления сокращаются, вывоз товаров уменьшается; рождаемость падает; заметно уменьшение энергии; чувства авторитета, справедливости и религиозности падает; наконец, ослабевает и интерес к общественным делам; растут расходы, увеличивается импорт, растет наплыв иностранцев».

Изучение торгово-промышленной борьбы среди западных народов, о которой вскоре мы будем говорить, покажет, до какой степени изложенные заявления, к сожалению, справедливы.

§ 4. РЕЗУЛЬТАТЫ УСВОЕНИЯ ЛАТИНСКИХ ПОНЯТИЙ НАРОДАМИ РАЗЛИЧНЫХ РАС

Редко теперь можно найти такие нации, которые, находясь на низкой ступени цивилизации, внезапно и всецело переносят к себе учреждения других народов. В настоящее время я только и могу назвать Японию и Грецию.

Греция любопытна тем, что она всецело приняла воззрения латинской расы, особенно в деле воспитания. Полученные результаты поразительны, и отметить их тем более важно, что еще ни один писатель не обратил на них внимания.

Современные греки, как известно, ни в каком родстве с древними греками не состоят. Современная антропология, подтверждая все исторические данные, показывает, что это короткоголовые славяне, тогда как древние греки были длинноголовые, чего вполне достаточно, чтобы установить между современными греками и их мнимыми предками коренное различие.

В 1851 году, когда Европа столь неловко вмешалась в дело освобождения Греции, последняя насчитывала около миллиона жителей, одну четверть которого составляли албанцы или валахи. Она представляла собой осадок, оставшийся от нашествия всевозможных народов, особенно славян. В ней уже несколько веков не существовало греков в собственном смысле слова. Греция с тех пор, как стала римской провинцией, обратилась в глазах всякого рода авантюристов как бы в источник рабов, куда всякий мог приходить и безнаказанно из него черпать. Простые торговцы увозили из Греции в Рим невольников целыми тысячами сразу. Позже готы, герулы, болгары, валахи и прочие продолжали вторгаться в страну и увозить в рабство ее последних обитателей. Население Греции стало немного пополняться лишь тогда, когда начались вторжения славянских авантюристов — большей частью профессиональных разбойников. Греческий язык только потому и сохранился, что на нем говорил весь византийский восток. Так как население Греции в настоящее время состоит почти только из славян, то тип древнего грека, увековеченный в мраморе, совершенно исчез. Знаменитый Шлиман, с которым я встретился во время одного путешествия в Грецию, обратил, однако, мое внимание на то, что этот тип встречается еще в виде исключения у рыбаков, живущих на многих островках архипелага, вероятно потому, что изолированность и бедность избавили их от нашествий.

Характер современных греков слишком хорошо известен, чтобы на описании его необходимо было долго останавливаться. При слабой воле и малом постоянстве они весьма легкомысленны, подвижны и раздражительны. Они питают полное отвращение к продолжительному напряжению сил, большие любители фраз и речей. Во всех слоях их общественной среды уровень нравственности крайне низок.

Любопытно посмотреть, как отразилось латинское воспитание на таком народе.

Едва избавившись от долгого рабства, которое не могло выработать в них в достаточной степени предприимчивости и воли, современные греки вообразили себе, что возродятся путем просвещения. В короткое время в стране появились 3.000 школ и всякого рода учебные заведения, где самым тщательным образом применялись гибельные программы нашего латинского воспитания. «Французский язык, — пишет Фулье, — преподается всюду в Греции наряду с греческим. Наш склад ума, наша литература, наши искусства, наше воспитание гораздо больше гармонируют с греческим национальным духом, нежели такие же данные других народов».

Так как это теоретическое и книжное воспитание способно плодить только чиновников, преподавателей и адвокатов, оно и тут не могло создать ничего другого. «Афины — это большая фабрика адвокатов, бесполезных и вредных». В то время как промышленность и земледелие находятся в первобытном состоянии, быстро множатся люди с

дипломами, но без занятий. Как и у народов латинской расы, они подвержены такой же системе воспитания; единственное их стремление — добиться государственной службы.

«Всякий грек, — пишет Политис, — думает, что главное назначение правительства — дать место либо ему самому, либо одному из членов его семьи». Если он его не получает, то сейчас же делается мятежником, социалистом и начинает разглагольствовать против тирании капитала, хотя вряд ли последний и существует в стране. Главное занятие депутатов — находить места для обладателей школьных дипломов.

Впрочем, просвещение не излечило их даже от самого узкого религиозного фанатизма. Цивилизованный мир с изумлением взирал на то, как студенты устроили небольшую революцию, окончившуюся только с отставкой министерства, с целью добиться — на заре XX века — церковного отлучения писателей, осмелившихся переводить Евангелие на простонародный греческий язык.

Фаворитизм, распущенность и общее расстройство оказались следствием системы, по которой воспитывалась греческая молодежь. Достаточно было двух поколений неудачников для того, чтобы привести страну в полное разорение и еще более понизить уровень ее нравственности, без того уже столь низкий. Просвещенная Европа, смотревшая на этот маленький народ сквозь призму классических воспоминаний времен Перикла, начала терять свои иллюзии лишь тогда, когда выяснился совершенный цинизм, с которым какие-то политики, получив повсюду в Европе займы, одним взмахом пера вычеркнули свой долг, отказываясь уплачивать проценты и отбирая монопольный доход, торжественно переданный кредиторам как гарантия, в тот самый день, когда не смогли найти более заимодавцев¹. Европа тогда воочию убедилась, насколько пришли в расстройство дела страны и чего стоили все эти говорюны, когда перед ней развернулись эпизоды последней борьбы Греции с турками, и ей пришлось быть свидетельницей того, как значительными греческими войсками овладевала ужаснейшая паника и они бросались врассыпную при одном только появлении вдали нескольких оттоманских солдат. Не вмешайся Европа, греки снова исчезли бы с исторической сцены, и мир ничего бы от этого не потерял. Тогда стало понятно, что могло скрываться под обманчивым лоском цивилизации. Наша университетская молодежь, восторженно преклоняющаяся перед Грецией², в то же время должна была составить себе более серьезные понятия относительно психологии известных народов, чем те, которые она черпает из своих книг.

§ 5. БУДУЩНОСТЬ, ГРОЗЯЩАЯ НАРОДАМ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ

Таково, смею надеяться — без больших погрешностей, современное состояние народов как латинских, так и принявших воззрения латинской расы. Пока эти народы не найдут путей к своему подъему, они должны помнить, что при новой эволюции, совершающейся в мире, место имеется только для сильных, и что всякий ослабевающий народ непременно делается добычей своих соседей, особенно теперь, когда отдаленные рынки все более и более закрываются.

Эта точка зрения — самая основная. До очевидности ясно она разъяснена в знаменитой речи, произнесенной несколько лет тому назад лордом Солсбери, в то время первым министром Англии. Ввиду важного значения этой речи и авторитета ее автора, я воспроизведу из нее несколько отрывков. В них превосходно указаны последствия понижения нравственности, отмеченного мною выше и являющегося лучшим мериллом падения народа. Вызванные этой речью в Испании протесты, уж конечно, никак не могут поколебать правильность положений, высказанных этим выдающимся государственным человеком, и делаемых им заключений.

«Вы можете *огулом* разделить все нации мира на две категории: жизнеспособные и вымирающие. Вот, с одной стороны, нации великие, которые проявляют громадную, возрастающую с каждым годом мощь, увеличивают свое богатство, расширяют свою территорию и совершенствуют свою организацию...

Но наряду с этими цветущими организмами, обладающими, по-видимому, несокрушимой силой и соперничающими в предъявлении таких требований, которые, может быть, в будущем не удастся примирить без кровопролития, мы видим некоторые общества, которых я не могу назвать иначе, как *вымирающими*, хотя термин этот не ко всем может быть приложим в одинаковой степени. В этих государствах разложение и упадок идут почти так же быстро, как растут сплоченность и могущество жизнеспособных наций, которыми они окружены. Каждые десять лет они оказываются все более слабыми, бедными, лишенными людей, способных руководить ими, а также

¹ Такой способ уничтожения долгов, в торговом праве именуемый банкротством, принят в Португалии, латиноамериканских республиках, Турции и во многих других странах.

Политиканам, применявшим этот способ, он сперва казался весьма изобретательным. Но они совсем упустили одно обстоятельство: подобное банкротство приводило, и конце концов, практиковавшие это средство страны к тому, что они подпадали под строгий контроль, а следовательно, и под главенство других стран. В настоящее время греки испытывают это на себе. Так как положительно невозможно было найти между ними нескольких человек, необходимых для более или менее честного управления финансами, им поневоле пришлось, подобно Египту и Турции, согласиться на передачу управления своими финансами в руки иностранных агентов, контролируемых правительствами заинтересованных стран.

² Либерально настроенные круги, и особенно студенты, во всей Европе были захвачены филэллинизмом — всемерной поддержкой национально-освободительного движения Греции. Грекам направляли пособия, к ним ехали волонтеры (между прочими — Байрон).

учреждений, внушающих доверие. Такие государства по всем признакам быстро близятся к роковому концу, а между тем с каким удивительным упорством они цепляются за остаток жизни...

У этих наций и без того уже плохой правительственный режим не только не исправляется, а становится чем дальше, тем хуже. И общество, и сам официальный мир, администрация насквозь прогнили, так что нигде не видно твердой почвы, позволяющей рассчитывать на возможность какого-либо преобразования или возрождения. Эти нации представляют собой для просвещенной части мира ужасное зрелище, хотя и не в одинаковой степени. Нации эти представляют картину, которая, к несчастью, становится все мрачнее и мрачнее по мере того, как другие нации ближе с ней знакомятся. Эти вторые, как из сострадания, так и ввиду своих интересов, вынуждены искать средство для устранения таких бедствий.

Сколько времени такое положение вещей может продолжаться я, конечно, не берусь предсказывать. Я могу теперь лишь указать на то, что прогресс идет в обоих направлениях: слабые государства все более слабеют, сильные — крепнут. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, к какому роковому результату приведет сочетание этих противоположных движений. По той или другой причине, в силу ли политических условий, или под личиной чело-веколюбия, жизнеспособные нации будут постепенно захватывать территорию вымирающих, и семена раздора среди цивилизованных народов не замедлят принести свои плоды».

Нужно ли, в самом деле, пытаться подчинять социализму страны столь расшатанные, разрозненные и малопрорывающиеся, как страны латинские? Не очевидно ли, что эта попытка поведет к еще большему их ослаблению и сделает их еще более легкой добычей для народов сильных? Увы, политики замечают это так же мало, как и поглощенные в тиши келий религиозными спорами средневековые богословы не замечали, что варвары потрясают стены их монастырей и грозят им резней!

Следует ли, однако, совсем отчаиваться в будущем народов латинской расы? Необходимость — сила могучая, которая многое может изменить. Возможно, что после целого ряда страшных бедствий народы латинской расы, наученные опытом и сумевшие освободиться от подстерегающих их соседей, решатся на трудную задачу — выработать в себе недостающие им качества, необходимые отныне для успеха в жизни. Одно лишь средство в их распоряжении: изменить совершенно систему своего воспитания. Выше всякой похвалы те немногие апостолы, которые с рвением принялись за это дело. Апостолы могут сделать многое, так как зачастую им удается совершенно изменить общественное мнение, а оно в настоящее время всевластно. Но понадобятся тяжелые усилия для того, чтобы уничтожить гнет предрассудков, поддерживающих нашу систему воспитания в ее настоящем положении. История показывает, что для основания религии достаточно иногда двенадцати апостолов; но сколько религий, верований и воззрений не могло распространиться за невозможностью набрать эту дюжину!

Не будем, однако, слишком большими пессимистами. История так полна неожиданностей, мир — на пути к таким глубоким изменениям, что в настоящее время невозможно предвидеть судьбу государств. Во всяком случае, задача философов не идет далее указания народам на угрожающие им опасности.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗАКОНАМИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРЕМЛЕНИЯМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОВРЕМЕННОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

§ 1. *Современные факторы развития обществ, созданные новейшими открытиями.* Нынешний век дал наибольшее количество изменений в кратчайшее время. Современные факторы социального развития. Роль научных и промышленных открытий. Как они перевернули все условия существования.

§ 2. *Влияние современных открытий на условия существования обществ.* Вынужденные перемены в материальных условиях жизни. Происшедшие от них нравственные и социальные изменения. Влияние механического производства на семью и на умственное развитие рабочих. Машина, сократив расстояния, превратила мир в один независимый от действия правительств рынок. Преобразования, произведенные в последние дни в жизни народов лабораторными открытиями.

Возможная роль сил природы в будущем. Неустойчивость заменила повсюду вековые устои. Жизнь народов и условия их прогресса все более и более ускользают от воздействия правительств.

§ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВ, СОЗДАННЫЕ НОВЕЙШИМИ ОТКРЫТИЯМИ

В течение последнего века, сравнительно с предшествующими, произошли, может быть, наибольшие изменения в самое короткое время. Эти изменения произошли от появления некоторых факторов, совершенно отличных от тех, какие управляли обществами до сих пор. Один из главных характерных признаков настоящей эпохи состоит именно в изменении причин, определяющих развитие народов. В течение веков преобладающее влияние оказывали религиозные и политические факторы, в настоящее время это влияние значительно ослабело. Факторы же экономические и промышленные, игравшие в течение долгого времени очень малую роль, ныне приобретают преобладающее значение. Цезарю, Людовика XIV, Наполеону или всякому другому западному монарху было совершенно безразлично, обладал ли Китай углем, или нет. Теперь же один только факт обладания и использования Китаем угля не замедлил бы оказать самое глубокое влияние на ход европейской цивилизации. Бирмингемского фабриканта и английского земледельца никогда прежде не занимал бы вопрос, могла ли Индия производить хлопок и возделывать пшеницу. В продолжение веков факт этот для Англии был совершенно незначителен, а теперь он имеет для нее гораздо большее значение, чем имели в свое время казавшиеся столь важными события, вроде поражения непобедимой армады или низвержения могущества Наполеона.

Но не только прогресс отдаленных народов оказывает сильное влияние на существование европейских наций. Быстрые промышленные усовершенствования перевернули все условия жизни. Справедливо замечено, что до начала нашего века, за тысячи лет орудия промышленности мало изменились. И действительно, в своих существенных частях они были тождественны с образцами, находящимися в гробницах древних египтян, давностью в 4000 лет до Р.Х.¹ Но уже минуло сто лет, как такое сравнение с промышленностью древности стало невозможным. Использование паровыми машинами энергии, заключенной в каменном угле, совершенно видоизменило промышленность. Самый скромный заводчик имеет в своих складах больше угля, чем нужно для производства работы, значительно превосходящей ту, которую могли бы выполнить имевшиеся, как говорят, у Красса 20.000 рабов. Мы имеем паровые молоты, один удар которых представляет собой силу 10.000 человек. Считают, что одним только Северо-Американским Соединенным Штатам потребовалось бы 13 миллионов человек и 53 миллиона лошадей для выполнения работы, производимой в год железными дорогами, т. е. силой, извлекаемой из каменного угля. Если допустить невозможную, впрочем, гипотезу, что нашлось бы такое количество людей и животных, то на их содержание потребовалось бы 55 миллиардов, вместо приблизительно 2,5 миллиардов, составляющих стоимость работы, выполняемой механическими двигателями².

§ 2. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОТКРЫТИЙ НА УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЩЕСТВ

Простой факт нахождения человеком средства извлекать из угля полезную силу совершенно перевернул наши физические условия существования. Порождая новые средства, он создал новые потребности. Изменения в материальной жизни вскоре повлекли за собой преобразования в духовном и социальном состоянии народов. Изобретя машину, человек оказался поработанным ею, как некогда богами, созданными его воображением. Он должен был подчиниться экономическим законам, возникшим исключительно от распространения машинного производства. Машина, открыв доступ на завод женщине и ребенку, расстроила семейный очаг и семью. Облегчив рабочему труд и заставив его специализироваться, машина понизила в нем умственный уровень и способность к напряженному труду. Бывший мастер спустился до степени простого чернорабочего и выйти из этого положения он может только в исключительных случаях.

Промышленная роль машин не ограничилась огромным увеличением силы, которой человек располагал. Преобразовав средства передвижения, она значительно сократила расстояния, существовавшие между различными частями света и сблизила между собой народы, которые прежде были совершенно разъединены. Запад и Восток настолько сблизились; что их отделяет теперь вместо многих месяцев переезд в несколько недель; в несколько часов, даже в несколько минут, они могут обменяться мыслями. Благодаря углю же, произведения одних быстро становятся известны другим; мир обратился в один обширный рынок, освободившийся от влияния правительств. Результаты самых кровавых революций, самых продолжительных войн — ничто в сравнении с результатами научных открытий этого века, предвещающими открытия еще более значительные и плодотворные.

Условия жизни современного человечества преобразованы не одним только паром и электричеством. Изобретения, кажущиеся почти незначительными, непрерывно способствовали и способствуют изменению этих условий.

¹ В этом можно убедиться, просмотрев гравюры нашего труда «Les premières civilisations de l'Orient», где на гробницах представлены изображения орудий промышленности Древнего Египта.

² Де Фовиль вычислил, что передвижение одной тонны товаров на километр носильщиками стоит 3 франка 33 сантима (цифра, доходящая в Африке до 10 франков), вьючными животными — 87 сантимов, но европейским железным дорогам — только 6 сантимов, а по американским — 1,5 сантима.

Альфред Де Фовиль — член Французской Академии моральных и политических наук, офицер почетного легиона, профессор политической экономии. Выдержка из его труда «Эссе об изменениях цен».

Простой лабораторный опыт совершенно изменяет факторы благосостояния провинции и даже страны. Так, например, обращение антрацита в ализарин убило производство марены¹ и одним ударом разорило департаменты, жившие этой промышленностью. Цена земли с 10.000 франков за гектар упала ниже 500 франков. Когда искусственное приготовление алкоголя, уже удавшееся в лабораториях, и такое же, ожидаемое в близком будущем, приготовление сахара войдут в промышленную практику, некоторые страны принуждены будут отказаться от вековых источников богатства и будут доведены до нищеты. В сравнении с такими потрясениями что будут значить для них такие события, как Столетняя война, Реформация или революция? Можно, впрочем, оценить значение таких коммерческих колебаний, если вспомнить во что обошлись Франции 10 лет засилья микроскопического насекомого — филлоксеры. Потеря с 1877 до 1887 г. миллиона гектаров виноградников была оценена в 7 миллиардов франков. Сумма причиненных этим бедствием убытков почти равняется расходам нашей последней войны. От этого убытка Испания временно обогатилась, так как не достававшее нам количество вина пришлось купить у нее. С экономической точки зрения результат получился такой, как если бы мы, побежденные испанскими армиями, были присуждены платить ей ежегодно огромную дань.

Невозможно выразить в достаточно сильной мере всю важность великих переворотов в области промышленности, которые составляют одно из роковых условий современности и которые еще только начинаются. Главным последствием таких переворотов является то, что условия существования, казавшиеся установившимися на веки, теряют всякую устойчивость.

«Если спросить, — пишет английский философ Мен, — какое из поражающих народ бедствий самое ужасное, может быть, ответят, что это кровавая война, опустошительный голод, смертоносная эпидемия. Между тем, ни одно из этих бедствий не принесет таких сильных и продолжительных страданий, как переворот в моде, предписывающий дамскому туалету одну какую-нибудь материю или один цвет, как это в настоящее время установилось в одежде мужчин. Множество процветающих и богатых городов в Европе или Америке были бы осуждены этим на банкротство и истощение, и катастрофа оказалась бы хуже голода или эпидемии».

Это предположение не включает в себе ничего невероятного, и возможно, что переворот, вызванный в женском наряде распространяющимся использованием велосипеда, скоро осуществит его на деле. Но научные открытия, конечно, произведут изменения еще и не такой важности. Например, химия, наука едва только устанавливающаяся, готовит нам много таких неожиданностей. Когда мы будем в состоянии применять в своем обиходе температуры от 3 до 4 тысяч градусов или близкие к абсолютному нулю (что уже и начинает нам удаваться), тогда неизбежно появится совершенно новая химия. Теория уже нам говорит, что наши простые тела, весьма вероятно, не что иное, как продукты сгущенных соединений других элементов, свойства которых нам совершенно неизвестны. Может быть, как это предполагает в одной своей речи химик Бертелло, когда-нибудь все пищевые вещества будут вырабатываться всецело при помощи науки, и тогда «не будет больше ни покрытых жатвами полей, ни виноградников, ни лугов с многочисленными стадами. Не будет больше различия между странами плодородными и бесплодными».

Мы можем еще предположить такую картину будущего, когда силы природы будут в нашем распоряжении для удовлетворения всех наших нужд и почти совершенно заменят работу человека. Не будет также химерой допустить, что благодаря электричеству, этому чудесному деятелю преобразования и передачи энергии, сила ветра, морских приливов и водопадов скоро будет в нашем распоряжении. Уже и теперь частью использованные Ниагарские водопады обладают двигательной силой в 17 миллионов паровых лошадей, и недалеко время, когда эта, едва входящая в употребление сила, при помощи электрических проводов будет передаваться на далекие расстояния. Внутренняя теплота земного шара и теплота солнца представляют собой также неисчерпаемые источники энергии.

Но, не останавливаясь на будущих открытиях, а рассматривая успехи, достигнутые только за последние 50 лет, мы видим, что условия нашего существования меняются с каждым днем и при том так внезапно, что общества неизбежно подвергаются преобразованиям, гораздо более быстрым, чем может вынести умственное состояние, медленно создаваемое вековой наследственностью. Повсюду вековая устойчивость уступила место неустойчивости.

Из всего вышесказанного можно заключить, что нынешний век есть век разрушения и, в то же время, век созидания. Кажется, что перед изменениями, вызванными наукой и промышленностью, не может устоять ни одна из наших идей, ни одно из наших условий прежнего существования. Трудность приспособления к этим новым требованиям состоит главным образом в том, что наши чувства и привычки меняются медленно, тогда как внешние обстоятельства меняются слишком быстро и слишком глубоко, чтобы прежние воззрения, с которыми нам трудно расстаться, могли просуществовать долго. Никто не может предсказать, какой выйдет социальный строй из этих неожиданных разрушений и созиданий. Мы видим ясно, что самые важные явления в жизни государств и сами условия их прогресса все более и более ускользают от государственной власти и подчиняются промышленным и экономическим требованиям, против которых эта власть бессильна. Мы предчувствуем уже, и далее в этом труде это выяснится еще полнее, что требования социалистов будут все более и более расходиться с экономическим развитием, которое подготавливается вне их и очень далеко от них. Но, тем не менее, они должны будут ему подчиниться, как всякому роковому закону природы, которому до сих пор подчинялся человек.

¹ Род краски красного цвета, добываемой из растения того же названия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

§ 1. *Экономическая конкуренция.* Социализм не признает законов необходимости, управляющих в настоящее время миром. Стремления правительств все более обуславливаются внешними экономическими явлениями, к которым они должны применяться, Мир экономических и промышленных отношений теперь уже представляет собой одно целое, и страны становятся все менее свободными в своих действиях. Народы все более стремятся к подчинению внешним требованиям, а не единичной воле. Последствия уменьшения расстояний между Востоком и Западом. Результаты экономической борьбы между народами с малоразвитыми и очень развитыми потребностями. Цена товаров на рынке определяется их ценой на том рынке, где производство всего дешевле. Результаты конкуренции между однородными произведениями европейской и восточной промышленности. Почему Англия принуждена отказываться от земледелия. Конкуренция Индии и Японии. Будущность европейской торговли. Будущность России. Конкуренция со стороны Востока и социализм.

§ 2. *Применяемые и предлагаемые средства.* Возражения экономистов по поводу последствий борьбы между Востоком и Западом. Мнимое перепроизводство. Почему доводы экономистов могут считаться основательными только относительно будущего. Протекционизм. Его искусственная и временная роль. Народы земледельческие и народы промышленные. Различные средства против конкуренции Востока, изыскиваемые англосаксами. Почему они обращаются к Африке. Трудность промышленной и торговой борьбы для латинских народов.

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Мы только что указали вкратце, что мировое экономическое и промышленное развитие перевернуло прежние условия существования человечества. Эта истина станет еще яснее при изучении некоторых из стоящих в настоящее время задач. Социалисты в изложении своих требований и мечтаний обнаруживают полное незнание законов необходимости, управляющих новым миром. Они всегда рассуждают так, как будто мир кончается за пределами обитаемой ими страны, и все, что происходит в остальном мире, не должно иметь никакого влияния на ту среду, где они проповедают свои учения, и как будто предлагаемые ими меры не должны совершенно изменить отношения народа, применяющего их, к другим народам. Такое обособление было бы возможно только несколько веков тому назад, но в настоящее время дело обстоит иначе. Роль правителей каждой страны все более обнаруживает стремление обуславливаться экономическими явлениями очень отдаленного происхождения, совершенно не зависящими от воздействия государственных людей, принужденных им подчиняться. Искусство управлять состоит в настоящее время прежде всего в умении возможно лучше приспособливаться к внешним требованиям, не поддающимся воле отдельных людей.

Конечно, каждая страна продолжает составлять собой отечество; но мир науки, промышленности, экономических отношений теперь уже представляет собой один мир, имеющий свои законы, тем более строгие, что они обуславливаются необходимостью, а не кодексами. На почве экономической и промышленной никакая страна в настоящее время не свободна вести свои дела по собственному усмотрению, и это по той простой причине, что развитие промышленности, земледелия и торговли в громадном числе случаев отражается на всех народах. Экономические и промышленные явления, происходящие в отдаленных странах, могут заставить самую незнакомую и чуждую им страну преобразовать свое земледелие, свои промышленные приемы, свои способы производства, свои коммерческие обычаи и, как следствие этого, свои учреждения и свои законы. Народы все более и более стремятся руководствоваться общими требованиями, а не волей отдельных людей. Деятельность же правительств, следовательно, делается все более и более слабой и неуверенной. Это одно из самых характерных явлений настоящего времени.

Вопрос, который мы рассмотрим в этой главе, позволит нам совершенно ясно проиллюстрировать предыдущее. Он нам еще раз покажет, насколько предлагаемые социалистами решения о всеобщем счастье поверхностны и неисполнимы.

Этот вопрос, на который мы в числе первых указали уже много лет тому назад, есть вопрос об экономической борьбе между Востоком и Западом, обрисовывающийся с каждым днем все яснее. Сократившиеся благодаря пару расстояния и развитие промышленности имели последствием приближение Востока к нашим границам и превращение обитателей его в конкурентов Запада. Эти конкуренты, пользовавшиеся прежде нашими продуктами, приобрели наши машины и принялись выделывать эти продукты сами, и вместо того, чтобы покупать у нас, они теперь продают нам. Это им легко удастся, потому что нетребовательные по унаследованным издавна привычкам, они изготавливают эти продукты по значительно меньшей материальной цене, сравнительно с ценой изготовленных в Европе. Большинство восточных рабочих живет менее чем на 10 су в день, тогда как европейский рабочий проживает едва ли меньше 4 или 5 франков. Так как цена работы всегда определяет цену товаров, а стоимость их на вся-

ком рынке устанавливается стоимостью на рынке, поставляющем товары по наименьшей цене, то, следовательно, промышленным предприятиям европейских фабрикантов угрожают конкуренты, производящие те же предметы по цене в 10 раз меньшей. Индия, Япония, а вскоре и Китай, вошли в фазу, которую мы когда-то предсказывали, и делают быстрые успехи. Иностранные продукты стекаются в Европу все в большем и большем размере, а вывоз продуктов европейского производства все более и более сокращается. Не военного нашествия восточных народов надо опасаться, как это утверждают, а единственно только вторжения восточных продуктов!

В течение продолжительного времени конкуренция ограничивалась только сельскохозяйственными продуктами, и по ее последствиям мы можем предчувствовать, что будет, когда она распространится на продукты промышленности.

Первым последствием конкуренции было, как заметил Мелин в палате депутатов, понижение наполовину в течение 20 лет стоимости сельскохозяйственных продуктов: хлеба, шерсти, вина, спирта, сахара и т. д. Шерсть, например, стоившая в 1882 г. приблизительно 2 франка за килограмм, 20 лет спустя стоила только 1 франк; сало с 95 франков упало до 42 франков, и т. д.

Многие экономисты, в том числе и я, считают эти понижения цен выгодными, так как в результате этим пользуется публика, т. е. большинство; но рассматривая вопрос с других сторон, очень легко оспаривать выгоду таких понижений. Самый главный их недостаток состоит в том, что они ставят земледелие в невыгодное положение и заставляют некоторые страны от него отказываться, что может иногда привести к серьезным последствиям.

Предположение, что некоторые страны могут быть принуждены отказаться от земледелия, не представляет ничего невероятного: в настоящее время это происходит в Англии. Принужденная конкурировать одновременно с производством хлеба в Индии и Америке, она постепенно отказывается от его производства у себя, несмотря на совершенство английских способов земледелия, позволяющих получать умолот в 29 гектолитров с гектара. В настоящее время годовое производство хлеба в Англии упало до 23 миллионов гектолитров, тогда как годовое его потребление составляет 85 миллионов. Таким образом, ей приходится покупать за границей около 60 миллионов. Если бы Англия была блокирована на своем острове или не имела бы средств, необходимых для пополнения этой разницы, то большая часть ее жителей была бы обречена на голодную смерть.

Франция, страна по преимуществу сельскохозяйственная, благодаря покровительственной системе, средству временному и фиктивному, могла продолжать борьбу, составляющую для нее жизненный интерес. Но сколько времени будет она в состоянии ее вести? Она производит около 100 миллионов гектолитров зерна. Эта цифра может в зависимости от обстоятельств понижаться до 75 или возрастать до 135. Настоящая цена пшеницы около 18 франков за 100 кг регулярно понижается уже несколько лет. Эта цена, впрочем, искусственна, так как иностранный хлеб вследствие обложения покровительственной пошлиной в 7 франков, на самом деле стоит 11 франков, составляющих продажную цену на иностранных рынках, особенно в Лондоне и Нью-Йорке. Эта цена впредь может только понижаться. Итальянские земледельцы Аргентинской республики достигли цены производства хлеба в 5 франков за гектолитр.

Можно ли надолго задержать это постепенное понижение постепенно же возрастающими покровительственными пошлинами, имеющими последствием искусственное поддержание дороговизны припасов и, следовательно, препятствующими населению пользоваться общей дешевизной? Ввиду того, что Франция потребляет ежегодно 120 миллионов гектолитров хлеба, существующая пошлина в 7 франков с гектолитра, увеличивающаяся, по крайней мере, на одну треть цену хлеба, составляет огромную сумму, взимаемую со всего народа в пользу небольшого числа крупных спекулянтов, так как большинству земледельцев, производящих хлеб только для удовлетворения собственных нужд, ничего не остается на продажу. В защиту таких произвольных приемов можно только сказать, что они полезны, дозволяя стране временно поддерживать существование земледелия и предоставляя ему необходимое время для улучшения. Но вскоре ни одно правительство не будет в силах удержать искусственную дороговизну жизненных припасов.

Причиной упадка европейского земледелия нельзя считать Восток, едва вступивший тогда в сельскохозяйственную борьбу. Начало этого упадка нужно видеть в производстве злаков в Америке, где земля почти ничего не стоит, тогда как в Европе она очень дорога. В тот день, когда у Америки тоже возникла конкуренция со странами вроде Индии, где земля не только ничего не стоит, как в Соединенных Штатах, но где и работа обходится в десять раз дешевле, она подверглась участи Англии, а ее земледелию угрожает теперь полное разорение. Американские земледельцы находятся теперь в самом невыгодном положении. Де Манда-Грансэ указывает на фермы, стоившие прежде 300 долларов за акр и не находящие теперь покупателей по 10 долларов. Никакая покровительственная пошлина не может помочь американцам, так как их интерес в том, чтобы продавать хлеб, а не ввозить его. Следовательно, покровительственная система может устранить на иностранных рынках конкуренцию с ними стран, у которых производство значительно дешевле.

Борьба Востока с Западом, происходившая сначала только из-за сырья и сельскохозяйственных продуктов, постепенно распространилась и на продукты промышленности. В странах Дальнего Востока, например, в Индии и Японии поденная заработная плата на заводах почти не превышает 10 су, и мастера получают немногим более. Де Манда-Грансэ называет завод близ Калькутты, где при 1.500 рабочих помощник директора из туземцев получает в месяц менее 20 франков жалованья. При такой малой стоимости производства вывоз из Индии за 10 лет возрос с 712 миллионов до 4 с лишним миллиардов.

Но Индия не богата углем, а в Японии его достаточно для вывоза по цене вдвое меньшей цены английского угля.

Вследствие этого Япония сделала еще более быстрые успехи, чем Индия. Японии, располагающей углем, этим главным источником народного богатства, стоило только закупить европейских машин и по их образцу построить такие же у себя, чтобы вскоре стать совершенно на одну ногу с Европой в способности к производству и далеко превзойти ее в дешевизне производства в силу низкой заработной платы.

Япония имеет теперь большие фабрики, например, хлопчатобумажные¹, дающие заработок 6.000 рабочим и делающие настолько выгодные обороты, что дают дивиденды от 10 до 20%, тогда как прибыль подобных фабрик в Англии, уменьшаясь с каждым днем, постепенно упала в самых доходных предприятиях до 3%. Другие фабрики в убытке и не дают более дивиденда просто потому, что вывоз ежедневно уменьшается благодаря конкуренции с Востоком.

Народы Востока стали производить один за другим все европейские продукты и всегда при условиях такой дешевизны, что всякая борьба с ними становится невозможной. В Японии существуют теперь часовое, фаянсовое, бумажное, парфюмерное производства и даже производство так называемых «парижских товаров». Таким образом, европейские продукты все более и более вытесняются с рынков Востока. Есть предметы (например спички), которые Англия прежде продавала ежегодно на 600.000 франков, а теперь продает не больше чем на 10.000 франков, тогда как японцы, начав с ничтожной продажи, в несколько лет перешли к производству, которое в 1895 г. дошло до 2.275.000 франков. Эти спички продаются по 1 франку за 144 коробки, т. е. 15 коробок за 10 сантимов. Обыкновенных и дождевых зонтиков японцы в 1890 г. продавали на 700 франков, а через 5 лет на 1.300.000 франков; то же происходит со всеми предметами, которые начинают там изготавливаться.

Это изобилие производства скоро привело японцев к приобретению новых рынков, и, во избежание зависимости от европейского флота, японцы стали покупать корабли, а потом и сами начали их строить. У них есть большие почтовые пароходы, выстроенные по последним моделям и освещенные электричеством. Одна только компания («Ниппон Юсен Каиша») имеет их 47, конкурирующих с нашими «Messageries» и особенно — с английской компанией «Peninsular and Oriental».

Они установили двухнедельные рейсы между Японией и Бомбеем, рейсы в Австралию и собираются установить также рейсы во Францию и Англию. Они имеют судовые команды, оплачиваемые по 10 франков в месяц на человека и питающиеся рисом, несколько мешков которого всегда имеют в запасе.

Хотя китаец, несмотря на низкое военное развитие, во многих отношениях превосходит японца, Китай еще не вступил в промышленное движение, но близок момент, когда он устремится в него. Можно тогда предвидеть, что со своим бесчисленным населением, при отсутствии потребностей и при огромных запасах угля, он через несколько лет будет первым коммерческим центром мира, регулятором рынков, а пекинская биржа будет устанавливать цены на все товары остального мира. Для оценки могущества этой конкуренции может служить тот факт, что американцы, признав себя неспособными бороться с нею, не нашли другого средства, как воспретить китайцам доступ на их территорию. Недалек час, когда европейский купеческий корабль будет редкостью в морях Востока. Что ему там будет делать?

Лишь немногие из английских и германских консулов Дальнего Востока в своих донесениях не вполне сходятся по этим вопросам. Сами наши агенты, несмотря на свой малый интерес к торговле и особенно — на неисправимую неспособность латинского ума усваивать какие-либо чуждые ему понятия, начинают замечать и указывать на то, что происходит вокруг.

В экономической борьбе, обостряющейся с каждым днем, все благоприятствовало Востоку. Понижение стоимости серебра на Западе еще более затруднило нам конкуренцию. Серебро, единственная монета, которую знает Восток, сохранило там всю свою ценность, тогда как в Европе оно потеряло ее почти наполовину. Индийский или китайский купец, отправляя в Европу на 1.000 франков зерна, хлопка или какого-нибудь другого товара, получает 1.000 франков золотом, которое он может обменять приблизительно на 2.000 франков в серебряных слитках, после чего ему остается только превратить их на Востоке в серебряные монеты для расплаты со своими рабочими. Эти 2.000 франков серебра представляют в его стране ту же стоимость, что и 25 лет тому назад, потому что понижение, которому подверглась цена серебра в европейских странах, еще не отразилось на Востоке, где цена на труд мало изменилась. Стоимость изготовления продуктов на Востоке такая же, как и прежде, и восточный промышленник только потому, что продает продукт в Европу, выручает за него на половину более того, во что обходится ему этот продукт на Востоке. Естественно, покупая у нас, он заплатил бы тоже вдвое, потому что ему пришлось бы дать 2.000 франков серебра за 1.000 франков золота; таким образом, весь его интерес заключается в том, чтобы, продавая нам все больше, покупать у нас все меньше. Следовательно, существующие условия торгового обмена представляют собой для Востока огромную премию за вывоз. Никакие покровительственные пошлины, если только они не совершенно запретительные, не в состоянии бороться против такого различия в ценах, по которым предметы приобретаются торговцами.

¹ Прядильное производство «Kanegafuchi» и Японии занимает около 6.000 человек, работающих день и ночь в две смены по 12 часов. Рабочая поденная плата (приблизительно 50 сант.), уплачивается серебром, рыночная стоимость которого, как известно, вдвое меньше стоимости золота. Вот данные из статистических отчетов Японской империи, опубликованных в «Hanabusa» в 1897 г. директором статистического отделения, касающиеся среднего оклада некоторых рабочих категории: для земледельцев — 32 сантима в день, типографчиков — 1 франк 40 сантимов, плотников — 1 франк 75 сантимов.

Европейская торговля, по-видимому, в скором времени должна свестись к следующему: обменивать товары, стоящие в десять раз дороже, чем на Востоке, и оплачиваемые золотом, на товары в десять раз дешевле и оплачиваемые серебром. Так как при таких условиях обмен долго существовать не может (если он еще кое-как держится, то только потому, что Восток не закончил своего промышленного устройства), то очевидно, что Европа скоро должна будет лишиться покупателей на Дальнем Востоке, как она потеряла уже их в Америке. Она не только их потеряет, но сверх того, вследствие недостаточности своего производства для прокормления своих жителей, она будет принуждена покупать у своих же прежних покупателей, а сама не будет иметь возможности ничего им продавать. Японцы ничуть не сомневаются, что дело к тому и идет. Несколько лет тому назад один из их министров иностранных дел, Окума, коснувшись Европы в одной из своих речей, выразился так: «Она выказывает все признаки одряхления. Будущий век увидит полное распадение ее государственных учреждений и разрушение ее империй».

Многие причины в будущем для большинства народов Европы еще более усложнят и без того уже трудную коммерческую борьбу с Востоком. Когда Сибирская железная дорога будет в полной эксплуатации, вся торговля между Востоком и Западом будет сосредоточена в руках России. Эта железная дорога, как известно, пересекая часть Китая, соединяет Россию с Японией; 130 миллионов русских войдут тогда в сношения с 400 миллионами китайцев, и Россия станет первой коммерческой державой в мире, потому что неизбежно через нее направится транзит между Востоком и Западом. Из Лондона до Гонконга теперь 36 дней морского пути. Но Сибирской железной дороге на это потребуется около половины этого времени. Морской путь, без сомнения, будет тогда так же оставлен, как теперь путь мимо мыса Доброй Надежды, и на что тогда пригодится Англии ее коммерческий флот? Франция потеряет тогда и ту малую часть своей торговли, которая ей еще остается. В тот день она, может быть, пожалеет о данных ею России займы 10 миллиардах, значительная часть которых послужила на создание этой губительной конкуренции, грозящей разорением Марселю. Не будучи пессимистом, можно себя спросить: не выиграли бы мы гораздо более, употребив такую огромную сумму на развитие своей промышленности и торговли?

Не будь успехов японцев, Сибирская железная дорога, важное значение которой не было, кажется, понято ни одним из наших государственных людей, дала бы России коммерческое господство над Китаем с его 400-миллионным населением; тогда, ввиду господства в ней неограниченного протекционизма как относительно союзников, так и по отношению к другим нациям, Восток оказался бы закрытым для Европы. Успехи Японии восстановили равновесие, все более нарушавшееся в пользу одной стороны, тогда как теперь оно может измениться в пользу другой. Мы — на заре гигантской борьбы за раздел Востока. Разоружение, предлагаемое, я полагаю, не без некоторой иронии, не представляется осуществимым в близком будущем.

Борьба между Востоком и Западом, история возникновения которой только что нами обрисована, еще начинается, и исход ее мы можем только предполагать. Мечтатели о вечном мире и всеобщем разоружении воображают, что самой разорительной борьбой является война. Действительно, она губит сразу огромную массу людей, но кажется весьма вероятным, что готовящаяся промышленная и коммерческая борьба будут убийственной и принесут ряд бедствий и разорений, каких никогда не производили самые кровавые войны. Она, может быть, совершенно уничтожит некоторые великие народы, чего никогда не удавалось осуществить самым многочисленным армиям. Эта борьба, с виду такая мирная, в действительности неумолима. Она не знает сострадания. Победить или исчезнуть — другого выбора нет.

Социализм не особенно интересуется такими задачами. Его воззрения слишком узки, горизонт слишком ограничен для того, чтобы он мог о них помышлять. Для народов, у которых социализм разовьется больше всего, коммерческая борьба с Востоком будет наиболее трудной, а уничтожение побежденного совершится быстрее. Одни только народы, обладающие в достаточной мере промышленной инициативой, необходимым умом для усовершенствования своих орудий производства и применения их к новым требованиям, будут в состоянии защищаться. Не коллективизм с его низменным идеалом равенства в труде и заработной плате даст рабочим средства для борьбы с наплывом продуктов Востока. Где возьмет он необходимые средства для платы рабочим, когда продукты перестанут находить покупателей, заводы постепенно закроются и все капиталы будут переведены в те страны, где они найдут легкий доход и благосклонный прием вместо бесконечных преследований?

§ 2. ПРИМЕНЯЕМЫЕ И ПРЕДЛАГАЕМЫЕ СРЕДСТВА

Мы только что показали, как зародилась и развилась экономическая конкуренция между Востоком и Западом. Перечисленные нами факты доказывают, насколько современные экономические требования противоположны стремлениям социалистов и как неудачно они выбрали момент для предъявления своих требований. Рассматривая теперь возможные средства к устранению все возрастающей экономической конкуренции, мы покажем еще раз, что возможность победы несовместима с социалистическим идеалом.

Прежде всего мы должны заметить, что теоретически легко опаривать пессимистические выводы об изложенном нами положении вещей. Экономисты справедливо говорят, что до сих пор никогда не было действительного перепроизводства какого-либо товара, что самый легкий его избыток сопровождается обязательным понижением цен и что если вследствие конкуренции европейский рабочий принужден довольствоваться дневным заработком в несколько су, то ничтожность этой платы не создаст затруднений, поскольку на нее можно будет приобрести все необходимое, стоившее прежде несколько франков. Довод совершенно справедлив, но он применим только к отдаленной эпохе, и, следовательно, для нас теперь не может представлять интереса. До наступления этой фазы всеобщего удешевления продуктов пройдет довольно продолжительный переходный и разрушительный период времени. Этот период будет тем труднее пережить, что борьба между восточными и западными народами происходит не только между отдельными людьми, получающими различную заработную плату, но особенно между людьми, имеющими различные потребности. Это-то условие и сделало невозможной конкуренцию между китайцами и американцами, вследствие чего последние принуждены были изгнать первых. Чтобы восстановить равенство шансов, нужно было, чтобы китайцы, поселившиеся в Америке, переняли вкусы и расточительные привычки американцев. Но такому преобразованию препятствует влияние их врожденных привычек. Ограничивая свои потребности чашкой чая и горстью риса, они могли довольствоваться рабочей платой гораздо ниже той, какую требуют американские рабочие.

Каким бы ни представлялось будущее, нас интересует настоящее и мы должны искать решения вопросов только текущего времени, а потому те средства, которые, согласно ожиданиям экономистов, должны явиться из естественного развития вещей, в настоящий момент не имеют цены. Что касается покровительственного режима, то он представляет собой временное решение вопроса, легко применяемое народами Европы и Америки. Несомненно, он может принести временную пользу, но его благотворное действие непродолжительно. Небольшая малонаселенная страна может, пожалуй, окружить себя высокой стеной, не беспокоясь о происходящем вне ее. Но существуют ли такие страны на Западе? По всем статистическим сведениям, в Европе вследствие чрезвычайного увеличения народонаселения почти нет стран, производительность которых была бы достаточна для прокормления своих жителей более шести месяцев. Если бы какая-нибудь страна отгородилась стеной, о которой я только что говорил, то спустя шесть месяцев под страхом голодной смерти ей пришлось бы открыть эту стену, чтобы купить себе пищу извне; но чем бы она заплатила тогда за необходимые ей хлеб и пищевые продукты? До сих пор Европа приобретает съестные припасы Востока в обмен на товары, но Восток скоро не будет нуждаться в наших товарах, раз он их производит дешевле. Торговля же основана на обмене, в котором монета есть только условный знак.

Следовательно, если не помогут научные открытия, будущее Европы, в особенности стран, живущих главным образом своей торговлей, представляется довольно мрачным.

В грядущей борьбе только две категории народов, по-видимому, способны устоять. К первой принадлежат те народы с редким населением, у которых хорошо развито земледелие, вследствие чего они могут обойтись собственными средствами и почти совсем отказаться от внешней торговли. Ко второй принадлежат народы, которые своей инициативой, силой воли и промышленными способностями значительно превосходят народы Востока.

Немногие из европейских народов принадлежат теперь к первой категории. Франция, к ее счастью, занимает в ней далеко не последнее место. Ее производство почти достаточно для прокормления своих жителей, а верный инстинкт побуждает ее, пренебрегая причитаниями статистиков, не увеличивать цифры своего народонаселения. Увеличив несколько производительность земли или уменьшив немного население, она могла бы добывать достаточно продовольствия для себя. Вместо того чтобы набрасываться на промышленность, которая нам почти не дается, или на торговлю, которая нам совсем не дается, мы должны были бы направить все свои усилия на земледелие.

С какой стороны, впрочем, ни посмотреть, наше земледелие нуждается в развитии. На земледельческом конгрессе, прошедшем в Лионе несколько лет тому назад, де ля Рок указал на то, что смертность, не достигающая 20% в деревнях, превосходит 27% в городах, из чего он выводит, что благодаря одному только переселению в города Франция потеряла 700.000 жителей. «Если бы наше земледелие перестало производить вино или злаки, деревни потеряли бы не менее 8–10 миллионов жителей». Этот факт составляет интересный пример отражения экономических законов на народной жизни.

Англичане и американцы принадлежат ко второй из названных мною категорий. Но только ценой напряженной деятельности и постоянного усовершенствования орудий производства им удастся удержать свое превосходство. Произойдет борьба способностей высших со средними, посредственными и слабейшими. Так в Америке ценой огромных усилий машинное производство могло все более и более уменьшать материальную цену продуктов; несмотря на дороговизну задельной платы, Соединенные Штаты имеют чугуно-плавильные заводы, некоторые из

которых ежедневно производят по 1.000 тонн чугуна, тогда как наши выплавляют его не более 100–200 тонн; сталелитейные заводы, прокатывающие ежедневно по 1.500 тонн стали, тогда как наши в то же время прокатывают 150 тонн; машины, нагружающие в вагоны по 1.000 тонн в час и другие, выполняющие за несколько часов погрузку корабля в 4.000 тонн и т. д.

Чтобы удержать за собой такое положение, нужны инициатива и способности, правда, очень несимпатичные социалистам, но, тем не менее, являющиеся самым драгоценным наследием, составляющим в настоящее время удел немногих рас. При таких дарованиях не существует непреодолимых затруднений.

Если все эти усилия будут тщетны, англосаксы найдут другие средства. Изысканием их они уже заняты. Многим промышленникам удалось установить конкуренцию с Востоком, открывая там заводы с туземными рабочими. Английские промышленники, не имея возможности работать в Англии себе в убыток, решились переселиться в Индию, где конкурируют с английскими же продуктами. Но если бы эта эмиграция способностей и капиталов сделалась общим явлением, то она неминуемо оставила бы английского рабочего без работы и в результате только направила бы капиталистов на тот роковой путь, по которому со временем могли бы их направить требования социалистов. Возникает вопрос, что стало бы с государством, лишенным всех своих капиталов, всех высших умов, какими оно обладает, и состоящим исключительно из посредственных состояний и талантов. Тогда-то социализму можно было бы развиться на просторе и установить господство своего тяжелого рабства.

Оттого государственные люди Англии изыскивают другие средства для устранения замечаемой ими и быстро надвигающейся опасности. Предвидя, что Восток скоро закроет свои порты для их кораблей, они обращаются теперь к Африке, и мы видим, с каким упорством англичане и немцы овладели ею в несколько лет, предоставив латинским народам лишь несколько клочков малоценной территории. Империя, выкроенная там себе англичанами, занимая около половины Африки от Александрии до Капа, скоро покроется телеграфной сетью, железными дорогами и через небольшое число лет, без сомнения, станет одной из богатейших стран в мире.

Унаследованные способности, современная общественная организация, система воспитания латинских народов и в особенности наполнение общества социалистическими идеями не позволяют им задаваться такими честолюбивыми планами. Эти народы по своим природным способностям более склонны к земледелию и искусствам. Поэтому им очень трудно даются промышленность, внешняя торговля и особенно колонизация, стоящая им очень дорого и не приносящая никакого дохода даже и тогда, когда колонии находятся, подобно Алжиру, почти за их порогом. Об этом можно, конечно, сожалеть, но отрицать этого нельзя, а признание этого факта полезно, по крайней мере, тем, что заставляет нас понять, к чему мы должны стремиться.

Впрочем, латинские народы, быть может, не будут слишком сожалеть о невозможности играть очень активную роль в экономической и промышленной борьбе, которой, по-видимому, скоро суждено переместить центр тяжести цивилизации. Эта борьба, столь трудная даже для натур энергичных, для других была бы совершенно невозможна. Тяжел и иногда плохо оплачивается труд простых рабочих. Вопреки мечтам социалистов, близкое будущее покажет, что этот труд будет и гораздо тяжелее и еще хуже оплачиваем. Великие цивилизации, как кажется, могут продолжительно существовать только при условии все более и более тяжелого порабощения рабочих масс. Господству промышленности и машинного производства суждено все более и более усиливать свой гнет. Быть может, только ценой все более тяжелого труда и страшного напряжения последних сил промышленные и торговые народы Европы будут в состоянии хоть с некоторым успехом бороться с народами Востока на экономической почве. Во всяком случае, это будет война гораздо более убийственная и безнадежная, чем бойня на полях сражений прежних времен; ни иллюзиям, ни надеждам тогда не будет места. Светочи утешительной веры старых времен излучают лишь слабое мерцание и скоро погаснут навеки. Человеку, борющемуся когда-то за свой очаг, свое отечество или своих богов, в его будущей борьбе, кажется, угрожает опасность руководствоваться только одним идеалом: есть вдоволь (или, по крайней мере, не умереть с голоду).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ЗАПАДНЫМИ НАРОДАМИ

§ 1. *Последствия наследственных способностей народов.* Различие в способностях, породивших успехи народов на различных ступенях цивилизации. Качества, обеспечивавшие долгое время первенство латинским народам. Большая часть этих качеств в настоящее время неприменимы. При современной мировой эволюции промышленные и коммерческие способности занимают первое место. Почему слабые коммерческие и промышленные способности латинских народов были достаточны прежде и недостаточны теперь.

§ 2. *Промышленное и коммерческое положение латинских народов.* Результаты, раскрытые статистикой. Указания,

данные нашими консулами за границей. Характерные факты, обнаруживающие упадок нашей промышленности и торговли. Апатия, равнодушие, отвращение к напряженной деятельности, отсутствие инициативы у наших коммерсантов. Различные примеры. Наплыв немецких продуктов на нашем рынке. Упадок нашего флота. Наши коммерческие сношения с нашими колониями в руках иностранцев. Что нам стоят колонии и какой они приносят доход. Постепенное понижение качества наших продуктов.

§ 3. *Причины коммерческого и промышленного превосходства немцев.* Слабое влияние их военного превосходства на их коммерческие и промышленные успехи. Техническое образование у немцев. Их способность приспосабливаться к вкусам своих покупателей. Как они осведомляются о потребностях покупателей различных стран. Их дух солидарности и корпоративности. Приемы, применяемые ими при собирании справок.

§ 1. ПОСЛЕДСТВИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НАРОДОВ

Мы только что показали, как экономические потребности, созданные современными обстоятельствами, сделали очень опасной конкуренцию со стороны восточных народов, превратившихся из прежних потребителей в производителей. Поэтому постепенно вытесняемые с восточных рынков западные народы вынуждены ожесточенно оспаривать друг у друга оставшиеся еще для них открытыми европейские рынки. Какие качества облегчат успех в борьбе, становящейся с каждым днем все более и более тяжелой? Может ли социализм дать преимущество в такой борьбе? Это мы теперь и предполагаем рассмотреть.

Способности народов, установившие превосходство рас, в разные исторические эпохи не были одинаковы. Всякий народ обладает только известными способностями, но не может владеть способностями всевозможными. Потому-то мы и видим в истории так много примеров прохождения разными народами всех фаз величия и упадка, сообразно с тем, полезны или вредны их характерные качества при обстоятельствах переживаемого ими времени.

В течение долгого времени успехи цивилизации требовали некоторых специальных качеств: храбрости, воинственного духа, красноречия, литературных и артистических вкусов, которыми латинские народы обладают в высокой степени; поэтому-то они и находились так долго во главе цивилизации. Теперь эти качества гораздо менее полезны, чем прежде, и кажется даже, что скоро некоторые из них совсем останутся без применения. При современном мировом развитии промышленные и коммерческие способности, занимавшие прежде второстепенное место, теперь выступают вперед. Поэтому лучшие места занимают народы промышленные и коммерческие. Итак, центры цивилизации скоро переместятся.

Последствия этих перемещений очень важны. Так как ни один народ не может изменить своих способностей, он должен стараться ясно их сознавать для возможно лучшего их применения и не вступать в тщетную борьбу там, где его ждет неудача. Превосходный музыкант или чудный художник будет плохим купцом, очень посредственным промышленником. Для целых народов, как и для отдельных людей, первое условие для успеха в жизни — это хорошо знать свои способности и не предпринимать никакого дела сверх своих сил.

Но латинские народы по своим наследственным понятиям, на происхождение которых я указал, лишь в весьма слабой степени обладают столь необходимыми теперь коммерческими, промышленными и колонизаторскими способностями. Они — воины, земледельцы, художники, изобретатели, но не промышленники, не купцы и в особенности — не колонизаторы.

Как ни ничтожны коммерческие, промышленные и колонизаторские способности латинских народов, но они были достаточны для той эпохи, когда между народами почти не было конкуренции. Теперь же они недостаточны. Постоянно говорят о промышленном и коммерческом упадке нашей расы. Это не безусловно точно, потому что наша промышленность и торговля за последние пятьдесят лет очень значительно развились. Это, лучше сказать, не упадок, а недостаточный прогресс. Но, тем не менее, слово «упадок» становится верным, если его понимать в том смысле, что, прогрессируя гораздо медленнее своих соперников, латинские народы постепенно будут ими вытеснены.

Признаки этой отсталости наблюдаются у всех латинских народов; это доказывает, что здесь имеет место расовое явление. Испания, по-видимому, достигла последней ступени этой прогрессивной отсталости. Италия, кажется, должна скоро к ней присоединиться. Франция еще борется, но признаки ее ослабления с каждым днем становятся заметнее.

§ 2. ПРОМЫШЛЕННОЕ И КОММЕРЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ

В дальнейшем изложении мы займемся только Францией. О других латинских народах нам пришлось бы только повторять, еще сильнее подчеркивая те замечания, которые применимы к Франции. Она является наименее пострадавшей из латинских наций, однако и ее торговое и промышленное положение далеко не блестяще.

Факты, доказывающие наше промышленное и коммерческое падение, в настоящее время слишком очевидны, чтобы быть оспоренными. Все донесения наших консулов или наших депутатов, которым было поручено изучение этого вопроса, сходятся совершенно, повторяясь почти в одних и тех же выражениях.

Вот как в одном из недавних изданий выразился д'Эстурнель:

«Карл Ру резюмировал все печальные результаты довольно продолжительного опыта в произведшем сенсацию докладе об упадке нашей торговли; он мог бы написать такой же доклад о нашем флоте и наших колониях. Франция подвергает опасности и даже гибели свои ресурсы в силу апатии, рутины, привязанности к таким регламентам, значительное число которых относится к временам Кольбера и Ришелье. Как все апатичные люди, она проявляет волю порывами, и тогда она доходит до героизма; но в то же время она проявляет осмотрительность, производя sentimentальные реформы, мало обдуманые и иногда ведущие еще к большему злу. Когда она, например, перестает эксплуатировать свои колонии, то это для того, чтобы сразу сравнять их с метрополией, образовать из них французские департаменты и разорить их, или же она, без всякого основания, внезапно решает, несмотря на непреодолимые естественные препятствия, что все туземные алжирские евреи сделаются французами, избирателями, и вследствие этого — хозяевами арабского населения и даже наших колонистов. Или она наивно позволяет колониям, благодаря

нашему неведению, организовать пародию, карикатуру всеобщей подачи голосов, дает представителям из туземцев Индии или Сенегала, не платящим наших налогов, не отбывающим воинской повинности, не говорящим на нашем языке, право вотировать наш бюджет, обсуждать мир или войну».

«Опасность со стороны Германии, — пишет в свою очередь Швоб, — это верно; но мы говорим также — опасность со стороны Англии, Австралии, Америки и даже России, и даже Китая. На этом поле сражения современной торговли и промышленности нет ни мира, ни союзов. Заключают так называемые торговые договоры, но сами эти договоры имеют в виду войну непрерывную, безжалостную, неумолимую более, чем война с пушечными выстрелами, и тем более опасную, что она производит миллионы жертв без шума и дыма».

Так, наш политический союз с Россией, наша взаимная неизменная дружба не мешают заключению торговых договоров, предоставляющих в настоящее время все выгоды Германии, а для нас убыточных. На экономической почве при настоящем положении Европы и всего мира друзей не существует. Война поистине безжалостная происходит между всеми».

Наши консулы, присутствующие при постепенном вытеснении нашей торговли за границей, несмотря на осторожность, предписываемую их официальным положением, высказывают те же жалобы. Все делают одинаковые, предостережения, совершенно, впрочем, бесполезные. Они упрекают наших промышленников и купцов в апатии, беспечности, отсутствии инициативы, в неспособности изменить старые орудия производства и применить их к новым потребностям покупателей, в пристрастии ко всевозможным формальностям в самых ничтожных делах, одним словом — в слабом понимании коммерческих дел.

Примеры этому неисчислимы. Я ограничусь следующими, наиболее типичными.

«Наши промышленники, даже самые крупные, — писал несколько лет тому назад корреспондент газеты «Temps» из Трансвааля, — выказывают мелочность, недоверчивость, неохоту прилагать усилия и охотно вступают в длинную переписку относительно таких дел, которые английскими или германскими конкурентами завязываются и обделываются в несколько дней.

Английские и германские инженеры имеют на месте самые подробные прейскуранты всех родов машин, употребляемых в горной промышленности, и когда требуется проект или смета, они могут ответить в требуемый короткий срок, обыкновенно пяти- или семидневный. Наши французские инженеры, менее осведомленные вследствие инертности их фирм, принуждены отказываться от конкуренции ввиду того, что испрашиваемый ими шестинедельный срок для отправки во Францию и возвращения оттуда скорейшей почтой, делает конкуренцию невозможной... Англичане же и немцы подчинились требованиям, к ним предъявляемым». Таких фактов можно привести множество.

«Год тому назад, — читаем мы в «Journal», — один южноамериканский купец хотел предпринять ввоз во Францию и Германию шкур местных ягнят. Через посредничество нашего консула и министерства торговли он вошел по этому делу в сношения с одним из наших коммиссионерских домов, после чего отправил этой французской фирме 20.000 шкур, сделав одновременно такую же отправку в Гамбург одному германскому торговому дому, с которым он вступил в соглашение. Спустя год обе фирмы послали ему счета по продаже. Первая при продаже товара встретила столько затруднений и принуждена была согласиться на такие низкие цены, что операция дала отправителю 10% убытка. Германский дом, более деятельный и лучше оборудованный, распродавал тот же товар с прибылью в 12%. И вот чем особенно характерен этот факт: *германский дом нашел сбыт этого товара во Франции*, Всякие комментарии были бы излишни».

Я сам лично много раз мог удостовериться в глубокой апатии, отвращении к напряжению сил и во всех недостатках, отмеченных в консульских донесениях. Эти недостатки, с каждым днем резче проявляющиеся, поражают еще более, когда по прошествии 10 лет снова встречаешься с представителями промышленности, когда-то цветущей или близкой к тому.

Когда я взялся снова за лабораторные исследования по вопросу о диссоциации материи¹, уже несколько лет оставленные мною, я был поражен глубоким упадком личного состава и оборудования у наших промышленников, что, впрочем, я и предсказывал в одной из глав своей книги «L'Homme et les Sociétés»², изданной 20 лет тому назад. В одну неделю я получил от различных торговых домов отказ в доставке приборов на сумму более 500 франков на том единственном основании, что это потребовало бы от продавцов самых ничтожных хлопот. В первый раз дело шло об электрической лампочке известного устройства. До покупки я спрашивал продавца, не согласится ли он мне ее продемонстрировать. Не получив даже ответа, я через одного из его друзей спросил о причине его молчания. «Продажа при таких условиях слишком хлопотлива» — был ответ. Второй заказ касался большого аппарата, к металлической части которого я хотел приделать водяной уровень. Продавец — директор одного из первых торговых домов Парижа — однако, не нашел работника, способного исполнить эту работу. В третий раз требовался гальванометр, к которому я хотел приспособить две незначительные дополнительные части, — работа, требующая не более четверти часа. У фабриканта необходимые работники были под рукой, «но, — отвечал он мне, — мой компаньон будет недоволен, если я побеспокою служащих из-за заказа на сумму, не достигающую даже 200 франков».

¹ Лебон говорит о работе над книгой «Dissociation la matiere» (1902 г.).

² Книга Лебона «L'Homme et les Societes» («Человек и человеческие сообщества») на русском языке не издавалась.

Совсем другие приемы в немецкой промышленности. Спустя немного времени после предшествующих неудач, мне понадобился в небольшом количестве прокатанный кобальт, металл не особенно редкий. Я написал первостепенным парижским домам по части химических продуктов. Ввиду незначительности заказа они не потрудились даже ответить. Только один из них уведомил меня, что он, может быть, доставит мне требуемый предмет через несколько недель. Прождав три месяца и безотлагательно нуждаясь в этом металле, я обратился к одному из торговых домов Берлина. Несмотря на то, что в этот раз дело шло о заказе лишь в несколько франков, я получил ответ с обратной почтой, и пластинка металла указанных мною размеров была доставлена через неделю.

Так всегда поступают немецкие фирмы, когда к ним обращаются. Самый незначительный заказ принимается с благодарностью, и все изменения, требуемые покупателем, быстро исполняются. Оттого количество германских торговых домов в Париже все увеличивается, и, как это ни противно патриотическому чувству публики, она принуждена обращаться к ним. Пойдешь туда за незначительной покупкой, а потом станешь постоянным покупателем. Я мог бы назвать несколько больших официальных научных учреждений, которые вследствие неприятностей, подобных испытанным мною самим, кончили тем, что обращаются со своими заказами почти исключительно в Германию.

Коммерческая неспособность латинских народов, к несчастью, замечается во всех отраслях промышленности, каковы бы они ни были. Пусть, например, сравнят столь привлекательные для иностранцев швейцарские отели с жалкими и неопрятными гостиницами, которые встречаются в самых живописных местностях Франции и Испании. Как после этого удивляться, что эти местности так мало посещаются? По официальным статистическим данным, швейцарские гостиницы выручают ежегодно 115 миллионов франков, принося своим владельцам 31 миллион франков дохода, сумму поистине огромную для маленькой страны, бюджет которой едва достигает 80 миллионов франков дохода. Гостиницы составляют для Швейцарии настоящие золотые прииски, могущие соперничать с богатейшими россыпями Африки.

«Сколько понадобится времени, — спрашивает Жорж Мишель (Michel), сообщающий эти цифры в «l'Economiste français», — пока наши колонии, на которые мы истратили столько сотен миллионов, возвратят нам сотую долю того, что Швейцария, не имеющая ни колоний, ни разрабатываемых золотых или серебряных рудников, умеет получать с иностранцев?»

Молодым французам теперь постоянно советуют колонизовать другие страны. Не гораздо ли благоразумнее и производительнее было бы советовать им постараться сначала колонизовать свою собственную страну? Не умея извлекать пользу из естественных богатств, находящихся у нас под рукой, как могли бы мы надеяться преодолеть гораздо большие затруднения, которые нам встретились бы в отдаленных странах?

Что касается нашей крупной промышленности, то по сравнению с английской и в особенности с германской, она находится в самом плачевном положении. В 1897 г. производство чугуна во Франции равнялось 2.472.000 тонн. Германия, производившая в 1872 г. 1.430.000 тонн, в 1897 г. благодаря развитию своего оборудования производила его 6.889.000 тонн. Добившись заключения с Россией торгового договора, в котором нам было отказано, она продала ей в 1897 году 2.600.000 тонн, за деньги, занятые у нас этой страной, которой мы ничего не продаем из-за запретительных таможенных тарифов, закрывающих ее территорию для наших товаров.

«Почему такая отсталость? — пишет Феликс Мартен, приводя эти цифры. — Главную причину этого надо искать в нашей таможенной системе, которая поддерживает французское производство, сохраняя ему внутренний рынок, но делает почти невозможным наш вывоз. Усыпленные ложной безопасностью, наши владельцы заводов ничего не делают для улучшения своего производства: они теперь неспособны вне Франции бороться с нациями, которые не перестают держаться на высоте всех усовершенствований, побуждаемые конкуренцией. Оттого-то наш металлургический вывоз находится также на пути к прекращению».

Не будем слишком порицать покровительственную таможенную систему. Если она является экономической нелипостью, то, может быть, психологически она необходима для некоторых народов, которые вследствие несовершенства их орудий производства и слабой энергии неспособны бороться со своими конкурентами. Не будь покровительства таможенных пошлин, во Франции, может быть, не производилось бы уже ни одной тонны железа.

Только что сказанное о железе, к несчастью, могло бы быть повторено в тех же выражениях о многих других отраслях промышленности (например, о добыче каменного угля и сахара).

«Германия, двадцать пять лет тому назад добывавшая каменного угля меньше, чем Франция, в настоящее время предлагает нам производство, превосходящее наше почти вчетверо. Во Франции, — пишет тот же автор, — за десять лет вывоз сахара понизился с 200 миллионов до 60 миллионов; она производит только 700.000 тонн в год, и оказывается ниже России, ниже Австро-Венгрии, которую она когда-то превосходила в этом отношении. Германская сахарная промышленность, зародившаяся чуть не вчера, выбросила на рынок в 1896 г. 1.835.000 тонн сахара».

Мы видим и тут, что без покровительственных пошлин, препятствующих наплыву иностранных продуктов, сахарная промышленность совершенно исчезла бы во Франции. Эти таможенные пошлины недостаточны даже для поддержания ее существования. Государство принуждено было назначить фабрикантам столь высокие премии, что бюджет не мог их вынести, и они недавно были отменены.

Производство химических продуктов пришло в тот же упадок, но, по крайней мере, не причиняет никаких расходов государству, которому не приходится его и поддерживать по той причине, что оно почти ничего более и не производит. Большинство химических и фармацевтических продуктов, потребляемых во Франции, получается теперь из Германии. «Их вывоз, еще 25 лет тому назад равный нулю, теперь превосходит 50 миллионов франков».

«Все наблюдатели, — пишет вышеупомянутый автор, — подтверждают теперь угнетенное состояние наших главных промышленных центров.

То в торговой палате Лиона раздается крик тревоги по поводу грозящей остановки работ. Конкуренция Швейцарии, Италии и даже России уже серьезно угрожает Лионским фабрикам; что будет, когда они испытают на себе последствия франко-японского торгового договора, который парламент только что так необдуманно вотировал?

То Марсель со своим портом, недостаточно обслуживаемым единственной железной дорогой, соединяющей его с центром Франции, лишенный сообщения с большим водным путем Роны, разоренный излишними морскими налогами, таможенными формальностями, всякого рода монополиями (доков, привилегированных компаний мореходства) оказывается нуждающимся в судах, необходимых для его местной промышленности.

Потом Руан, где цена бумажных тканей понижается, порт приходит в упадок, ценность рабочих рук упала настолько, что себестоимость мужской рубашки дошла до 15 сантимов.

Далее Бордо, где занесенный песком порт пришел в полный упадок и где прекрасные дома XVIII века, последние свидетели его коммерческого процветания, теперь пустые и полуразвалившиеся, напоминают известные венецианские дворцы, населенные нищими.

За ним Рубе, долго процветавший и, благодаря совершенству орудий производства, когда-то опередивший всех своих соперников в шерстяной промышленности: Реймс, Седан, Эльбеф, а теперь — сам опереженный германской промышленностью, развившейся за пятнадцать лет настолько, что ее закупки сырья в Лондоне увеличились на 135%, тогда как наши в тот же самый период возросли едва на 15%».

Ко всем причинам упадка нашей промышленности прибавим еще развитие больших торговых путей сообщения, которого успели достигнуть иностранные народы. Прорывтие Сен-Готардского туннеля, установившее прямое сообщение Суэца через Геную и Милан с Берлином и центральной Европой, нанесло Марселю роковой удар; убыток, причиненный этой линией Франции за четырнадцать лет, можно оценить в 600 миллионов франков. Зато количество провозимого через Геную груза удесятирилось. Когда великая сибирская дорога, построенная на наши деньги, сблизит Лондон и Японию на расстояние двух недель пути и начнет правильно работать, то нашей торговле будет нанесен еще более значительный удар.

Не только развитие больших международных торговых путей сообщения стоило нам так дорого. Внутренние пути также способствуют обогащению любой страны. Роттердам, Антверпен, Гамбург своим благосостоянием отчасти обязаны рекам, соединяющим их с многочисленными городами внутри материка. Если бы Марсель, расположенный у выхода из долины Роны, мог быть соединен с нею посредством канала, как это не раз предлагалось, благосостояние этого города могло бы снова несколько подняться. Немцы увеличивают безостановочно число своих рек. Эти работы в продолжении двадцати пяти лет стоили им более миллиарда.

Рядом с этим развитием судоходных путей Германии грустно было бы говорить о состоянии внутреннего судоходства Франции. Что же видно в действительности?

«Луара совершенно заброшена и всякая навигация на ней прекратилась¹; Сена ниже Парижа загрязнена илом и сточными отбросами, скопляющимися в ее русле; Рона более или менее судоходна, но она не соединена с Марсельским портом и по ней ходят редкие допотопные суда, чуть не современники Папина²; каналы, за исключением некоторых, северных или восточных, относятся к временам Людовика XIV и не улучшались в течение трех веков...»

Все предыдущее хорошо известно, но равнодушие к этим вопросам так велико, что не находится желающих ими заняться. Мы теперь способны проявлять доказательства некоторой энергии лишь когда дело идет о политических пререканиях. В остальном мы довольствуемся скромными доходами, приобретаемыми без хлопот, риска и труда.

«Французы, — пишет один из вышеупомянутых авторов, — отныне счастливы, если живут небольшим честным и верным доходом без риска и если им удастся в среднем сводить концы с концами, подобно сапожнику Лафонтена. Но они кончат тем, что не в состоянии будут даже связывать концы своего маленького, очень честного шнурочка. Им нужно заполучить в карман небольшую сумму немедленно.

Раз эта сумма попала в карман, ее оттуда не вынут и не станут подвергать этот скромный барыш новым приключениям. Особенно поостерегутся возобновлять или усовершенствовать техническую часть производства; слышать не хотят о новшествах! Так и будут перебиваться как-нибудь; но всегда так продолжаться не может. И вот, люди самые компетентные, самые умеренные в своих суждениях говорят нам, что этому приходит конец или что он близок».

В действительности оно так и есть. Мы живем призраком прошлого, т. е. даже тенью призрака, и упадок усиливается с быстротой, поражающей всех статистиков. Наш вывоз, значительно превосходивший двадцать лет тому назад экспорт Германии, теперь гораздо ниже его. Как справедливо было замечено, наши торговые потери столь велики, что мы через каждые три или четыре года снова выплачиваем военную контрибуцию, а думаем, что заплатили всего один раз.

Что еще спасает нашу внешнюю торговлю от полного уничтожения, так это монополия на некоторые естественные продукты, например, вина лучшего качества, имеющиеся почти только у нас одних, и экспорт некоторых предметов роскоши: модных товаров, шелковых материй, искусственных цветов, парфюмерных товаров, ювелирных

¹ В 1802 г. по Луаре перевозилось 402.500 тонн груза. Теперь не перевозится и 30.000.

² Дени Папин (1647–1714) — французский физик, один из первых изобретателей паровой машины.

изделий и других предметов, в производстве которых наше артистическое мастерство пока не нашло еще себе слишком опасных соперников; но во всем остальном замечается упадок.

Наш торговый флот, естественно, подвергся тому же упадку. Он остается на одной точке, тогда как все нации увеличивают свои торговые флоты до громадных размеров. Германия за десять лет почти удвоила его. Англия увеличила свой на одну треть. Мы постепенно переходим из первых рядов в последние. Грузооборот Гамбургского порта вырос в 10 раз за 25 лет, а упадок портов Гавра и Марселя из года в год становится все более и более заметным. Иностранцы торгуют за наш счет на нашей же собственной территории. Из 16 миллионов тонн груза, перевозимого ежегодно морем между заморскими странами и Францией, 4 млн. перевозятся французскими судами, а остальное, т. е. три четверти — иностранными. Между тем эти иностранные суда ничего не получают из одиннадцатимиллионной премии, которую правительству приходится ежегодно выплачивать нашему торговому флоту для спасения его от совершенного разорения, которое неминуемо произошло бы от его беспечности и неспособности.

Германские верфи, несмотря на постоянное увеличение их числа и производительности, не могут выполнять всех заказов, но, тем не менее, их ежегодная производительность — более 165.000 тонн, тогда как мы едва достигаем 40.000.

Впрочем, верфи наши живут только заказами нашего правительства. Никому другому и в голову не придет дать им заказ, так как при их устаревшей технике, рутинности и формализма личного состава, изделия обходятся им на 50–60% дороже английских и немецких. И несмотря на такие высокие цены, наши кораблестроители требуют для поставки этих судов вчетверо больше времени, чем англичане, и вдвое больше, чем немцы!

Приводим несколько выдержек из речи министра торговли на заседании Палаты депутатов 29 октября 1901 года:

«Труды внепарламентской комиссии 1896 г. дали возможность убедиться, как глубоко зло, от которого страдает наш торговый флот. Все показания подтвердили, что наш торговый флот гораздо хуже, чем у соседних наций, и что Франция дошла до того, что не пользуется теми громадными преимуществами, которые, казалось, ей обеспечивало ее географическое положение.

В эти последние годы наш торговый флот принес мало пользы нашей торговле; статистики доказывают, что участие французских судов в деятельности наших портов составляло только 20%, тогда как участие иностранных равнялось 80%. Результат зарегистрирован таможенным управлением.

Наш торговый флот потерял около 5 млрд. фр. по ограниченности своей материальной части, и наша торговля платит иностранным торговым флотам ежегодно 370 млн. фр. или около миллиона в день» («Le Temps» от 30 октября 1901 г.).

Можем ли мы, по крайней мере, вознаградить себя торговлей со своими колониями? Увы, нет! Они отказываются принимать наши продукты, предпочитая английские и германские. Эти колонии, завоевание которых стоило нам столько сотен миллионов, служат только местом сбыта товаров торговым домам Лондона, Бремена, Гамбурга, Берлина и т. д. Наши купцы никогда не могли понять, что вкусы араба, китайца, канака, негра могут отличаться от вкусов француза. Эта неспособность усвоить себе чужие понятия, как мы сказали, составляет чрезвычайно характерную особенность латинской расы.

Нам не удастся вести торговлю даже с самыми близкими к нам колониями. Одна газета недавно опубликовала следующие соображения о торговле Франции с Тунисским регентством: «Сахар поступает из Англии, Австрии и Германии; спирт — из Австрии; бумажные нитки — преимущественно из Англии, и в меньшем количестве — из Австрии; ткани бумажные, льняные, пеньковые, шерстяные — из Англии; шелковые материи идут из Индии и Германии; белошвейные товары — из Австрии и Англии; лес — из Америки; свечи — из Англии и Голландии; бумага — английского и австрийского производства, ножевой товар — из Англии, стекло — из Австрии, бутылки — из Англии; часы — из Германии или Швейцарии; детские игрушки — из Германии; химические продукты — из Англии; керосин — из России...

А из Франции? Она поставляет все тех же солдат и чиновников».

А между тем, эти бесполезнейшие колонии обходятся нам ужасно дорого — людьми и деньгами. Депутат Зигфрид в своем бюджетном докладе 1897 г. справедливо заметил, что все английские колонии с территорией в 38.414.000 км² и населением в 393 миллиона человек обходятся метрополии только в 62 миллиона, тогда как наши при территории менее 7 млн. км² и населении 32 миллиона человек стоят нам гораздо дороже.

По бюджету, опубликованному в «Journal Officiel» от 26 февраля 1901 г., военные колониальные и другие связанные с ними расходы достигают теперь 91 миллиона, не включая Алжира, с административной точки зрения не считающегося колонией. Мадагаскар обходится в 29 млн. фр. в год, Индо-Китай — столько же. В эти цифры не входят денежные субсидии, щедро даваемые разным нашим колониям, ничуть, впрочем, за то нам не благодарным: 840.000 фр. — на Гваделупу, 618.000 фр. — на Мартинику, 440.000 фр. — на остров Бурбон, 455.000 фр. — на наши маленькие поселки в Индии и т. д. Действительный расход на колонии достигает 111 млн. фр. Не мы их эксплуатируем, а они — нас. Для малонаселенной страны нет ничего труднее, как быть в одно и то же время военной и колониальной державой. Она может быть той или другой, но сразу той и другой — никогда. Благодаря колониям, наши военные силы недостаточны для уничтожения нашей зависимости от державы, владеющей более сильным флотом, чем наш. Это обнаружилось очень ясно на деле с Фашодой. Наши колониальные владения являются для нас только причиной ослабления и создают нам непредвиденные и грозные опасности. Сверх того, наши латинские приемы управления раздражают туземцев, всегда готовых восстать. Для

поддержания с большим трудом мира в Алжире с арабским населением (притом очень редким) мы принуждены содержать там такую же многочисленную армию, как европейские войска англичан, позволяющие им удерживать в полном спокойствии 250 млн. индусов, между которыми 50 млн. мусульман, гораздо более опасных, чем мусульмане Алжира, и всегда, помнящих, что Индия в конце прошлого столетия принадлежала им.

Англичане, конечно, не для славы обладания колониями тратят на них 62 миллиона. Эта сумма — не что иное, как задаток, много раз окупающийся торговлей этих колоний с метрополией. Единственные предметы, вывозимые до сих пор латинскими народами в их колонии, — многочисленные ряды чиновников и незначительное количество предметов роскоши, потребляемых, впрочем, почти исключительно теми же самыми чиновниками. Окончательный бюджет наших колоний совершенно ясен. Они нам обходятся в 111 миллионов в год, а приносят около 7 миллионов. Это продолжается до сих пор на глазах народов, изумленных нашим упорством.

Ко всем причинам нашего коммерческого упадка, к несчастью, нужно прибавить еще недобросовестный образ действий многих наших купцов, слишком хорошо известный всем путешествовавшим за границей. Я припоминаю, что во время моего пребывания в Индии я был поражен, увидя на всех бутылках бордо и коньяка маленькие английские этикетки, на которых обозначено, что это вино розлива одного из лондонских торговых домов, гарантирующего доброкачественность продукта. По справкам оказалось, что большие дома в Бордо и в Коньяке, в течение продолжительного времени продавали английским купцам, торгующим за границей, продукты столь низкого качества, что они совершенно перестали обращаться непосредственно к ним, а предпочли перейти к посредничеству английских домов, покупающих продукты на месте. Этот факт не удивит лиц, осведомленных о качествах товаров, называемых нашими купцами «предметами вывоза».

Это понижение качества продуктов наблюдается не только на предметах, предназначенных к вывозу за границу, но все более и более распространяется и на те, которые мы продаем у себя, и этим-то и объясняется подавляющий успех заграничной конкуренции. Возьмем, например, определенный товар — фотографические объективы, составляющие в настоящее время предмет крупной торговли. Всякий фотограф вам скажет, что французские объективы совершенно вытесняются с рынка английскими и особенно германскими, несмотря на то, что последние втрое и вчетверо дороже. Почему так происходит? Просто потому, что иностранные объективы высокой марки все хороши, а наши — только в исключительном случае. Иностранный фабрикант, понимая, что его интерес состоит в том, чтобы не ронять свою марку, не пускает в продажу неудавшиеся объективы. Французский фабрикант еще до этого не додумался. Все им изготовляемое, хорошее или дурное, ему нужно сбыть. В результате он не сбывает больше ничего¹. То же наблюдается с другими товарами, например, с фотографическими пластинками. Возьмите самые лучшие французские марки: в каждом ящике вы непременно найдете одну или две пластинки плохого качества, приготовленные из неудавшейся эмульсии и которую французский фабрикант, не решаясь забраковать, подсунул в ящики с годными пластинками. Ничего подобного не бывает с иностранными пластинками. Английский или немецкий фабрикант может быть не честнее французского, но он гораздо разумнее понимает свои интересы. Поэтому неизбежно через несколько лет несмотря на всевозможные покровительственные пошлины, на все рекламы наших фабрикантов, в силу простой необходимости французская фотографическая пластинка будет вытеснена иностранной точно так же, как это случилось с фотографическим объективом.

Упадок честности наших купцов представляет собой весьма серьезный симптом, к несчастью, наблюдаемый во всех отраслях промышленности и постоянно возрастающий. Совершенно напрасно издают постановления одно за другим для обуздания обмана во всех отраслях торговли. В Париже, например, полиция почти отказалась конфисковывать топливо, продаваемое в запломбированных мешках и якобы гарантированного веса. Вес же его — неизменно на 25% ниже показанного. Для всех таких дел не хватило бы судов. В одном из таких дел по поставке 25.000 кг угля не хватало четверти веса. Служащие крупного промышленника, занимавшегося этой проделкой, должны были признать, что это практиковалось постоянно. В других случаях хозяин не добавлял одну четверть товара, а извозчик утаивал другую.

И, к сожалению, чем дальше, тем больше такое направление становится общим, даже в торговле, производимой образованными людьми. В отчете, напечатанном в «l'Officiel» от 23 декабря 1897 г., заключающем результаты анализов, производившихся в течение трех лет в городской лаборатории над продуктами, взятыми из аптек, составитель указывает, что «число безупречно изготовленных лекарств или продуктов составляет едва одну треть».

§ 3. ПРИЧИНЫ КОММЕРЧЕСКОГО И ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА НЕМЦЕВ

Промышленное и торговое превосходство англичан и особенно немцев удостоверено, и нужно быть наивным, чтобы отрицать его в настоящее время. Немцы, впрочем, прекрасно это понимают. Вот как выразился один из их писателей в одном из недавних изданий:

¹ В каталоге дорожных вещей магазинов Лувра, изданном в июне 1898 г., из четырех категории фотографических объективов, находящихся в продаже, три значатся изготовленными в Германии и только один сорт объективов французской марки предлагается покупателям, да и то он годен разве только для дешевых аппаратов. Французский объектив теперь почти не находит покупателей, тогда как лет 30 тому назад никто не покупал немецких.

«...Теперь мы вывозим в Париж l'article de Paris¹! Как изменились времена и роли!.. Для земляных работ, тяжелых и плохо оплачиваемых, во Франции нужны итальянцы. Для промышленности, банковских операций и для торговли нужны немцы, бельгийцы, швейцарцы...

Безработные во Франции считаются десятками тысяч, а между тем, факт весьма знаменательный: приезжающий в Париж немец не долго остается без дела. Сколько их ни отправилось во Францию, — все без исключения нашли себе работу!

Послать за границу сына у наших соседей — верх роскоши. Только немногие богатые семьи позволяют себе это. Много ли вы встретите служащих французов у нас или в Англии? Сколько из них имеют средства к существованию, кроме жалованья? Что касается Германии, то их можно перечесть по пальцам — может, наберется их с дюжину.

Ежегодно Франция отстает от той или другой страны в той или другой отрасли торговли; с третьего места она переходит на четвертое, с четвертого — на пятое, никогда не наверстывая потерянного. Таблица вывоза разных товаров всего света за последние десять лет производит поразительное впечатление; можно вообразить себя присутствующим на скачках, где изнуренная Франция, сидя на плохой лошади, мало-помалу дает себя обогнать всем соперникам...

Когда страна с возрастающим населением соприкасается с менее населенной страной, которая вследствие того представляет собой центр малого давления, то образуется течение воздуха, попросту называемое вторжением, — явление, во время которого гражданский кодекс убирается в сторону... Пусть малочисленные нации дружно смыкают свои ряды».

Нашим молодым интеллигентам не мешает серьезно задуматься над последними строками вышеприведенной цитаты. При несколько большей сообразительности они, наконец, поняли бы, что сохранить возможность мирно заниматься собственным «я», которое им так дорого, они могут только тогда, когда будут немножко меньше презирать свое отечество и гораздо больше уважать армию, единственную его защитницу. Фридрих Великий писал: «Военное искусство нужно для процветания всех остальных... Государство держится в той мере, в какой оно защищено оружием».

По адресу автора только что приведенных строк Артур Майе выражается так:

«Некоторые фразы этого немца не выходят у меня из головы. Он предсказал, что Франция сделается в некотором роде колонией, управляемой французскими чиновниками, купцами и земледельцами. Прочитав в первый раз года три или четыре тому назад это предсказание, я счел его простым надругательством. Но при внимательном размышлении я убедился, что оно уже более чем на три четверти осуществилось. Вы в этом сомневаетесь? Тогда спросите опытных в этих вещах людей, что случилось бы с французской промышленностью и торговлей, если бы вдруг все иностранцы принуждены были оставить Францию. Много ли новых обществ, которые не ими учреждены и не ими всецело держатся?»

Постараемся отдать себе отчет в причинах, создавших такое промышленное и торговое превосходство немцев менее чем в 30 лет.

Исключим прежде всего так часто приводимое соображение, что будто бы престиж одержанных побед облегчает немцам их торговлю. Этот престиж тут безусловно ни при чем. В самом деле, совершенно очевидно, что покупатель обращает внимание только на поставляемый ему товар, нисколько не принимая в расчет национальности продавца. Торговля — дело не национальное, а личное. В английских колониях могут свободно торговать все народы, и если туземцы долго предпочитали английские товары, то просто потому, что они были дешевле и приходились им более по вкусу. Если теперь они начинают оказывать предпочтение немецким товарам, то очевидно потому, что эти последние кажутся им более выгодными, так что если немецкая торговля все более и более завоевывает мир, то не потому, что немцы обладают сильной армией, а просто потому, что покупатели предпочитают немецкие товары. Военные успехи здесь не играют никакой роли. В пользу влияния немецкого военного режима можно разве только сказать, что молодой человек, прошедший через такую школу, приобрел там качества, присущие порядку, исправности, дисциплине и самоотверженности, которые впоследствии будут ему весьма полезны в торговле.

Исключив эту первую причину влияния военного превосходства, нужно искать другие.

На первом месте неизменно выступают, как всегда, качества расы. Но прежде, чем на них настаивать, мы должны сперва заметить, что могущество немцев заключается не только в их собственной силе, но также и в нашей слабости.

При изучении представлений, создавших дух латинской расы, мы показали причины этой слабости. Наши читатели знают, каким образом способности латинских народов были созданы под влиянием их прошлого и до какой степени эти народы испытывают теперь последствия этого прошлого. Они знают влияние нашей вековой централизации, влияние прогрессивного поглощения государством, разрушающего всякую частную инициативу и делающего граждан неспособными к самостоятельной деятельности, когда они лишены руководства. Им известно также ужасное влияние системы воспитания, лишавшей молодых людей последних следов унаследованных ими инициативы и силы воли, выпускающей их в жизнь без других знаний, кроме слов, извращающих навсегда их способность суждения.

¹ Парижские товары (фр.).

Чтобы показать, до какой степени сила немцев в значительной своей части основывается на нашей собственной слабости, достаточно указать, что вместо борьбы с ними наши промышленники и купцы сами и распространяют во Франции немецкие продукты. Факты эти ускользают от статистики, но они служат признаком такого душевного настроения, которое я считаю еще гораздо более опасным, чем апатия, а именно: склонности к мелочности и недоверчивости, недостатка инициативы, в чем все наши консулы упрекают наших промышленников и купцов. Они не только все больше отказываются от всякого усилия и от всякой мысли о борьбе, но дошли до того, что сами дают оружие в руки нашим соперникам, продавая их же товары. Во многих отраслях промышленности наши бывшие фабриканты стали простыми комиссионерами, ограничиваясь перепродажей под своими клеймами с большим барышом предметов, приобретаемых ими в Германии. Таким образом, менее чем в двадцать лет такие отрасли промышленности, в которых Франция занимала некогда первенствующее положение, например, производство фотографических аппаратов, химических продуктов, разных точных приборов и даже «парижских товаров», почти всецело перешли в руки иностранцев. Я мог бы назвать очень старые торговые дома, когда-то имевшие многочисленных рабочих, а теперь вовсе их не имеющие. Изготовление в Париже самого простого точного прибора сделалось очень затруднительным. С исчезновением старых фабрикантов, еще ныне живущих, это затруднение станет даже непреодолимым.

Кажется очевидным, что гораздо проще продавать готовый предмет, чем изготавливать его самому. Но не так просто предвидеть последствия этой операции. А между тем они так ясны!

Немецкий фабрикант, доставивший какой-либо предмет своему парижскому конкуренту, который тот выдает за собственное изделие и получает с него иногда значительный барыш, скоро приходит к тому заключению, что ему гораздо выгоднее продавать тот же самый предмет парижской публике непосредственно и под своим собственным именем. Он начинает с продажи продуктов с своей маркой многим комиссионерам, что лишает француза возможности продавать тот же предмет под своим именем, и этим самым отнимает у него часть барыша. Поощряемый успехом иностранный промышленник решается вскоре открыть в Париже под своим собственным именем торговый дом.

Часто открывают фабрику. В Париже существует уже три германских дома, продающих объективы. Один из них открыл в самом Париже фабрику с 200 рабочих, прибывших, разумеется, из Германии и едва успевающих исполнять заказы французских покупателей. Наши промышленники и торговцы жалуются, что они страдают от иностранной конкуренции. В действительности же они страдают только от своей неспособности и апатии. Немцы скоро будут смотреть на Париж как на самую доходную из своих колоний.

В руки иностранцев таким образом перешли, к несчастью, не только такие отрасли промышленности, как производство фотографических и точных приборов и химических продуктов. «Парижские товары», продаваемые большими магазинами готового платья, все чаще и чаще оказываются изготовленными в Германии. Материи для мужского платья все чаще идут из Германии или Англии и все чаще и чаще же продаются иностранными портными, открывающими теперь свои магазины во всех пунктах столицы. Почти все пивные, заменившие наши большие рестораны, содержатся немцами. Иностранцы открывают у нас книжную торговлю, магазины предметов искусства, ювелирных изделий и начинают приниматься за торговлю шелковыми материями и предметами дамского туалета. Если бы на всемирной выставке 1900 года жюри вздумало исключить все иностранные предметы, продаваемые под французской маркой, то наше участие в ней, может быть, оказалось бы значительно урезанным.

В качестве члена испытательной комиссии точных приборов я хотел предложить сделать это исключение, но меня попросили отказаться от этого проекта, осуществление которого вызвало бы слишком много нареканий со стороны экспонентов.

Было бы жестоко слишком осуждать наших промышленников и приписывать исключительно только их неспособности и лени то, что отчасти происходит от других причин. Очевидно, что возрастающие требования рабочих, поддерживаемые благосклонным к ним отношением властей, и громадные, обременяющие нашу промышленность налоги способствуют в такой же мере невозможности бороться с нашими конкурентами, как и несовершенство и недостаточность наших орудий производства и дороговизна заводской стоимости изделий. Совершенно ясно, что измученный и раздосадованный хозяин промышленного предприятия отказывается наконец производить предметы, которые он может получить по более низким ценам. Тогда он закрывает свои мастерские и нисходит на степень простого перепродавца. Если бы у него были другие природные способности, он, без сомнения, поступил бы как его английские или американские собратья, которые в таких же условиях, благодаря своей энергии и непрерывному усовершенствованию своих орудий производства, довольно успешно борются с немецкими соперниками. К несчастью для наших промышленников, им недостает всех тех качеств характера, которые обеспечивают превосходство в такой борьбе. В основе всех социальных задач постоянно кроется преобладающее влияние расы, этой верховной распорядительницы судьбами народов. Все факты, перечисленные нами в этой главе, принадлежат настоящему, но как отдалены от нас их причины!

Система централизации, которой с некоторого времени подвергаются немцы, несомненно когда-нибудь приведет их к такому же положению, в каком мы находимся теперь; но пока они извлекают пользу из своих наследственных качеств, не особенно блестящих, но зато основательных и совершенно подходящих к новым требованиям, соз-

данным развитием наук, промышленности и торговли.

Сказанное нами в предыдущем параграфе о их промышленных и коммерческих успехах позволяло уже предугадывать и причины этих успехов. Мы поймем их еще лучше, рассматривая их национальные качества и пользу, которую они из них извлекают.

Главные качества немцев — терпение, выносливость, настойчивость, привычка к наблюдению и размышлению и большая способность к образованию обществ и союзов. Все эти качества в сильной степени развиты превосходным техническим образованием.

Один промышленник недавно мне рассказывал, как при посещении германского электрического завода он был удивлен числом мастеров и простых рабочих, которых титуловали «г-н доктор», «г-н инженер». Немцы не страдают, как мы, от избытка кандидатов и бакалавров без дела, потому что, благодаря их тщательному техническому образованию, они легко могут найти занятие в промышленности, тогда как чисто теоретическое образование латинских народов делает их способными быть только преподавателями, судьями и чиновниками.

В этих качествах и заключаются самые общие и вместе с тем самые глубокие причины их успехов. В промышленности и торговле они выражаются следующим образом: постоянное усовершенствование промышленных орудий производства и продуктов¹, производство товаров по вкусу покупателей, с учетом их замечаний, чрезвычайная точность в поставках, отправка по всему миру образованных представителей, знающих языки и нравы различных стран, имеющих при себе товары. Многие торговые общества непрерывно, через посредство многочисленных агентов, разосланных во все пункты земного шара, снабжают своих компаньонов самыми точными сведениями.

Дрезденский «Export verein» с 1885 до 1895 г. истратил на отправку путешествующих разведчиков около 500.000 фр. Немецкое колониальное общество получает 120.000 фр. годового дохода, доставляемого взносами его членов, и имеет 249 представителей за границей. Союз торговых служащих, правление которого находится в Гамбурге, имеет 42.000 членов и ежегодно находит места для тысячи служащих.

Большинство товаров, предназначенных к вывозу, отправляется через Гамбург, торговля которого с 1871 г. возросла в 10 раз, его грузооборот теперь превосходит Ливерпульский, тогда как торговля в Марселе и Гавре падает из года в год. Там находятся многочисленные агенты по экспорту — представители интересов фабрикантов, устанавливающие их сношения с покупателями. В их складах имеются образцы всех товаров, форму и качества которых фабриканты беспрестанно меняют по указаниям, получаемым из самых отдаленных пунктов земного шара.

Все эти общества быстро достигают значительных результатов. Один американский консул, Монаган, в отчете 1894 г. приводит торговые сделки в Боснии, произведенные Софийским отделением одного из вышеупомянутых мною обществ. Взяв на себя труд напечатать болгарский календарь, оно разослало до 200.000 объявлений, истратило около 100.000 фр. на разъезды комиссионеров и в первый же год получило заказов на 10 млн. фр., сократив этим в громадной пропорции торговлю всех своих конкурентов.

Такие результаты достигаются не без труда, но немец перед трудом никогда не отступит. В противоположность французскому промышленнику, он изучает с величайшим усердием вкусы, привычки, нравы, словом, психологию своих клиентов, и публикует результаты исследований в ежегодных изданиях своего общества. Делин показал, резюмируя отчет профессора Янжула, до каких мелочей изучают немецкие разведчики психологию народов, с которыми негодянтам приходится торговать. По отношению к русским, например, наряду с указанием их вкусов, говорится, что перед решением какого-нибудь дела с ними необходимо пить чай, потом уже обсуждать, какие предметы им можно продать, характеризуя самые лучшие из них так: «Выгодный сбыт обеспечен». В книге «Export Hand-Adressbuch», настольной книге всех немецких купцов, встречаются характерные указания вроде следующих:

«Китайцы имеют обыкновение готовить себе пищу в железной посуде с очень тонкими стенками; рис варится быстро, но кастрюля скоро прогорает и ее приходится часто менять. Для устранения всякой конкуренции один английский торговый дом отправил в Китай партию более толстых и прочных железных горшков, пустив их по более дешевой цене. Сначала китайцы соблазнились, и горшки разошлись в самое короткое время. Но успех продолжался недолго, так как через несколько дней продажа вдруг прекратилась. Причина этого — дороговизна топлива в Китае. Толстые английские кастрюли нагревались медленно, рис варился дольше и в результате они оказывались гораздо дороже прежних, в которых рис сваривался в одну минуту. Китайцы возвратились к прежней, более экономичной посуде».

Мы входим здесь в такие подробности, чтобы лучше показать, из каких элементов слагаются в настоящее время успехи народов. Рассматриваемые отдельно, эти элементы кажутся ничтожными. Но в сумме они имеют огромное значение. На склад немецкого ума, позволяющего серьезно изучать то, как китаец варит свой рис, латинские народы, занятые такими важными вопросами, как пересмотр конституций, отделение церкви от государства, польза изучения греческого языка и т. п., должны смотреть с глубоким презрением. Латинским народам необходимо, одна-

¹ Называют некоторые германские заводы, имеющие до 80 химиков, часть которых занимается только теоретическими изысканиями. Другие продолжают их, стараясь извлечь какие-либо промышленные приложения. Германские промышленники зорко следят за всеми новейшими изобретениями и тотчас стараются их усовершенствовать. Через несколько дней после изобретения беспроволочного телеграфа одна германская фирма уже изготовляла полный аппарат для него (с кодами Морзе) за 200 марок. Прибор был у меня в руках, и я констатирую, что все трудности в установке его станции были удивительно преодолены.

ко, убедиться в том, что если они не оставят своих бесполезных теоретических рассуждений, своей пустой и сентиментальной фразеологии и не займутся этими маленькими практическими вопросами, на которых в настоящее время покоится жизнь народов, то мировая роль латинской расы скоро окончится, и она совершенно исчезнет из истории. Никакое правительство не может дать им того, чего им недостает. Не вне себя, а в себе самих они должны искать опору.

Можно ли предполагать, что применение социалистических доктрин помогло бы положению вещей, изложенному нами в этой главе? В социалистическом ли обществе, еще более регламентируемом, чем наше, мог бы развиться тот дух инициативы и энергии, столь необходимый в настоящее время и столь недостающий латинским народам? Когда всем будет управлять и все производить коллективистское государство, станут ли продукты лучше и дешевле, их вывоз легче, иностранная конкуренция менее грозной? Чтобы этому поверить, поистине нужно совсем не знать основных законов промышленности и торговли. Напротив, если упадок у латинских Народов так глубок, то это главным образом потому, что государственный социализм давно уже сделал у них громадные успехи и что без постоянной поддержки правительства они ничего предпринимать неспособны. Достаточно будет идти еще дальше по пути завершения побед социализма, чтобы упадок еще более усилился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ И РОСТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

§ 1. *Современный рост народонаселения различных стран и его причины.* Действительная сложность и кажущаяся простота социальных явлений. Вопрос о народонаселении. Преимущества и недостатки, представляемые ростом народонаселения для разных стран. Психологические заблуждения статистиков. Многочисленные народы гораздо более грозны своей промышленностью и торговлей, чем пушки. Причины уменьшения народонаселения некоторых стран. Почему это уменьшение стремится стать общим для всех стран. Влияние благосостояния и духа предусмотрительности.

§ 2. *Последствия роста или уменьшения народонаселения.* Слабая роль численности народов в древней и новой истории. Источники могущества страны — не военная сила, а земледелие, промышленность и торговля. Опасности, которые представило бы для Франции увеличение ее населения. Почему излишек народонаселения не представляет неудобств для Англии и Германии. Условия, при которых эмиграция становится выгодной для народа. Условия, делающие эмиграцию вредной. Бедствия, происходящие от роста населения в некоторых странах. Пример Индии. Затруднения, которые современное экономическое развитие мира скоро создаст для слишком многочисленных промышленных народов. Преимущество небольшого населения Франции скоро станут явными.

§ 1. СОВРЕМЕННЫЙ РОСТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН И ЕГО ПРИЧИНЫ

Социальные явления характерны тем, что представляются всегда двояко: на взгляд — очень простыми, а в действительности — чрезвычайно сложными. Предупредить грозящее нам зло кажется очень легко, но как только доходит до дела, тотчас со всех сторон являются невидимые препятствия, тесно ограничивающие сферу наших действий. Коллективная жизнь народа соткана из бесчисленного множества нитей; нельзя прикоснуться к одной из них без того, чтобы это вскоре не отразилось на всех других.

Только при отдельном разборе каждой из маленьких задач, составляющих большую социальную задачу, выясняется и страшная сложность этой последней и призрачность средств, ежедневно предлагаемых простодушными людьми.

Мы найдем новое доказательство этой сложности социальных задач, рассматривая один из вопросов, наиболее тесно связанный с успехами социализма. Я имею в виду отношения между ростом народонаселения и увеличивающимися с каждым днем экономическими потребностями.

В последних главах мы старались сделать очевидными два основных положения: во-первых, мировое промышленное и экономическое развитие принимает совершенно другой характер, чем в прошлые века; во-вторых, народы, обладающие известными специальными способностями, приносившими когда-то малую пользу, должны подняться на высшую ступень, когда эти способности получают применение.

Промышленное и экономическое развитие мира, зарю которого мы только начинаем замечать, совпало с различными обстоятельствами, вызвавшими у большинства народов быстрый рост численности их населения. Можем ли мы сказать при существующих экономических потребностях, что этот рост представляет преимущества или неудобства? Мы сейчас увидим, что ответ будет не один и тот же: все зависит от состояния народов, у которых это явление обнару-

жились.

В обширных, но малонаселенных странах, например, Соединенных Штатах Северной Америки, России или Англии, увеличение народонаселения благодаря своим колониям, по крайней мере, в течение некоторого времени, представляет очевидные выгоды. Можно ли сказать то же самое о странах, достаточно населенных, владеющих небольшим числом колоний и не имеющих никакого основания посылать в них жителей, весьма способных к земледелию, но очень мало способных к промышленности и внешней торговле? Мы этого не думаем, напротив, нам кажется, что такие страны поступают очень разумно, стараясь не увеличивать своего населения. Ввиду описанной нами экономической эволюции, такое воздержание от увеличения населения составляет единственное для них средство для избежания беспросветной нищеты.

Но, как известно, статистики думают не так. Установив факт, что в большинстве европейских стран народонаселение быстро возрастает, тогда как во Франции оно почти не изменяется, и заметив, что у нас в 1800 году приходилось 33 рождения на 1.000 жителей, в 1840 г. — 27, в 1880 г. — 25 и в 1895 г. — 22, они в журналах и ученых обществах не перестают высказывать свои сетования. Государство — опять-таки государство — должно, по их мнению, поспешить со своим вмешательством. Нет тех нелепых мер, например, налог на холостяков, премии отцам многочисленных семейств и т. д., которых они не предлагали бы для устранения того, что, по их мнению, составляет бедствие, а мы, принимая во внимание положение нашей страны, считаем благодеянием или, во всяком случае, необходимостью, вытекающей из причин, ввиду которых все предлагаемые меры явно недействительны и наивны.

Все эти смелые статистики, кажется, думают, что число детей в семействах может быть определяемо фантазией законодателя. Они, по-видимому, и не подозревают, что семьи воспитывают такое число детей, какое могут, и имеют вполне серьезные основания не воспитывать большего числа.

Единственное неудобство, какое статистики могли, впрочем, найти в этой остановке роста нашего народонаселения, заключается в том, что немцы, имея много детей, вскоре будут иметь гораздо более рекрутов, чем мы, и тогда им легко будет овладеть нами. Рассматривая вопрос даже только с этой, крайне узкой, точки зрения, можно сказать, что опасность, якобы грозящая нам неминуемо, незначительна. Немцы угрожают нам своей торговлей и промышленностью — гораздо более, чем пушками, и не надо забывать, что когда они будут достаточно многочисленны для того, чтобы сделать успешную попытку военного вторжения в нашу страну, им будет угрожать такое же вторжение со стороны расположенных у них в тылу 130 миллионов русских, раз уж статистики допускают гипотезу, что самые многочисленные народы неизбежно должны вторгаться к народам менее многочисленным.

Очень вероятно, что когда немцы будут в состоянии собрать достаточно многочисленные войска для завоевания народа, военные способности которого доказаны историей, Европа уже расстанется с той иллюзией, что могущество армий измеряется их численностью. Опыт докажет, согласно справедливым предположениям германского генерала фон дер Гольца, что современные армии — это орды полудисциплинированных солдат, лишенных надлежащей военной подготовки и способности сопротивляться, которые скоро будут истреблены маленькой армией профессиональных, привычных к войне солдат, подобно тому, как некогда миллионы Ксеркса и Дария были уничтожены горстью дисциплинированных греков, прекрасно обученных и привычных ко всяким лишениям.

При рассмотрении причин этого постепенного уменьшения нашего народонаселения выясняется, с одной стороны, что оно является во все времена почти неизменным последствием возрастания того духа предусмотрительности, который порождается благосостоянием. Только одни имущие думают о сохранении и обеспечении некоторыми средствами существования своих потомков, число которых они намерение ограничивают.

К этой вполне определенной причине, последствия которой наблюдались во все эпохи, и особенно — в апогее римской цивилизации, присоединились причины, присущие исключительно настоящему времени, из которых главными оказываются: промышленное развитие, сократившее, благодаря усовершенствованию машин, число занятых рабочих рук, и отсутствие колонизаторского духа, ограничивающее наши переселения в другие страны и грозящее обременить нас избытком народонаселения.

Эти данные свойственны не исключительно Франции; они наблюдаются в странах, населенных совершенно различными расами. Несмотря на то, что Соединенные Штаты могут быть справедливо причислены к странам наиболее цветущим, статистики не могли не заметить с некоторым изумлением и там такое же, как и по Франции замедление роста народонаселения. В настоящее время их общая рождаемость составляет 26 человек на 1.000, т. е. едва превосходит нашу. В 10 провинциях Соединенных Штатов она даже ниже, изменяясь в пределах от 16 до 22 на 1.000. Рассматривая эти страны, нельзя ссылаться ни на влияние несуществующей там обязательной военной службы, ни на влияние спирта, запрещенного к продаже, ни на предписания кодекса, предоставляющего полную свободу завещания, так что отцу нет надобности ограничивать число своих детей для избежания раздробления своего состояния на слишком мелкие части. Подобное же понижение рождаемости наблюдается также и в Австралии, где 20 лет тому назад приходилось 40 рождений на 1.000, а теперь — 30.

Все эти факты категорически доказывают несостоятельность доводов, приводимых статистиками, для объяснения того, что они называют опасностью уменьшения нашего народонаселения.

Такое же замедление роста народонаселения наблюдается почти везде, даже в тех странах, где он в какой-нибудь период оказывался наиболее значительным. В Германии рождаемость, составлявшая в 1875 г. 42 человека на 1.000, через 20 лет постепенно понизилась до 36. В Англии за тот же период она упала с 36 до 29. Убыль — большая, чем во Франции, так как за то же время рождаемость упала с 25 до 22. Оба народа, следовательно, все меньше и меньше

опережают нас в этом отношении, и весьма вероятно, что скоро сравняются с нами.

§ 2. ПОСЛЕДСТВИЯ РОСТА ИЛИ УМЕНЬШЕНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Из предыдущего видно, что понижение роста народонаселения обнаруживается повсюду, и что наши соперники вскоре будут угрожать нам уже не своей численностью.

Допустим, однако, что они сохранят перевес, который имеют в настоящее время над нами, и посмотрим, может ли увеличение численности их народонаселения представлять для нас серьезную опасность.

Слушая причитания этих обладающих удивительно ограниченным умом статистиков, удачно названных в журнале «l'Economiste français» «легкомысленными якобинцами», можно и в самом деле подумать, что превосходство народов обуславливается их численностью. А на самом деле самый беглый взгляд, брошенный на историю, показывает на примере египтян, греков, римлян и т. д., что численность во всей древности играла лишь очень слабую роль. Нужно ли напоминать, что со 100.000 хорошо обученных людей греки восторжествовали над миллионами Ксеркса, и что римляне никогда не располагали более чем 400.000 солдат, рассеянных по империи, простиравшейся от океана до Евфрата на 1.000 миль в длину и 500 в ширину?

И не обращаясь к этим отдаленным эпохам, можем ли мы допустить, чтобы роль численности в новые века была значительнее, чем в древности? Ничто не дает права так думать. Не говоря о китайцах, с военной точки зрения представляющих очень мало грозными, несмотря на свои 400 миллионов населения, разве не всем известно, что англичанам достаточно армии в 65.000 человек, чтобы удерживать в подчинении 250 миллионов индусов, и Голландии — армии, гораздо более слабой, чтобы повелевать 40 миллионами азиатских подданных? Думает ли сама Германия, что ей грозит серьезная опасность от непосредственного соседства громадной цивилизованной империи с населением, втрое превосходящим ее собственное?

Оставим же в стороне эти пустые опасения и вспомним, что в действительности нам угрожает не число наших конкурентов, а их промышленные и коммерческие способности. Три истинных источника могущества любой страны составляют земледелие, промышленность и торговля, а не армии.

К счастью, нельзя предположить, чтобы все сегования статистиков могли в результате увеличить хотя бы на одного человека число жителей нашей страны. Поздравим себя с полной бесполезностью их речей!

Предположим, что разгневанный бог пожелал бы послать на Францию самое ужасное бедствие. Какое же он мог бы выбрать? Холеру, чуму или войну? Конечно не их, потому что эти бедствия мимолетны. Ему стоило бы только удвоить численность нашего народонаселения. При современных экономических условиях мира, психологических наклонностях и потребностях французов, это была бы непоправимая беда. Мы вскоре увидели бы кровавые революции, безвыходную нищету, верное торжество социализма, сопровождаемое постоянными войнами и не менее постоянными нашествиями.

Но почему в других странах, например, в Англии или Германии, избыток населения не имеет таких неудобств? С одной стороны, просто потому, что эти страны обладают колониями, куда направляется избыток их населения, а с другой — потому, что эмиграция, безусловно антипатичная французам, там считается явлением весьма желательным, хотя бы она и не составляла для них крайне настоятельной необходимости.

Склонность к эмиграции и возможность удовлетворить ее позволяют народам значительно увеличивать цифру своего населения. Являясь сначала последствием избытка народонаселения, стремление к эмиграции становится в свою очередь причиной, способствующей еще большему возрастанию этого избытка. Знаменитый путешественник Стэнли очень хорошо осветил этот факт в письме, опубликованном одной газетой, в ответ на обращенный к нему вопрос. Он обращает внимание на то, что эмиграция начинается только с того времени, когда народонаселение превосходит известную цифру на квадратную милю. В Великобритании в 1801 году было 130 жителей на квадратную милю; как только это число достигло 224 (в 1841 г.), началось быстро усилившееся эмиграционное движение. Когда в Германии народонаселение достигло той же цифры 224 на кв. милю, ей в свою очередь пришлось искать колонии¹. Италия могла ждать дольше, благодаря крайней нетребовательности своих жителей, но когда, наконец, ее население достигло цифры 253 жителя на кв. милю, ей пришлось подчиниться общему закону и постараться открыть себе выходы. Она мало успела в этой попытке, столь трудной для латинских народов, и, истратив бесполезно в Африке 200 млн. фр., испытала только унижительные поражения. Но, под страхом неизбежного разорения, ей придется возобновить свои попытки. Действительная опасность, угрожающая Италии и обрекающая ее в скором времени на революции и социализм, заключается в слишком большой плотности ее населения. Как везде, нищета оказалась слишком плодотворной.

Беднота всегда плодотворна, потому что она непредусмотрительна. Можно ли, в самом деле, иметь высокое мнение о нравственности лиц, производящих детей в большем числе, чем они могут вырастить, и питать к ним большую симпатию? Я этого не думаю, а скорее присоединился бы к мнению Джона Стюарта Милля, сказавшего: «Едва ли можно

¹ Я привожу цифры в английских мерах по Стэнли. Вот как выражаются в настоящее время населенность различных стран Европы на кв. км (по «Annuaire du bureau des longitudes» за 1898 г.): Англия — 117, Италия — 110, Германия — 99, Франция — 73, Испания — 36.

надеяться, чтобы нравственность повысилась, пока не будут смотреть на многочисленные семьи с таким же презрением, как на пьянство или какое-либо другое плотское излишество». Это соображение относится, конечно, только к людям, сознающим, что они не в состоянии воспитывать производимых ими детей.

«Франция, гораздо менее населенная, не имеет никакой надобности в эмиграции, — замечает Стэнли, — и совершенно напрасно растрчивает жизненную силу своих молодых людей в Тонкине, на Мадагаскаре, в Дагомее — куда отправляются только чиновники, очень дорого стоящие, — особенно когда по соседству она владеет Алжиром и Тунисом, которых ей не удастся заселить». В самом деле, эти страны имеют на квадратную милю только 25 жителей, из которых французы составляют лишь малую часть.

В завоеванном 70 лет тому назад Алжире, по народной переписи 1901 года, на 4.739.000 жителей приходится 364.000 природных французов и 317.000 иностранцев (из которых 155.000 испанцев, 57.000 евреев, немного более 4 миллионов арабов. Число этих последних удвоилось менее чем в 50 лет).

Стэнли вполне прав и очень удачно наметил суть задачи. Его заключения аналогичны, указанным ранее одним из его соотечественников, Мальтусом¹. Этот последний ясно показал, что существует тесное соотношение между народонаселением страны и ее средствами существования и что при нарушении равновесия голод, война и всевозможные эпидемии, обрушиваясь на слишком умножившееся население, вызывают в народе смертность, быстро восстанавливающую равновесие.

Англичане могли проверить справедливость этого закона. Когда после многочисленных и смертоносных для побежденных войн они закончили завоевание великой индийской империи, подчинив своей власти 250 миллионов людей, они сделали невозможными распри между различными суверенными владетелями и водворили на полуострове глубокий мир. Результаты обнаружились скоро. Народонаселение возросло в громадной пропорции — на 33 миллиона с 1881 по 1891 годы — и скоро оказалось не в соответствии со средствами пропитания. Так как уменьшение его путем недопускаемых теперь войн происходить не может, то оно совершается по старому закону Мальтуса, путем периодических голодовок, от которых умирают голодной смертью миллионы людей, а также путем почти таких же опустошительных эпидемий. Англичане, бессильные против законов природы, философски относятся к этим гекатомбам, уносящим каждый раз столько же человеческих жертв, как все взятые вместе войны Наполеона.

Так как дело касается восточных народов, то Европа остается равнодушной к этому зрелищу. Ей следует, однако, обратить на него внимание, по крайней мере, как на доказательство того, к чему ведет чрезмерный рост народонаселения, пока с)то доказательство не будет вскоре ей дано Италией.

Статистики могли бы из этого извлечь тот урок, что они глубоко заблуждаются, проповедуя некоторым народам размножение; они толкнули бы эти народы на гибельный путь, если бы их фразы производили ожидаемое действие.

Могли ли бы мы предположить, что при описанном нами предстоящем экономическом развитии слишком многочисленные народы получат в будущем от избытка своего населения такие выгоды, па которые теперь они рассчитывать не могут? Напротив, этот избыток был бы для них гибельным, и в будущем самая счастливая участь ожидает страши наименее населенные, т. е. те, где народонаселение не превосходит числа людей, имеющих возможность существовать за счет продуктов своей страны. В главе, посвященной экономической борьбе между Востоком и Западом, мы показали, что вследствие чрезмерного роста народонаселения, большая часть европейских стран не может своим производством удовлетворить своих жителей, и поэтому свои громадный годовой недочет в пищевых продуктах должна пополнять па Востоке. Эти пищевые продукты до сих нор оплачивались производимыми для восточных пародов товарами: по так как эти народы теперь сами стали производить их по ценам в десять раз меньшим европейских, то торговля между Востоком и Западом с каждым днем стремится к сокращению.

Народам, живущим не земледелием, а только промышленностью и торговлей, в будущем грозит наибольшая опасность. Земледельческие страны, например, Франция с производством, почти достаточным для своего потребления, и могущая, в случае крайности, обходиться без внешней торговли, окажутся в бесконечно лучшем положении и гораздо менее пострадают от все более и более угрожающего Европе кризиса, наступление которого было бы очень ускорено торжеством социалистов.

¹ Свою систему взглядов о закономерностях воспроизводства народонаселения Мальтус изложил в труде «Опыт о законе народонаселения» (СПб, 1868).

КНИГА ПЯТАЯ

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЗАКОНАМИ ЭВОЛЮЦИИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ИДЕЯМИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРЕМЛЕНИЯМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАКОНЫ ЭВОЛЮЦИИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И СТРЕМЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТОВ

§ 1. *Отношения живых существ к своей среде.* Жизнь всех существ обуславливается их средой. Важность преобразований, производимых этой средой, и их медленность. Почему виды существ кажутся неизменными. Условия социальной среды. Резкие изменения, произведенные в этих условиях среды современными открытиями, и трудность для человека приспособляться к ним.

§ 2. *Конфликт между естественными законами эволюции и демократическими воззрениями.* Возрастающее противоречие между нашим теоретическим мировоззрением и действительностью, удостоверенной наукой. Трудность согласования демократических идей с новыми научными понятиями. Как разрешается конфликт на практике. Демократический режим вынужден благоприятствовать всякого рода превосходству. Образование каст при демократическом режиме. Препимущества и опасности демократии. Финансовые нравы американской демократии. Почему продажность американских политиков доставляет лишь незначительные неудобства в социальном отношении. Демократические идеи и чувства толпы. Инстинкты толпы по существу не демократичны.

§ 3. *Конфликт между демократическими идеями и стремлениями социалистов.* Противоречие между основными принципами демократии и социалистическими идеями. Участь слабых в демократии. Почему они ничего не выиграют при торжестве социалистических идей. Ненависть социализма к свободной конкуренции и свободе. В настоящее время социализм — самый опасный враг демократии.

§ 1. ОТНОШЕНИЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ К СВОЕЙ СРЕДЕ

Натуралистами давно уже доказано, что жизнь всех существ бесспорно обуславливается их средой, и что достаточно очень незначительного изменения этой последней при единственном условии его продолжительности для полного превращения ее обитателей.

Процесс этих превращений теперь вполне известен. Эмбриология существ, повторяющая собой серию наследственных эволюций, указывает нам глубокие изменения, испытанные ими в продолжение геологических периодов.

Для того, чтобы эти превращения произошли, нет необходимости в очень больших изменениях среды; нужно только, чтобы влияние этих изменений было очень продолжительным. Слишком большое или слишком быстрое изменение привело бы не к превращению, а к смерти. Понижение или повышение температуры на несколько градусов на протяжении многих поколений достаточно для полного изменения фауны и флоры какой-либо страны путем медленного приспособления к новым условиям.

В своем недавнем труде Кентон приводит интересный пример перемен, произведенных простыми изменениями температуры.

«Ввиду охлаждения земного шара, — говорит автор, — организованные существа стремятся искусственным образом поддерживать в своих тканях первоначальную высокую внешнюю температуру. Это стремление имеет первостепенную важность. Известно, что у позвоночных оно уже определяет эволюцию воспроизводящих органов и, соответственно с этим, эволюцию скелета. Оно ведет за собой равным образом перемены во всех других органах, и, следовательно, саму Эволюцию.

Это ясно вытекает из простого рассмотрения аргюи. Представим себе анатомию первобытного схематического типа. Наступает охлаждение земного шара; жизнь стремится поддержать свою предшествующую высокую температуру. Это поддержание может быть достигнуто лишь производством теплоты в тканях, т. е. посредством горения. Всякое горение требует горючих материалов и кислорода; вот и имеются данные, необходимые для развития пищеварительного и дыхательного аппаратов, могущих удовлетворить этой потребности. Необходимость разносить по тканям эти горючие материалы и этот кислород, возрастая по мере усиления горения, вызывает эволюцию органов кровообращения. Следствием развития этих трех аппаратов, к которым присоединяется еще и развитие воспроиз-

дящих органов, неизбежно является и развитие нервной системы. Производство теплоты — это только начало; необходимо сохранить ее, и вот естественно является необходимость в развитии внешних покровов. Но вследствие возрастающего охлаждения земного шара растёт и разность между температурами живых организмов и окружающей их среды. Следовательно, является постоянная необходимость в более интенсивном горении и в более совершенной организации существ. Таким образом, видно, что ввиду охлаждения земного шара весьма естественное усилие, делаемое жизнью для поддержания первоначальных условий своего химического существования, определяет безостановочное развитие всех органических аппаратов и требует от них а priori постоянного совершенствования применительно к новым условиям. Чтобы подтвердить эту теоретическую точку зрения, достаточно будет распределить различные группы животных по порядку появления их на земле и затем проследить действительный прогресс в каждом из их органических аппаратов».

Что справедливо для среды физической, равно справедливо и в отношении среды нравственной, особенно среды социальной. Живые существа всегда стараются приспособиться к ней, но в силу могущества наследственности, постоянно борющейся со стремлением к изменению, это приспособление совершается очень медленно. Оттого и происходит то, что виды существ, если принимать во внимание лишь короткую продолжительность исторических времен, кажутся неизменными. Такими они кажутся, как кажется таким же человек, наблюдаемый в течение одной минуты. Медленная работа, ведущая от молодости к дряхлости и смерти, несколько не замедлилась за эту минуту, а совершалась, хотя для нас и незаметно.

Итак, все существа находятся в зависимости от их физической или нравственной среды. Если эти существа находятся в среде, изменяющейся медленно, а такими являются материки, климаты, точно так же, как и цивилизации, то они успевают приспособиться к ней. Как только какое-нибудь особенное обстоятельство внезапно изменит среду, приспособление становится невозможным, и существо осуждено на исчезновение. Если бы вследствие какого-нибудь геологического переворота температура полюсов или температура экватора установилась во Франции, то после двух или трех поколений эта страна потеряла бы большую часть своего населения, и ее цивилизация не смогла бы удержаться в современном состоянии.

Но в геологии неизвестны такие внезапные перевороты, и в настоящее время мы знаем, что большая часть изменений поверхности земного шара произошла очень медленно.

До сих пор так же обстояло и с социальной средой. Кроме случаев разрушения завоевателями, цивилизации всегда изменялись постепенно. Много учреждений погибло, много богов рассыпалось в прах, по те и другие были заменены лишь после долгого периода старости. Исчезли великие империи, по исчезли лишь после долгого периода упадка, которого не могут избежать общества так же, как и живые существа. Могущество Рима в конце концов исчезло от нашествий варваров, но они уступили им свое место лишь с большой постепенностью, после нескольких веков разложения. В действительности древний мир связывается с новым посредством незаметных переходов, а совсем не так, как говорит большинство книг.

В качестве единственного в своем роде явления в летописях мира современные научные и промышленные открытия менее чем в одно столетие произвели в условиях существования людей более глубокие изменения, чем все другие отмеченные историей, начиная с того времени, когда человек подготавливал зачатки своих первых цивилизаций на берегах Нила и в долинах Халдеи. У очень старых обществ, опирающихся на известные основы, которые могли считаться ими вечными, теперь эти основы поколеблены. Вследствие слишком резкой перемены, не давшей человеку времени примениться к ней, произошел значительный переворот в умах, возникло сильное расстройство, всеобщее противоречие между чувствами, установившимися наследственным путем, и условиями существования и мышления, созданными современными потребностями. всюду происходят столкновения между старыми идеями и новыми, возникшими вследствие новых потребностей.

Мы еще не знаем, что выйдет из всех этих конфликтов, и можем лишь удостовериться их наличность. Изучая здесь те из них, которые имеют отношение к вопросам, составляющим предмет настоящей книги, мы увидим, насколько глубоко некоторые из них.

§ 2. КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННЫМИ ЗАКОНАМИ ЭВОЛЮЦИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ВОЗЗРЕНИЯМИ

Между всеми конфликтами, готовящимися нам в близком будущем и зарождающимися на наших глазах, одним из самых явных, быть может, окажется все возрастающее противоречие между теоретическими представлениями о мире, когда-то созданными нашим воображением, и действительностью, вполне уже выясненной наукой.

Ясно выраженное противоречие существует не исключительно только между религиозными представлениями, на которых еще покоится наша цивилизация, и представлениями научными, являющимися результатом современных открытий. Это старое, противоречие никого более не шокирует, потому что оно от времени потеряло уже острый характер. Теперь антагонизм возникает между новыми научными доктринами и политическими воззрениями, на которых современные народы основывают свои учреждения.

Когда вожаки революции, руководимые мечтаниями философов, достигли торжества своих гуманитарных идей и начертали на фронтонах зданий слова «свобода, равенство и братство», служившие выражением этих мечтаний, современная наука еще не существовала. И потому эти вожаки без всякого риска встретить противоречие могли сослаться на первобытное состояние человека, его природную доброту и развращение его обществом; могли поступать так, как будто бы общество — это что-то искусственное, и законодатели могут перестраивать его по своему усмотрению.

Но с появлением новых наук стала очевидной вся ложность таких представлений. Особенно же сильно их поколебало учение об эволюции, указавшее на происходящую всюду в природе непрестанную борьбу, оканчивающуюся всегда уничтожением слабых. Конечно, это кровавый закон, но, в то же время, он — источник всякого прогресса: без этого закона человечество не вышло бы из первобытной дикости и никогда не смогло бы создать никакой цивилизации.

То, что эти научные принципы могли казаться демократическими и что демократия сумела ужиться с ними, не замечая, насколько они неблагоприятны для нее¹ — это одно из тех необычайных явлений, которые могут понять лишь мыслители, изучившие историю религий; они знают, с какой легкостью верующие выводят из священного текста заключения самые невероятные и стоящие в полном противоречии с ним. На самом деле нет ничего аристократичнее законов природы. С полным основанием можно сказать: «Аристократизм составляет закон для человеческих обществ, подобно тому, как он под именем естественного подбора является законом для видов». В настоящее время мы затрудняемся в согласовании новых данных науки с нашими демократическими иллюзиями настолько же, насколько когда-то затруднялись богословы согласовать Библию с геологическими открытиями. Посредством натяжек пока еще можно кое-как замаскировать эти разногласия, которые, увеличиваясь с каждым днем, вскоре будут ясны и очевидны для всех.

Несмотря на свою реальность, этот конфликт все-таки далеко не так важен, как можно было бы думать. Я сомневаюсь даже, чтобы он приобрел когда-либо какое-нибудь практическое значение и вышел из области философских споров. По правде сказать, это разногласие существует только в теории. В фактах его нет, да и как оно могло бы там быть, если факты являются следствием законов природы, которые господствуют над нашей волей и действия которых мы, следовательно, избежать не можем?

Мы это увидим при исследовании истинного значения демократии. Если, несмотря на внешнюю сторону, она благоприятствует всякого рода превосходству, не исключая превосходства по рождению, то она является на самом деле настолько же аристократичной, т. е. благоприятствующей группе избранных натур, как и предшествующие ей формы правления. А в таком случае противоречий с законами эволюции у нее не существует.

Для доказательства вышеизложенного оставим в стороне слова, которыми обыкновенно определяют понятие «демократия», и постараемся доискаться ее духа, который отлично очерчен в следующих строках, заимствованных мною у Бурже:

«Если вы пожелаете выяснить, что представляют собой в действительности эти два термина: аристократия и демократия, то найдете, что первый означает совокупность нравов, ведущих к производству небольшого числа высших индивидуумов. Здесь можно применить изречение: *Humanum paucis vivit genus*². Второй термин, наоборот, означает совокупность нравов, приводящих к благосостоянию и культуре возможно большего числа людей. Следовательно, самой выдающейся стороной аристократии, ее пробным камнем, является исключительная личность как последний результат, как вывод из тысячи судеб, имеющих целью поддержание этого редкого существа, а выдающейся стороной демократического общества является такая община, где и наслаждение, и работа распределены между многими неопределенно раздробленными порциями. Не нужно большой наблюдательности, чтобы установить тот факт, что

¹ Противоречие между демократическими идеями и наукой начинает уже проникать и учебную книгу, написанные профессорами университета. Вот как выражается Лависс, один из писателей, наиболее известных по своим общедоступным сочинениям:

«Философы XVIII века ввели в моду чувство братства в человечестве; а теперь наиболее распространенная из философий, уже проникшая в науку, учит неизбежности борьбы за существование, законности естественного подбора, осуществляемого путем истребления слабых, за которыми она не признает права на жизнь».

² Человеческий род живет благодаря немногим (*лат.*).

современный мир, в особенности же наш французский, весь направляется в сторону этой второй формы существования. Новой стороной существования современного общества является замена личной инициативы организованной массой, выступление толпы и исчезновение или, по крайней мере, уменьшение власти избранных натур».

Таковы, без сомнения, теоретические устремления демократии. Посмотрим, согласуется ли с ними действительность.

Демократия принимает основным принципом равенство прав всех людей и свободную конкуренцию. Но в этой конкуренции кто же может восторжествовать, как не самые способные, т. е. те, кто обладает известными способностями, зависящими более или менее от наследственности и всегда извлекающими пользу из воспитания и материальной обеспеченности? В настоящее время мы отвергаем права по рождению и отвергаем вполне справедливо, чтобы избежать чрезмерного их расширения прибавлением еще и социальных привилегий. На практике эти права сохраняют всю свою силу, и даже в большей степени, чем это было раньше, потому что свободное состязание вместе с природными умственными дарованиями лишь благоприятствует наследственному подбору. На самом же деле демократический режим создает социальные неравенства в большей мере, чем какой-либо другой. При аристократическом режиме этих неравенств возникает гораздо меньше, при нем лишь упрочиваются уже существующие. Демократические учреждения особенно выгодны для избранных всякого рода, и вот почему эти последние должны защищать эти учреждения, предпочитая их всякому другому режиму.

Можно ли сказать, что демократия не создает каст, обладающих такой же властью, как старинные аристократические касты? Вот что Тард говорит по этому поводу:

«Наша демократия, как всякая другая, непременно имеет социальную иерархию, либо уже существующую, либо возникающую, общепризнанные авторитеты, являющиеся продуктом либо наследственности, либо естественного подбора. У нас не трудно заметить кем заменяется старинное дворянство. Сперва административная иерархия, все усложняющаяся и развивающаяся в высоту, по числу своих степеней, и в объеме, по количеству чиновников; точно так же — военная иерархия, в силу причин, принуждающих современные европейские государства к всеобщему вооружению. Последствием низвержения прелатов и принцев крови, монахов и дворян, монастырей и замков было лишь усиление значения явившихся им на смену публицистов и финансистов, артистов и политиков, театров, банков, министерств, больших магазинов, больших казарм и других крупных зданий, сгруппированных в черте одной столицы. Там сходятся все знаменитости, и что же представляют эти различные виды известности и славы со всеми их градациями, как не иерархию видных мест, занимаемых или искомым, которыми свободно располагает или думает, что свободно располагает исключительно одно общество? Не упрощаясь и не принижаясь, эта аристократия горделивых положений, эта эстрада с красными или блестящими тронами не перестает делаться все более и более грандиозной в силу превращений, производимых самой демократией».

Итак, следует признать, что демократия создает касты точно так же, как и аристократия. Единственная разница состоит в том, что в демократии эти касты не представляются замкнутыми. Каждый может туда войти или думать, что он может войти. Но как проникнуть туда, не обладая известными наследственными умственными способностями, дающимися одним рождением и доставляющими их обладателям подавляющее превосходство над соперниками, не имеющими таковых? Из этого вытекает, что демократические учреждения благоприятны лишь для групп избранных, которым остается лишь поздравить себя с тем, что эти учреждения с такой легкостью все забирают в свои руки. Еще далек тот час, когда толпа от них отвернется. Но все же он когда-нибудь пробьет по причинам, о которых мы вскоре скажем. Предварительно же демократия подвергнется другим опасностям, вытекающим из ее сущности, на которые мы теперь и укажем.

Первая из них состоит в том, что демократический режим обходится очень дорого. Уже давно Леон Сэ показал, что демократии предназначено сделаться наиболее дорогостоящим режимом. Еще недавно одна газета очень правильно рассуждала по этому поводу. Приводим эти рассуждения. «Общественное мнение когда-то справедливо возмущалось расточительностью монархической власти и теми царедворцами, которые вызывали государя на щедроты, льющиеся на них дождем аренд и пенсий. Исчезли ли эти царедворцы с тех пор, как народ стал властелином? Не увеличилось ли, наоборот, их число сообразно фантазиям неотчетливого многоголового владыки, которому они должны служить? Царедворцы теперь уже не в Версале, в исторических салонах, где помещалась вся их раззолоченная толпа. Они кишат в наших городах, деревнях, самых скромных окружных и кантональных административных центрах, повсюду, где, благодаря всеобщему избирательному праву, можно заполучить депутатское полномочие и приобрести частицу власти. Правление их возвращает разорительную расточительность, создание совершенно лишних должностей, необдуманное развитие общественных работ и служб, для получения таким путем дешевой популярности и приобретения возможно большего числа избирательных голосов. В парламенте они щедро расточают обещанные блага, заботясь об облагодетельствовании своего избирательного округа в ущерб равновесию бюджета. Это — настоящее торжество узких местных домогательств над государственным интересом, победа округа над Францией».

Иногда требования избирателей чрезмерны до крайности, а между тем, законодатель, желающий обеспечить себе вторичное избрание, принужден считаться с ними. Очень часто он должен подчиняться наказам слабоватых умом винных торговцев и мелких купцов, являющихся его главными избирательными агентами. Избиратель требует невозможного, и поневоле приходится обещать требуемое. Отсюда являются спешные реформы, утверждаемые без малейшего понятия о их возможных последствиях. Всякая партия, желающая достигнуть власти, знает, что это

возможно только превзойдя обещаниями своих соперников.

«Из-под каждой партии вырастает другая, которая подстерегает первую, осыпает бранью и разоблачает ее. Когда царил Конвент, то против него выступала грозная Гора (крайние якобинцы); Гора в свою очередь страшилась Коммуны, а Коммуна боялась казаться слишком бесцветной перед эбертистами. Этот закон партийной борьбы царствует повсюду и оправдывается даже в самых *подонках* демагогии. Однако при исследовании этих крайних политических пределов возникает одна подозрительная и смутная область, где уже нельзя хорошо разобраться; там-то и бывают самые горячие, самые «чистые», самые кровожадные деятели, такие как Фуше, Тальен и Баррас, одинаково способные стать как поставщиками гильотины, так и лакеями цезаря. И это смешение партий на их наиболее удаленных гранях также составляет постоянный политический закон. В этом отношении мы только что выдержали очень убедительное испытание».

Серьезной опасностью от этого вмешательства толпы в демократический образ правления является не только чрезмерный, сопряженный с этим расход, но особенно — весьма распространенная ужасная иллюзия. что всякие бедствия поправимы при помощи законов. Парламенты, таким образом, вынуждены создавать бесчисленное множество законов и регламентов, последствий которых никто не предвидит; они только опутывают со всех сторон свободу граждан и увеличивают число тех зол, против которых они направлены.

«Государственные учреждения, — пишет итальянский экономист Луццато, — не могут ни изменять свойств нашей жалкой человеческой природы, ни внушать нам недостающих нашей душе добродетелей, ни повышать заработную плату настолько, чтобы являлась возможность делать более значительными сбережения, потому что мы зависим от общих и неумолимых условий национальной экономии».

Это суждение покажется философам весьма элементарным, но публика едва ли его уразумеет раньше сотни лет войн, миллиардных расходов и кровавых переворотов. Впрочем, только такой ценой и установилась в мире большая часть элементарных истин.

Демократические учреждения влекут за собой еще и очень большую неустойчивость министерств; но она представляет собой некоторые преимущества, уравнивающие иногда ее неудобства. Она ведет к тому, что на самом деле власть передается в руки административных учреждений, в которых нуждается всякий министр, причем он не имеет времени изменить старую организацию и традиции, составляющие силу этих учреждений. Кроме того, каждый министр, зная, что он недолговечен, и желая оставить после себя какой-нибудь след, легко поддается на многие либеральные предложения. Если бы не частая смена министров, многие научные предприятия были бы совершенно невозможны во Франции.

Прибавим еще, что благодаря легкой смене правительства, являющейся последствием демократических учреждений, революции становятся бесполезными и, следовательно, весьма редкими. У латинских народов это преимущество нельзя считать маловажным.

Более серьезным недостатком демократии является возрастающая посредственность людей, стоящих во главе управления. Им нужно только одно существенное качество: быть всегда наготове говорить тотчас же о чем бы то ни было, находить сразу правдоподобные или, по крайней мере, громкие аргументы в ответ своим противникам. Выдающиеся умы, которые желают подумать прежде, чем говорить, будь то Паскаль или Ньютон, играли бы печальную роль в парламентских собраниях. Эта необходимость говорить не рассуждая отстраняет от парламента многих людей с солидными достоинствами и уравновешенными суждениями.

Они отстраняются и в силу других причин, и особенно потому, что демократия не переносит превосходства над собой управляющих ею лиц. При непосредственном соприкосновении с толпой избранные ее могут, угодить ей, лишь потворствуя ее страстям и наименее возвышенным ее потребностям и давая ей самые несбыточные обещания. Вследствие столь естественного в человеке инстинкта, который всегда побуждает людей искать себе подобных, толпа идет вслед за химерическими или посредственными умами и все более и более вводит их в лоно демократического правительства.

«По природе своей, — как недавно было напечатано в «*Revue politique et parlementaire*», — толпа предпочитает вульгарные умы образованным, отдается скорей людям беспокойным и говорунам, чем мыслителям и уравновешенным, препятствует всякими неприятностями этим последним привлечь внимание к своим речам и добиться избрания. Таким образом, почти непрерывно понижается уровень и возникающих вопросов, и решающих соображений, и предпринимаемых дел, и привлекаемого к службе личного состава, и руководящих побуждений при его выборе. Все это у нас перед глазами, против этого нужно принимать меры, чтобы не упасть до положения очень низкого и несчастного¹. Мы приходим к тому, что даже ученые и талантливые люди, чтобы снискать расположение толпы, находят самым лучшим ежедневно предлагать ей уничтожение благоприобретенного состояния, а другие едва осмеливаются это порицать».

Что этот недостаток свойственен всем демократиям вообще, а не является последствием расовых свойств, можно заключить из того, что явление, наблюдаемое во Франции, наблюдается также, и даже в гораздо более сильной степени, в Американских Соединенных Штатах. Понижение умственного и нравственного уровня особого класса

¹ Автор забыл сказать нам, какие можно будет «принять меры»; во всяком случае, не изданием постановлений, так как они были бы отрицанием основных принципов демократии, следовательно, ясно, что его предложение совершенно химерично.

людей, называемых политиками, с каждым днем все ярче и ярче обрисовывается в размерах, внушающих опасение за будущность великой республики. Это происходит также и оттого, что способные люди в общем пренебрегают политическими функциями, которые поэтому выполняются почти одними неудачниками всех партий. В Соединенных Штатах неудобство это не так ощутительно, как было бы в Европе, потому что там роль правителя сведена до минимума, и потому личные достоинства политических деятелей имеют меньшее значение.

В той же Америке замечается еще одна из наиболее угрожающих демократии опасностей — продажность. Нигде она не приняла таких крупных размеров, как в Соединенных Штатах. Подкуп существует там на всех ступенях общественной деятельности, и почти нет тех выборных должностей, концессий, привилегий, которых нельзя было бы получить за деньги. По словам «Contemporary Review», избрание в президенты республики обходится в 200 миллионов франков, ссужаемых американской плутократией. Восторжествовавшая партия, впрочем, щедро возмещает свои авансы. Прежде всего начинается массовое увольнение всех чиновников от службы и раздача их мест избирателям новой партии. Многочисленные ее сторонники, которых не успели пристроить, получают пенсии из пенсионного фонда войны североамериканских штатов с южными, все возрастающего, хотя большинства участников этой войны уже давно не стало. Эти пенсии избирателям достигают в настоящее время суммы около 800 миллионов франков в год.

Что касается главарей партий, то их аппетиты еще шире. В особенности крупные спекулянты, всегда играющие преобладающую роль на выборах, заставляют платить себе по-царски. Лет двадцать тому назад, после выборов, они издали правительственное постановление, предоставившее им право обменивать казначейству серебряные деньги на золото по старому соотношению их стоимости. Попросту говоря, это значило, что, внося в казначейство весовое количество серебра, приобретенное на рынке за 12 фр., они получали взамен золотую монету в 20 фр. Эта мера была так разорительна для государства, что вскоре пришлось ограничить суммой в 240 млн. фр. этот ежегодный подарок правительства нескольким привилегированным избранныкам. Когда казначейство было почти истощено, действие билля было остановлено. Такой колоссальный грабеж отдал в руки спекулянтов такие богатства, что они не подумали протестовать.

В выгодной кампании против американского казначейства, т. е. против финансовых интересов нации, производители серебра имели прямых союзников в лице производителей зерна, и вообще крупных фермеров Запада. Заставлять насильственно, при пособничестве государства, принимать обесцененную монету — это не что иное, как подготавливать искусственное повышение цен на товары.

Мы наделали бесконечно много шума во Франции по поводу Панамы, а безнадежная глупость некоторых судей сделала все, чтобы опозорить нас перед другими странами, и все из-за взятки в несколько тысяч франков, данной полудюжине нуждающихся депутатов. Для американцев это было совершенно непонятно; у них всякий без исключения политический деятель сделал бы то же, с той только разницей, что никто из них не удовольствовался бы таким незначительным вознаграждением. В сравнении с американскими палатами французский парламент обладает добродетелью Катона. Она тем более похвальна, что жалованье, наших законодателей едва удовлетворяет требованиям их положения. Поощряя Панаму, за что их так упрекают, они выполняли лишь единоголосные требования своих избирателей. Суэцкий канал, возведший своего строителя чуть не в полубоги, был сооружен при таких же условиях, да иначе и быть не могло. Кошельки финансистов никогда не раскрывались по побуждениям строгой добродетели.

С точки зрения европейских идей, политические нравы Соединенных Штатов, очевидно, не могут найти себе никакого оправдания. Они позорят страну.

Однако если американцы легкое ими уживаются и вовсе не находят их позорными, значит они соответствуют идеалу особого рода, который мы должны постараться постигнуть. В Европе любовь к богатству так же распространена, как и в Америке, но мы сохранили старинные традиции, вследствие которых если дельцы и финансисты сомнительной честности в случае успеха возбуждают зависть, то, тем не менее, их достаточно презирают и отчасти смотрят на них, как на удачливых грабителей. Их терпят, но никогда не придет в голову сравнивать их с учеными, артистами, военными, моряками, т. е. вообще с лицами, занимающимися такой профессией, которая требует известной возвышенности понятий и чувств, чего, как известно, совершенно лишена большая часть спекулянтов.

В Америке, стране без традиций, почти всецело предающейся торговле и промышленности, где царствует полнейшее равенство, не существует никакой социальной иерархии, потому что все значительные должности, включая и судейские, исполняются постоянно меняющимися чиновниками, не пользующимися, впрочем, большим уважением, чем любой мелкий лавочник; в такой стране, говорю я, единственным отличием может служить богатство. Естественно, что единственной меркой значения и власти данного человека, а следовательно, и его социального положения, является количество имеющихся у него долларов. Погоня за долларом становится в таком случае исключительным идеалом, для достижения которого все средства хороши. Значение известной должности определяется степенью ее доходности. На политику смотрят лишь как на простое ремесло, долженствующее щедро вознаграждать того, кто им занимается. Хотя это представление, очевидно, очень вредно и низменно, американское общество вполне признает его, давая без затруднения свои голоса политическим деятелям, наиболее известным своими хищническими приемами.

Политикой, рассматриваемой как доходное предприятие, объясняется образование синдикатов для ее эксплуатации. Только таким образом можем мы понять очень загадочную на первый взгляд для европейцев силу таких ассо-

циаций, как знаменитая «Tammany Hall» в Нью-Йорке, распоряжающаяся на широкую ногу финансистами этого города в течение более 50 лет. Это как бы масонское общество, руководящее назначением городских служащих, судей, агентов городской полиции, подрядчиков, поставщиков, вообще всего служащего персонала. Этот персонал предан ей телом и душой и беспрекословно повинуетея приказаниям высшего начальника ассоциации. Только два раза, в 1894 и в 1901 годах, ей не удалось удержаться. Одно из официальных расследований ее махинаций привело к открытию самых невероятных хищений. При одном только ее начальнике, пресловутом Вильяме Тведе, сумма награбленного, поделенная между сообщниками, доходила, по сведениям следственной комиссии, до 800 млн. фр. После короткого перерыва синдикат вновь отвоевал всю свою власть, а недавно снова потерял ее, но ненадолго. На предпоследних выборах он затратил, как говорят, 35 миллионов, чтобы провести своего ставленника на место Нью-Йоркского мэра. Конечно, эта сумма легко была возвращена членам союза, так как этот мэр располагает ежегодным бюджетом в 400 миллионов.

Всякий другой народ, кроме американцев, давно пришел бы в расстройство от таких нравов. Мы знаем, к чему они привели в латинских республиках Америки. Но население Соединенных Штатов обладает тем высоким качеством — энергией, которое преодолевает все препятствия. Так как опасность вмешательства финансистов в дела не так еще очевидна, то публика ею не озабочивалась. В тот день, вероятно уже недалекий, когда опасность выяснится вполне, американцы употребят всю свою обычную энергию для поправления беды. На этот счет у них расправа коротка. Известно, как они отделяются от негров и китайцев, которые их беспокоят. Когда финансисты и взяточники будут их слишком стеснять, они не постесняются без всякого зазрения совести линчевать несколько дюжин из них, чтобы заставить других поразмыслить о пользе добродетели.

Отмеченная нами деморализация захватила в Америке пока только особый класс политиканов и очень немного коснулась коммерсантов и промышленников. Что ограничивает действие ее узкими пределами, так это, повторяю, то, что в Соединенных Штатах, как и во всех англосаксонских странах, вмешательство правительства в дела очень незначительно и не распространяется на все, как у латинских народов.

Этим весьма важным обстоятельством объясняется живучесть американских демократий сравнительно со слабой степенью ее у латинских демократий. Демократические учреждения могут процветать лишь у народов, имеющих достаточно инициативы и силы воли, чтобы направлять свои дела и заниматься ими без постоянного вмешательства со стороны государства. Продажность чиновников не может иметь слишком печальных последствий, когда влияние общественных властей очень ограничено. Когда же, наоборот, это влияние велико, то деморализация распространяется на всей разложение близко. Грустный пример латинских республик в Америке показывает, какая судьба ожидает демократию у народов безвольных, безнравственных и неэнергичных. Самоуправство, нетерпимость, презрение к законности, невежество в практических вопросах, закоренелый вкус к грабежу тогда быстро развиваются. Затем вскоре наступает и анархия, за которой неизбежно следует диктатура.

Такой конец всегда угрожал правлениям демократическим. Но еще больше он грозил бы правительствам чисто народным, основанным на социализме.

Но кроме только что отмеченных нами опасностей, происходящих от состояния нравственности, демократическому режиму приходится бороться с другими трудностями, находящимися в зависимости от умственного состояния народных масс, на благо которых он, однако, употребляет все свои усилия.

Самые опасные враги его находятся вовсе не там, где он упорно продолжает их искать. Ему угрожает не аристократия, а народные массы. Как только толпа начинает страдать от раздоров и анархии своих правителей, она сейчас же начинает подумывать о диктаторе. Так всегда было в смутные периоды истории у народов, не имеющих качеств, достаточных для поддержания свободных учреждений или утративших эти качества. За Суллой, Марием и междоусобными войнами выступили Цезарь, Тибериус и Нерон. За Конвентом — Бонапарт; за 48 годом — Наполеон III. И все эти деспоты, сыны всеобщего избирательного права всех эпох, всегда обожались толпой. Как, впрочем, могли бы они удержаться, если бы народная душа не была с ними?

«Будем же смело говорить и повторять, — писал один из самых стойких защитников демократии Шерер, — что упорно продолжающие игнорировать результаты четырех плебисцитов, возведших Луи Наполеона в президенты республики, узаконивших покушение 2 декабря¹, создавших империю и, наконец, в 1870 году возобновивших договор нации с пагубным авантюристом², — обрекаются на полное непонимание самых характерных проявлений всеобщей подачи голосов» по крайней мере, во Франции».

Прошло немного лет с тех пор, как та же самая всеобщая подача голосов едва не возобновила подобного же договора с другим авантюристом, лишенным даже авторитета имени и имевшим за собой один лишь престиж своего генеральского султана. Судей, вынесших приговор королям, много, но очень мало таких, кто осмелился вынести приговор народам.

¹ Государственный переворот 2 декабря 1851 года, когда были арестованы и высланы наиболее влиятельные члены законодательного собрания.

² Речь идет об Адольфе Тьере, который способствовал в 1849 г. выбору Луи Наполеона в президенты, а после франко-прусской войны заключил прелиминарный договор с Пруссией. В 1871–1873 г.г. — президент Франции.

§ 3. КОНФЛИКТ МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ИДЕЯМИ И СТРЕМЛЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТОВ

Таковы преимущества, а также и недостатки демократических учреждений. Эти учреждения удивительно подходят к сильным энергичным расам, у которых отдельная личность привыкла рассчитывать лишь на свои собственные силы. Сами по себе они не могут создать никакого прогресса, но они устанавливают атмосферу, благоприятную для всякого рода прогресса. С этой точки зрения ничто не сравнится с ними и не может их заменить. Никакой режим не обеспечивает наиболее способным личностям такой свободы развития, не дает таких шансов на успех в жизни. Благодаря свободе, предоставляемой ими каждому, и провозглашаемому ими равенству, они благоприятствуют развитию всего выдающегося и в особенности — развитию ума, т. е. такого качества, из которого проистекает всякий крупный прогресс.

Но при борьбе неравных дарований разве эта свобода, это равенство ставят на один и тот же уровень лиц, обладающих преимуществом наследственных умственных способностей, с толпой умов посредственных, с мало развитыми способностями? Разве они дают этим слабо одаренным личностям большие шансы, пусть не на торжество над противниками, а просто на возможность не быть ими совсем уничтоженными? Одним словом, существа слабые, без энергии, лишенные мужества, могут ли найти в свободных учреждениях ту опору, которой они не могут найти в себе? Кажется ясным, что ответ может получиться только отрицательный, и также ясно, что чем больше равенства и свободы, тем более полно порабощение бездарных или малоспособных. Устранить это порабощение и составляет, быть может, самую трудную задачу современной эпохи. Если не ограничивать свобод, то положение обиженных судьбой будет ухудшаться с каждым днем; если же их ограничить, что, очевидно, может сделать только государство, то это немедленно приведет к государственному социализму, последствия которого гораздо хуже тех зол, которые он берется устранить. Остается тогда обратиться к альтруистическим чувствам более сильных натур; но до сих пор только религиям, да и то лишь в эпоху веры, удавалось пробуждать подобные чувства, которые даже тогда создавали социальные основы, поистине очень хрупкие.

Как бы то ни было, мы должны признать, что судьба слабых и плохо приспособляющихся личностей, конечно, неизмеримо суровее в странах полной свободы и равенства (например, в Соединенных Штатах), чем в странах с аристократическим образом правления. Говоря о Соединенных Штатах в своем труде о народном правительстве, выдающийся английский историк Мен выражается так: «До сих пор не было общины, где слабые были бы так безжалостно прижаты к стене, где все преуспевающие в жизни не принадлежали бы поголовно к расе сильных, и где в такое короткое время выросло бы такое большое неравенство частных состояний и домашней роскоши».

Очевидно, это неудобства, присущие всякому режиму, имеющему своим основанием свободу, и все же они составляют неизбежное условие прогресса. Единственным вопросом, который можно себе поставить, является такой: следует ли жертвовать необходимыми элементами прогресса, принимать в соображение только непосредственный и видимый интерес толпы и непрерывно, всякими насильственными средствами, бороться с последствиями неравенства, которые природа упорно повторяет из поколения в поколение?

«Кто прав, — пишет Фулье¹, — аристократический ли индивидуализм или демократическая солидарность? Кто лучше, хотя бы в практическом отношении — один Мольер или две сотни хороших учителей? Кто оказал больше услуг — Фултон и Уатт или сотня обществ взаимной помощи? Очевидно, индивидуализм возвышает, демократия принижает: очевидно, человеческий цветок растет на навозе человечества. Однако, эти создания, посредственные, бесполезные, с низкими инстинктами, с завистливыми часто сердцами, с умами пустыми и тщеславными, подчас опасными, всегда глупыми — все же человеческие создания!»

В теории можно предположить обратное действие естественных законов и приносить в жертву сильных, составляющих меньшинство, в пользу слабых, составляющих большинство. К этому сводится мечта социалистов, если отбросить их пустые формулы.

Предположим на минуту осуществление этой мечты. Вообразим человека, заключенного в такую сеть правил и ограничений, предлагаемых социалистами. Уничтожим конкуренцию, капитал и умственные способности. Чтобы удовлетворить уравнительным теориям, представим себе народ в том состоянии крайней слабости, благодаря которому он может сделаться жертвой первого же неприятельского нашествия. Разве народ выиграет что-нибудь от этого, хотя бы на короткое время?

Увы, нисколько! Он от этого вначале ничего бы не выиграл, а вскоре потерял бы все. Только под влиянием высших умов достигается прогресс, обогащающий всех работников, и только под их управлением может действовать столь сложный механизм современной цивилизации. Без высших умов великая страна вскоре стала бы телом без души. Завод без строившего его и направляющего его инженера проработал бы недолго. С ним случилось бы то же самое, что с судном, лишенным офицеров: это будет игрушка волн, которая разобьется о первую попавшуюся скалу. Без могущественных и сильных будущее посредственностей и слабых оказалось бы более жалким, чем оно было когда-либо прежде.

Такие заключения с очевидной ясностью вытекают из рассуждений. Но не всем умам доступна эта доказательность, так как такого опыта еще не было произведено. А одними аргументами никак не убедишь приверженцев социалистической веры.

Так как демократия по самой сущности своих принципов благоприятствует свободе и конкуренции, которые не-

¹ Андре де Фулье — литератор, драматический автор, сотрудник различных журналов.

избежно служат торжеству наиболее способных, между тем как социализм мечтает об уничтожении конкуренции, исчезновении свободы и общем уравнивании, следовательно, между принципами социалистическими и демократическими существует очевидное и непримиримое противоречие.

Это противоречие современные социалисты начинают уже, по крайней мере, инстинктивно, прозревать, но ясно осознать они его не могут при своем предвзятом мнении о равенстве способностей у всех людей. Из этого чувства инстинктивного, смутного и чаще всего бессознательного, но, тем не менее, весьма реального, и родилась их ненависть к демократическому режиму, ненависть гораздо более сильная, чем та, какую революция распространила на весь старый режим. Нет ничего менее демократичного, как идея социалистов об уничтожении последствий свободы и естественных неравенств посредством неограниченно деспотического режима, который упразднил бы всякую конкуренцию, назначил бы одинаковую заработную плату и способным и неспособным и непрерывно разрушал бы законодательными мерами социальные неравенства, происходящие от неравенства естественных дарований.

В настоящее время нет недостатка в льстецах, готовых уверять толпу в легкости осуществления такой мечты. Эти опасные пророки думают, что они проживут достаточно долго, чтобы воспользоваться плодами своей популярности, и недостаточно долго для того, чтобы события обнаружили их обман. Таким образом, им терять нечего.

Этот конфликт между демократическими идеями и стремлениями социалистов еще не очень заметен для обыкновенных умов, и большинство смотрит на социализм как на неизбежный исход, предвиденное следствие демократических идей. На самом же деле нет политических понятий, отделенных друг от друга большей пропастью, чем демократия и социализм. Во многих пунктах совершенно не верующий в Бога гораздо ближе к набожному человеку, чем социалист к демократу, верному принципам революции. Разногласия между обеими доктринами еще только начинают выясняться, но вскоре они обнаружатся вполне, и тогда произойдет жестокий разрыв.

Итак, на самом деле конфликт существует не между демократией и наукой, а между социализмом и демократией. Демократия косвенно породила социализм и от социализма, быть может, и погибнет.

Не следует и помышлять, как то иногда предлагают, о предоставлении социализму возможности производить свои опыты, чтобы сделать очевидной его слабость. Немедленно он породил бы цезаризм, который быстро уничтожил бы все демократические учреждения.

Не в будущем, а теперь демократы должны вести войну со своим опасным врагом — социализмом. Он представляет такую опасность, против которой должны соединиться все партии без исключения и с которой ни одна из них — республиканцы менее, чем другие — никогда не должна мириться. Можно оспаривать теоретическое достоинство учреждений, нами управляющих, можно желать, чтобы ход вещей был другим, но такие желания должны оставаться платоническими. Перед общим врагом все партии должны соединиться, каковы бы ни были их стремления. Шансы выиграть что-нибудь с переменной режима для них очень слабы при опасности все потерять.

Конечно, с теоретической точки зрения, демократические идеи имеют не более прочное научное основание, чем идеи религиозные. Но этот пробел, когда-то не имевший никакого влияния на судьбу последних, точно так же не может оказать задерживающего влияния на судьбу первых. Склонность к демократии присуща ныне всем народам, какова бы ни была у них форма правления. Поэтому в данном случае мы находимся перед одним из тех великих социальных течений, задержать которые было бы напрасной попыткой. В настоящее время главным врагом демократии, единственно способным ее победить, является социализм.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА НАРОДОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ

§ 1. *Естественная борьба между индивидами и видами.* Всеобщая борьба живых существ составляет постоянный закон природы. Она составляет необходимое условие прогресса. Нетерпимость природы к слабым.

§ 2. *Борьба народов.* Постоянная борьба народов между собой с начала исторических времен. Право сильного было всегда вершителем их судеб. Почему сила и право составляют тождественные понятия. Как могут иногда существовать маленькие государства. Границы права народов измеряются силой, которой они располагают для его защиты. Как цивилизованные народы применяют к неграм вышеозначенные принципы. Значение рассуждений богословов и филантропов. Право и справедливость в международных отношениях. Почему борьба между народами в будущем, вероятно, станет более острой, чем в прошлом.

§ 3. *Борьба общественных классов.* Исконность этой борьбы. Ее необходимость. Почему она не только не уменьшается, но должна возрастать. Бесполезные попытки религий уничтожить борьбу между классами. Рознь между классами в действительности гораздо глубже, чем прежде. Программа борьбы социалистов. Взаимное непонимание противоположных партий. Значительная роль заблуждения в истории.

§ 4. *Социальная борьба в будущем.* Ожесточенность борьбы с социалистами. Борьба в Соединенных Штатах. Труд-

ность для старых обществ борьбы в будущем для самозащиты. Распадение их армий.

§ 1. ЕСТЕСТВЕННАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ИНДИВИДАМИ И ВИДАМИ

Единственный пример, какой природа сумела найти для улучшения видов, заключается в том, что она производит гораздо больше существ, чем может прокормить, вызывая между ними постоянную борьбу, в которой наиболее сильные, наиболее приспособленные одни могут удержаться. Борьба ведется не только между различными видами, но и между индивидами одного и того же вида, и в последнем случае часто бывает наиболее сильной.

Благодаря этому приему естественного подбора совершенствовались существа с сотворения мира, развился из несовершенных типов геологических времен человек и медленно возвысились до цивилизации наши дикие предки пещерного периода. С точки зрения наших чувств, закон борьбы за существование, сохраняющий наиболее способных, может показаться весьма варварским. Не следует, однако, забывать, что не будь его, нам пришлось бы еще до сих пор в самых печальных условиях отбивать с сомнительным успехом добычу у всех животных, которых теперь нам удалось подчинить себе.

Борьба, на которую обречены природой все существа, созданные ею, происходит всюду и всегда. Везде, где нет борьбы, не только нет движения вперед, а наоборот, замечается быстрое движение назад.

Показав нам борьбу, происходящую между всеми живыми существами, натуралисты знакомят нас с борьбой, происходящей внутри нас.

«Различные части тела живых существ, — пишет Кунстлер, — не только не оказывают друг другу содействия, но между ними, напротив того, происходит постоянная борьба. Всякое развитие одной из них ведет за собой соответственное уменьшение степени важности других. Иначе говоря, всякое усиление одной части производит ослабление других...

Жофруа Сент-Илер уже подметил главные очертания этого явления, устанавливая свой принцип равновесия органов. Современная теория фагоцитоза прибавляет к этому принципу мало нового, но с большей точностью определяет процесс, происходящий при этом явлении...

Борются между собой не только органы, но и все их части, каковы бы они ни были. Например, существует борьба между тканями и между элементами одной и той же ткани. Развитие слабейших вследствие этого замедляется или останавливается; они безжалостно могут быть принесены в жертву сильным, которые, вследствие этого, становятся еще более цветущими...

Дело, кажется, происходит таким образом, как будто бы живые организмы располагают для расходования лишь определенной дозой развивательной силы. Если же, благодаря какому-нибудь искусственному вмешательству, эта сила развития присваивается одному какому-нибудь органу или аппарату, то другие органы вследствие этого задерживаются в своем развитии и даже подвергаются опасности погибнуть».

«Постоянно, — пишет со своей стороны Дюкло, — в колонии клеточек, составляющих живое существо, есть больные и умирающие индивиды, есть клетки уже ослабевшие и обреченные в общих интересах на исчезновение, даже раньше совершенного омертвения. Это дело опять-таки поручается лейкоцитам, организованным для постоянной борьбы с теми клеточками, между которыми они циркулируют. Они всем им угрожают, и как только одна из клеточек ослабевает в своем сопротивлении, все равно по какой причине, все соседние лейкоциты бросаются на нее, захватывают, убивают, переваривают и уносят с собой оставшиеся от нее элементы. Постоянным режимом нашего организма является не мирное, а военное положение и притеснение всего слабого, больного и старого. В этом отношении природа дает нам свой обычный урок жестокости».

Итак, природа исповедует безусловную нетерпимость к слабости. Все слабое сейчас же обрекается ею на гибель. Она уважает только силу.

Так как умственные способности находятся в тесной связи с массой мозгового вещества, которой обладает индивид, то, следовательно, в природе права живого существа находятся в тесной связи с объемом его мозга. Только в силу большей величины своего мозга человек мог присвоить себе право убивать и есть менее его совершенные существа. Если бы можно было справиться у последних, то, конечно, они ответили бы, что естественные законы очень прискорбны. Единственным утешением им может служить то соображение, что природа полна совершенно таких же прискорбных, роковых законов. С более развитым мозгом съедобные животные сумели бы, быть может, войти в соглашения между собой, чтобы избежать ножа мясника; но этим они немного бы выиграли. Такой участи подверглись бы они, будучи предоставлены самим себе и лишены возможности рассчитывать на корыстный и, следовательно, весьма внимательный уход за ними скотоводов? В странах еще девственных они могли бы найти подножный корм на лугах, но там они встретили бы также и зубы плотоядных животных, а избегнув их, не избегли бы медленной смерти от голода, как только стали бы слишком стары, чтобы снискивать себе пропитание и отбивать его у себе подобных.

Природа, однако, одарила слабые существа верным средством к продолжению рода из века в век наперекор их врагам, наделив их плодовитостью, которая способна пресытить всех этих врагов. Так как каждая самка сельди в течение года выметывает более 60.000 икринок, то всегда спасается достаточное для продолжения рода количество молодых селедков.

Природа как будто проявляет даже столько же бдительности для обеспечения продолжения самых низших видов,

самых мелких паразитов, как и для того, чтобы обеспечить существование самых высших существ. Жизнь величайших гениев для природы имеет не больше значения, чем существование самых жалких микробов. Она ни доброжелательна, ни жестока. Она заботится лишь о роде и остается безразличной, поразительно безразличной к отдельным индивидам. Наши идеи о справедливости ей совершенно чужды. Можно выступать против ее законов, но поневоле приходится с ними жить.

§ 2. БОРЬБА НАРОДОВ

Удалось ли человеку упразднить жестокие по отношению к нему самому законы природы, которым подчинены все живые общества? Смягчила ли цивилизация хоть немного отношения между народами? Стала ли борьба среди человечества менее острой, чем между различными видами?

История показывает нам обратное. Она говорит нам, что народы пребывали в постоянной борьбе и что с начала мира право сильного было всегда единственным вершителем их судеб.

Этот закон существовал в древнем мире точно так же, как и в современном. Ничто не указывает на то, что он не будет существовать также и в будущем.

Без сомнения, в настоящее время нет недостатка в богословах и филантропах, чтобы выступать против этого умолимого закона. Мы обязаны им многочисленными книгами, где в красноречивых фразах они настойчиво призывают к праву и справедливости, как к высшим божествам, якобы управляющим миром с высоты небес. Но факты всегда опровергали эту пустую фразеологию. Эти факты говорят нам, что право существует только тогда, когда есть сила, необходимая для того, чтобы заставить его уважать. Нельзя сказать, что сила выше права, так как сила и право — тождественны. Там, где нет силы, не может быть никакого права¹. Никто, я думаю, не сомневается, что если бы любая страна, полагаясь на право и справедливость, захотела распустить свое войско, то она немедленно была бы захвачена, разграблена и поработана своими соседями. Если теперь слабые государства, такие, как Турция, Греция, Марокко, Португалия, Испания и Китай могут кое-как существовать, то лишь благодаря соперничеству сильных народов, которые были бы не прочь овладеть ими. Принужденные считаться с равными себе по силе соперниками, великие державы могут поживиться за счет слабых стран лишь с осторожностью, только по частям овладевая их провинциями. Датские герцогства, Босния, Мальта, Кипр, Египет, Трансвааль, Куба, Филиппины и т. д. и были таким образом по очереди отняты у владевших ими наций.

Никакой народ не должен в настоящее время забывать, что границы его прав точно определены силами, имеющимися у него для их защиты. Единственное признанное за бараном право — это служить пищей для существ, обладающих большим мозгом, чем он. Единственное право, признанное за неграми — это видеть свою страну захваченной и разграбленной белыми и быть уложенными на месте ружейными выстрелами в случае сопротивления. Если сопротивления нет, то белые ограничиваются захватом их имущества и затем заставляют их работать из-под кнута для обогащения своих победителей. Такова была когда-то история туземцев Америки, такова ныне судьба обитателей Африки. Таким образом негры узнали, во что им обходится слабость. Чтобы доставить удовольствие филантропам, пишущим книги, расточают красноречивые фразы о несчастной судьбе этих народностей, а потом обстреливают их картечью. Благосклонность доводят даже до того, что к ним посылают миссионеров, карманы которых набиты библиями и бутылками алкоголя, для того, чтобы ознакомить их с благами цивилизации.

Итак, оставив в стороне ребяческую болтовню богословов и филантропов, мы признаем как постоянно наблюдаемый факт, что созданные человеком законы оказались совершенно бессильными изменить законы природы и что именно эти последние управляют по-прежнему отношениями между народами. Всякие теоретические рассуждения о праве и справедливости тут совершенно не при чем. Отношения между народами теперь такие же, какими были с начала мира, как только сталкиваются различные интересы или просто когда какая-нибудь страна возьмется желать увеличить свои пределы. Право и справедливость никогда не играли никакой роли, когда дело шло об отношениях между народами неравной силы. Быть победителем или побежденным, охотником или добычей — таков всегда был закон. Фразы дипломатов, речи ораторов напоминают взаимные расшаркивания светских людей, как только они облеклись во фрак. Они наперерыв будут стараться дать вам пройти первым и справляться с сердечной симпатией о здоровье всех ваших самых дальних родственников. Но стоит только возникнуть какому-нибудь обстоятельству, задевающему их интересы, как все эти деланные чувства исчезнут. Тогда наперерыв все будут стараться пройти первыми, хотя бы пришлось, как на пожаре «Благотворительного базара» или при крушении «Бургундии», растоптать каблуками или убить дубинами мешающих им женщин и детей. Как исключения встречаются, конечно,

¹ Неоспоримо, однако, что начинают обрисовываться очертания будущего международного права, основанного на общественном мнении. Оно становится уже достаточно сильным, чтобы заставлять правителей считаться с ним. Не подлежит сомнению, например, что англичане никогда и не подумали бы высадиться в Кале с целью им завладеть, когда в 1870 году французы были беззащитны. Несколько веков тому назад такое вторжение сочли бы весьма естественным. Одним из поводов, помешавших императору Вильгельму на другой день после поражения русских воспользоваться случаем объявить французам войну с целью завладеть несколькими провинциями, было единодушное осуждение, вызванное несчастной распрей из-за Марокко. Народы, однако будут поступать весьма мудро, если для самозащиты станут гораздо больше рассчитывать на силу своих пушек, чем на столь еще ограниченное могущество общественного мнения.

отважные натуры, готовые на самопожертвования ради себе подобных, но они так редки, что их считают героями, и имена их заносятся на скрижали истории.

Имеются лишь слабые основания думать, что в будущем борьба между народами станет менее напряженной, чем в прошлом. Наоборот, существуют очень веские основания предполагать, что она будет гораздо более жестокой. Когда нации были отделены друг от друга большими расстояниями, преодолевать которые наука не дала еще средств, поводы к столкновениям были редки; теперь же они все более и более учащаются. Раньше международная борьба вызывалась преимущественно династическими интересами или фантазиями завоевателей. В будущем же ее главными побудительными причинами явятся великие экономические интересы, от которых зависит сама жизнь народов и силу которых мы уже показали. Ближайшие войны между нациями будут настоящей борьбой за существование, которая будет оканчиваться едва ли не полным уничтожением одной из воюющих сторон. Последняя война в Трансваале¹ могла служить этому весьма характерным примером.

¹ Имеется в виду англо-бурская война 1899–1902 гг.

Одно время англичане, думая, что они смогут окончить войну лишь совершенным уничтожением буров, приняли для достижения этой цели очень действенные меры. Всюду, куда проникали их отряды, деревни, фермы и жатвы сжигались, жители, в том числе женщины, старики и дети, уводились в плен. Их помещали в особые ограда, называемых «сборными лагерями», где полуголые, открытые всякой непогоде и получая заведомо недостаточное количество пищи, они очень скоро умирали. Число пленников в сентябре 1901 г. равнялось 109.000, а по официальным статистическим данным годовая смертность в июне была 109 человек на тысячу, в июле — 180, в августе — 214 и в сентябре — 264 на тысячу. Прогрессия ясна. С детьми (имея в виду будущее), устроили так, чтобы их смертность была еще выше: она дошла до 433 на тысячу, а это значит, что если бы война продолжилась еще два года, то дети исчезли бы совсем. Стоимость пропитания этого населения составляла по документам, доставленным английскими газетами, 19 сантимов в день на каждого.

Все это весьма важные истины, скрывать которые нет никакого интереса, и само желание скрыть чрезвычайно опасно. Для всякого, я думаю, будет достаточно очевидно, что испанцам оказали бы большую услугу, убедительно внушив им двадцать пять лет тому назад, что как только они будут достаточно ослаблены внутренними раздорами, сразу какой-нибудь народ воспользуется первым представившимся предложением, чтобы овладеть их последними колониями и сделает это без труда, несмотря на молитвы монахов и покровительство католических святых. Быть может, тогда они поняли бы, как было бы для них полезно устраивать поменьше революций, произносить меньше речей и организовать свою оборону так, чтобы всякая мысль о нападении отпадала сама собой. Маленький, но достаточно энергичный народ всегда сумеет отлично защитить себя. Многие нации затрачивают ныне целую треть своего бюджета на военные расходы, и эта страховая премия против нападения их соседей оказывалась бы, конечно, не чрезмерной, если бы только она расходовалась всегда надлежащим образом.

§ 3. БОРЬБА ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ

Коллективисты приписывают своему теоретику, Карлу Марксу, удостоверение того факта, что в истории господствует борьба между классами из-за экономических интересов, а также утверждение, что борьба должна исчезнуть вследствие поглощения всех классов одним рабочим классом.

Первый пункт — классовая борьба — вещь общеизвестная и старая, как мир. Уже в силу одного неравного распределения богатств и власти, являющегося последствием естественной разницы в способностях и даже просто в общественных потребностях, люди всегда делились на классы, интересы которых неизбежно были более или менее противоположны друг другу, что вызывало борьбу. Но мысль, что эта борьба может прекратиться, — это такое химерическое представление, которое противоречит всякой действительности и осуществлению которого никак не следует и желать. Без борьбы живых существ, рас и классов, одним словом, без всеобщей войны человек никогда не вышел бы из первобытного дикого состояния и не возвысился бы до цивилизации.

Значит, склонность к борьбе, руководящая, как мы уже видели, отношениями между животными и между народами, управляет также взаимными отношениями между индивидами и между классами.

«Стоит только, — пишет Б. Кидд, — посмотреть вокруг себя, чтобы увидеть, что постоянное соперничество человека с подобными себе становится преобладающей чертой нашего характера. Ее можно найти во всех частях социального здания. Если мы рассмотрим побуждения ежедневных действий, как наших, так и окружающих нас лиц, то должны будем признать, что первой и главной мыслью большинства из нас является вопрос, как защитить себя среди общества. Технические орудия промышленности смертоноснее мечей».

И эта борьба происходит не только между классами, но и между индивидами одного и того же класса, и в последнем случае, как и в природе, она является самой ожесточенной. Сами социалисты, хотя иногда и объединенные одной общей целью — разрушением современного общества, не могут в собраниях своих обойтись без самых шумных разногласий.

Борьба теперь более ожесточенна, чем когда-либо. Такая ожесточенность явилась вследствие многих причин и, между прочим, вследствие того, что мы преследовали призраки справедливости и равенства, природе неизвестные. Эти пустые формулы причиняли и будут причинять человеку больше зла, чем все бедствия, на которые он обречен судьбой.

«Не существует, — пишет вполне верно Буж, — социальной справедливости, потому что сама природа неодинакова. Несправедливость и неравенство начинаются с колыбели.

От колыбели до могилы естественное неравенство шаг за шагом следует за человеком, в течение всей его жизни произвольно сокращая или увеличивая ее благополучие или тягость.

Видов неравенства тысячи! Естественное неравенство, обусловливаемое случайностями рождения или наследственности, физические преимущества или недостатки, интеллектуальные несходства, неравенства судьбы волнуют жизнь человека и руководят ею в самых противоположных направлениях, вызывая всякие столкновения».

Гораздо ранее социализма религии также мечтали об уничтожении борьбы между народами, индивидами и классами; но чего они добились, кроме ожесточения той борьбы, которую хотели прекратить? Разве вызванные ими войны не были самыми жестокими, наиболее изобиловавшими политическими и социальными бедствиями?

Можем ли мы надеяться, что с движением цивилизации вперед борьба между классами ослабеет? Напротив, все

заставляет думать, что она скоро станет еще значительно более напряженной, чем в прошлом.

Причина такого вероятного ожесточения двойная: во-первых — все более и более усиливающаяся рознь между классами, а во-вторых — сила, которую новые формы ассоциации придают разным классам для защиты их требований.

Первый пункт почти не подлежит спору. Различия между классами, например, между рабочими и хозяевами, собственниками и пролетариями, очевидно, более резки, чем те, какие разделяли некогда касты, например, народ и дворянство. Преграда, созданная рождением, считалась тогда непреодолимой. Как установленная божественной волей, она признавалась без спора. Сильные злоупотребления, правда, порождали иногда возмущения, но последние были направлены лишь против этих злоупотреблений, а не против установленного порядка.

Теперь совсем не то. Возмущения направлены не против злоупотреблений, которых теперь меньше, чем когда-либо, но именно против всего общественного строя. В настоящее время социалисты стремятся разрушить буржуазию просто для того, чтобы занять ее место и овладеть ее богатствами.

«Цель, — как справедливо говорит Буаллей, — выражена ясно: попросту говоря, речь идет о создании народного класса для лишения буржуазии ее имущества. Хотят бедного натравить на богатого, а плодом завоевания явятся награбленное у побежденных. Тимур и Чингиз-Хан увлекали свои полчища такими же побуждениями».

Завоеватели действительно так и поступали, но те, которым грозило завоевание, отлично знали, что единственным их шансом уцелеть являлась энергичная самозащита, тогда как теперь противники этих современных варваров лишь ведут с ними переговоры и думают продолжить немного свое существование рядом уступок, чем они только поощряют нападающих и вызывают их презрение.

Эта борьба будущего усложнится еще тем, что она не будет вызвана, подобно завоевательным войнам, только желанием воспользоваться добычей, отнятой у врагов, которыми после победы над ними переставали интересоваться. Ныне царит бешеная ненависть между сражающимися. Она все более и более облекается как бы в религиозную форму и принимает тот специальный характер жестокости и неуступчивости, которым всегда отличаются правверные.

Мы уже видели, что одной из сильнейших причин современной ненависти между классами служат весьма превратные понятия друг о друге враждующих партий. Изучая основания наших верований, мы в достаточной мере показали, до какой степени взаимное непонимание преобладает в сношениях между людьми, а поэтому мы убеждены, что устранить это непонимание невозможно. Самые ожесточенные войны, самые кровавые религиозные распри, глубоко изменившие облик цивилизаций и империй, чаще всего имели поводом взаимное непонимание враждовавших сторон и ложность их понятий.

Сама ошибочность идей иногда и составляет их силу. При достаточном повторении самое явное заблуждение становится для толпы непреложной истиной. Ничто так легко не принимается, как заблуждение, а раз оно пустило корни, то приобретает всемогущество религиозных догматов. Оно внушает веру, а вере ничто не может сопротивляться. Понятия самые ошибочные натравили в Средние века часть Запада на Восток; в силу таких же понятий наследники Магомета основали свою могущественную империю, а позднее Европа была предана огню и мечу. Ложность идей, вызвавших эти перевороты, ясна теперь даже для детей. Теперь они представляются неясными словами, утратившими с веками свое значение до такой степени, что мы уже не в состоянии понять их прежнего огромного обаяния. А между тем, это обаяние было всеильно, так как был момент, когда самые ясные рассуждения, самые очевидные доказательства не могли бы его превозмочь. Только время, но никак не разум рассеяло эти химеры.

Ошибочные понятия, обманчивые слова оказывали обаятельное действие не только в старые времена. Народная душа изменилась, но ее верования все так же ложны, руководящие ею слова так же обманчивы. Заблуждение под новыми именами сохраняет такую же магическую силу, как и в прежние времена.

§ 4. СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В БУДУЩЕМ

Борьба между классами, ставшая неизбежной вследствие неумолимых законов природы, ожесточится вследствие новых условий цивилизации, непонимания, управляющего взаимными отношениями этих классов между собой, все возрастающей розни в их интересах и в особенности — в их идеях. Несомненно, предстоит классовая борьба более ожесточенная, чем когда-либо. Приближается час, когда общественный строй подвергнется такому страшному натиску, какому он никогда не подвергался.

Современные варвары грозят не только владельцам имущества, но даже самой нашей цивилизации. Она им представляется только покровительницей роскоши и бесполезным усложнением жизни.

Никогда проклятия их вожаков не были такими яростными; никогда народ не раздражался такими проклятиями, когда безжалостный враг угрожал его очагам» и богам. Самые мирные социалисты ограничиваются требованием экспроприации имущества буржуазии. Самые пылкие желают полного ее уничтожения. По словам одного из них, сказанным на конгрессе и приведенным в книге Буаллея, «кожа гнусных буржуа годна разве на выделку перчаток».

У этих вожаков, по мере возможности, дело идет об руку со словом. Подсчет преступлений, совершенных за последние пятнадцать лет в Европе застрельщиками социалистической партии, очень знаменателен. Пять глав государств, в числе их одна императрица, убиты, двое других ранены, около двенадцати начальников полиции убиты, а число людей, погибших от взрывов дворцов, театров, домов и железнодорожных поездов, весьма значительно.

Жертвами одного из этих взрывов, в театре Лисео в Барселоне, сделались восемьдесят три человека; взрыв Зимнего дворца в Петербурге убил восемь человек и ранил сорок пять. В Европе насчитывается около 40 журналов, поддерживающих это возбуждение. Ярость этих отдельных нападений может дать понятие о той дикой свирепости, с какой будет происходить борьба, когда она станет общей.

Конечно, и в прошлом бывали такие же жестокие схватки, но враждующие силы действовали при совершенно других условиях, и защита общества была гораздо легче. Толпа не имела тогда политической власти. Она еще не умела организовываться в союзы и составлять таким образом армии, слепо повинующиеся приказаниям начальников с неограниченной властью. Что могут сделать такие синдикаты, видно из последней стачки в Чикаго¹. Она распространилась на всех железнодорожных рабочих Соединенных Штатов, и результатом ее явился пожар выставочного дворца и огромных заводов Пульмана². Правительство одержало над нею верх лишь приостановив публичную свободу, введя военное положение и дав бунтовщикам настоящее сражение. Расстрелянные без всякой жалости картечью, забастовщики были побеждены; но можно себе представить» какой ненавистью должна быть полна душа уцелевших.

По видимому, Соединенные Штаты должны будут дать Старому Свету первые примеры такой борьбы, в которой уму, способностям и богатству будет противопоставлена эта ужасная армия неприспособленных, о которых нам вскоре придется говорить, этих отбросов общества, число которых страшно возросло вследствие современного развития промышленности.

Что касается Соединенных Штатов, то там борьба, вероятно, окончится разделением их на несколько соперничающих республик. Мы не имеем надобности заниматься их судьбой; Она интересует нас лишь в качестве примера. Быть может, этот пример спасет Европу от полного торжества социализма, т. е. от возвращения к самому постыдному варварству.

Социальный вопрос в Соединенных Штатах в значительной степени усложнится еще тем обстоятельством, что великая республика разделена на области с совершенно противоположными интересами и, следовательно, находящимися во взаимной борьбе. Это отлично выразил де Вариньи³ в следующих строках:

«Вашингтон остается той нейтральной и нейтрализованной почвой, где разрешаются политические вопросы; это не тот город, где возникают и проводятся эти вопросы. Жизнь протекает не там; единство не завершено, однородности не существует. Под видом наружного единения великого народа — а единение не есть единство — таятся глубокие разногласия, различие интересов, стремления, идущие вразрез друг другу. Все это резче выступает по мере того, как события идут вперед и создается история; подтверждается это такими фактами, как война Северных Штатов с Южными, поставившая Союз на край гибели.

Если присмотреться ближе к этой огромной республике, которую только Россия и Китай превосходят обширностью территорий и которая по численности населения занимает пятое место в мире, нас поразит прежде всего факт географической и коммерческой группировки, вследствие которой Штаты делятся на три части: Южные, Северо-западные и Тихоокеанские, да и то между Севером и Западом существуют поводы к раздору. Между этими группами вследствие различия в интересах возникают несовместимые требования, и в течение пятнадцати лет ищут, хотя и безуспешно, средство поддержать при общем тарифе жизнь и процветание таких отраслей промышленности, из которых каждая требует специальной нормировки. Юг производит сырье, сахар и волокно из хлопка. Север выдвигает мануфактуру. Западные Штаты занимаются земледелием, а Тихоокеанские — земледелием и горным делом. Поэтому действующая протекционная система разоряет Юг и стесняет Запад, обогащая Север, которому введение свободной торговли нанесло бы сильный удар.

Разногласия происходят не только в области материальных интересов. Север — республиканец, Юг — демократ; Север тяготеет к централизации. Юг поддерживает права отдельных Штатов; Север желает прочно организованной федеральной власти и властного Союза, а Юг требует автономии и права оспаривать федеральный договор. Север победил Юг, и побежденный не может простить победителю».

Не следует, однако, основывать на нескольких общих указаниях слишком точные предсказания относительно какой бы то ни было страны. Наша судьба еще покрыта непроницаемым туманом будущего. Иногда можно предчувствовать направление руководящих нами сил, но как несостоятельно желание определить их последствия или отклонить их течение! Мы видим только то, что защита старых обществ скоро станет очень трудным делом. Эволюция вещей подрывает основание воздвигнутого веками здания. Армия, последний устой этого здания, единственно могущий его еще поддержать, с каждым днем рассыпается, и ее злейшие враги набираются теперь из рядов образованных людей. Наше неведение некоторых неоспоримых психологических истин, неведение, которое повергнет в изумление историков будущего, привело большую часть европейских государств к совершенному почти отказу от своих оборонительных средств. Мы заменили профессиональные армии, подобные той, какой вполне справедливо

¹ Имеется в виду так называемая Чикагская трагедия, когда на митинге 4 мая 1886 года террористами была подложена бомба.

² Имеется в виду стачка 1894 г. на вагоностроительных заводах Пульмана, перекинувшаяся затем на железные дороги. Стачка была подавлена войсками и полицией при вмешательстве союзного правительства. Руководил стачкой Е. Дебс, позже ставший организатором социал-демократической партии.

³ Генри де Вариньи — доктор медицины, преподаватель, сотрудник министерства Военно-морских сил, редактор газеты «Темпс». Основная работа «Исследования в области Эволюции» (1892).

довольствуется до сих пор Англия, недисциплинированными толпами, думая, что их могут в несколько месяцев научить одному из самых трудных ремесел. Научить военным упражнениям миллионы людей — еще не значит сделать из них настоящих солдат. Таким образом фабрикуются лишь недисциплинированные банды, нестойкие и ничего не стоящие, более опасные для своих будущих военачальников, чем для своих врагов.

По причинам чисто нравственного порядка, очевидно, невозможно уничтожить всеобщую воинскую повинность, имеющую, впрочем, то преимущество, что благодаря ей усваивают некоторую дисциплину люди, почти совсем ее не имеющие: но можно пойти на очень простой компромисс: довести срок обязательной службы до одного года и наряду с этим иметь постоянную армию от 200.000 до 300.000 человек, сформированную, как в Англии, из наемных волонтеров, которые избрали бы военную карьеру своей постоянной профессией.

Опасность недисциплинированной толпы с точки зрения общественной обороны заключается не только в ее непригодности к военному делу, но и в том духе, которым она проникнута. Профессиональные армии составляли специальную касту, заинтересованную в защите общественного порядка и на которую общества могли опираться для своей обороны. Разве могут возникнуть подобные чувства у толпы, проводящей в полку время, необходимое лишь для того, чтобы испытать на себе все неприятности военного ремесла и получить к нему отвращение? Выйдя из заводов, мастерских и верфей, чтобы вскоре снова туда вернуться, какую пользу эти люди могут принести защите общественного строя, на который они слышат постоянные нападки и который все более и более возбуждает их ненависть? Тут-то и кроется опасность, которой правительства еще не видят и на которой, следовательно, бесполезно было бы настаивать. Сомневаюсь, однако, чтобы какое-нибудь европейское общество могло долго просуществовать, не имея постоянной армии и опираясь лишь на рекрутов, набираемых в силу всеобщей воинской повинности. Без сомнения, эта всеобщая повинность удовлетворяет нашу непреодолимую потребность в дешевом равенстве; но разве можно допустить, чтобы удовлетворение такой потребности могло отодвинуть на задний план вопрос о самом существовании народа?

Будущее разъяснит этот вопрос и нациям и правительствам. Опыт — единственная книга, которая может научить народы. Но, к несчастью, чтение ее всегда обходилось им ужасно дорого.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА СОЦИАЛИЗМА. НЕПРИСПОСОБЛЕННЫЕ

§ 1. *Размножение неприспособленных.* Определение этого понятия. Условия, вызывающие ныне их размножение. Неприспособленные в промышленности, науке, искусствах. Опасность их нахождения в среде общества. Каким образом современное развитие промышленности увеличивает число их с каждым днем. Конкуренция между ними. Влияние такой конкуренции на крайнее понижение заработной платы в легких ремеслах. Физическая невозможность найти средства против этого понижения. Постепенное исключение неспособных из всех отраслей промышленности. Различные тому примеры.

§ 2. *Неприспособленные вследствие вырождения.* Плодовитость дегенератов. Опасности, грозящие обществам от дегенератов в настоящем и будущем. Значение задач, создаваемых их присутствием. Дегенераты — верный источник пополнения рядов социалистов.

§ 3. *Искусственное производство неприспособленных.* Неприспособленные вследствие искусственно созданной неспособности. Их производит в большом количестве современное латинское воспитание. Каким образом образование, долженствовавшее служить целебным средством от всех зол, имело последствием создание множества неудачников. Невозможность использовать армию окончивших среднее и высшее образование и оставшихся не у дел. Антидемократические чувства ученого сословия. Современные иллюзии относительно результатов школьного образования. Значительная роль школьных учреждений в готовящихся социальных погромах.

§ 1. РАЗМНОЖЕНИЕ НЕПРИСПОСОБЛЕННЫХ

Из наиболее важных, характерных черт нашего времени нужно отметить то, что в составе общества находятся такие лица, которые почему-либо не могли приспособиться к требованиям современной цивилизации, и потому не нашли себе в ней места. Они образуют непригодный для полезного употребления отброс. Это — люди неприспособленные.

Во всех обществах было всегда некоторое число таких людей, но оно никогда не достигало такой значительной цифры, как в настоящее время. Неприспособленные в области промышленности, науки, ремесел и искусств образу-

ют армию, возрастающую с каждым днем. Несмотря на различие их происхождения, они связаны общим всем им чувством ненависти к цивилизации, в которой они не могут найти себе места. При всякой революции, какую бы цель она ни преследовала, эти люди явятся по первому зову. Среди них и вербует социализм своих наиболее пылких поборников.

Их огромное число и присутствие их во всех слоях нашего общества делает их более опасными, чем были когда-то варвары для Римской империи. В течение долгого времени Рим умел защищаться от нападений извне. Современные варвары находятся внутри наших стен. Если они во время Коммуны не спалили Парижа дотла, то исключительно потому, что у них не хватило на это средств.

Нам не нужно доискиваться, каким образом на всех ступенях общественной лестницы появился этот отброс неприспособленных. Достаточно будет показать, что развитие промышленности способствовало быстрому увеличению их числа. Цифры, приведенные в одной из предыдущих глав, показали постепенное увеличение заработной платы в рабочих классах и распространение благосостояния в народных массах, но это общее улучшение распространилось лишь на категорию средних работников. А что за участь постигает тех, кого природная неспособность ставит ниже этой категории? Представленная нами блестящая картина общего улучшения тотчас же сменится картиной очень мрачной.

При старой системе корпораций, когда ремесленные цеха управлялись по уставам, ограничивавшим число мастеров и устранявшим конкуренцию, невыгоды слабых способностей обнаруживались не особенно сильно. Ремесленник, входивший в состав этих корпораций, вообще поднимался не очень высоко, но также и не спускался очень низко. Он не был одинок и не кочевал. Корпорация была для него семьей, и ни одной минуты в жизни он не оставался одиноким. Занимаемое им место могло быть незначительно, но он всегда был уверен, что будет иметь его, как ячейку в огромном общественном улье.

Сообразно с экономическими законами, управляющими современным миром, и с конкуренцией, представляющей собой закон производства, положение вещей сильно изменилось. Как весьма справедливо сказал Шейсон, «когда старинные связи, скреплявшие общества, распались, то песчинки, составляющие современные общества, повинуются известного рода индивидуальному давлению. Каждый человек, имеющий в борьбе за существование какое-либо превосходство над окружающими, будет возвышаться в воздухе, подобно пузырьку, наполненному легким газом, и никакая привязь не сдержит его подъема. Так же всякий человек, скудно одаренный нравственными качествами или мало обеспеченный материально, неизбежно упадет, причем никакой парашют не замедлит его падения. Это — торжество индивидуализма, не только освобожденного от всякого рабства, но и лишенного всякой опеки».

В переживаемую нами переходную эпоху неприспособленным по их неспособности еще удастся кое-как подерживать свое, хотя и очень плачевное, существование. Но и без того уже их нищенское положение должно неизбежно стать еще печальнее. Рассмотрим, почему это так.

В настоящее время во всех отраслях торговли, промышленности и искусства наиболее одаренные продвигаются очень быстро. Менее способные, находя лучшие места уже занятыми и будучи в состоянии (вследствие этой самой неспособности) давать труд лишь низшего качества, принуждены предлагать этот легко выполнимый труд за низкую плату. Но конкуренция среди неспособных гораздо напряженнее, чем среди способных, так как первые гораздо многочисленнее вторых и на несложную работу находится больше исполнителей, чем на трудную. Из этого следует, что неприспособленный для того, чтобы получить преимущество над соперниками, должен понизить требуемое им вознаграждение за свои изделия. Со своей стороны хозяин, покупатель этих посредственных изделий, назначаемых для потребителей невзыскательных, но многочисленных, конечно, старается заплатить за них возможно меньше, чтобы потом подешевле продать и расширить свой сбыт.

Таким образом, заработная плата доходит до того крайнего предела, за которым работник, жертва одновременно и малой своей пригодности, и экономических законов, должен умереть с голоду.

Эта система конкуренции на легкий труд между неприспособленными создала то, что англичане обозначили энергичным и верным выражением «sweating system»¹. В действительности это только продолжение старого «закона неумолимости», который социалистами заброшен несколько преждевременно, так как он всегда управляет работой неприспособленных.

«Sweating system, — говорит де Рузье, — царит беспрекословно там, где люди без достаточных способностей производят за свой счет общеупотребительные предметы низшего качества.

Эта система проявляется во множестве форм: ее держится, например, портной, который, вместо того, чтобы выполнять заказы в своей мастерской, отдает работу на дом за самую низкую плату. Ее же практикует большой магазин, раздающий швейные работы бедным женщинам, которым дети и хозяйство не позволяют работать вне дома».

По той же «sweating system» ныне фабрикуются по низкой цене все обиходные предметы, продающиеся в магазинах, торгующих готовым платьем и мебелью; вследствие той же системы корсетницу, жилетницу, башмачницу, белошвейки и проч. дошли до того, что зарабатывают только от 1 фр. 25 сант. до 1 фр. 50 сант. в день, а некоторые мебельщики-краснодеревцы — всего около 3 фр. и т. д.

Нет ничего печальнее такой участи, но и нет ничего тяжелее того сцепления обстоятельств, которое делает ее неизбежной. Разве можно обвинять хозяина, заставляющего работать по низкой цене? Ничуть, ведь им управляет

¹ Потогонная система (англ.).

всесильный господин: покупатель. Если он увеличит заработную плату, то ему придется тотчас же набавить несколько су на рубашку, продаваемую за 2 фр. 50 сант., и на пару обуви в 5 фр. Немедленно покупатель его покинет, чтобы перейти к соседу, продающему дешевле. Предположим, что все хозяева по взаимному уговору повысят заработную плату. Но тогда иностранцы, продолжающие еще работать за меньшую цену, тотчас же завалят рынок своими произведениями, а это только ухудшит судьбу неприспособленных.

Рабочие, сделавшиеся жертвой этого рокового сцепления обстоятельств, думали, что нашли очень простое средство поправить дело — установив через посредство своих синдикатов определенные цены, понизить которые хозяин не может, не рискуя остаться совсем без рабочих. В своих требованиях они были поддержаны муниципалитетами больших городов, например, Парижа, установившими минимальные тарифы, ниже которых предприниматели общественных работ не имеют права оплачивать рабочих.

Эти определенные цены и тарифы до сих пор приносили больше вреда, чем пользы тем, кому они должны были покровительствовать, и послужили только доказательством того, насколько регламентация бессильна перед экономическими законами. Хозяева подчинились требованиям синдикатов в некоторых давно существующих отраслях промышленности, требующих сложного и дорого стоящего оборудования или искусных рабочих. В других, очень многочисленных отраслях, не отличающихся такой сложностью и не требующих такого искусства, это затруднение было тотчас же обойдено, и притом исключительно в пользу хозяев. Как пример, выбранный из бесчисленного множества подобных случаев, я приведу ремесло мебельных столяров-краснодеревцев в Париже. Раньше хозяева заставляли мастеров работать у себя в мастерских. Как только синдикаты предъявили свои требования, хозяева рассчитали три четверти своих рабочих, оставив у себя лишь наиболее способных, для выполнения срочных работ и починок. Тогда рабочему пришлось работать у себя дома, и так как у него других заказчиков кроме хозяина не было, то изготовленную мебель поневоле пришлось предлагать ему же. Ион, в свою очередь, мог ставить свои условия. Вследствие конкуренции французских и иностранных производителей, цены упали наполовину, рабочий со средними способностями, легко зарабатывавший в мастерской по 7 и 8 фр. в день, теперь с трудом может у себя на дому заработать 4 или 5 фр. Таким образом хозяин научился избавляться от социалистических требований. Публика получила возможность приобретать мебель, хотя и плохую, но за низкую цену. А рабочий, разорившись, смог, по крайней мере, убедиться, что экономические законы, управляющие современным миром, не могут быть изменяемы ни синдикатами, ни регламентами.

Что касается предпринимателей, которые вынуждены были принять тарифы, установленные муниципалитетами, то они подобным же образом обошли затруднение, принимая лишь наиболее способных рабочих, т. е. как раз тех, которые не нуждаются ни в каком покровительстве, потому что их способности обеспечивают им повсюду самые высокие заработки. Обязательные тарифы привели лишь к тому результату, что заставили предпринимателей устранить посредственных рабочих, прежде исполнявших у них второстепенные работы, правда, плохо оплачиваемые, но все же дававшие какой-нибудь заработок. В конце концов тарифы, имевшие целью оказывать покровительство рабочим, слабые способности которых нуждались в нем, обратились против них же и в результате сделали их положение гораздо более затруднительными, чем прежде.

Из этого вытекает то важное поучение, на которое указывал де Рузье, говоря о «sweating system»:

«Никакими средствами нельзя достигнуть того, чтобы личные качества для рабочего не имели значения».

Личные высокие качества составляют самый важный капитал, который следует увеличивать всеми средствами. Это должно бы лежать на обязанности воспитания. В латинских странах эта обязанность выполняется им очень плохо, в других же — очень хорошо. В одной статье газеты «Temps» от 18 января 1902 г., говорится, что французские железнодорожные компании принуждены покупать большое число паровозов и материала в Германии (почти на 40 млн. фр. в два года) не только потому, что там цены на 26% ниже, чем во Франции, но в особенности потому, что наши промышленники для выполнения требований недостаточно хорошо оборудованы. Почему мы оказываемся ниже требований? Просто потому, что личный состав, как управляющий, так и исполняющий, недостаточно способен. Наши приемы фабрикации устарели, оборудование несовершенно, рабочие посредственны и т. д. «Наше машиностроение, — говорится в вышеуказанной статье, — во всем далеко отстает от огромных успехов, сделанных нашими конкурентами за границей». Я уже несколько раз указывал в настоящем труде причины нашей несостоятельности, но никогда не будет лишним особенно настаивать на таком важном предмете. Наше будущее всецело зависит от улучшения нашей научной и промышленной техники.

Это-то в действительности и составляет самое очевидное последствие конкуренции, созданной современными экономическими потребностями. Если она не всегда обеспечивает победу самым способным, то вообще устраняет наименее способных. Эта формула приблизительно выражает закон естественного подбора, по которому происходит совершенствование видов по всей цепи живых существ, закон, от влияния которого человек еще не мог избавиться.

В этой конкуренции люди способные могут только выиграть, а неспособные только проиграть. Легко поэтому понять, отчего социалисты так желают ее устранения. Но предположив, что они могут уничтожить ее в тех странах, где добьются господства, как уничтожить ее там, где они не имеют никакого влияния, и откуда тотчас же, несмотря на всякие покровительственные тарифы, явились бы предметы производства и наводнили бы их рынки?

Изучая коммерческую борьбу между Востоком и Западом, а затем — между народами Запада, мы видели, что конкуренция — неизбежный закон настоящего времени. Она проникает решительно всюду, и все попытки что-либо

противопоставить ей еще более усиливают ее жестокость по отношению к ее жертвам. Она является сама собой, как только нужно улучшить какое-нибудь научное или промышленное предприятие, имеющее в виду частный интерес или общую пользу. Типичным примером ее последствий явился следующий случай, который я наблюдал сам и который в различных формах, должно быть, повторялся тысячи раз.

Один инженер из числа моих друзей был поставлен во главе большого предприятия, субсидируемого правительством и имевшего целью вновь произвести с большей точностью нивелировку одной области. Ему предоставлялась полная свобода выбора служащих и оплаты их труда при единственном условии — не превышать отпущенного годового кредита. Так как служащих было много, а кредит был невелик, то инженер сначала распределил было между ними поровну сумму, которой располагал. Удостоверившись, что работа была посредственной и шла медленно, он вздумал оплачивать труд служащих поурочно, установив автоматический контроль, позволявший проверять качество выполненной работы. Вскоре каждый способный работник был в состоянии выполнить один то количество работы, какое могли сделать трое или четверо обыкновенных работников, и, таким образом, он стал зарабатывать в три раза более, чем прежде. Неспособные или же только посредственные, не будучи в состоянии заработать достаточно для существования, устроились сами, и меньше чем через два года от ассигнованной государством суммы, едва достаточной в начале, образовался избыток в 30%. При этой операции государство с меньшими издержками получило лучше выполненную работу, а способные работники утроили свой заработок. Все были удовлетворены, кроме неспособных, устроившихся вследствие их малой способности. Этот результат, весьма благоприятный для государственных финансов и для прогресса, был очень неблагоприятен для неспособных. Как бы ни были велики симпатии к ним, можно ли допустить, чтобы ради их пользы нужно было жертвовать общими интересами?

Читатель, который захотел бы исследовать этот вопрос, вскоре понял бы всю трудность этой, одной из самых страшных, социальных задач, и все бессилие тех средств, которые предлагаются социалистами для ее разрешения.

Важность этой задачи ускользнула, впрочем, не от всех социалистов. Вот как выражается по этому поводу очень убежденный социалист Калаянни: «Эта армия безработных была создана капиталистической организацией для своих выгод, и во имя принципов справедливости она обязана давать этой армии средства к существованию. Эта обязанность не может быть ослаблена столь озобочивающим Гюстава Лебона увеличением числа неприспособленных. Вопрос справедливости не может быть изменен потому, что число заинтересованных в нем бесконечно. А если число неприспособленных страшно растет, то это верный признак того, что современная социальная организация имеет много недостатков и потоку необходимо ее преобразовать».

Читатель видит, насколько решение самых трудных задач может сделаться элементарно простым для латинских социалистов. Их общая формула «преобразовать общество» дает возможность решать все вопросы и водворять счастье на земле. На такие богословские души, поработанные верой и уже недоступные сомнению, не действуют никакие аргументы.

§ 2. НЕПРИСПОСОБЛЕННЫЕ ВСЛЕДСТВИЕ ВЫРОЖДЕНИЯ

К общественному слою неприспособленных, созданных конкуренцией, нужно прибавить множество дегенератов всякого рода: алкоголиков, рахитиков и т. д., жизнь которых, благодаря успехам гигиены, тщательно охраняется современной медициной. Как раз почти одни эти индивидуумы и отличаются чрезмерной, вызывающей опасение, плодовитостью, подтверждая тем уже отмеченный факт, что в настоящее время общества стремятся увековечить себя главным образом посредством своих низших элементов.

Возрастание алкоголизма во всей Европе общеизвестно. Число кабаков быстро растет повсюду; Франция не отстает в этом от других стран¹. Они составляют в настоящее время единственное развлечение для тысяч бедняков, единственный очаг, где они могут хоть несколько забыться, единственный центр общения, где хоть на мгновение они чувствуют некоторый просвет в своем, чаще всего, очень мрачном, существовании. Церковь их больше не привлекает, и что же останется им, если отнять у них и кабак? Алкоголь — это опиум нищеты. Употребление его сперва является последствием ее, а потом уже делается и причиной; впрочем, он становится гибельным лишь при злоупотреблении им. Если его разрушительное влияние становится тогда опасным, то это потому, что в будущем оно грозит наследственным вырождением.

Опасность, происходящая от всех дегенератов — рахитиков, алкоголиков, эпилептиков, помешанных и т. д. заключается в том, что они чрезмерно увеличивают толпу существ слишком низкого уровня, не могущих приспособиться к условиям цивилизации, и которые, следовательно, неизбежно становятся ее врагами. Слишком нежная забота о сохранении индивидуума влечет за собой серьезную опасность для всего вида.

«В настоящее время, — пишет Шера, — поддерживают существование множества созданий, присужденных к смерти самой природой: детей — худосочных, хилых, полумертвых, и считают большой победой, если удастся таким образом продлить их дни, а современную заботливость со стороны общества — большим прогрессом... Но вот в чем ирония: эти самоотверженные, изобретательные заботы, возвращающие обществу столько человеческих

¹ В 1850 г. их было 350.000, в 1870 г. — 364.000, и 1881 г. — 372.000, и 1891 г. — 430.000, из них 31.000 в Париже.

жизней, возвращают их этому обществу не сильными и здоровыми, а в виде организмов с зараженной от рождения кровью, и так как ни наши законы, ни наши обычаи не запрещают этим Существом жениться и выходить замуж, то они и оказываются предназначенными для передачи зародышей отравления потомству. Отсюда, очевидно, всеобщее ухудшение здоровья и заражение расы».

Доктор Саломон из большого числа случаев, наблюдаемых ежедневно, приводит один, особенно поразительный. Дело идет о последствиях брака между алкоголиком и эпилептичкой. У них была дюжина детей, страдавших поголовно или эпилепсией или туберкулезом.

«Что делать с этим печальным потомством? — спрашивает д-р Саломон. — И разве не было бы в тысячу раз лучше не родиться им на свет? И какие тяжелые обязанности такие семьи налагают на общество, на бюджет общественного призрения, не говоря уже об уголовном суде! Завсегдатаи госпиталя или кандидаты на виселицу — вот два положения, на которые единственно могут рассчитывать дети алкоголиков. По-видимому, в будущем цивилизованным обществам придется увеличить число госпиталей и жандармов. В конце концов они должны будут погибнуть, если плодovitость станет достоянием тех, для которых бесплодие должно быть обязательным».

Многие другие писатели, и среди них самые знаменитые, занимались этим трудным вопросом. Вот что писал Дарвин по этому поводу.

«У диких народов особи, слабые духом или телом, быстро устраняются, а оставленные в живых обыкновенно отличаются поразительно крепким здоровьем. Что касается нас, людей цивилизованных, то мы употребляем все усилия, чтобы задержать это устранение; мы строим приюты для идиотов, увечных, больных; мы издаем законы, чтобы помочь неимущим, а наши врачи употребляют все свое искусство для возможного продления жизни каждого. Вполне справедливо то мнение, что предохранительные прививки сохранили жизнь тысячам людей, которые по слабому телосложению пали бы жертвой оспы. Немощные члены цивилизованных обществ могут, следовательно, размножаться бесконечно. Между тем, тот, кто занимался разведением домашних животных, отлично знает, насколько подобное размножение слабых существ в человеческом роде должно быть для него вредным. С удивлением видишь, что недостаток забот или даже заботы, плохо направленные, быстро приводят к вырождению домашней породы животных, и, за исключением самого человека, никто не будет столь невежествен и неразумен, чтобы допустить размножение хилых животных».

Под влиянием наших унаследованных христианских понятий мы оберегаем всех этих дегенератов, ограничиваясь держанием взаперти дошедших до наиболее низкой степени, и тщательно ухаживая за другими, которым предоставляется, таким образом, полная свобода размножения. Нужно видеть вблизи некоторых из этих дегенератов, чтобы уразуметь бессмысленность понятий, заставляющих нас стараться сохранять эти организмы. Вот что говорит по этому поводу д-р Морис де Флери¹:

«Мы клеймим спартанцев, которые в силу своих законов предавали потоплению в реке Еврот неудачных, чахлая телом и духом детей. А между тем, когда я однажды посетил в Бисетре отделение отсталых детей доктора Бурневиля, у меня при виде этого стада совершенно неизлечимых, неспособных ни к какому совершенствованию идиотов, явилось сильное желание, чтобы эти маленькие безымянные существа немедленно были уничтожены».

Помещенные на балкон, решетчатый железный пол которого приходился над ямой, куда стекали их нечистоты, однообразно одетые в шерстяные платья и всегда грязную обувь, они там жили, эти дети алкоголя и вырождения, искривленные выродки, с плохо сформированными и плохо сросшимися толстокостными черепами, с полузакрытыми глазами, с приросшими ушами, с безучастным блуждающим взглядом, с дряблой шеей, плохо поддерживающей трясущуюся голову. По временам один из них открывал свой рот, похожий на перепончатый клюв птицы, испускал дикий крик, крик беспричинного гнева; между тем надзирательница, молодая, самоотверженная и не обнаруживавшая признаков нетерпения, переходила от одного к другому, то утирая нос одному, то подтирая другого, привязывая к перилам третьего, дерущегося или кусающегося, и раздавая всем корм, жадно пожираемый. Надзирательница разговаривала с ними, но эти недоразвитые мозги ее не понимали. Напрасные слова, бесполезный труд, так как они неменяемы, никогда луч рассудка не озарит их, никогда в них не проявится проблеска души. Так они и будут расти, оставаясь ниже животных, без речи, без мыслей, без чувства. Они не сделают никаких успехов. Через десять лет они будут такими же, как теперь, если только благодетельное воспаление легких не унесет их.

Между тем, за ними ухаживают, их воспитывают в клетке, их предохраняют от смерти. Боже, к чему все это! Неужели в самом деле человечно сохранять жизнь этих уродов, этих кошмарных видений, этого исчадия тьмы? Не кажется ли вам, что было бы, напротив, скорее делом милосердия убить их, уничтожить это безобразие и это бесознательное существование, необлагороженное даже страданием?»²

Нужно прямо признать, что если бы какое-нибудь благодетельное божество уничтожало в каждом поколении возрастающую армию дегенератов, столь старательно нами опекаемую, то оно оказало бы огромную услугу человеческому роду, цивилизации и самим дегенератам. Но так как наши гуманные чувства требуют, чтобы мы их сохраняли и покровительствовали их размножению, то нам остается только переносить последствия, порождаемые этими чувствами. Да будет нам, по крайней мере, известно, что все эти дегенераты, как справедливо замечает Джон Фиске,

¹ Морис Флери — доктор медицины, член Комиссии по наблюдению за ненормальными детьми при Министерстве внутренних дел, автор книги «Тело и душа ребенка» (1899). Его труд «Введение в медицину душевных заболеваний» (1897) Получил награду французской Академии Наук.

² «Revue du palais» от 1 октября 1898 года.

«составляют жизненный элемент низшего разряда, который можно сравнить со злокачественной опухолью на здоровой ткани; все их усилия будут направлены к тому, чтобы уничтожить цивилизацию, от которой роковым образом произошло их собственное бедствие». Они, конечно, являются верными сторонниками социализма¹. По мере того как читатель подвигается далее в чтении этой книги, он все более и более видит, из каких разнообразных и опасных элементов состоит толпа учеников новой веры.

§ 3. ИСКУССТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НЕПРИСПОСОБЛЕННЫХ

К толпе неприспособленных, созданных конкуренцией и вырождением, у латинских народов присоединяются еще дегенераты от искусственно созданной неспособности. Эта категория неудачников фабрикуется, ценой больших расходов, нашими гимназиями и университетами. Легион бакалавров, лиценциатов, учителей и профессоров не у дел, быть может, представит собой со временем одну из серьезнейших опасностей, от которых обществу придется обороняться.

Образование этого класса неприспособленных представляет собой явление самого последнего времени. Происхождение его чисто психологическое и является следствием современных идей.

Люди каждого периода истории живут известным числом идей политических, религиозных или социальных, считаемых неоспоримыми догматами, последствиям которых они необходимо должны подчиняться. Между этими идеями одной из наиболее могущественных в настоящее время является идея о превосходстве, доставляемом теоретическим образованием, которое дается нашими учебными заведениями. Школьный учитель и университетский профессор, когда-то находившиеся в некотором пренебрежении, вдруг стали великими современными кумирами. Они-то именно и должны находить средства против естественных неравенств, уничтожать различия между классами и выигрывать сражения.

С тех пор, как образование стало универсальным средством, явилась необходимость набивать головы юных граждан греческим языком, латынью, историей и научными формулами. Чтобы достигнуть таких результатов, не останавливались ни перед какой жертвой, ни перед какими затратами. Фабрикация учителей, бакалавров и лиценциатов сделалась самой важной из отраслей производства у латинских народов. Это даже почти единственная отрасль, в которой в настоящее время не происходит забастовок.

Изучая в другом сочинении воззрения латинских народов на образование², мы показали результаты нашей системы преподавания. Мы видели, что она навсегда извращает способность суждения, загромождает ум фразами и формулами, которым суждено вскоре же быть забытыми, совершенно не подготавливает к требованиям современной жизни и в конце концов дает огромную армию неспособных, неудачников и, следовательно, бунтовщиков.

Но почему наше образование, вместо того, чтобы, как и раньше, быть попросту бесполезным, привело к тому, что в настоящее время дает неудачников и мятежников?

Причины этого вполне ясны. Наше теоретическое образование при помощи учебников подготавливает исключительно к общественным должностям и, делая молодых людей совершенно неспособными ко всякой другой карьере, заставляет их ради существования с ожесточением набрасываться на должности, оплачиваемые государством. Но так как число кандидатов огромно, а количество мест очень ограничено, то большая часть аспирантов остается за флагом, без всяких средств к существованию и, следовательно, выбитой из колеи, и, естественно, возмущенной.

Цифры, подтверждающие только что сказанное мной, указывают на обширность этого зла.

Университет³ ежегодно выпускает около 1.200 кандидатов на 200 учительских мест, имеющих в его распоряжении. Значит, тысяча остается на мостовой и, конечно, устремляется к другим должностям. Но там они наталкиваются на многочисленную армию обладателей всякого рода дипломов, домогающихся всяких мест, даже самых посредственных. На 40 ежегодно открывающихся вакантных мест писцов в префектуре департамента Сены являются от двух до трех тысяч кандидатов. На 150 преподавательских мест, ежегодно освобождающихся в школах города Парижа, приходится 15 тысяч конкурентов. Те, которым не повезло, постепенно уменьшают свои требования и иногда очень рады, если по протекции им удастся поступить в учреждения, изготовляющие адресные бандероли, где зарабатывают по 40 су в день при непрерывной двенадцатичасовой работе. Не требуется очень тонкой психологии, чтобы угадать, какие чувства наполняют душу этих несчастных чернорабочих.

Что касается избранных, т. е. счастливых кандидатов, то не следует думать, что их судьба особенно завидна; мелкий административный чиновник с жалованием в 1.500 фр., мировой судья с жалованием в 1.800 фр., инженеры Центральной Школы, едва зарабатывающие столько же, сколько десятники в железнодорожной компании или химики на заводе, все они в денежном отношении стоят гораздо ниже рабочего средних способностей и, кроме того, они пользуются гораздо меньшей независимостью.

Но тогда к чему эта упорная погоня за официальными местами? Почему эта толпа дипломированных не у дел не обратится к промышленности, земледелию, торговле или ручным ремеслам?

¹ Одно почтенное близкое к университету лицо говорило мне недавно, что, как оно в том удостоверилось, большая часть его коллег, сделавшихся социалистами, в большинстве случаев были хилые и болезненные. Теперь социализм, подобно христианству вначале, является религией обездоленных жизнью.

² «Психология образования».

³ Совокупность французских высших и средних учебных заведений.

По двум причинам: прежде всего потому, что эти дипломированные совершенно не способны, в силу своего теоретического образования, ни к чему другому, кроме легких профессий чиновника, судьи или учителя. Конечно, они могли бы снова начать свое образование и приняться за учение. Но они этого не делают вследствие неискоренимого предрассудка (в этом вторая причина) относительно ручного труда промышленности и земледелия, — предрассудка, существующего у латинских народов, и только у них.

В самом деле, латинские народности, вопреки своей обманчивой внешности, обладают настолько недемократическим темпераментом, что всякая ручная работа, столь уважаемая в аристократической Англии, считается у них унижительной и даже позорной. Самый ничтожный помощник столоначальника, самый мелкий учитель, самый скромный писец считают себя какими-то особами сравнительно с механиками, подмастерьями, монтерами, фермерами, которые, однако, вкладывают в свое ремесло неизмеримо больше ума, рассудительности и инициативы, чем чиновники и учителя по своим должностям. Я никогда не мог разгадать и уверен, что и никто другой этого никогда не разгадает, почему латинист, чиновник, учитель грамматики или истории в умственном отношении могут считаться стоящими выше, чем хороший столяр, способный монтер, разумный подмастерье. Если после сравнения их между собой с точки зрения умственного развития, сравнить их с точки зрения приносимой ими пользы, то очень скоро станет ясным, что латинист, бюрократ, учитель стоят гораздо ниже хорошего рабочего, и вот почему труд последнего вообще оплачивается гораздо лучше.

Единственное видимое превосходство, которое можно признать за первыми, это то, что они носят сюртук, в общем-то, очень потертый, но все еще сохраняющий некоторое подобие сюртука, тогда как подмастерье и рабочий выполняют работу в блузе, — части одежды, стоящей очень низко в глазах эlegantной публики. Если хорошенько разобрать психологическое влияние на Францию этих двух родов костюма, то увидим, что оно, бесспорно, огромно и во всяком случае более влияния всех конституций, фабрикуемых в продолжение ста лет тучей адвокатов без дела. Если бы по мановению какого-нибудь волшебного жезла мы признали, что блуза настолько же эlegantна и прилична, как и сюртук, условия нашего существования моментально изменились бы. Нам пришлось бы присутствовать при революции нравов и идей, значение которой было бы гораздо важнее, чем у всех прежних революций. Но до этого мы еще не доросли, и латинским народностям еще долго придется нести тяжесть предрассудков и заблуждений.

Последствия нашего латинского презрения к ручному труду окажутся еще гораздо более опасными в будущем. Вследствие этого чувства все более и более растет на наших глазах опасная армия неприспособленных, являющихся продуктом нашего обучения. Убедясь, каким малым уважением пользуется ручной труд, крестьянин и рабочий, видя презрение к себе буржуазии и ученого сословия, в конце концов начинают думать, что принадлежат к низшей касте, из которой нужно во что бы то ни стало выйти, и тогда их единственной мечтой становится желание ценой всяких лишений выдвинуть сына в касту обладателей дипломов. Но чаще всего им удается таким образом создавать лишь неприспособленных, которые не могут подняться до буржуазии вследствие отсутствия материальных средств, между тем как их образование делает их неспособными продолжать ремесло отца. Такие люди в продолжение всей своей жалкой жизни будут влачить бремя печальных заблуждений, жертвами которых они сделались благодаря своим родителям. Эти люди будут верными солдатами социализма.

Следовательно, современные школы окажут во Франции самое губительное влияние не только своим преподаванием, но и своим духом, далеко не демократическим. Рисуюсь своим презрением ко всякой ручной работе и ко всему тому, что не принадлежит к области теории или красноречия, предоставляя своим питомцам думать, что дипломы создают своего рода умственное дворянство, отводящее их обладателям место в высшей касте, открывающей доступ к богатству или, по крайней мере, к материальной обеспеченности, наши школы сыграли губительную роль. После долгого и дорогостоящего учения, обладатели дипломов все же должны признать, что они не достигли никакой высоты умственного развития, едва ли возвысились над своей средой, и что им приходится начинать жизнь с начала¹. Как же им не стать революционерами, когда их время было потрачено даром, когда их способности ко всякому полезному труду притуплены, а впереди ждет унижительная бедность?

Конечно, наши профессора не видят ничего этого. Их дело, напротив, воодушевляет их в высокой степени, как бывает со всеми апостолами, и они не пропускают ни одного случая петь ему торжественные гимны.

«Нужно, — пишет Г. Беранже, — почитать книги Лиара и Лависса, двух главных столпов нашего высшего образования, чтобы понять тот энтузиазм, который охватил их при виде результатов их деятельности. Слышен ли им глухой, но грозный ропот всех тех, кого разочаровывает высшая школа, которых она приподнимает лишь с тем, чтобы они пали еще в большую нищету, и которых повсюду начинают называть умственными пролетариями?»

Увы, нет! Они этого не слышат, а если бы и слышали, то вряд ли поняли бы. Конечно, дело рук этих руководителей просвещения было особенно пагубно, гораздо пагубнее, чем действия Марата и Робеспьера, которые, по крайней мере, не развращали душу. Но можно ли утверждать, что это действительно дело их рук? Когда известные иллюзии властно овладеют умами, то следует ли винить безвестных деятелей, слепых статистов, повиновавшихся лишь общему течению своего времени?

Еще не пробил час, когда исчезнут наши ужасные иллюзии насчет достоинства латинской системы воспитания.

¹ Можно отдать себе отчет о возрастающем успехе социализма в среде университетской молодежи, прочтя полное ярое ненависти к обществу воззвание, опубликованное «студентами-коллективистами».

Они, напротив, свирепствуют более, чем когда-либо. Каждый день трудолюбивая молодежь, численность которой все более и более растет, требует от школы осуществления своих мечтаний и надежд. Число студентов, не превосходившее 10.900 человек в 1878 г. и 17.600 — в 1888 г., теперь колеблется около 30.000. Какая огромная армия неудачников, возмущенных, и следовательно сторонников социализма в будущем!¹

Так как число этих будущих неудачников кажется недостаточно еще большим, то от государства все наперебой требуют еще стипендий, позволяющих увеличить это число. Напрасно некоторые просвещенные умы, сознавая опасность, указывают на нее — их предостережения являются гласом вопиющего в пустыне.

«Миллионы, которые расходует государство на эти стипендии, — говорил недавно Буж в палате депутатов, — пустяки в сравнении с предстоящей социальной задачей помешать размножению, неудачников, вызванному раздачей этих стипендий. Их уже набралось слишком много, чтобы государство еще способствовало увеличению их числа».

Так как высшее классическое образование составляет предмет роскоши, пригодный лишь для лиц с некоторым достатком, то не имеется никаких серьезных причин давать его бесплатно; это прекрасно поняли американцы. Молодой человек, почувствовавший к нему влечение, вследствие своих особых способностей, всегда нашел бы возможность сначала заработать средства на свое существование, что было бы для него отличной школой жизни. Так поступают бедные студенты в таких истинно демократических странах, как Америка. Один из самых блестящих французских ученых, профессор Муассон в своем труде о Чикагском университете, который он посетил, выражается следующим образом:

«В большей части американских университетов встречаются молодые люди без средств, которые для того, чтобы внести плату за право учения, доходящую в Чикаго до 175 франков приблизительно за три месяца, берутся за какой-нибудь ручной труд в свободное от лекций и занятий время. Один идет зажигать газовые рожки, другой на вечернее время предлагает свои услуги гостинице, третий зарабатывает свой хлеб в качестве управляющего или повара у своих товарищей, четвертый в продолжение многих лет экономит из скромного содержания, чтобы иметь возможность получить университетский диплом».

Можно быть уверенным, что молодые люди, выказавшие такую энергию и способные на такие напряженные усилия, никогда не будут неудачниками и преуспеют в жизни на всяком поприще.

Теперь наши читатели видят, как совершенно искусственным образом создалась новая армия неприспособленных. Именно она окажется в один прекрасный день наиболее опасной и доставит социализму его самые страшные полчища. Не в душе народа, повторяю еще раз, всего успешнее прорастает семя социализма, а в душе неприспособленных, являющихся продуктом школьного воспитания. В деле готовящегося общественного разрушения наша школа сыграет очень деятельную роль. Историки будущего будут строги в суждении о ней и не поскупятся на проклятия по ее адресу при виде причиненного ею зла и сравнивая это зло с тем благом, какое она могла бы дать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕПРИСПОСОБЛЕННЫХ

§ 1. *Предстоящий натиск со стороны неприспособленных.* Ненависть их к обществу, в котором они не находят себе никакого места. Неприспособленные в Соединенных Штатах. Жалкие условия их существования и их численность. Жесткая борьба, которую придется выдержать с ними. Предсказания Маколея о будущности Соединенных Штатов.

§ 2. *Использование неприспособленных.* Это использование представляет собой самую трудную задачу настоящего времени. Предложенные и испробованные решения. Беспомощность государства в деле прокормления армии неприспособленных. Общественная или частная благотворительность только усиливает их численность. Право на труд. Плачевные результаты уже произведенных опытов. Тщетность обещаний социалистов.

§ 1. ПРЕДСТОЯЩИЙ НАТИСК СО СТОРОНЫ НЕПРИСПОСОБЛЕННЫХ

Мы только что видели, как особые условия настоящего времени увеличили в огромных размерах толпу неприспособленных. Эта масса неспособных, обездоленных и вырожденцев грозит серьезной опасностью всякой цивилизации. Объединенные ненавистью к обществу, где для них не находится никакого места, они только и жаждут борьбы с ним. Это — армия, готовая на всякие перевороты, так как терять ей нечего, а выиграть она может все; таков, по

¹ См. документы, собранные в моем труде «Психология поспитания», 7-ое изд. На русском языке опубликован перевод с 11-го издания (СПб, 1910).

крайней мере, ее расчет. В особенности она готова на всякие разрушения. Чувство ненависти к цивилизации у этих неудачников вполне естественно; она слишком сложна для них, и к ней, как сами они отлично чувствуют, им никогда не приспособиться. Они ждут только случая, чтобы пойти на приступ.

Опасности, угрожающие Европе, грозят и Соединенным Штатам в гораздо более близком будущем. Война северных штатов с южными была прелюдией к кровавой борьбе, которая вскоре разразится между разными общественными слоями, живущими на их территории. В Новый Свет и стремятся инстинктивно все неприспособленные со всех концов мира. Несмотря на эти нашествия, опасности которых не понял ни один государственный человек Америки, английская раса в Соединенных Штатах пока еще остается в большинстве; но другие расы — ирландцы, славяне, негры, итальянцы и т. д., размножаются там все больше. Так, например, теперь Соединенные Штаты насчитывают уже около 8 миллионов негров. Ежегодная иммиграция в 400.000 иностранцев непрерывно увеличивает это опасное население. Эти иностранцы, образующие настоящие колонии, совершенно индифферентно, а чаще всего очень враждебно относятся к своему новому отечеству. Не будучи с ним связаны ни кровным родством, ни традициями, ни языком, они нисколько не заботятся об его общих интересах и стараются лишь прокормить себя за его счет.

Но их существование является тем более трудным, нищета тем более глубокой, что им приходится конкурировать с наиболее энергичной во всем мире расой. Они могут там существовать кое-как, только довольствуясь самыми низкими видами труда, второстепенными должностями, и, следовательно, наиболее недостаточными заработками.

Эти иностранцы составляют пока лишь около 15% общего населения Соединенных Штатов, но в некоторых областях они почти преобладают и вскоре будут составлять большинство, если негры будут по-прежнему плодиться, как кролики. Число негров удвоилось за последние тридцать лет. Штат Северной Дакоты насчитывает уже 44% иностранцев. Девять десятых негров сосредоточено в пятнадцати южных штатах, где они составляют треть населения. В южной Каролине они составляют теперь большинство и превышают 60%. В Луизиане число их равно числу белых.

Известно, как обращаются с неграми на американской территории, где вообще считают их освобождение от рабства огромной ошибкой. В теории они пользуются всеми правами, признанными за другими гражданами, но на практике их вешают и расстреливают без всякого суда при первом проступке. Считающиеся там чем-то вроде животного, занимающего середину между обезьяной и человеком, они всегда готовы вступить в ряды всякой армии, которая предпримет войну против Великой Республики.

Черное население стало кошмаром Америки. Не только эти восемь миллионов дикарей после тридцатилетних усилий не могли быть подняты на высоту полудивилизованных людей, но еще, напротив, пришлось признать, что с уничтожением рабства их умственный уровень очень заметно понизился. Их неизлечимая лень, тупоумие и их опасные скотские наклонности делают их непригодными в цивилизованной стране. Предлагались самые разнообразные меры для избавления от них. Советовали поселить их отдельно в известных штатах, вывезти их массами на Кубу и Филиппины и т. д. К несчастью, негр, за самым незначительным исключением, является существом, настолько низким, что не поддается никакому обучению и ни к чему не пригоден, пока не будет приведен в рабство. Особенно выводит из себя американцев сознание, что для раскрытия этой элементарной психологической истины им пришлось истратить пять миллиардов и погубить миллион людей в течение междоусобной войны, которая, как известно, велась за уничтожение рабства. И только ценой подобных жертв могут распространяться в широких слоях населения некоторые понятия, уже давно очевидные для ученых.

Я вполне убежден, что когда завершится завоевание Африки, европейцу будут принуждены для насаждения в ней цивилизации установить там рабство, но, конечно, обозначив его новым именем, чтобы не огорчать филантропов. Впрочем, я еще не встречал ни одного путешественника, жившего в Африке, который бы не был уверен, что иначе негр и не может быть цивилизован. Все это говорят, но я, кажется, первый осмелился высказать это в печати.

Как бы то ни было, 8 миллионов американских негров образуют массу, от которой не так-то легко отделаться, и слишком много разных интересов поставлено на карту, чтобы теперь можно было мечтать о восстановлении рабства. Американцы отделались от китайцев, запретив им въезд в Штаты, отделались от индейцев, поселив их на известных участках, окруженных бдительной и хорошо вооруженной магазинками¹ стражей, получившей строгий приказ убивать краснокожих, как зайцев, лишь только они под влиянием голода выйдут за пределы отведенной им территории. Такими упрощенными приемами в течение немногих лет удалось истребить почти всех индейцев. Но эти меры кажутся трудно применимыми к миллионам негров и совершенно неприменимы к огромным полчищам иностранцев белой расы всякого происхождения, рассыпанных по городам, тем более, что эти белые состоят избирателями и могут посылать своих представителей заседать в палаты или исполнять общественные должности. Во время последней забастовки в Чикаго губернатор провинции был на стороне мятежников.

Великий историк Маколей в письме к одному американцу в 1857 г. определял исход грядущих войн следующим образом:

«Настанет день, — говорит он, — когда в штате Нью-Йорк множество людей, имеющих лишь скудный завтрак и не ожидающих лучшего обеда, должно будет произвести выборы в палаты, и можно ли сомневаться, какой харак-

¹ Ружье с магазином.

тер будут носить эти палаты? Вот с одной стороны — политический деятель, проповедующий терпение, уважение к приобретенным правам, верность общественным обязательствам, с другой стороны — демагог, разглагольствующий против тирании капиталистов и ростовщиков и вопрошающий, по какому праву иные люди пьют шампанское и ездят в каретах, в то время, как тысячи честных людей не имеют даже самого необходимого. Который же из этих двух кандидатов имеет больше шансов быть избранным от рабочих, дети которых просят хлеба? Очень боюсь, как бы при подобных обстоятельствах вы не приняли роковых мер. Одно из двух: или какой-нибудь цезарь или Наполеон сильной рукой заберет бразды правления, или ваша республика подвергнется грабежу со стороны варваров XX века, такому же ужасному, какому подверглась Римская империя со стороны варваров V века. Разница будет только в том, что гунны и вандалы явились извне, а ваши хищники будут порождены в вашей собственной стране вашими же учреждениями.

Мое давнишнее убеждение, — заключает Маколей, — состоит в том, что чисто демократические учреждения таковы, что должны рано или поздно уничтожить или свободу, или цивилизацию, или то и другое вместе».

Так как энергичный характер англосаксов в Америке известен, то я не сомневаюсь, что они преодолению опасности, которыми им грозил Маколей, но лишь ценою борьбы более разрушительной, чем все войны, о которых повествует история.

Впрочем, мы не имеем в виду заниматься здесь судьбами Америки. Ее внутренние разногласия мало тронут избалованную своими правительствами Европу. Она при этом ничего не потеряет, а увидит полезный урок.

К нашему счастью, неприспособленные в Европе не столь многочисленны и не столь опасны, как в Америке; но от этого они не менее грозны, и придет час, когда они будут собраны под знаменем социализма; тогда придется вступить с ними в кровавую борьбу. Но такие острые кризисы, разумеется, будут скоропреходящи. Каков бы ни был их исход, вопрос об устройстве общественного положения неприспособленных долго еще будет встречать те же затруднения. Разрешение этого вопроса будет сильно тяготеть над судьбой народов в будущем, и теперь еще невозможно предсказать, какими способами можно будет добиться его. Мы сейчас покажем почему это так.

§ 2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕПРИСПОСОБЛЕННЫХ

Единственными способами, предлагавшимися до сих пор для оказания помощи неприспособленным, были частная благотворительность и призрение со стороны государства. Между тем, опыт давно показал, что эти средства, во-первых, недостаточны, а затем, и опасны. Даже если государство или частные лица достаточно богаты, чтобы поддерживать эти массы неприспособленных, поддержка эта лишь быстро увеличит их число. К настоящим неприспособленным вскоре присоединятся полуневдачники и все те, которые, предпочитая праздность труду, работают теперь только из-за голода.

До сих пор общественная или частная благотворительность только и сделала, что значительно увеличила толпу неприспособленных. Как только где-нибудь начинает действовать бюро общественного вспомоществования, число бедных увеличивается в огромной пропорции. Я знаю маленькую деревню близ самого Парижа, где почти половина населения зарегистрирована в списках общественного призрения.

Исследования в этой области показали, что 95% бедных во Франции, которым дается помощь, отказываются от всякой работы. Эта цифра выведена главным образом из наблюдений, произведенных под надзором Г. Моно, директора департамента в министерстве внутренних дел. Из 727 здоровых нищих, взятых наудачу и жаловавшихся на безработицу, только 18 согласились взяться за легкую работу, дававшую им 4 фр. в день. Значит, и частная, и общественная благотворительность лишь поддерживает их леность. Несколько лет тому назад в донесении о состоянии пауперизма¹ во Франции Ватвиль писал:

«В продолжение шестидесяти лет деятельности общественного призрения на дому ни разу не было случая, чтобы такая форма благотворительности помогла бедняку выбраться из нужды и стать на ноги. Наоборот, часто она делает нищенство наследственным. Оттого в контрольных списках этого учреждения значатся внуки порученных общественной помощи в 1802 году нищих, сыновья которых в 1830 году также были занесены в роковые списки».

Мальтус в своем труде «Essais sur le principe de la population» выражается по этому поводу так:

«Главная и постоянная причина бедности имеет мало или вообще не имеет связи с той или другой формой правления или неравномерным распределением богатств; богатые не в силах доставить бедным работу и хлеб, следовательно, бедные по самой природе вещей не имеют права этого от них требовать... Но так как и теория, и практика неопровержимо доказывают, что признание такого права усилило бы потребности до такой степени, что не было бы возможности удовлетворить их, а простая попытка в этом направлении неизбежно привела бы человеческий род к самой ужасающей нищете, то ясно, что наш образ действий, безмолвно отрицающий существование такого права, более подходит к законам нашей природы, чем бесплодные разглагольствования, которыми мы стараемся заставить его уважать».

Знаменитый английский философ Герберт Спенсер написал по этому поводу еще гораздо более энергичную страницу:

¹ Пауперизм (от лат. *pauper* — бедный) — иждивенчество, возведенное в философию, профессиональное нищенство. В советской интерпретации — бедность трудящихся в эксплуататорском обществе.

«Кормить неспособных за счет способных — это большая жестокость. Это запас нищеты, преднамеренно сделанный, для грядущих поколений. Нельзя придумать более печального подарка потомству, чем загромождение его постоянно возрастающей массой глупцов, лентяев и преступников. Помогать размножению злых — значит злостно готовить потомкам множество врагов. Мы имеем право спросить себя, не производит ли эта глупая филантропия, желающая лишь смягчить бедствие данного момента и упорно закрывающая глаза на косвенный вред, большую сумму бедствий, чем крайний эгоизм? Закрывая глаза на отдаленные последствия своей легкомысленной щедрости, человек, дающий без всякого разбора, не много выше пьяницы, думающего только о сегодняшнем удовольствии и не помывляющем о завтрашнем горе, или мота, который ищет ежечасно развлечений, хотя бы это его окончательно разорило. В одном отношении такой благотворитель даже хуже их, потому что, наслаждаясь в данный момент приятным сознанием того, что делает добро, он предоставляет другим грядущие беды, от которых избавляется сам. Он совершает проступок, заслуживающий еще большего порицания — он сорит деньгами под влиянием неверного толкования изречения «милостыня искупает множество грехов». У многочисленных людей, воображающих вследствие такого ложного толкования, что раздачей щедрой милостыни можно искупить свои дурные деяния, мы можем признать поистине низкие побуждения. Стараются заполучить хорошее место на том свете, не заботясь, как это отразится на людях, остающихся на земле».

Но помимо благотворительности в собственном смысле, имеющей целью попросту помогать нуждающимся, которые не могут или не хотят работать, другая проблема состоит в том, не должно ли государство, согласно притязаниям социалистов, взять на себя задачу работы нуждающимся в ней и ищущим ее.

Эта теория, очевидно, вытекает из понятий латинской расы о государстве, и нам нет надобности ее здесь разбирать. Не касаясь принципиальной стороны вопроса, нам будет достаточно просто исследовать, может ли государство выполнять роль, которую хотят ему навязать. Так как требование права на работу уже не ново, и опыт был сделан несколько раз, то ответ найти совсем не трудно.

Национальное собрание и конвент, издав в 1791 и 1793 годах декрет о создании учреждения, предназначенного «давать работу здоровым беднякам, не могущим ее достать», и подтвердив, что «общество обязано поддержать существование несчастных граждан», основали национальные мастерские. В 1791 г. они дали в Париже работу 31.000 людей с платой по 40 су в день. Эти рабочие приходили в мастерские к десяти часам утра, уходили в три, а в промежутке между этими часами только и занимались тем, что пьянствовали и играли в карты. Что касается надзирателей за работами, то когда их спрашивали, они попросту отвечали, что не в силах добиться послушания и не хотят подвергаться опасности быть зарезанными.

«Такую же картину, — пишет Шейсон¹, — представляли наши национальные мастерские 1848 года, когда их задумали уничтожить, это привело к кровавым июньским дням...»²

Любопытно отметить, что несмотря на уроки истории, этот предрассудок относительно права на труд сохранил приверженцев. Недавно в Эрфурте состоялся шестой евангелическо-социальный конгресс (род парламента реформатских церквей), сильно проникнутый духом христианского социализма. В ответ на доклад почтенного публициста де Массона, деятельного сотрудника пастора Бадельшвинга в деле создания колоний для рабочих, конгресс постановил, что «устранение в пределах возможности прискорбного социального бича, каким является незаслуженная «безработица», должно составлять строгую обязанность каждого правильно устроенного государства. Это смягченная формула требования "права на труд"».

По социалистической системе новые национальные мастерские должны быть организованы государством. Стоит только посетить наши арсеналы, чтобы увидеть к чему может привести такая организация.

Локруа, бывший морской министр, указывал в газете «Temps» от 2 ноября 1906 г., что одна тонна судового снаряжения стоит 141 фр. в Бресте, 220 фр. в Лориане и 460 фр. в Рошфоре.

Ясно к чему могут привести теории права на труд и вмешательство государства.

Вопрос, разбираемый в этом параграфе, в продолжении долгого времени занимал великие умы, и никто из них не мог даже близко подойти к его разрешению. Впрочем, понятно, что если бы это решение было найдено, то социальный вопрос был бы в большей своей части разрешен.

И потому-то именно, что он до сих пор не разрешен, социализм, имеющий притязание разрешать неразрешимые задачи и не останавливающийся ни перед какими обещаниями, является в настоящее время таким опасным. Он имеет союзников в лице всех обездоленных, придавленных жизнью, всех неприспособленных, происхождение которых нами уже объяснено. Он представляет собой для них тот последний луч надежды, который никогда не угасает в сердце человека.

Но так как обещания социализма неминуемо окажутся тщетными, ибо ничто не в силах изменить законы природы, управляющие нашей судьбой, то его бессилие обнаружится в глазах всех немедленно вслед за его торжеством, и он приобретет себе врагов в лице той самой толпы, которую он соблазнил и которая теперь возлагает на него все свои упования.

¹ Эмиль Шейсон — член Французской Академии моральных и политических наук, профессор политической акапомии, генеральный инспектор постов и дорог. Автор многочисленных публикаций по экономическим и политическим вопросам, работ «Алкоголизм», «Социальный инженер» и др.

² В 1948 г. Учредительное собрание решило закрыть национальные мастерские. Рабочие подняли бунт, который длился 4 дня с 22 июня и был подавлен национальной гвардией.

После нового разочарования человек снова возьмется за вечную работу создания иллюзий, могущих зачаровать его душу на некоторое время.

КНИГА ШЕСТАЯ

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОЧНИКИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВ: УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ, КАПИТАЛ И ТРУД

§ 1. *Умственные способности.* Их роль в современном мировом развитии. Они главным образом создают богатства, которыми пользуются все трудящиеся. Работа ремесленника приносит пользу только ему одному, работа изобретателя предоставляет выгоды всем трудящимся. Способности небольшого числа избранных производят больше богатств, чем работа всего остального народонаселения. Социалистам ненавистны умственные способности. На чем, с их точки зрения, основана эта ненависть.

§ 2. *Капитал.* Его роль. Услуги, оказываемые капиталистом работникам понижением фабричной стоимости товаров. Современное раздробление капитала среди значительного числа лиц. Прогрессивное дробление общественного состояния. Что произошло бы при равномерном распределении общественного состояния между всеми трудящимися. Прогрессивное сокращение доходов акционеров всех промышленных предприятий и постоянное повышение заработка рабочих. Прибыли акционеров все более клонятся к исчезновению. Современное положение недвижимой собственности. Почему крупная земельная собственность не является уже источником обогащения и все больше раздробляется. Это наблюдается как во Франции, так и в Англии.

§ 3. *Труд.* Современные отношения между капиталом и трудом. Никогда еще положение рабочих не было таким цветущим, как теперь. Постоянное возрастание заработной платы. Она часто превышает доход свободных профессий. Только положение рабочих постоянно улучшается.

§ 4. *Отношение между капиталом и трудом.* Хозяева и рабочие. Возрастающая враждебность рабочих к капиталу. Полнейшее непонимание управляет ныне отношениями между рабочими и хозяевами. Недостаточные психологические знания хозяев при сношениях с рабочими. Хозяин в современной крупной промышленности. Хозяева и рабочие образуют теперь два всегда враждующих лагеря.

Современные научные и технические открытия вызывают в человеческих обществах глубокую эволюцию. Мы уже указывали на это во многих отделах нашего труда. Нам остается точно определить в настоящей и следующих главах самые существенные характерные черты этой эволюции.

Главнейшие современные социальные преобразования вытекают из вопроса о распределении богатств. Прежде чем исследовать, каким образом богатство может распределяться, необходимо знать, как оно образуется. Это мы и рассмотрим прежде всего.

Социалисты почти только и признают два источника богатства: капитал и труд. Все их возражения направлены на слишком большую, по их мнению, долю выгод, присваиваемых себе капиталом. Не будучи в состоянии отрицать необходимости капитала в современной промышленности, они, по крайней мере, мечтают об уничтожении капиталистов.

Между тем, кроме капитала и труда существует еще третий источник богатства: умственные способности. Социалисты обыкновенно придают им лишь небольшое значение. Действие этого фактора, однако, имеет преобладающее значение, и потому мы начнем наше расследование именно с него.

§ 1. УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ

При первых проблесках цивилизации роль умственных способностей была немного выше, чем роль ручного труда. С развитием наук и промышленности эта роль взяла такой перевес, что значение ее нельзя не признать первостепенным. Труд темного чернорабочего приносит пользу почти только ему одному, между тем как плоды умственных

способностей обогащают все человечество. В речи, произнесенной в палате депутатов, один социалист утверждал, что «нет людей, которые могли бы при реальных данных человеческого существования быть человечески равносильными ста тысячам людей». Напротив, очевидно, что такие люди есть: менее чем за одно столетие можно назвать, начиная со Стивенсона и кончая Пастером, целый ряд замечательных изобретателей, стоящих каждый в отдельности гораздо более ста тысяч людей и не только в силу теоретического значения изобретений, созревших в их умах, но также ввиду богатств, которые эти изобретения распространили по всему миру, и благодетелей, которые извлекли из них все трудящиеся. Если в день Страшного Суда дела будут взвешиваться по их действительной стоимости, то какой громадный вес будут иметь творения этих могучих гениев? Их открытиям обязана своим происхождением большая часть существующего в мире капитала. Английский экономист Маллок оценивает часть, которая должна быть отнесена на счет способностей небольшого числа выдающихся людей, в одну треть современных доходов Англии. Это небольшое число избранных одно производит гораздо больше, чем все остальное народонаселение. Историю цивилизации в действительности составляет только история великих людей, следовавших друг за другом в течение веков. Народы, не обладавшие такими людьми, не имели ни цивилизации, ни истории.

Даже не касаясь великих изобретений вроде паровоза и др., можно было бы назвать сотни изобретений, принесших пользу всем трудящимся. Некоторые изобретения, например, выплавка стали из чугуна по способу Бессемера, произвели переворот в промышленности и дали работу миллионам рабочих. До того цена одной тонны стали составляла 1.500 фр. и потребление ее не превышало 50.000 тонн. После упомянутого изобретения цена ее упала до 150 фр. и потребление увеличилось в двадцать раз. Сталь заменила дерево при постройке кораблей и камень при возведении больших зданий. Можно предвидеть, какие препятствия встретили бы аналогичные изобретения при социалистическом режиме, имея в виду оппозицию, которую они иногда вызывают со стороны организованных в корпорации ученых. Когда Бессемер познакомил со своим открытием в 1856 году Британскую ассоциацию преуспевания в науках, оно было признано настолько неинтересным, что изобретателю отказали поместить записки о нем в отчетах Ассоциации.

Социалисты всех оттенков отказываются признать всю важность умственного превосходства. Маркс подразумевает под работой лишь ручной труд и отодвигает на второй план значение изобретательности, способностей, умение управлять делом, которые, однако, преобразовали мир.

Эта ненависть социалистов к умственным способностям довольно основательна, так как именно эти способности будут вечным препятствием, о котором будут разбиваться идеи социалистов о всеобщем равенстве. Предположим, что мерой, аналогичной отмене Нантского эдикта, которой социалисты, будь они у власти, очень скоро воспользовались бы, все выдающиеся умы Европы — ученые, артисты, промышленники, изобретатели, цвет рабочих и т. д. были бы изгнаны из цивилизованных стран и принуждены искать убежища на каком-нибудь необитаемом острове. Допустим еще, что они ушли бы туда без гроша. И все-таки, вне сомнения, этот остров, каким бы бедным мы его себе ни представляли, скоро сделался бы первой страной в мире по культуре и богатству. Богатство это вскоре позволило бы его владельцам содержать сильную наемную армию и вполне обеспечить свою безопасность.

§ 2. КАПИТАЛ

Капитал обнимает собой все предметы, представляющие известную продажную ценность: товары, орудия производства, дома, земли и т. п. Деньги — только заменяющие их знаки, торговая единица, помогающая оценке и обмену различных предметов.

Для социалистов труд является единственным источником и мерилом ценности. Капитал — лишь часть неоплаченного труда, украденная у рабочего.

Было бы бесполезно терять время на споры по поводу таких воззрений, столько раз опровергнутых. Капитал представляет собой накопившуюся сумму физического и, в особенности, умственного труда. Именно капитал вывел человека из рабства древних времен и в особенности из порабощения его природой, и составляет теперь основной оплот всякой цивилизации. Облавы и преследования заставили бы капитал бежать или скрываться и тем самым убили бы промышленность, которую он перестал бы поддерживать, а затем, как неизбежное последствие, уничтожился бы и всякий заработок. Это прописные истины, не требующие никаких доказательств.

Польза капитала в крупной промышленности до того очевидна, что, хотя все социалисты и высказываются за уничтожение капиталистов, они почти не говорят уже об уничтожении самого капитала. Крупный капиталист оказывает громадные услуги публике понижением фабричных и рыночных цен предметов. Крупный промышленник, крупный представитель ввоза, большой магазин могут довольствоваться 5–6% дохода и продавать, следовательно, продукты гораздо дешевле мелкого промышленника и мелкого торговца, принужденных увеличивать цену своих товаров на 40–50%, чтобы покрыть свои расходы и просуществовать.

Такие повышения цен бывают иногда еще значительнее. Из одного документа, помещенного в нескольких газетах, можно понять, что стоимость предметов первой необходимости иногда учетверяется посредниками. Ограничимся одним примером: огородник, посылающий в Париж партию салата в 150 кг, получает неполных 10 фр. из 45 фр., составляющих приблизительно продажную цену публике на рынке. «Можно сказать, — замечает автор статьи, — что при покупке на парижских рынках съестных припасов местные потребители платят 5 фр. за продукты, которые производители департамента продают по 1 фр.». Легко понять, какую выгону получила бы публика, если бы

крупные капиталисты могли захватить в свои руки торговлю съестными припасами, как они это сделали с торговлей готовым платьем.

В настоящее время прирост богатства и число участников в обладании им значительно увеличились. Можно судить об этом по следующим цифрам, взятым из одного труда, доложенного Статистическому Обществу и опубликованного в правительственной газете 27 июня 1896 года. Они дают очень интересные и, по-видимому, точные сведения, по крайней мере в общих чертах, как большинство цифр, приводимых статистиками.

Номинальный капитал французских рент, составлявший в 1800 году 713 миллионов, достиг в 1830 г. 4.426 миллионов, в 1852 г. — 5.516 миллионов и в 1896 г. — 26 миллиардов фр.

Число подписчиков на ренты, составлявшее в 1830 г. 195.000 человек, составило в 1895 г. 5 миллионов. Стало быть, сравнительно с 1814 годом, число лиц, живущих доходами, увеличилось в 25 раз.

Не следует, однако, забывать, что эти цифры лишены безусловного значения, так как одно и то же лицо может иметь и даже, по необходимости, имеет несколько листов процентных бумаг. Согласно выписке, которую я получил из министерства финансов, число подписок именных и на предъявителя составляло в конце 1896 г. 4.522.449, а не 5.000.000, как заявлено в докладе, про который я только что говорил. Конечно, несмотря на выводы упомянутого статистика, неизвестно, между сколькими лицами эти листы были распределены.

Число участников промышленных предприятий также все увеличивается. Акции поземельного кредита, принадлежавшие в 1888 г. 22.000 лиц, в настоящее время принадлежат 40.000 лиц.

Такое же раздробление усматривается и по отношению к акциям и облигациям железнодорожных обществ: они распределены между двумя миллионами лиц.

Мы скоро увидим, что то же явление наблюдается по отношению к недвижимому имуществу. Почти две трети Франции — в руках 6 миллионов владельцев. Леруа-Болье приходит к такому окончательному заключению: «Три четверти накопленного богатства и, по всей вероятности, около четырех пятых национального дохода — в руках рабочих, крестьян, мелких буржуа и мелких капиталистов». Зато крупные состояния встречаются все реже. Статистики определяют самое большее двумя процентами число семей, имеющих 7.500 фр. дохода. Из 500.000 ежегодных наследств только 2.600 превышают капитал в 20.000 фр.

Таким образом, капитал все более и более стремится к раздроблению между значительным числом лиц, и это потому, что он постоянно растет. Экономические законы хотя и действуют в данном случае согласно мечтам социалистов, но способы раздробления капитала очень отличаются от тех, какие восхваляются ими, так как наблюдаемое явление происходит не от уничтожения капиталов, а от избытка их.

Можно, однако, спросить, что произошло бы при равномерном распределении между всеми всего существующего богатства известной страны и что выиграли бы от этого трудящиеся классы? На этот вопрос легко ответить.

Предположим, что по желанию некоторых социалистов, разделили бы 220 миллиардов, составляющих все состояние Франции, между 38-ю миллионами ее жителей. Допустим также, что представилось бы возможным реализовать это состояние в денежных знаках (что невозможно, так как существует всего лишь 7–8 миллиардов золота или серебра¹), остальная же часть заключается в домах, заводах, землях и всевозможных предметах. Допустим еще, что при объявлении о предстоящем разделе цена движимого имущества не упадет до нуля в продолжение суток. При допущении всех этих несообразностей, каждый субъект получил бы капитал приблизительно в 5.500 фр., приносящий 165 фр. дохода. Нужно плохо знать человеческую природу, чтобы не быть уверенным в том, что неспособность и мотовство с одной стороны и бережливость, энергия и способности — с другой не сделают быстро свое дело и не восстановят неравенства состояний. Если вместо общего раздела ограничились бы разделом только крупных состояний и, например, конфисковали бы все доходы свыше 25.000 фр., чтобы распределить их между прочими категориями граждан, то доход этих последних увеличился бы лишь на 4,5%. Лицо, получающее теперь 1.000 фр. вознаграждения за годовой труд, имело бы тогда 1.045 фр. Из-за такой незначительной прибавки торговля и многие отрасли промышленности, которые дают возможность существовать миллионам лиц, были бы совершенно уничтожены. Разорение трудящихся стало бы, следовательно, общим, и судьба их была бы гораздо хуже, чем теперь.

Правда, в этом заключается одна только материальная сторона вопроса. Он имеет еще психологическую сторону, которой не следует пренебрегать. Вот чем возмущают и вызывают столько жалоб слишком крупные состояния: во-первых, их происхождение, зачастую основанное на настоящих финансовых грабежах, во-вторых, громадное могущество, которое они предоставляют своим владельцам, позволяя им покупать решительно все, до звания членов самих ученых академий включительно, и в-третьих, скандальный образ жизни, который ведут наследники создателей этих состояний.

Очевидно, что промышленник, обогатившийся продажей по дешевой цене продуктов, стоивших до него дорого, или создавший новую отрасль промышленности (например, превращение чугуна в сталь), нового способа отопления и т. п., обогащаясь, оказывает и услугу обществу. Дело обстоит совершенно иначе, когда финансисты получают огромные комиссионные, создавая свое состояние единственно посредством размещения в публике целой серии

¹ Согласно мнению экономистов, на всем свете существует только 24 миллиарда золотой и 20 миллиардов серебряной монеты. Если бы их разделили между 1.500 миллионами населения земли, то каждому пришлось бы по 29 фр. Самая богатая страна в мире, Соединенные Штаты, владеет лишь 8 миллиардами звонкой монеты. Капиталы многочисленных миллиардеров Штатов состоят большей частью из бумаг. Звонкая монета приобретает свою ценность только благодаря быстрому своему обращению.

займов неблагонадежных государств или акций недобросовестных обществ. Их колоссальные состояния являются лишь суммой безнаказанных краж, и все страны должны найти когда-нибудь способ (будь то огромные пошлины на наследство или специальные налоги) воспрепятствования созданию государства в государстве. Эта необходимость заботила уже многих великих мыслителей. Вот как высказывается по этому поводу Джон Стюарт Милль: «Право завещания — одна из привилегий собственности, которая может быть выгодно урегулирована в интересах общественной пользы; лучший способ помешать сосредоточению больших состояний в руках лиц, не добывших их своим трудом, состоит в установлении предела для приобретений по завещанию или по праву наследства».

Одновременно с раздроблением капиталов, что должно бы вызывать восторженное одобрение всех искренних социалистов, наблюдается еще сокращение доходов с капиталов, вложенных во все промышленные предприятия, между тем как заработок рабочих, напротив, постоянно повышается.

Арзэ, инспектор рудников в Бельгии, выяснил, что в течение тридцати лет при незначительном изменении расходов на эксплуатацию, составлявших около 38%, прибыли акционеров постепенно уменьшились более чем на половину, между тем как доходы рабочих значительно увеличились.

Исчислено, что в случае предоставления рабочим некоторых предприятий всех прибылей, каждый из них получил бы в среднем лишних 86 фр. в год. Впрочем, это продолжалось бы недолго. При таком предположении предприятие, предоставленное неминуемо управлению самих рабочих, скоро оказалось бы в затруднительном положении, и в конце концов рабочие стали бы наживать гораздо меньше, чем при нынешнем положении дел.

То же явление, т. е. увеличение заработной платы за счет процентов с капитала, наблюдается всюду. По словам Даниэля Золя¹, земледельческая плата поднялась на 11% в то время, как поземельный капитал понизился на 25%. В Англии, согласно заявлению Лаволлэ (Lavollé), за тридцать лет доход рабочих классов увеличился на 59%, а доходы зажиточных классов упали на 30%.

Заработная плата рабочего, несомненно, будет все повышаться, пока не останется в наличности только необходимый минимум для вознаграждения не капитала, затраченного на предприятие, а просто администрации, необходимой для управления им. Таков, по крайней мере, закон в настоящий момент, но он не может остаться в силе в будущем. Затраченные в прежних предприятиях капиталы не могут избежать грозящего им исчезновения; но в будущем капиталы сумеют лучше защищаться. При рассмотрении синдикатов промышленного производства мы увидим, как они теперь организуют свою защиту.

Современный работник находится в фазе, которая не повторится, когда он может диктовать свои законы и безнаказанно истощать источник доходов. Во всех старых акционерных предприятиях: транспортирования кладей, трамвайных, железнодорожных, фабричных, рудокопных и др. рабочие синдикаты уверены, что постепенно дойдут до требования всех прибылей и останутся лишь в тот определенный момент, когда дивиденд акционера сведется к нулю и когда от прибылей останется как раз столько, сколько нужно уплачивать дирекции и администрации предприятия. Известно из множества примеров, с какой изумительной безропотностью переносит акционер со стороны государства или частных компаний сначала сокращение, а затем и полное исчезновение своих доходов. Бараны не подставляют с большей кротостью свою шею мяснику.

Упомянутое явление постепенного уменьшения дохода акционеров, клонящегося к совершенному его исчезновению, замечается теперь в большом размере у латинских народов. Вследствие безучастного равнодушия и позорной слабости администраторов разных обществ все требования лиц, соединенных в синдикаты, немедленно удовлетворяются. Конечно, все это может осуществляться лишь за счет прибылей акционеров. Естественно, требования членов этих союзов вскоре возобновляются, и те же трусливые администраторы, ничего лично не теряющие, продолжают уступать, от чего происходит новое сокращение дивиденда, а значит и уменьшение стоимости акций. Такой ряд операций может продолжаться до тех пор, пока акции, потерявшие дивиденд, уже не будут представлять никакой ценности. Благодаря этому остроумному способу обирания, многие из наших промышленных предприятий приносят все менее и менее дохода и через несколько лет не будут приносить ровно ничего. Действительные владельцы предприятия будут постепенно и совершенно исключены, что и составляет мечту коллективизма. Трудно сказать, каким образом можно будет тогда привлекать акционеров к основанию новых предприятий. Уже теперь замечается вполне справедливое недоверие и стремление переводить капиталы в другие страны, где они менее подвержены опасности. Бегство капиталов, а также способных людей, было бы первым последствием полного торжества социалистов.

Оба явления, отмеченные нами относительно движимого имущества — постепенно возрастающее раздробление капитала и сокращение его доходности вследствие прогрессивного увеличения доли, приходящейся на рабочих, — равным образом усматриваются и в отношении недвижимого имущества. По докладу Е. Тиссерана, перепись за последнее десятилетие показывает, что во Франции эксплуатируется под земледелие 49,5 миллионов гектаров. Они распадаются на 5.672.000 хозяйств; только 2,5% из них заняты крупным земледелием, т. е. обладают площадью, превышающей 40 гектаров. Но эти 2,5% хозяйств заключают в себе 45% всей земли. Поэтому если мелкие хозяйства и получили очень большой численный перевес, то одновременно замечается, что около половины всей земли принадлежит только упомянутым 2,5% общего числа хозяйств.

¹ Даниэль Золя — профессор в свободной школе политических наук, редактор «Journal de Debats», автор труда «Сельский социализм и налог на доходы».

Таким образом, крупные владения все-таки еще представляют во Франции около половины всей территории; но ясно, что они не смогут долго продержаться именно в силу постоянно сокращающейся доли, оставляемой капиталу во всех предприятиях. Причины предстоящего исчезновения крупных владений легко объясняются.

Земледелием занимается около 8,5 миллионов людей¹, из коих более половины являются собственниками обрабатываемой земли, а остальные существуют заработками. Если же сравнить земледельческую статистику с 1856 по 1886 г. (последняя опубликована с некоторыми подробностями), то окажется, что число земледельцев немного уменьшилось, а число собственников, занимающихся земледелием, напротив, увеличилось. Кажущаяся убыль земледельцев, которая так волнует некоторых писателей, — не более как *простой результат возрастающего распространения мелкого землевладения*.

Это увеличение числа земельных собственников составляет явление совершенно параллельное увеличению числа владельцев движимых ценностей.

Если число собственников, занимающихся собственноручно земледелием, возрастает, то ясно, что число фермеров, арендаторов и наемных работников должно сократиться. Оно должно тем более уменьшиться, особенно по отношению к последним, что дорогой ручной труд все более и более вытесняется земледельческими машинами. Также способствовало этому и развитие культуры кормовых трав, увеличившейся с 1862 г. на одну четверть и требующей гораздо меньшего числа работников. Следовательно, если деревня несколько опустела, то это лишь потому, что ей требуется меньше рабочих рук. Но недостатка в них никогда не было. Рабочих рук слишком достаточно. Вот в головах иногда действительно ощущается маленький недостаток.

Очевидно, мелкое землевладение не может быть очень производительным, однако оно кормит тех, кто им занимается. Они, конечно, получают меньше, работая на себя, чем если бы они работали на других; но большая разница — работать на себя или на хозяина.

Положение крупных помещиков делается, как во Франции, так и в Англии, все ненадежнее, и вот почему, как я говорил выше, они должны исчезнуть. Их земли обречены на раздробление в ближайшем будущем. Будучи неспособными лично обрабатывать свои земли, и видя, что они приносят все меньше дохода вследствие конкуренции иностранного зерна и увеличивающихся требований работников, они принуждены постепенно отказываться от обработки, требующей иногда гораздо больших издержек, чем получаемые от нее доходы². В конце концов им придется продать свои земли частями мелким собственникам, лично занимающимся хозяйством. Эти последние, не несущие никаких издержек и затрачивающие незначительную сумму на погашение капитала, будут, ввиду дешевизны приобретения имений, жить в довольстве доходом от земли, на которой крупным владельцам жилось очень плохо. Большие поместья будут скоро предметом бесполезной роскоши. Они — еще признак, но отнюдь не источник богатства.

Явления, только что указанные мною, наблюдаются повсюду и особенно в странах, изобилующих крупными владениями, например, в Англии. Они происходят, как я уже сказал, от возрастающих требований рабочего населения, совпадающих с уменьшением цен на продукты почвы вследствие иностранной конкуренции, вызванной народами, у которых земля не ценится, как в Америке, или у которых не ценится ручной труд, как в Индии. Именно эта конкуренция в течение немногих лет понизила цену нашего хлеба на 25%, несмотря на покровительственные пошлины, падающие, конечно, на всех потребителей хлеба.

В Англии, стране свободы, где нет законов, которые охраняли бы от иностранной конкуренции, кризис свирепствует во всей своей силе. Английские порты завалены иностранным зерном, а также привозным мясом. Кораблелидники постоянно поддерживают сношения между Сиднеем, Мельбурном и Лондоном. Они доставляют баранов и быков, разрезанных на части, по цене в 10 или 15 сант. за фунт, не говоря уже о масле, привозимом некоторыми из этих кораблей по 600.000 кг за один рейс. Хотя местные помещики сбавили арендную плату более чем на 30%, они почти ничего не наживают. В замечательном исследовании де Манда-Грансэ упоминается, что он рассматривал отчетные книги помещиков, земли которых приносили несколько лет тому назад от 500 до 800 тыс. фр. дохода, а теперь приносят лишь от 10 до 12 тыс. фр., вследствие неплатежа за аренду. Отстранять неисправных арендаторов

¹ Эти цифры значительно изменяются и зависят от способа пользования материалом переписей. Вот результаты переписи 1896 года состава промышленных отраслей и профессий во Франции, приведенные в «l'Office du travail» и изложенные де Фле в «l'Economiste francais». Я беру круглые цифры:

Земледельцев — 8.502.000 обою пола
Промышленников — 5.605.000
Купцов — 2.287.000
Свободных профессий — 339.000
Мастеров и ремесленников (парикмахеров и т. п.) — 52.000
Прислуги — 917.000
Чиновников — 689.000
Всего — 18.391.000 обою пола.

Из 38.500.000 французов почти половина принимает участие и национальном труде, в т. ч. более шести миллионов женщин.

² В Энском департаменте, области крупного хозяйства, говорят, насчитывалось несколько лет тому назад 900 совершенно оставленных значительных ферм; между тем, никогда еще не называли там ни одной маленькой собственности, заброшенной ее владельцем. Последнее наблюдение относится равным образом и к Англии.

нет смысла по той простой причине, что нельзя найти согласных платить. Арендаторы хотя и не платят, но все-таки приносят пользу, поддерживая почву и не давая ей заглохнуть. Таким образом, английские помещики будут принуждены, как и французские, о которых я говорил выше, раздробить свои земли и продать их за бесценок мелким земледельцам. Последние будут тогда получать от земли пользу, так как они будут ее сами возделывать, а покупная цена земли будет незначительна.

Мне кажется, не следует очень сожалеть о том, что крупные помещики скоро будут всюду жертвами развития экономических законов. Для будущего общества большой интерес в том, чтобы собственность раздробилась до такой степени, чтобы каждый владел лишь тем, что он может сам обрабатывать. Результатом такого положения вещей явилась бы очень прочная политическая устойчивость. В таком обществе социализм не имел бы никакой надежды на успех.

Все сказанное нами по поводу распределения капитала подтверждается также и в отношении распределения земли. Действием экономических законов крупные земельные владения обречены на гибель. Прежде, чем социалисты окончат свои споры о них, сам предмет этих споров исчезнет в силу ничем непоколебимого действия естественных законов, действующих то согласно с нашими учениями, то совершенно наперекор им, но всегда несколько не заботясь о них.

§ 3. ТРУД

Приведенные нами цифры показали возрастающую прогрессию прибылей труда и не менее возрастающую убыль доходности капитала. В силу своей несомненной необходимости, капитал мог в течение долгого времени производительно навязывать трудящимся свои условия, но теперь роли в значительной степени переменились. Отношения капитала к труду, бывшие прежде отношениями хозяина и слуг, клонятся теперь к обратному. Успех гуманитарных идей, увеличивающееся равнодушие управляющих предприятиями к интересам акционеров, им незнакомым, и в особенности громадное распространение синдикатов мало помалу низвели капитал к такой второстепенной роли.

Несмотря на громкие протесты социалистов, совершенно очевидно, что положение рабочих никогда еще не было таким цветущим, как в настоящее время. Принимая во внимание экономические законы, управляющие миром, представляется весьма вероятным, что трудящиеся переживают золотой век, которого они больше не увидят. Никогда еще предъявляемые ими требования не уважались так, как теперь, никогда еще капитал не оказывал так мало притеснений и не выказывал такой малой требовательности.

Как справедливо замечает английский экономист Маллок, доход современных рабочих классов значительно превышает доходы, какими пользовались остальные классы 60 лет тому назад. Они в действительности располагают гораздо большими средствами, чем располагали бы, если бы тогда перешло в их руки, согласно мечтам некоторых социалистов, все общественное состояние.

Согласно заключению де Фовиля, во Франции вознаграждения рабочих с 1813 года более чем удвоились, между тем как деньги потеряли лишь треть своей ценности.

В Париже около 60% рабочих имеют ежедневный заработок от 5 до 8 фр., и согласно цифрам, опубликованным в «l'Office du travail», вознаграждение, получаемое лучшими рабочими, еще гораздо выше. Ежедневный заработок монтеров колеблется между 7 фр. 50 сант. и 9 фр. 50 сант., токарей — между 9–10 фр. Гранильщики драгоценных камней получают до 15 фр. в день; рабочие электрических станций — от 6 до 10 фр., медно-литейщики — от 8 фр. 50 сант. до 12 фр. 50 сант., железопрокатчики — от 9 фр. до 10 фр. 75 сант.; обыкновенные подмастерья получают 10 фр. в день, а более способные — до 800 фр. в месяц. Это такие вознаграждения, каких достигают офицеры, судьи, инженеры, чиновники часто только после долгих лет службы. Можно, значит, повторить вместе с «Леруа-Болье: «Занимающийся ручным трудом получает больше всего выгод от нашей современной цивилизации. Вокруг него все положения худшаются, его же собственное повышается».

При чтении речей, произнесенных в парламенте, можно подумать, что только рабочий класс достоин внимания общества. И действительно, им занимаются больше всего. Крестьяне, которые гораздо многочисленнее, я полагаю, настолько же должны были бы интересоваться обществом, пользуются весьма мало его вниманием. Для рабочих учреждены пенсионные кассы, общества помощи и страхования от несчастных случаев, дешевые квартиры, кооперативные общества, уменьшены налоги и т. д. Общественные и частные власти без конца извиняются в том, что не все еще сделали в этом направлении. Управляющие промышленными предприятиями тоже следуют этому движению и рабочего окружают теперь самыми разнообразными заботами.

§ 4. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ. ХОЗЯЕВА И РАБОЧИЕ

Несмотря на такое удовлетворительное положение современного работника, можно сказать, что никогда еще отношения между хозяевами и рабочими, т. е. между капиталом и трудом, не были более натянуты. Рабочий по мере удовлетворения его желаний становится все более и более требовательным. Враждебность его к хозяину растет по мере роста получаемых преимуществ. Он приобретает привычку видеть в лице хозяина только врага; понятно, что и

хозяин, со своей стороны, склонен считать своих сотрудников лишь противниками, которых он должен остерегаться, и отвращение к которым он в конце концов не может более скрывать.

Признавая вполне чрезмерную требовательность и несомненную неправоту рабочих, не следует, однако, отрицать и ошибок хозяев. Управление рабочим людом — дело щекотливой и утонченной психологии, требующее внимательного изучения человека. Современный хозяин, ведя дело издали с безымянной толпой, почти совсем ее не знает. Обладая некоторым искусством, можно было бы часто восстанавливать согласие, что доказывает процветание некоторых заводов, где хозяева и рабочие составляют в полном смысле слова одну семью.

Не видя даже своих рабочих, современный хозяин обыкновенно руководит ими при посредстве управляющих, вообще малоискусных. Поэтому он и встречает со стороны рабочих лишь вражду и отвращение, несмотря на все устраиваемые для них общества помощи, пенсионные кассы и т. п., а также на увеличение заработной платы.

97% горнопромышленных обществ выдают пенсии своим рабочим и, как указывает Леруа-Болье, более половины прибылей этих обществ расходуется на учреждения для помощи рудокопам. Все директора промышленных компаний пошли по этому же пути, что им, конечно, крайне легко, так как все расходы от такой филантропии падают на акционеров — людей, которых, как всем известно, можно стричь и безнаказанно обирать. Железнодорожная компания Париж-Лион тратит ежегодно 12 млн. фр. на разного рода благотворительные учреждения; компания восточных железных дорог раздает ежегодно своим служащим 11 млн. фр. (57% дивиденда акционеров) независимо, конечно, от 55 млн. фр. жалованья, распределяемого между его 36.000 служащих. Все железнодорожные общества поступают точно так же, другими словами, проявляют одинаковую щедрость за счет своих акционеров.

Оковы анонимной и, по необходимости, строгой дисциплины заменили прежнюю личную связь. Хозяин иногда заставляет бояться себя, но уже не умеет заслужить любовь и уважение и лишен престижа. Не доверяя своим рабочим, он не предоставляет им никакой инициативы и хочет всегда вмешиваться в их дела (я, разумеется, говорю о народах латинской расы). Он учредит кассы вспомоществования, кооперативные общества и т. п., но никогда не позволит самим рабочим управлять ими. Последние поэтому считают такие учреждения средствами порабощения, спекуляцией и, в лучшем случае, презрительной благотворительностью. Они находят, что их эксплуатируют или унижают, и поэтому раздражены. Нужно иметь очень слабое представление о психологии толпы, чтобы ожидать благодарности за коллективные благодеяния. Чаще всего они порождают лишь неблагодарность и презрение к слабости того, кто так легко уступает всяким требованиям. Тут как раз можно сказать, что способ давать имеет больше значения, чем то, что дают. Синдикаты рабочих, которые, благодаря своей анонимности, могут проявлять и действительно проявляют тиранию гораздо более жестокую, чем тирания самого неумолимого хозяина, благоговейно почитаются. Они обладают престижем, и рабочий всегда им повинуется даже тогда, когда это повиновение сопряжено для него с лишением заработка.

Любопытно, как этот факт подтвердился во время знаменитой забастовки в Кармо. Директор завода испытал на себе, во что обходится неразумная филантропия и слабость. Он платил своим рабочим больше других и завел экономические лапки, где рабочие могли приобретать необходимые продукты продовольствия в розницу по оптовым ценам. Достиженные результаты ясно выражены в следующей выдержке из одной беседы с упомянутым директором, помещенной в газете «Journal» от 13 августа 1895 г.: «Рабочие получали в Кармо всегда больше, чем во всех других местах. Устанавливая более высокую плату, я надеялся, что могу быть уверенными спокойствием. Таким образом, я им выдавал ежегодно на 100.000 фр. больше, чем они получили бы на другом стекольном заводе. И к чему привела эта громадная жертва? Она создала мне те неприятности, каких я хотел во что бы то ни стало избежать». Если бы директор обладал менее элементарной психологией, он предвидел бы, что такие уступки должны были неизбежно вызвать новые требования. В первобытном состоянии все существа всегда презирали доброту и слабость, чувства очень друг к другу близкие, и которые у них не пользовались никаким престижем.

Хозяин современного большого промышленного предприятия все более и более склоняется превратиться в подчиненного на жаловании какой-нибудь компании и, следовательно, не имеет никакого повода к тому, чтобы интересоваться личным составом служащих и рабочих. Он, впрочем, не умеет с ними и говорить. Хозяин маленького дела, который сам был рабочим, часто бывает гораздо строже, но он отлично знает, как нужно обращаться со своими рабочими и умеет щадить их самолюбие. Заведующие современными заводами — в большинстве случаев молодые инженеры, только что выпущенные из какого-нибудь нашего высшего учебного заведения, с большим багажом теоретических знаний, но вовсе не знающие жизни и людей. Совершенно не знакомые, насколько это возможно себе представить, с делом, которое они ведут, они, между тем, не допускают, чтобы какая-нибудь практика людей и вещей могла бы быть выше их отвлеченной науки. Они тем более не будут на высоте своей задачи, что питают глубокое пренебрежение к тому классу людей, из среды которого они довольно часто происходят¹. Никто так не презира-

¹ Слушатели правительственных высших учебных заведений, политехнической школы, центральной школы и проч. пополняются теперь главным образом самыми низшими классами общества. Вступительные и выпускные экзамены требуют напряжения памяти и известного труда, на что способны почти только лица, понукаемые нуждой. Хотя плата в политехнической школе весьма мала, больше половины слушателей не могут вносить ее. Все это сыновья скромных торговцев, слуг, рабочих, мелких чиновников, воспользовавшиеся стипендиями уже в лицах. Согласно одной из статей Шейсона, напечатанной в «Annales des Pouts et Chaussées» за ноябрь 1882 г.,

ет крестьянина, как сын крестьянина, и рабочего — как сын рабочего, когда им удалось возвыситься над своим сословием. Это одна из психологических истин, в которых неприятно сознаваться, как, впрочем, в большинстве психологических истин, но которую все-таки нужно засвидетельствовать.

Гораздо более образованный, чем действительно умный, молодой инженер совсем не в состоянии представить себе (да, впрочем, он этого никогда и не пытается делать) образ мышления и взгляды людей, управлять которыми он призван. Сверх того, он не заботится о том, какие способы воздействия на них наиболее правильны. Всему этому не обучают в школе, и потому все это для него не существует. Вся его психология ограничивается двумя-тремя готовыми понятиями, неоднократно слышанными от окружающих о грубости рабочего, его нетрезвой жизни, необходимости держать его в строгости и т. д. Взгляды и мысли рабочего представляются ему лишь в искаженной отрывочной форме; он всегда будет ошибочно и бестолково касаться столь чувствительного механизма человеческой машины. В зависимости от темперамента он будет слабым или деспотичным, но всегда будет лишен действительного авторитета и престижа.

Представление, которое буржуа составляет себе о рабочем, также не отличается верностью. Рабочий, по его мнению, грубое существо и пьяница. Неспособный на сбережения, он без счета тратит в винной лавке свой заработок, вместо того, чтобы благоразумно проводить вечера дома. Разве он не должен быть доволен своей судьбой и не зарабатывать гораздо больше, чем заслуживает? Ему устраивают библиотеки и беседы, возводят дома с дешевыми квартирами. Чего же ему еще нужно? Разве он способен вести собственные дела? Его надо сдерживать железной рукой, и если устраивать что-нибудь для него, то это нужно делать помимо него, и обращаться с ним следует, как с догом, которому времени от времени бросают кость, если он слишком много ворчит. Можно ли рассчитывать усовершенствовать существо, столь мало способное к совершенствованию? К тому же, разве не принял мир уже давно свою окончательную форму в области политической экономии, морали и даже религии, и что значат все эти стремления к переменам? Ничто, очевидно, не может быть проще такой психологии.

Именно ничем не устранимое взаимное непонимание, существующее между хозяевами и рабочими, делает ныне отношения между ними столь натянутыми. Бессильные, как тот, так и другой, усвоить себе мысли, нужды и наклонности противной стороны, они истолковывают то, чего не знают, согласно со своим собственным складом ума.

Представление, которое составил себе пролетарий о буржуа, т. е. о субъекте, не работающем своими руками, так же неправильно, как и понятие хозяина о рабочем, на которое я только что указал. Для рабочего хозяин — существо жестокое и жадное, заставляющее работать людей только для собственной наживы, сытое, пьяное и предающееся всяким оргиям. Его роскошь, как бы скромно она ни выражалась и хотя бы заключалась лишь в более чистой одежде и в более благоустроенной обстановке, представляется чудовищной и ненужной. Его кабинетные труды — только чистейшие глупости, праздные затеи. У буржуа столько денег, что он не знает, что с ними делать, между тем как рабочий их не имеет. Ничто не могло бы так легко прекратить эту несправедливость, как обнародование нескольких хороших указов, чтобы общество было преобразовано сразу. Заставить богатых вернуть народу его собственность было бы лишь простым исправлением вопиющих несправедливостей.

Если бы пролетарий мог усомниться в правильности своей слабой логики, то не оказалось бы недостатка в красноречиях, более подобоострастных к нему, чем придворные к восточным деспотам, и готовых напоминать ему без конца об его воображаемых правах. Должно быть, наследственность очень прочно укрепила известные понятия в бессознательных областях народной души, если социалисты, работая с давних пор, еще не успели восторжествовать.

Хозяева и пролетарии образуют теперь, по крайней мере у латинских народов, два враждебных лагеря, и так как обе стороны чувствуют себя неспособными преодолеть собственными средствами затруднения, возникающие при их ежедневных сношениях, то они неизменно взывают к вмешательству правительства, показывая таким образом лишней раз неискоренимую потребность нашей расы быть под руководством и свою неспособность понимать общество иначе, как в виде кастовой иерархии под могущественным контролем одного лица. Свободная конкуренция, добровольные товарищества, личная инициатива — понятия, недоступные для нашего национального ума. Постоянный его идеал — получение жалованья под защитой начальства. Этот идеал, без сомнения, низводит пользу, приносимую личностью, к минимуму, но зато он и требует минимума характера и деятельности. И, таким образом, мы снова возвращаемся все к тому же основному положению, что судьбой народа управляет его характер, а не его учредения.

число стипендиатов в политехнической школе, составлявшее в 1850 году приблизительно 30%, в 1880 г. превысило 40%. С того времени цифры только увеличивались. По справке, полученной мною в той же школе в 1897 году, 249 воспитанников из числа 447 ничего не платили за свое содержание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

§ 1. *Общественная солидарность и благотворительность.* Основная разница между солидарностью и благотворительностью. Благотворительность — понятие противообщественное и вредное. Самые полезные проявления солидарности не имеют в основе ни благотворительности, ни альтруизма. Они зиждутся на объединении однородных интересов. Стремление к солидарности есть одно из важнейших стремлений современного общественного развития. Коренные причины этих стремлений. Солидарность заменяет бессильный личный эгоизм могущественным коллективным эгоизмом, из которого каждый извлекает пользу. Солидарность в настоящее время — лучшее оружие слабых.

§ 2. *Современные формы солидарности.* Она возможна только между лицами, имеющими непосредственные однородные интересы. Кооперативные общества. Их развитие у англосаксов. Почему они не прививаются у латинских народов. Акционерные общества. Их сила и польза. Необходимость проведения их в низшие классы. Общества с участием в прибылях; их невыгодные стороны. Каким образом рабочие могли бы с помощью акционерных обществ сделаться хозяевами заводов, на которых они работают.

§ 3. *Синдикаты рабочих.* Их польза, сила и неудобства. Они — необходимое следствие современного развития. неизбежное исчезновение прежних семейных отношений между рабочими и хозяевами.

§ 4. *Промышленные предприятия с общинным управлением.* Муниципальный социализм. Социализация городских управлений в странах не социалистических. Распространение общинного управления в Англии и Германии. Условия успеха этого вида управления. Его неуспех у латинских народов.

§ 1. ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Борьба, на существование которой среди обществ мы указали, ставит лицом к лицу противников с крайне неравными силами. Сейчас мы увидим, как вследствие того, что более слабые объединили свои силы, неравенство в этой борьбе уменьшилось.

Для многих выражение «общественная солидарность» всегда до некоторой степени связано с понятием о благотворительности. Между тем, смысл их совершенно различный. Современные общества заметно стремятся к объединению интересов, все более и более удаляясь от благотворительности. Весьма даже вероятно, что в будущем обществе благотворительность будет считаться проявлением низшего порядка, диким, только с виду будто бы проникнутым любовью к ближнему, но в сущности очень эгоистичным и вообще крайне вредным.

Под солидарностью подразумевается просто объединение, но никак не благотворительность или альтруизм. Благотворительность антисоциальна и вредна; альтруизм отличается искусственностью и бессилием. Рассматривая наиболее полезные создания солидарности — страховые общества, общества взаимопомощи, пенсионные, кооперативные и др., замечаем, что они никогда не имеют в основе ни благотворительности, ни альтруизма, а только сочетание интересов людей, чаще всего не знающих друг друга. Заболевающий или состарившийся имеет право на пенсию, сообразную с размером ежегодного взноса. Он это получает по праву, а не из милости, точно так же, как застраховавшийся на случай пожара имеет право, если это бедствие постигнет его, на получение суммы, на которую он застраховал свое имущество. Он пользуется правом, которое он купил, а не милосердием.

Необходимо твердо усвоить эту разницу, чтобы понять пропасть, разделяющую товарищества, основанные на финансовых расчетах, согласных с теорией вероятности, от учреждений благотворительных, имеющих основанием сомнительную готовность помогать и ненадежный альтруизм небольшого числа лиц. Благотворительные дела не имеют никакого серьезного социального значения, и вот почему вполне справедливо многие социалисты согласны в этом отношении с величайшими мыслителями, совершенно отрицая их. Понятно, что можно только приветствовать устроенные государством за счет общества больницы и учреждения для вспомоществования, необходимые в случаях безотлагательной в них надобности, но благотворительные учреждения, взятые во всей своей совокупности, на практике приносят гораздо больше вреда, чем пользы. При отсутствии невозможного надзора они чаще всего служат для поддержания целых категорий индивидуумов, злоупотребляющих состраданием только для того, чтобы жить в праздности. Самые очевидные результаты благотворительных учреждений — это отвлечение от работы многих бедняков, находящихся, что средства, доставляемые милосердием, обильнее добываемых трудом, и увеличение в громадных размерах профессионального нищенства.

Несметное число учреждений такой мнимой помощи безработным, необеспеченным вдовам, покинутым маленьким китайцам и т. п. хороши только для доставления занятий пожилым дамам без дела или праздным светским людям, дешевым способом желающим спасти душу (без особых затрат) и очень довольным возможностью заполнить свое свободное время хотя бы исполнением где-нибудь обязанностей председателей, докладчиков, секретарей, членов совета, казначеев и т.п. Таким образом они создают себе иллюзию, что были хоть сколько-нибудь полезными здесь, на земле, но жестоко в этом ошибаются.

Стремление к солидарности, т. е. к объединению однородных интересов, столь заметное во всем, быть может, представляет собой самое определенное из новых социальных течений и по всей вероятности одно из тех, которые окажут наибольшее влияние на наше развитие. В настоящее время слово «солидарность» сделалось употребительнее прежних слов о равенстве и братстве и стремится заменить их. Но оно отнюдь не синоним последних. Так как конечную цель союзов, создающихся во имя известных интересов, составляет борьба с другими интересами, то очевидно, что солидарность — только особая форма всемирной борьбы существ или классов. Взятая в том виде, как ее теперь понимают, солидарность низводит наши былые мечты о всеобщем братстве к ассоциациям, ограниченным очень тесными рамками.

Это стремление к солидарности путём ассоциации, которое с каждым днем обрисовывается ярче, имеет разнообразные причины. Самая главная из них — ослабление личной инициативы и воли, точно так же, как и часто наблюдаемая беспомощность их при условиях, созданных современным экономическим развитием. Потребность действовать единолично все более и более исчезает. Едва ли только не через посредство ассоциаций, т. е. с помощью союзов, могут теперь проявляться индивидуальные усилия.

Современных людей понуждает к ассоциации еще одна, более глубокая причина. Потеряв своих богов, замечая исчезновение домашнего очага и не имея более надежды в будущем, они все более чувствуют потребность в поддержке. Ассоциация заменяет собой бессильный личный эгоизм могущественным общим эгоизмом, из которого каждый извлекает пользу. За неимением группировок, основанных на религиозной почве, на узах родства, на общности политических интересов и на других связях, влияние которых все ослабляется, солидарность интересов может связывать людей достаточно крепко.

Этот вид солидарности — почти единственный способ, дающий возможность слабым, т. е. огромному большинству, бороться с сильными и не терпеть от них слишком больших притеснений.

Во всеобщей борьбе, законы которой мы отметили выше, более слабый всегда является совершенно безоруж-

ным против более сильного, а более сильный никогда не задумается раздавить его. Феодалы, а также бароны финансовые и промышленные, до сих пор никогда особенно не щадили тех, кого случай отдавал в их руки.

Такому повсеместному угнетению сильными слабых, с которым ни религии, ни своды законов не могли до сих пор бороться чем-либо другим, кроме пустых слов, современный человек противопоставляет начало ассоциации, объединяющей всех членов одной и той же группы. Солидарность — почти единственное оружие слабых для того, чтобы несколько сгладить и смягчить последствия социального неравенства.

Солидарность далеко не противоречит законам природы, а напротив, может опираться на них. Наука почти не верит в свободу или, по крайней мере, не допускает ее существования в своей области, так как она всюду указывает на явления, управляемые законом строгой связи между ними (детерминизм). Еще менее она верит в равенство, так как биология видит в неравенстве существ основное условие их развития. Что касается братства, то она тоже не может его признать, так как беспощадная борьба — постоянное явление с начала геологических времен. Солидарность, напротив, не опровергается никакими наблюдениями. Некоторые животные, в особенности самые низшие, т. е. слабейшие, существуют только благодаря тесной солидарности, которая одна лишь делает возможной их самозащиту от врагов.

Объединение однородных интересов у разных членов человеческих обществ, несомненно, очень древнего происхождения — оно восходит до первых времен нашей истории, но всегда в известной степени подвергалось ограничению и задерживалось. В тесной области религиозных и экономических интересов оно было едва терпимо. Революция считала полезным делом уничтожение корпораций. Никакая мера не могла быть более губительной для демократических начал, которые она по-видимому защищала. Теперь эти уничтоженные корпорации всюду возрождаются под новыми названиями и в новых формах. При современном развитии промышленности, значительно усилившим разделение труда, возрождение это было неизбежно.

§ 2. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СОЛИДАРНОСТИ

Указав точно основное различие между учреждениями солидарности, основанными на объединении интересов, и теми, которые опираются на благотворительность, бросим беглый взгляд на разные существующие в настоящее время формы солидарности.

Прежде всего очевидно, что вовсе не по необходимости солидарность вызывается одним только фактом совместной работы, успех которой зависит от общих усилий; очень часто наблюдается даже противоположное. Директор, рабочие и акционеры какого-либо предприятия теоретически одинаково заинтересованы в процветании дела, от которого зависит их существование или благосостояние. В действительности же эта вынужденная солидарность лишь прикрывает противоположные интересы, и вовсе не чувства взаимной доброжелательности воодушевляют противоположные стороны. Рабочий желает повышения платы и, следовательно, уменьшения доли акционера, а последний, представителем которого является директор, заинтересован, напротив, в уменьшении вознаграждения рабочего для увеличения своих прибылей. Поэтому солидарности, которая теоретически должна была бы быть между рабочими, директорами и акционерами, вовсе не существует.

Настоящая солидарность возможна только между лицами, имеющими непосредственные, однородные интересы. Именно такие интересы удалось объединить современным синдикатам, которыми мы скоро займемся.

Однако же имеются некоторые виды ассоциаций, которые могут объединять интересы, по существу, противоположные, например, кооперативные общества. Они объединяют противоположные интересы производителей и потребителей, предоставляя им обоюдные выгоды. Производитель охотно удовлетворяется более умеренной прибылью с каждого предмета, если ему гарантирован их большой сбыт, обеспеченный ассоциацией большого числа покупателей.

В больших английских кооперативных обществах объединяются только одинаковые интересы, так как там потребитель в то же время и производитель. Эти общества достигли того, что действительно фабрикуют почти все, что они потребляют, и владеют фермами, производящими хлеб, мясо, молоко, овощи и т. д. Они представляют ту очень большую выгоду, что их члены, из числа самых слабых и неспособных, пользуются умелостью наиболее способных, находящихся во главе предприятий, которые не могли бы без них процветать. Латинские народы еще не дошли до этого.

Я уже раньше показал, что, управляя лично своими различными ассоциациями и особенно кооперативными обществами, англосаксонские рабочие научились вести собственные дела. Французский рабочий слишком пропитан латинскими понятиями своей расы, чтобы быть способным на такую инициативу и на учреждение обществ, которые помогли бы ему улучшить свою участь. Если же, благодаря некоторым способным вожакам, он все-таки основывает что-либо подобное, то немедленно сдает управление посредственным уполномоченным, не внушающим доверия и неспособным ими руководить.

У латинских народов кооперативные общества обставляются, кроме того, мелочными и сложными административными формальностями, свойственными нашему национальному темпераменту, и влечат жалкое существование. Они приходят в упадок тем скорее, что рабочий латинской расы, почти лишенный предусмотрительности, предпочитает покупать изо дня в день в розницу у мелких торговцев, с которыми он болтает, и которые охотно открывают ему дорого оплачиваемый кредит, вместо того, чтобы обращаться в большие оптовые склады, где приходится пла-

тить наличными и где не могут отпускать товар по мелочам.

Между тем, избавление от посредников устройством кооперативных обществ составило бы для французского рабочего большой материальный расчет. Исчислено, что во Франции суммы, переплачиваемые посредникам, стоящим между производителями и потребителями, превышают ежегодно семь миллиардов, т. е. они почти в два раза больше взимаемых с нас налогов. Требования посредника гораздо обременительнее требований капитала, но рабочий этого не замечает и потому переносит их безропотно.

Самую распространенную из современных форм ассоциаций и в то же время самую безличную представляют акционерные общества. По прекрасному выражению Леруа-Болье, они составляют «господствующую черту экономической организации современного общества... Они простираются на все: на промышленность, финансы, торговлю, даже на земледелие и на колониальные предприятия. Уже почти у всех народов они являются обычным орудием для выполнения механического производства и эксплуатации природных богатств... Анонимное общество точно призвано сделаться властелином вселенной, поистине, это наследник падших аристократий и прежней феодальной системы. Владычество над миром принадлежит ему, так как приходит час, когда весь мир будет обращен в акционерные общества. Такие общества, — говорит названный писатель, — продукт не богатства, а демократического строя и раздробления капиталов между большим числом рук».

Действительно, акционерная организация — единственно возможная форма ассоциации небольших капиталов. По-видимому, эта форма имеет своим основанием коллективизм, но только по-видимому, так как она в действительности допускает свободу участия в предприятии и выхода из него, и притом размер прибылей строго пропорционален затраченной энергии, т. е. сумме сбережений каждого участника. В тот день, когда рабочий с помощью акционерной системы сделался хотя бы анонимным, но заинтересованным совладельцем завода, на котором он работает, совершился бы огромный прогресс. Быть может, именно посредством этой плодотворной формы ассоциаций и произойдет освобождение рабочих классов в экономическом отношении, если только оно возможно, и несколько сгладятся естественные и социальные неравенства.

До сих пор акционерные общества не проникали еще в народные массы. Единственная форма ассоциации, подходящая несколько (правда, очень мало) к этой форме эксплуатации, это та, при которой имеет место участие в прибылях. Несколько обществ, основанных на таком принципе, достигли хороших результатов. Если эти общества не очень многочисленны, то это отчасти оттого, что правильная их организация требует исключительных и, следовательно, всегда очень редких способностей.

Из ассоциаций последнего типа можно назвать: малярное предприятие, основанное в 1829 году Леклером, принадлежавшее фирме Редули и К^о в Париже, завод Гиза в Энском департаменте, завод Лекена в Бельгии и др. Первое предприятие приносит своим участникам — всем рабочим этого дома — 25% прибыли и выдает через известное число лет пенсию в 1.500 фр. В настоящее время таких пенсий начисляется 120.

Фамилистер Гиза — род общины, в которой ассоциация капитала с трудом достигла превосходных результатов. В 1894 году общий оборот превысил 5 миллионов фр. и дал 738.000 фр. чистого дохода.

Во Франции и за границей насчитывают ныне более 300 подобных учреждений, где введено участие в прибылях.

В Англии самое знаменитое из таких предприятий — это общество «Справедливых пионеров в Рочдэле», основанное в 1844 году 28-ю участниками-рабочими с очень скромным капиталом. Оно насчитывало в 1891 году 12.000 участников с капиталом в 9 миллионов фр. Обороты его ежегодно достигают 7.400.000 фр., принося 1.300.000 фр. прибыли.

Ассоциации этого рода имели такой же успех в Бельгии, например «le Woruit» в Генте. В Германии также насчитывается много таких же вполне процветающих ассоциаций. Также за последние годы основано несколько их и в Северной Италии, но там, как и во Франции, большая часть из них от недостатков в управлении должна будет исчезнуть. Они организованы совершенно на латинский лад, т. е. так, что судьба предприятия зависит исключительно от лица, поставленного во главе, так как члены ассоциации не обладают ни способностью, ни намерением принимать деятельное участие в управлении общим делом, подобно англосаксонским рабочим.

Главным камнем преткновения таких обществ является то обстоятельство, что участие в прибылях заставляет также участвовать и в убытках, очень частых и неизбежных в промышленности. Пока дело приносит доходы, участники прекрасно уживаются, но лишь только оно является убыточным, согласие обычно быстро пропадает. В Америке несколько лет тому назад был случай, поразительно доказывающий справедливость этого. Поджоги, разрушившие большие мастерские Компании Пульмана, затем грабежи и дикие разгромы указывают, чему подвергаются эти большие предприятия, когда успех им изменяет.

Компания Пульмана создала обширные мастерские, в которых работало 6.000 человек; для них и для их семей был создан красивый город, насчитывавший 13.000 жителей, пользовавшихся во всем современным комфортом: большим парком, театром, библиотекой и т. п. Дома могли быть приобретаемы только рабочими, становившимися собственниками посредством ежегодного незначительного взноса.

Пока дела процветали, царствовало довольство и благосостояние. В продолжение нескольких лет рабочие внесли в сберегательные кассы около 4 млн. фр. Но как только заказы замедлились (по случаю плохих оборотов железнодорожных обществ, клиентов завода), Компания Пульмана, чтобы не работать в убыток при полном комплекте рабочих, не отказывая ни одному из них, была вынуждена уменьшить заработную плату с 11 на 7,5 фр. в день. Это обстоятельство вызвало настоящую революцию. Мастерские были разграблены и сожжены, рабочие устроили за-

бастовку, распространившуюся на железные дороги и повлекшую за собой такие насилия, что президент республики Кливленд должен был объявить военное положение. Только с помощью картечи могли справиться с мятежниками.

Мне очень мало верится в прочную будущность этих обществ с участием в прибылях; они слишком отдают рабочего во власть хозяина и связывают его с ним на слишком долгий срок. Хозяин, кроме того, не имеет никакого действительного интереса в участии рабочих в его прибылях, так как он отлично знает, что они всегда откажутся от участия в убытках и возмутятся, как только эта убыточность выяснится. Только из чисто филантропических побуждений или из страха хозяин соглашается разделить свои прибыли с рабочими, и никто не может его к этому принудить. Можно основать что-нибудь прочное на интересе, представляющем собой фактор надежный и неизменный, но не на филантропии или страхе, т. е. чувствах изменчивых и всегда кратковременных. Филантропия, вместе с тем, настолько близка к жалости, что не вызывает никакой благодарности в тех, кем она занимается. Полагаю, что при виде своих пылающих заводов Пульман должен был приобрести те полезные сведения в практической психологии о значении филантропии, какие не приобретаются из книг, и незнание которых зачастую обходится очень дорого.

Единственно возможная форма участия в прибылях, безусловно охраняющая интересы хозяина и рабочего, а также сохраняющая за ними независимость друг от друга, это форма акционерного общества, которая привлекает одновременно к участию и в убытках и в прибылях, т. е. представляет собой единственную справедливую и, следовательно, приемлемую комбинацию. Акция, выпущенная по цене в 25 фр., как некоторые английские акции, доступна каждому, и я удивляюсь, почему еще не основано заводов, акционерами которых были бы исключительно рабочие. Когда трудящийся люд был бы таким образом превращен в капиталистов, заинтересованных в успехе предприятий, их нынешние требования потеряли бы всякий смысл, так как они работали бы исключительно для себя. Рабочему, желающему по какой-либо причине перейти, на другой завод, нужно было бы, как обыкновенному акционеру, лишь продать свои акции, вернув себе, таким образом, свободу действий. Единственное затруднение заключалось бы только в выборе лиц, способных управлять заводами, но опыт скоро научил бы рабочих оценивать способных людей и удерживать их у себя соответствующим вознаграждением.

Уже давно я дал некоторые указания по этому предмету в одной из моих книг. Эта книга попала в руки одному бельгийскому инженеру, ведущему обширные промышленные предприятия; он был поражен практической пользой моей идеи и сообщил мне о своем желании провести ее в жизнь. Я горячо желаю ему успеха. Крупное препятствие, очевидно, кроется в привлечении неимущих рабочих к подписке на образование капитала, необходимого для организации какого-нибудь дела, например, завода. Для первого опыта я не усматриваю другого способа к осуществлению такого плана, как продажа целого или части какого-нибудь уже действующего завода своим рабочим подобно тому, как продают завод акционерам, но при условиях, позволяющих рабочим постепенно сделаться его собственниками. Представим себе, например, заводладельца, желающего обратить свой завод в акции для продажи своим рабочим. Предположим еще, что он постоянно платил им по 5 фр. в день. Допустим, что впредь он им будет платить только $4\frac{3}{4}$ или $4\frac{1}{2}$, фр., и что разница будет удерживаться в пользу каждого рабочего до тех пор, пока итог удерживаемых ежедневно незначительных сумм образует стоимость акции в 25 фр. Эта акция, приносящая дивиденд, помещается в общественную кассу на имя ее владельца, с правом пользования купонами по его желанию, но без права продажи самой акции в течение известного числа лет, чтобы устранить соблазн избавиться от нее. Продолжая эту операцию, рабочий в скором времени явился бы обладателем более или менее значительного числа акций, доходы с которых быстро покрыли бы вышеупомянутое уменьшение его заработка и обеспечили бы его старость. Он сделался бы тогда капиталистом, живущим доходами, без всякого участия государства.

Нравственный результат, достигнутый таким образом, был бы для рабочего еще важнее материальной выгоды. Он с полным правом стал бы считать завод своей собственностью и интересоваться его успехом. Присутствуя на акционерных собраниях, он научился бы сначала понимать, а потом и обсуждать дела. Он скоро уяснил бы себе роль капитала и взаимную связь между экономическими законами. Сделавшись сам также капиталистом, он перестал бы быть простым поденщиком. В конце концов он вышел бы из своей узкой сферы и расширил бы свой ограниченный кругозор. Союз капитала с трудом постепенно заменил бы антагонизм, существующий теперь между ними. Интересы, находящиеся ныне в борьбе, слились бы между собой. Человек дела и разума, сумевший собственным примером первым осуществить эту идею, мог бы быть признан одним из благодетелей человечества.

Мы не можем здесь рассмотреть все виды солидарности. Если мы не изучили одного из самых важных видов ее, — синдикатов, — то только потому, что этому виду мы сейчас посвятим особый параграф. Однако существует еще одна форма солидарности, о которой мы должны упомянуть. Она представляет собой союз лиц, объединенных на короткое или продолжительное время для того, чтобы добиться какой-нибудь реформы или защищать известные интересы.

Этот вид ассоциации, сравнительно новый у латинских народов, существует уже давно у народов, долгое время пользующихся свободой и умеющих ею распорядиться, например, англосаксов.

«Если здесь, — говорит Тэн об Англии, — кому-нибудь пришла хорошая мысль, он сообщает ее своим друзьям; многие из них находят ее хорошей. Все вместе доставляют необходимые средства, распространяют эту идею, привлекают к ней симпатии и подписки. Симпатии и подписки все прибывают, распространение в публике увеличивается. Снежный шар постепенно растет, стучится в дверь парламента, приотворяет, а потом и распаивает или вышибает ее. Вот механизм реформ, вот как самостоятельно устраивают свои дела, и нужно сказать, что всюду в Анг-

лии имеются комья снега, готовые обратиться в такие шары».

Именно при посредстве таких ассоциаций, как «Лига свободного обмена», основанная Кобденом¹, англичане достигли самых полезных реформ. Парламент подчиняется их воле, как только становится ясным, что они выражают народное желание.

Несомненно, что никто, каким бы влиятельным его ни считали, единолично не может достигнуть того, чего достигает ассоциация, представляющая многочисленные коллективные интересы. Бонвало в интересном сообщении указал, чего может достигнуть группа лиц, имеющих одинаковые интересы.

«Touring-Club», насчитывающий более 70.000 членов, в настоящее время составляет силу. Он не только снабдил велосипедистов² путевыми картами, дорожниками, уменьшенными ценами в гостиницах, спасательными станциями, но и расшевелил ужасную администрацию путей сообщения и заставил устроить циклические дороги. Он смирил грозные железнодорожные компании; он превратил грубых таможенных чиновников в вежливых людей и сделал, таким образом, проезд через границу приятным».

Картина — блестящая, но очень прикрашенная. «Touring-Club» основался без затруднений, потому что каждый из его членов, при крайне незначительном взносе, рассчитывал получить поддержку могущественной ассоциации, необходимость в которой могла представиться ему ежедневно, и которая своими услугами должна была возратить ему сделанный взнос сторицей. Я мог, однако, удостовериться, что в действительности этого почти нет. Организация этой ассоциации очень скоро приняла латинский характер.

§ 3. СИНДИКАТЫ РАБОЧИХ

Синдикаты имеют целью группировать под общим управлением лиц с тождественными интересами и чаще всего принадлежащих к одной и той же профессии. Число и могущество их ежедневно возрастают. Они зародились в силу условий, созданных современным развитием промышленности.

Именно рабочие классы сумели лучше всех извлечь пользу из синдикатов, и достигнутые ими результаты заслуживают самого внимательного изучения. Действительно, не всеобщая подача голосов, но, главным образом, синдикаты дали рабочим их нынешнее могущество. Эти синдикаты сделались оружием малых, слабых, которые могут отныне договариваться на равной ноге с самыми богатыми и влиятельными денежными и промышленными тузами. Благодаря этим ассоциациям, отношения между хозяевами и рабочими, нанимателями и служащими начинают совершенно изменяться. Хозяин уже не является для них тем неограниченным властелином, всеопекающим отцом, который ведет дело бесконтрольно, управляет массами трудящегося люда по своему усмотрению, устанавливает условия работы, разрешает вопросы о сохранении здоровья, о гигиене и т. д. Навстречу воле хозяина, его фантазиям, слабостям или заблуждениям выдвигается теперь синдикат, представляющий из себя, благодаря численности и единству воли, силу, почти равную его собственной. Сила, без сомнения, деспотическая для его соучастников, но она свелась бы на нет, если бы перестала быть таковой.

Латинские синдикаты требуют от своих членов безусловного повиновения, и благодаря своей безымянности могут обращаться с ними круче любого тирана. Вспомним историю с рабочим-литейщиком, которого синдикат плавильщиков меди подверг бойкоту за то, что он отказался оставить службу на заводе, бывшем под бойкотом у самого синдиката. Не находя нигде работы, так как заводчики, принявшие его к себе на службу, подвергли бы свои мастерские запрещению, он был вынужден, чтобы не умереть с голоду, искать удовлетворения судом. Благодаря многолетней настойчивости, он добился решения, заставившего синдикат уплатить ему 5.000 фр. Выходит, что рабочий может отделаться от одной тирании лишь при условии подпасть под другую, но, по крайней мере, эта последняя может оказать ему некоторые услуги. Общественные власти крайне страшатся синдикатов и считаются с ними, как с действительной силой. Внимание всего мира обращено на них. Когда угрожала общая забастовка французских рудокопов, газеты следили за совещаниями полдюжины рабочих депутатов, заседавших в винной лавке, с таким же интересом, как если бы дело шло о государственном совете, решающем вопрос о войне или мире. Министры принимали представителей синдиката, как принимали бы они послов иностранной державы, и почтительно обсуждали их самые невероятные требования.

Эти синдикаты являются, по-видимому, необходимым следствием современной эволюции, поэтому они так быстро и распространяются. В настоящее время даже вне рабочей среды нет корпорации (бакалейщики, угольщики, метельщики и др.), которая не объединялась бы в синдикат. Естественно, что и хозяева, со своей стороны, вступают в синдикаты для самозащиты; но во Франции хозяйских синдикатов 1.400 со 114.000 участников, тогда как рабочих синдикатов 2.000, и число членов их превышает 400.000. Существуют синдикаты, например, железнодорожных служащих, насчитывающие по 80.000 членов. Это могущественные армии, которые беспрекословно повинуются своим начальникам, и с которыми, безусловно, нужно считаться. Они составляют силу, часто слепую, но всегда грозную, оказывающую трудящимся услуги во всех случаях, хотя бы только для поднятия их нравственного уровня или превращения боязливых наемников в людей,

¹ Ричард Кобден был одним из лидеров фритредеров. Основные принципы этого направления в экономической теории и практике — свобода торговли и невмешательство государства в частную предпринимательскую деятельность. С помощью Лиги был отменен «хлебный закон», запрещающий ввоз иностранного хлеба и распространена свобода торговли на все мануфактуры.

² Т. е. путешественников на велосипедах.

имеющих право на уважение и с которыми нужно обращаться, как с равными.

Так как латинские народы, к несчастью, одарены очень властолюбивыми наклонностями, то у них синдикаты рабочих проявляют такой же деспотизм, каким отличались прежде их хозяева. Участь последних в настоящее время стала далеко незавидной. Следующие строки из речи бывшего министра Барту дают понятие об их положении.

«Находясь постоянно под угрозой законов, охраняющих свободу синдикатов, постоянно рискуя подвергнуться грубым проявлениям законной власти и тюремному заключению; не имея больше действительного авторитета над рабочими, обремененные расходами по кассам прогулов, несчастных случаев, вспомогательным на случай болезни и старости; лишенные возможности относить эти расходы на счет рабочих ввиду громадности, могущей вызвать возмущения народа; обижаемые еще прогрессивным налогом на капитал, приобретенный ценой всех этих трудностей и всех этих унижений; оставаясь хозяевами лишь по названию с тем, чтобы испытывать несчетные случайности и подвергаться всякому риску — обескураженные хозяева, стоящие во главе промышленных предприятий, откажутся, отрекутся или, по крайней мере, будут работать без увлечения и без энергии, уклоняясь от своих занятий; как сборщики податей последних веков Римской империи».

Такие жалобы раздаются не только во Франции. Даже в Англии, где роль рабочих синдикатов в течение долгого времени считалась полезной, начинают признавать их слишком деспотичными как по отношению к хозяину, так и к рабочему. Особенно боятся их политического значения, которое может сделаться значительным ввиду того, что члены этих синдикатов образуют в настоящее время четверть всего состава избирателей.

Сила, стоящая выше всех установлений, а именно необходимость, несомненно, смягчит столь натянутые и полные горечи в настоящее время отношения. Рабочий, относящийся теперь к хозяину враждебно, поймет в конце концов, что интересы хозяев заводов и работающих на них однородны, и что как первые, так и последние повинуются общим господам: покупателям и экономическим законам, единственным действительным регулятором заработной платы.

Во всяком случае, прежние семейные или самовластные отношения между хозяевами и рабочими, господами и слугами теперь окончательно исчезли. Мы можем сожалеть об этом, как мы сожалеем об умерших, отлично зная, что больше их не увидим. В будущей мировой эволюции все будет управляться лишь экономическими интересами. Чтобы охранять и защищать себя, человек уже не будет обращаться к благотворительности и милосердию, но исключительно к солидарности. Милосердие и благотворительность — это мертвые и лишенные обаяния пережитки прошлого, умирающего на наших глазах. Будущее уже не будет их знать.

§ 4. ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ С ОБЩИНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ. МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Современный век — век тесно сплоченных сообществ. Цивилизация — вещь слишком сложная и слишком трудная, чтобы громадное большинство людей могло легко в ней разобраться. Им необходима помощь, поддержка. Мы наблюдаем, как все больше создается разных учреждений, вызываемых этой настоятельной потребностью.

Для однородных нужд известной ограниченной группы, заключающей в себе лиц одной профессии, существуют синдикаты. Для различающихся между собой нужд, имеющих все-таки коллективный характер, например, для гигиенических условий города, существовали во все времена местные управления, но никогда еще не пытались они брать на себя такие многочисленные и разнообразные обязанности, как то наблюдается в некоторых странах в настоящее время. Круг их ведения расширяется с каждым днем.

Движение это особенно развивается в Англии, стране, как известно, очень мало склонной к социализму. Городские управления приняли теперь там на себя, исключительно, впрочем, в экономических соображениях, целый ряд предприятий: освещение, перевозку и т. д. Они часто имеют успех просто потому, что во главе их стоят способные люди с практической складкой, что встречается далеко не у всех народов.

По словам Бурдо, «полнейшее переустройство города в самый короткий срок было произведено в Глазго. Город обязал домовладельцев снести все дома, признанные вредными для здоровья; рабочие кварталы были преобразованы. Воздвиглись громадные корпуса общественных построек, которые сдаются в наем самим городским управлением по умеренным ценам. Город устроил бани, прачечные, скотобойни, художественные галереи, музей, библиотеки, богадельни, промышленные школы и т. д., и все это благодаря доходам, получаемым городом от взятых им в руки разных успешно работающих предприятий общественного пользования: трамваев, водоснабжения, газового и электрического освещения. Стоимость газового освещения была значительно понижена».

Вот несомненный социализм, если хотят дать этому слову неопределенно широкое толкование, но тогда следовало бы называть социалистическими также все кооперативные и даже акционерные общества. Между тем известно, что Англия, практикующая этот вид общинного социализма, почти не посылала социалистов в парламент.

Немецкие города идут по следам английских городских управлений; там также способные люди не редкость, и потому они тоже преуспевают в своих предприятиях, хотя и не в такой степени, как в Англии.

«Города Империи, свободные от партийного духа, организовали профессиональные школы, библиотеки, страховые кассы, бесплатные конторы для предоставления мест; они изыскивают средства против безработицы. Вопрос о городских аптеках, стоявший на очереди, решен в Кельне. Многочисленные города работают над увеличением земельной собственности общины. Жилища для рабочих составляют предмет забот всех классов общества. В Баден-

ском Великом Герцогстве, в Страсбурге, в Гамбурге городские управления отдают в наем целые дома для рабочего населения... Как в Англии, города стремятся к тому, чтобы общественные предприятия не эксплуатировались акционерными обществами.

С 1847 года Берлинское городское управление получило право основать газовый завод; с 1876 года оно вполне распоряжается общественными работами и добивается еще большей автономии.

Все это движение происходит помимо социалистов».

Во Франции этот вид муниципального социализма потерпел неудачу почти повсюду, потому что в небольшом числе городов, где его пытались применить, он вводился только неспособными политиками, принадлежавшими большей частью к самым низшим классам общества. Были города, некогда славившиеся ученостью, например, Дижон, поработанные болтовней нескольких вожakov, которые избирали социалистический городской совет, где фигурировали два сапожника, кузнец, виноторговцы, несколько странствующих приказчиков, садовники, чернорабочий и т. п. Во время последних выборов там избрали в мэры простого железнодорожного артельщика. В Рубе точно так же организовалось социалистическое городское управление, долго предававшееся самым странным фантазиям; состояло оно большей частью из кабатчиков и разносчиков газет. Начали они с учреждения должностей на 75.000 фр. для своих родственников. Избиратели Рубе, сообразившие наконец, что для управления большим городом необходимы все-таки некоторые познания, кончили тем, что отделались от своего социалистического городского совета.

Что препятствует социалистическим муниципалитетам причинять Франции слишком большое зло, так это ограничение разных фантазий центральной властью, на утверждение которой должны представляться в большей своей части постановления муниципальных советов до приведения их в исполнение. Примеры Дижона, Рубе, Бреста и проч. прямо указывают, насколько децентрализация, столь превосходная в теории, была бы неосуществима у латинских народов. Конечно, эта централизация тяжела, стеснительна и разорительна, но она, тем не менее, необходима, так как без нее мы немедленно погрузились бы в ужасную анархию.

Эти опыты революционного коллективизма в малых размерах чрезвычайно поучительны, и, в назидание обществу, можно лишь пожелать, чтобы они участились, хотя бы с риском разорить несколько городов. Опыт — один из редких способов доказательства, доступных толпе. Опыты муниципального социализма дают довольно ясное понятие о возможных результатах коллективизма, если бы ему удалось завладеть большой страной.

«Социалистический опыт, — говорит газета «Temps», — чуть-чуть не погубил навсегда процветание коммуны в Рубе. Административные попытки коллективистов и их финансовые фантазии открывали эру беспорядка, хищения и разорения.

Рубе испытал революционное иго. Он стряхнул его. Но не безнаказанно большой город испытывает тиранию и своеобразие коллективизма. Опыт стоит дорого, а потому надо радоваться, когда он непродолжителен и не оставляет за собой непоправимого разорения. Нравоучение из всей этой истории заключается в том, что последнее слово принадлежит всегда здравому смыслу, с условием, однако, не переставать бороться за него. Только настойчивостью и энергией Рубе был отвоеван у революционеров. Хороший пример для подражания!»

Конечно, пример для подражания. К сожалению, нужны недожинные люди для одержания такой победы. Личности достаточно смелые, чтобы идти против народных течений, а не боязливо следовать за ними, становятся все реже. Такие мужественные защитники социального строя достойны нашего удивления и заслуживают памятников. Простой начальник мастерской сумел создать в Рубе движение, результатом которого, против всех ожиданий, явилось поражение социалистического городского совета и депутата, считавшегося одним из главарей партии коллективизма.

Если опыты социалистического городского управления, иногда довольно удачные в Англии и Америке, имеют так мало успеха во Франции и Италии, то просто потому, что, как я уже заметил, непременное условие этого успеха состоит в том, чтобы во главе управления стояли очень способные люди. Самые увлекательные политические мнения не могут заменить самых скромных практических способностей. Если бы рабочие классы умели самоуправляться, руководить предприятиями, устанавливать законы и правила, они вовсе не нуждались бы в буржуазии, без которой не могут теперь обойтись. Если только рабочий обладает достаточными способностями, он при одном этом условии уже близок к переходу в буржуазию. В Англии и Америке он видимо приближается к такому сословию, в Германии он еще довольно далек от него, у латинских же народов рабочему до этого сословия еще очень далеко.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОМЫШЛЕННЫЕ СИНДИКАТЫ

§ 1. *Распространение закона группировки однородных интересов.* Этот закон применяется также в крупной промыш-

ленности. Промышленные синдикаты. Они распространяются теперь в странах, наиболее различающихся между собой.

§ 2. *Американские тресты.* Они представляют собой синдикаты промышленной монополии. Их основные характерные черты. Однородные заводы скупаются трестом, а не вступают в синдикаты. Неограниченное могущество главарей трестов. Они устанавливают сдельную плату и размеры производства. Как образуются тресты. Их финансовые операции. Почему заводы принуждены вступать в тресты. Число трестов в Америке. Каким образом они служат интересам публики. Полнейшее бессилие американских законов против трестов. Несмотря на их хищнический характер и пренебрежение к законности, тресты положили начало промышленному и торговому первенству Соединенных Штатов.

§ 3. *Синдикаты промышленного производства в Германии.* Их отличие от американских трестов. Заводы, занимающиеся одной и той же отраслью промышленности, вступают в синдикат, а не скупаются. Цель синдикатов — устранение конкуренции между однородными отраслями производства и поддержание продажных цен. Только синдикат имеет право сноситься с клиентами, определять размеры производства и назначать продажные цены. Немецкие синдикаты поддерживаются правительством.

§ 4. *Синдикаты промышленного производства во Франции.* Отсутствие солидарности у латинских народов всегда препятствовало объединению промышленников в синдикаты. Законы совершенно не поддерживают эти синдикаты. Незначительное число промышленных синдикатов во Франции. Они не имеют никакого влияния на продажные цены.

§ 5. *Будущность синдикатов промышленного производства.* Они являются результатом современного развития, но не доказано, что они могут долго бороться с конкуренцией, которую они хотят устранить. Немецкие синдикаты, основанные для устранения конкуренции, в настоящее время являются жертвой иностранной конкуренции. Невозможно предвидеть исход современного экономического развития. Оно все более и более ускользает от влияния законов и правил.

§ 1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАКОНА ГРУППИРОВКИ ОДНОРОДНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Мы уже не раз видели в этом труде, что синдикаты и ассоциации, одним словом, группировки однородных интересов, составляют одно из характерных явлений настоящего времени. Хозяева, рабочие, служащие все более и более объединяются. Нам остается изучить одну новую, недавно народившуюся форму синдиката, значение которой стремится сделаться преобладающим.

Уменьшение доходности капиталов вследствие постепенного увеличения заработной платы, а также и конкуренции между производителями, заставило крупных промышленников составлять монопольные синдикаты, предназначенные для устранения конкуренции, уменьшения заводской стоимости изделий и поддержания продажных цен. Их быстрое развитие в самых различных странах, несомненно, указывает на то, что они отвечают известной экономической эволюции.

Возникли они в Америке. Их развитие быстро приняло там гигантские размеры. Они также развились в Германии, но в несколько иной форме. Мы займемся их изучением, главным образом, в этих двух странах.

§ 2. АМЕРИКАНСКИЕ ТРЕСТЫ

Американские промышленные синдикаты называются обыкновенно трестами, хотя они и отказались пользоваться этим наименованием.

Трест представляет собой промышленный монопольный синдикат производителей, заводы которых соединились не в виде общества или компании, а посредством покупки одним или несколькими капиталистами, являющимися в синдикате полновластными хозяевами. Эта монополизация производства похожа на скупку товара, хотя несколько отличается от нее. Скупка — явление коммерческое, а не промышленное, и длительность его, по необходимости, очень непродолжительна. Скупщик покупает для того, чтобы, уменьшив обращение на рынке известного товара, которого сам не фабрикует и чаще всего даже и не видит, иметь возможность продать его дороже. Промышленный синдикат скупает производство, а не товар. Интерес, который представляло бы для него замедление производства продукта с целью сделать его более редким и тем возвысить его ценность, сдерживается в известных пределах неудобствами дезорганизации его мастерских и увеличения общих расходов на производство, расходов, уменьшающихся сообразно с увеличением его размеров.

Синдикаты, образуемые с целью монополизации производства, стремятся не только к уменьшению этих общих расходов, но особенно к уничтожению конкуренции между однородными учреждениями, и, следовательно, стараются препятствовать понижению продажных цен за известные пределы.

Тресты могли добиться громадного могущества, которым они обладают в Америке, только потому, что каждый из них управляется одним лицом, пользующимся неограниченной властью. Соединенные заводы не только просто объединены в синдикаты, как это практикуется в Германии, но скуплены одним капиталистом на средства, которые он может собрать при помощи разных финансовых комбинаций. Неизменное правило, соблюдаемое при создании этих синдикатов в Соединенных Штатах, заключается в том, чтобы они были в одних руках. Американцы охотно признают в политике преимущество представительного управления, но в области промышленности и торговли они отдают предпочтение полному самодержавию.

В силу этого принципа различные американские тресты почти всегда управляются одним хозяином. Например,

нефтяной трест, образовавшийся из соединения целого ряда нефтеочистительных заводов, имеет во главе одно лицо. Стальной трест, который объединяет почти все металлургические заводы Америки и владеет более значительным флотом, чем многие европейские государства, также находится в руках одного хозяина. Эти властители направляют дело по своему усмотрению, не допуская никакого контроля, увольняя управляющих заводами, которых они находят неподходящими, определяя размер производства, вознаграждение рабочим и продажные цены. Они стараются как можно теснее специализировать работу каждой фабрики для уменьшения расходов по производству и увеличения таким образом доходов. Благодаря таможенным пошлинам, поддерживаемым законодателями, находящимися обычно на их жаловании, им нечего бояться какой-либо иностранной конкуренции.

Тресты возникают всегда одним и тем же порядком. Финансист, поддерживаемый синдикатом капиталистов или без этой поддержки, скупает все заводы, занимающиеся выделкой известного продукта, чтобы таким образом достигнуть полной монополизации всего производства.

Естественно, нужно быть очень крупным капиталистом, чтобы предпринимать подобные операции, в особенности когда они достигают таких огромных размеров, как покупка всех американских металлургических заводов за сумму в 5 миллиардов фр., как это сделал недавно один финансист¹.

Впрочем, создатели этих колоссальных предприятий вовсе не имеют надобности владеть миллиардами, которые представляют их ценность. Им даже не приходится истратить копейки, если они пользуются достаточным престижем. Заставить выдать себе ценностей на 5 миллиардов без всяких затрат очень просто, если можно занять эту сумму. Единственный займодавец, могущий доставить такую сумму, конечно, публика. Выпускают акции, которые раскупаются публикой, и вырученными деньгами расплачиваются с прежними владельцами заводов.

На практике операция эта довольно сложна и сопровождается проделками, удивительно ловко придуманными, но по своей безнравственности, по-видимому, значительно превосходящими подвиги разбойников, грабивших в старину на больших дорогах. Идеалом основателей трестов всегда было получение денег с публики, не давая ей ничего в обмен, и зачастую этот идеал вполне достигался. Успех их образа действий объясняется только тем, что большая часть трестов возникла почти одновременно. Акции каждого треста бывают двух совершенно различных категорий: акции с известными преимуществами и обыкновенные. Первая из них приносит из доходов предприятия, до распределения прибылей, столько-то (обыкновенно 7) процентов их номинальной стоимости. Они никогда не предлагаются публике; представляя стоимость заводов, вошедших в трест, они выдаются в уплату их бывшим владельцам. Что же касается обыкновенных акций, единственно выпускаемых в обращение, то они предоставляют право лишь на остаток от прибылей, если таковой окажется, но до сих пор основатели трестов устраивали так, что таких остатков не оказывалось. Де Рузье, у которого я заимствую эти подробности, замечает, что нельзя указать треста, который выдавал бы дивиденды на акции, обращающиеся в публике. Не принося никакого дивиденда, эти акции, естественно, страшно упали. Выпущенные по цене в 500 фр., они теперь большей частью котируются ниже 150 фр. Владельцы трестов нисколько на это не жалуются. Когда цена акций подходит достаточно близко к нулю, они их скупают и могут тогда выдавать на них крупные дивиденды, которые им ничего не стоят, потому что эти дивиденды получают они же сами. Акции, естественно, поднимаются в цене, что дает возможность основывать потом новые тресты при помощи таких же приемов и отчасти избавляться от неприятных криков со стороны дочиста обобранных акционеров.

Возникает вопрос, какой интерес для разных заводов соглашаться на эти операции и вступать в трест, где они совершенно теряют свою самостоятельность? Они вступают в него главным образом потому, что пример предприятий, пробовавших сопротивляться, показывает, что всякий отказ в согласии служит сигналом к беспощадной войне, в которой, безусловно, будешь побежден. Основатели трестов, имеющие в своих руках большинство железных дорог, назначением разорительных перевозных тарифов немедленно ставят упорствующее предприятие в невозможность перевозить свои товары. Если же предприятие находится в условиях, позволяющих ему, несмотря на это, отправлять свои товары, оно все-таки не избежит своей участи — трест будет продавать с убытком, пока не разорит конкурента. В большинстве случаев предпочитают продать заведение, чем дать себя разорить в конце.

В 1899 году в Америке было 353 треста с капиталом в 29 миллиардов фр. Как я уже сказал, тресты устанавливаются, безусловно, в пользу их совладельцев цены на все предметы потребления: зерновой хлеб, хлопок, металлы и др., причем, благодаря почти запретительным таможенным пошлинам, не боятся никакой иностранной конкуренции. Они начинают обыкновенно с уменьшения заработной платы и увеличения продажных цен. «Standard oil Trust» уволил сразу 1.500 рабочих и уменьшил на 15% плату остальным. «Tin plate Trust» в один год удвоил цену жести. При вывозе своих товаров за границу тресты, напротив, уменьшают цены с целью вызвать разорение иностранных предприятий.

О соблюдении интересов публики не было речи во всем предыдущем, и читатель, я полагаю, и не воображает, чтобы этот интерес мог входить в расчет хоть на одно мгновение при таких операциях. Участие, которое проявляют основатели трестов к публике, походит приблизительно на то, какое выказывает грабитель своей жертве или мясник баранам на бойне.

И однако, в силу одних естественных законов, которым и тресты, несмотря на их могущество, не могут не подчиняться, публика все-таки извлекает несомненные выгоды из существования этих синдикатов. Вследствие объединения

¹ Видимо, имеются в виду спекуляции Моргана, создавшего вместе с Карнеги Стальной трест «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшен».

заводов в одних руках, общие издержки производства сокращаются, специализация увеличивается и заводские цены значительно уменьшаются. Трест, установивший монополию, конечно, старается поднять цены, но так как всегда выясняется, что, продавая дешевле, продашь гораздо больше, цены в конце концов понижаются, и цена на производимый трестом товар отпускается ниже прежней стоимости. Это именно и случилось с медным трестом «Amalgamated Copper Co¹⁸». Он сперва пробовал поднять цены на медь, но потом, получая мало барыша, скоро их сбавил.

Это, по крайней мере, одно из объяснений понижения цены на медь, которая в январе 1902 года упала до 47 фунтов стерлингов, между тем как за несколько месяцев до того была 75 фунтов. Весьма возможно, что настоящая причина удешевления скрывалась, как предполагали, в желании американского медного треста в конце разорить европейские синдикаты (которые старались удержать повышение цен на этот металл) для того, чтобы иметь возможность скупить за бесценок их заводы.

Американские рабочие, правда, пробовали бороться с трестами, но они были слишком слабы, чтобы очень долго им противиться. Тресты, впрочем, приносят им ту пользу, что уменьшают число случаев приостановки работ и безработицы и особенно приучают их к необходимости объединяться более тесно, чем объединялись они до сих пор. Когда все рабочие, услугами которых пользуется трест, будут во власти главы своего союза и будут располагать денежными сбережениями, позволяющими им выдерживать более продолжительную борьбу, они в любой момент будут в состоянии остановить все производство и добиться увеличения платы. Очевидно, что так как трест богаче рабочего, то он может бороться гораздо дольше, и рабочий всегда будет побежден, но так как борьба эта обходится очень дорого, то прямой интерес треста избегать ее и уменьшать плату лишь в самых исключительных случаях.

Американские тресты принимают часто такие безнравственные и варварские формы, что законодательство долго не переставало с ними бороться. После многолетних безрезультатных столкновений пришлось признать, что государство недостаточно сильно, чтобы бороться с такими грозными противниками, и оно отказалось от борьбы. В борьбе закона с трестами первый совершенно и окончательно был побежден. Нет ни того права, ни того правосудия, которые можно было бы противопоставить могуществу миллиардов. Законы молчат перед ними, как они молчали в былое время перед завоевателями.

Все владельцы трестов не без основания считают себя могущественными властелинами. Вот несколько выдержек из очень поучительной беседы сотрудника газеты «Journal» с директором стального треста во время недавнего пребывания его в Париже.

«— Да, действительно, мы могущественнее, чем когда-либо был какой-либо монарх. Зачем мы будем это отрицать? Наш трест «United States Steel and Iron Corporation», президентом которого я состою, платит ежегодно жалованье 600.000 служащих у него лиц в размере 200 миллионов долларов, т. е. миллиард франков. От наших служащих зависят непосредственно 5 или 6 миллионов и косвенно 15 миллионов человеческих существ. Наш трест владеет железными дорогами и 217 пароходами. Он достаточно силен, чтобы предписывать свою волю железнодорожным обществам, подвижным составом которых ему угодно пользоваться. Да, мы могущественны, очень могущественны!

Во время недавних забастовок я боролся с рабочими ассоциациями решительно и ожесточенно и сломил их сопротивление.

— Несмотря на то, — заметил журналист, — благодаря вашей системе, бедный гражданин уже не пользуется никакой свободной волей; он не более как вещь, ничтожная единица, поглощенная громадной общиной, попавшая в систему зубчатых колес. За ним уже не признается ни достоинства, ни прав...

Властелин разразился смехом и не торопясь дал объяснение, которое вам может показаться несколько циничным:

— Милостивый государь, я думаю, что когда, благодаря хорошему заработку, людям хорошо живется, они не особенно заботятся о своих правах. Правда, эти новые приемы все более и более ведут к уничтожению индивидуальности, но я вполне допускаю, что опасность поглощения личности массой представляет некоторые затруднения, без преодоления которых невозможно ее устранить.

Спрошенный затем о том, каковы приемы производства французской промышленности, директор треста ответил:

— Old fashioned¹! Отсталые, рутинные. Это средние века. Говорю вам это откровенно: вы страшно отстали. Из всех европейских стран только Германия сумела ловко воспринять самые прогрессивные приемы промышленности. Немецкий промышленник — новатор и, кроме того, он не парализован, как его английские собратья, тиранией рабочих союзов».

Если хотят судить о трестах только по окончательным результатам их деятельности, не касаясь их варварских приемов, их пренебрежения ко всякой законности, способов обирания публики, то следует признать, что они достигли результата, которого и не добивались: промышленного и торгового первенства Соединенных Штатов. Это первенство выражается теперь все возрастающим вывозом американских товаров. В очень короткое время, с 1890 по 1900 г., вывоз железа возрос со 123 до 600 миллионов; вывоз земледельческих машин — с 19 до 80 миллионов,

¹ Старомодные (англ.).

химических продуктов — с 31 до 66 миллионов, кожевенных изделий — с 62 до 136 и т. д. Общая сумма их вывоза увеличилась с 5 миллиардов в 1897 г. до 7,5 миллиардов в 1901 г. Для Англии и Германии, в особенности для первой, этот наплыв товаров был губелен. Экономическая борьба, свидетелем которой в настоящее время является весь мир, только по виду менее кровопролитна, чем сражения. Она не менее губельна для побежденных. Приверженцы всеобщего мира пока не подозревают этого.

§ 3. СИНДИКАТЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГЕРМАНИИ

В Германии также существуют промышленные синдикаты, но совершенно другого характера, чем только что описанные. Вместо того, чтобы учреждать монополии, образуемые соединением однородных предприятий, скупленных одним лицом, немецкие промышленные синдикаты образуются путем ассоциации нескольких предприятий, сохраняющих свою независимость в отношении управления и способов производства, но подчиняющихся, в интересах объединившихся членов, известным условиям производства и установления продажных цен так, чтобы не конкурировать между собой. Эти ассоциации, по крайней мере по виду, представляются общепользовными, и потому признаются и поддерживаются государством.

Синдикаты немецких промышленников известны под названием картелей. Все они, например, синдикаты вестфальский каменноугольный, представляющий интересы 100 рудниковых обществ, сахарный, зеркального производства и др., имеют совершенно одну и ту же организацию. Представителем синдиката является бюро, пользующееся исключительным правом установления продажных цен и сношений с покупателями. Оно продает товар в пользу членов синдиката, но по цене, назначаемой исключительно им. Таким образом, члены синдиката не могут конкурировать между собой. Если синдикат не имеет бюро, что встречается очень редко, то продажные цены, а также размер производства каждого завода, определяет стоящий во главе синдиката комитет. Особые инспектора наблюдают за точным исполнением договора. За малейшее нарушение принятых правил налагаются большие штрафы.

Уставы немецких синдикатов несколько различаются между собой, но все содержат следующие два основных положения: продажа по одинаковым ценам, во избежание конкуренции однородных предприятий, и запрещение увеличивать размер производства каждого завода в отдельности, чтобы не заваливать рынок, так как это обстоятельство, несмотря ни на какие уставы, непременно повлекло бы за собой падение цен.

Немецкие картели составляются преимущественно для сбыта совершенно одинаковых продуктов. Существуют большие картели для фабрикации паровозов, вагонов, добывания угля и т. п., и малые — для производства менее важных предметов: ходких материй, так называемого китайского атласа, материй для обтяжки зонтиков и др. Совсем нет синдикатов для продажи предметов роскоши и так называемых предметов «de fantaisie»¹, слишком разнообразных и потому не подходящих под условия определения общих цен — таковы дорогие ткани, обои, кружева, художественные произведения и т. д. Чем однороднее товар, тем легче образовать синдикат. Владельцы спиртных заводов, продукты которых совершенно одинаковы, могли легко объединиться, несмотря на то, что их насчитывалось 4 тысячи. Все продукты их производства продаются одним синдикатом, имеющим 26.000 складов.

Таких синдикатов возникает все больше и больше. Число их, составлявшее в 1879 г. лишь 14, достигло в 1896 г. 260.

§ 4. СИНДИКАТЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ВО ФРАНЦИИ

В латинских странах вообще, и в частности, во Франции, где дух солидарности очень мало развит и где, сверх того, торгово-промышленное законодательство крайне осторожно, формально и относится малосочувственно к инициативе и очень враждебно ко всему, похожему на монополию, движение промышленного объединения, которое мы наблюдаем в Америке и Германии, развилось очень мало и очень неуверенно. Мы не имеем почти других синдикатов, кроме эксплуатирующих привилегии или отрасли промышленности, требующие крупных капиталов (например, очистка нефти). Из правильно организованных синдикатов можно назвать разве синдикат крупных сахарозаводчиков, в котором состоят всего четыре участника; затем — нефтеочистительный синдикат, имеющий 17 участников, и несколько мелких синдикатов, например, лиможский синдикат фабрикантов соломенной бумаги, синдикат фабрикантов стекла, металлургический синдикат в Лонгви, занимающийся плавкой простого чугуна. В последнем участвует 11 обществ, для которых он является единственным представителем в продаже.

Большинство этих синдикатов имеет слишком мало значения, чтобы играть какую-нибудь роль в установлении рыночных цен, в чем именно и должна бы состоять их главная цель. Благодаря отсутствию духа солидарности, замечаемому у латинских народов, наши промышленники скорее готовы примириться с прозябанием своих заводов и даже с их закрытием, чем объединиться для взаимной поддержки.

Между тем, если есть на свете страна, в которой объединение промышленников было бы необходимо, то это, конечно, Франция. Каждый день мы видим предприятия, находящиеся в опасности, например, трамвайное, изнемогающее под бременем общих расходов, которые разумное товарищество сумело бы очень сильно сократить.

¹ Прихоти (фр.).

Точно так же дело обстоит и с нашими пароходными компаниями, которые влачат столь жалкое существование. В случае образования ассоциации, эти предприятия не только уменьшили бы свои расходы, но имели бы полную возможность бороться с рабочими союзами, постоянно устраивающими самые нелепые забастовки единственно по наущению некоторых политиканов, которым они на руку.

Не думаю, чтобы латинские народы обладали организаторским умом, достаточным для управления большими промышленными синдикатами, и им нужно опасаться (а может быть, надеяться, этого я пока еще не знаю), что американцы явятся основывать тресты в Европе. Недавно было сообщено, что они намеревались уже скупить все предприятия передвижения в Париже, как они, кажется, пытались завладеть всеми германскими линиями морского сообщения.

§ 5. БУДУЩНОСТЬ СИНДИКАТОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Трудно сказать с уверенностью, долго ли продержится закон сосредоточения промышленного производства в том виде, в каком он господствует теперь в Америке и Германии. Закон этот, по крайней мере в настоящее время, оказывает известные услуги и, по-видимому, является необходимым последствием общего течения, увлекающего всех людей в сторону объединения однородных интересов. Но одно уже то обстоятельство, что синдикаты основываются преимущественно для избежания конкуренции и, следовательно, для борьбы с естественным законом, управляющим развитием отдельных личностей и обществ, позволяет предположить, что они просуществуют недолго в своем настоящем виде.

Действительно, они имеют очень искусственный характер, нарушают все принципы спроса и предложения и могут возникать лишь под защитой сильнейшей таможенной охраны. Поэтому экономические законы в конце концов, наверное, одолеют их. Нет серьезных оснований предполагать, что эти законы не будут управлять будущей мировой эволюцией, хотя и необходимо засвидетельствовать, что народы чем дальше, тем больше направляются в противоположную сторону. Каждый день воздвигаются более и более тяжелые таможенные препятствия и возникают новые, все более деспотические синдикаты. Усматривается поразительное разногласие между прежней экономической наукой и всеми организациями, которые развиваются на наших глазах.

Некоторые наблюдаемые в настоящее время последствия синдикатов промышленного объединения как будто показывают, что экономические законы остаются незыблемыми. Когда европейские промышленные синдикаты, благодаря своей организации, достигли продажи своих продуктов по очень выгодным ценам, то, естественно, повысили затем свое производство. Тогда наступил момент перепроизводства, намного превысившего местный спрос, и пришлось искать покупателей в других странах; но так как там тоже существуют свои охранительные таможенные пошлины, то явилась необходимость продавать по очень низким ценам, чтобы возместить покровительственные тарифы. Цены эти, выгодные для покупателя, скоро сделались недостаточно выгодными для производителей. Фабриканты начали поэтому ходатайствовать перед своими правительствами о поощрении вывоза премиями, которые могли выдаваться только за счет плательщиков налогов. Часто их ходатайства удовлетворялись, и это привело к такому поистине забавному результату: тогда как потребители оплачивают крайне дорого продукт местного производства, иностранные покупатели получают его по очень дешевой цене. Такое явление долго наблюдалось во Франции по отношению к сахару. Он стоил там очень дорого, а иностранные потребители, покупавшие его у нас, платили за него в четыре раза меньше (из-за вывозной премии, предоставленной фабрикантам). Уплата премий сводилась просто к тому, что каждый раз, когда сахарозаводчик продавал иностранному потребителю очень дешево фунт сахара, мы вознаграждали его известной суммой за труд и за уменьшение его барышей. От такой невероятной операции в выигрыше оказывались только одни иностранцы.

Германия, несмотря на свою мудрую промышленную организацию, скоро испытает на себе эти неожиданные последствия экономических законов, которые она надеялась пересилить.

Чтобы избежать иностранной конкуренции, немецкие промышленники объединились в синдикаты, и государство поддержало их таможенными законами, затрудняющими ввоз чужих товаров. Тем не менее оказывается, что несмотря на искусную организацию, таможенные препятствия сделались призрачными и не мешают промышленности Соединенных Штатов очень серьезно угрожать промышленности Германии.

Конечно, американский экспорт должен был миновать Германию, так как его товары не имели туда доступа, но тогда он обратился в страны, менее ограждаемые таможенными законами и покупавшие прежде у Германии. Вследствие дешевизны продаваемых предметов, товары покупаются там теперь американские, а не немецкие, и германский рынок завален собственными товарами, на которые он не находит покупателей. Германия не имеет возможности фабриковать так дешево, как Америка, потому что ее рабочие не так способны и искусны. Принужденная продавать свои товары в убыток, она является жертвой неизбежного закона конкуренции, против которого не могут очень долго защищать народ даже самые драконовские меры.

Исход некоторых из тех конфликтов, которые грозят возникнуть в близком будущем, будет, вероятно, весьма неожиданный. Промышленные синдикаты могут существовать в настоящее время, кажется, только под защитой таможенных пошлин. Однако похоже на то, что именно они роковым образом вызовут окончательное уничтожение этих пошлин.

Что всего яснее выступает среди явлений, возникающих и развивающихся на наших глазах, и что никак нельзя было предусмотреть, так это то положение, что роль правительств в государствах все более и более ограничивается и все более и более обуславливается экономическими законами, действующими вне сферы правительственной деятельности. Эти законы функционируют с механической правильностью, и самые насильственные меры, созданные в мечтах социалистов, были бы также бессильны видоизменить совершающийся по этим законам ход событий, как слова, обращенные к потоку, бессильны изменить его течение. Нам нужно стараться приспособиться к ним и не тратить напрасно силы на борьбу с ними. Человек, подчинявшийся прежде своим богам, уставам и законам, теперь повинуется законам экономическим, которые ничто не может смягчить, и могущество которых гораздо страшнее власти деспотов былых времен. Бесполезно было бы их проклинать, так как им приходится подчиняться. Ход человеческих судеб не изменяется регламентами.

КНИГА СЕДЬМАЯ

СУДЬБЫ СОЦИАЛИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДЕЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДВИДЕНИЙ

§ 1. *Понятие о неизбежности в современном представлении об исторических явлениях.* Изменения, внесенные наукой в наше современное мировоззрение. Понятие об эволюции и о неизбежности. Почему социология в современном ее состоянии не может представить собой науку. Ее бессилие предвидеть события. Исторические предвидения были бы возможны для ума, неизмеримо превосходящего человеческий. Полезность понятия о неизбежности явлений.

§ 2. *Предвидение социальных явлений.* Невозможность точно предвидеть социальные явления, хотя они и повинуются известным законам. Наши предвидения — не более как гипотезы, основанные на аналогиях, и должны ограничиваться лишь очень близким будущим. Наше общее неведение первоначальных причин всех явлений.

§ 1. ПОНЯТИЕ О НЕИЗБЕЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

Вскоре нам придется изложить вкратце наши предположения относительно будущности социализма. Не лишним будет предварительно исследовать, в каких пределах наука допускает эти предположения и с какими оговорками можно их формулировать.

Как только успехи наук раскрыли перед человеком строй вселенной и правильную связь явлений, его общее представление о вещах изменилось. Еще не так давно благожелательное Провидение направляло течение событий, непосредственно руководило человеком, решало исход сражений и вершило судьбу империй. Как предвидеть Его веления? Они были неисповедимы. Как оспаривать Его определения? Они были всемогущи. Перед Ним народам оставалось лишь покорно преклоняться и смиренными молитвами стараться умиловить Его гнев или произвол.

Новые мировоззрения, сложившиеся под влиянием научных открытий, освободили человека от власти богов, когда-то созданных его воображением. Эти мировоззрения не даровали ему большей свободы, но показали ему, что бесполезно пытаться влиять молитвами на непреклонное и неумолимое сцепление законов, управляющих вселенной.

Дав нам некоторое понятие о последовательном ряде этих законов, наука познакомила нас с общим процессом преобразования нашей планеты и с ходом развития, благодаря которому жалкие существа первых геологических эпох пришли с течением времени к своей современной форме.

Когда законы этого развития были выяснены по отношению к отдельным существам, их попытались применить и к человеческим обществам. Современные исследования показали, что и общества прошли через целую серию низших форм, прежде чем достигли уровня, на котором мы их видим теперь.

Из этих исследований возникла социология: отрасль научных познаний, которая, быть может, и приобретет со временем прочное положение, но которой до сих пор приходилось ограничиваться лишь регистрацией явлений, но не удавалось предугадать ни одного из них.

Именно вследствие этой неспособности предусматривать, социология не может считаться не только наукой, но даже зачатком ее. Совокупность сведений заслуживает названия науки только тогда, когда она дает возможность определять условия явления и, следовательно, позволяет его воспроизводить или, по крайней мере, предусматривать заранее его осуществление. Таковы химия, физика, астрономия и, до некоторой степени, даже биология. Со всем не такова социология. Все, что она может сказать нам (и что даже не ею открыто), заключается в том, что нравственный мир, подобно физическому, подчинен непреложным законам; то, что мы называем «случаем», есть бесконечная цепь неведомых нам причин.

Но запутанность этих причин делает невозможным всякое точное предвидение. Не только предвидения, но просто некоторого понимания социальных явлений можно достигнуть не иначе, как изучив в отдельности каждую из действующих причин и исследовав потом их взаимодействие. Теоретически этот прием тот же, что применяется в астрономии для определения пути светил. Когда количество взаимодействующих элементов очень велико, современная наука оказывается бессильной выяснить окончательный результат этого взаимодействия. Определить относительные положения трех тел, массы и скорости которых различны и которые действуют друг на друга — задача, в

продолжение долгого времени не поддававшаяся проницательности знаменитейших математиков.

Для социальных явлений существует уже не три причины, а целые миллионы причин, взаимодействие которых нужно определять. Как же тогда предчувствовать окончательный вывод при такой запутанности? Чтобы получить просто общие и краткие указания, не говоря уже даже о приблизительных выводах, нужно поступать как астроном, который, пытаясь определить положение неизвестного светила по тем возмущениям, какие оно производит в движении светила известного, не гонится за тем, чтобы объять своими формулами совокупное действие всех тел вселенной. Он пренебрегает второстепенными возмущениями, которые сделали бы задачу неразрешимой, и довольствуется приблизительным решением.

Даже в самых точных науках приблизительные выводы суть единственные, которые может достигнуть наш слабый ум. Но такой ум, о каком говорит Лаплас, «который в каждый данный момент распознавал бы все оживляющие природу силы и взаимное положение населяющих ее существ, если притом он был бы достаточно обширен, чтобы подвергнуть анализу все эти данные, такой ум в одной формуле мог бы выразить движения величайших тел вселенной и легчайшего атома. Такому уму было бы все ясно: будущее, как и прошедшее, было бы у него как перед глазами».

Мы не знаем, появлялся ли хоть водном из миллионов миров, совершающих свой безмолвный путь по небесному своду, такой ум, о каком говорит Лаплас, ум, который мог бы прочесть в окружающем нас тумане происхождение человека, фазы его истории и тот час, когда для последних существ на нашем остывшем шаре наступит последний день. Не будем слишком завидовать такой прозорливости. Если бы книга судеб была открыта перед нашими глазами, то самые могучие двигатели человеческой деятельности скоро были бы сокрушены. Те, которых Сивилла античного мира посвящала в тайны будущего, бледнели от ужаса и устремлялись к священному источнику, влага которого даровала забвение.

Величайшие умы — Кант, Стюарт Милль и новейшие психологи, например, Гумплович, утверждают, что если бы психология личностей и народов была хорошо изучена, то мы могли бы предусматривать их действия. Но это лишь значит высказывать, только в другой форме, ту же гипотезу Лапласа, т. е. предполагать известными элементы слишком многочисленные, чтобы мы могли их знать, с взаимодействием слишком сложным, чтобы мы могли подвергнуть его анализу.

Итак, нам следует довольствоваться сознанием, что нравственный мир также подчинен известным законам, и решительно отказаться от мысли знать последствия этих законов в будущем.

Это понятие о неизбежности, которое современная наука все более и более старается установить, не есть пустая, совершенно для нас бесполезная теория. Оно, по крайней мере, приучает нас быть терпеливыми и позволяет приступить к изучению социальных явлений с хладнокровием химика, анализирующего какое-нибудь тело или исследующего плотность газа. Оно учит нас точно так же не раздражаться событиями, идущими вразрез с нашими понятиями, как не раздражается ученый при неожиданном результате произведенного им опыта. Философ не может негодовать на явления, подчиненные неизбежным законам. Следует ограничиваться установлением этих явлений в уверенности, что ничто не могло бы помешать их осуществлению.

§ 2. ПРЕДВИДЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Итак, социология должна ограничиваться регистрацией явлений. Каждый раз, когда ее приверженцы, даже самые прославленные, такие как Огюст Конт, пытались вступить в область предсказаний, они ошибались самым плачевным образом.

В особенности государственные люди, живущие среди политических событий и, казалось бы, более искусные в наблюдении за их течением, менее всего умеют их предусматривать.

«Сколько раз, — пишет Фулье, — события опровергали предсказания пророков! Наполеон когда-то предсказал, что Европа скоро будет оказана. Он же предсказывал, что Веллингтон водворит в Англии деспотизм, потому что этот генерал слишком велик, чтобы остаться обыкновенным частным человеком».

«Если вы даруете независимость Соединенным Штатам, — говорил не более прозорливый лорд Шельборн, — солнце Англии закатится, и слава ее навсегда померкнет».

Берк и Фокс соперничали между собой в ложных предсказаниях относительно французской революции; первый из них утверждал, что вскоре Франция «подвергнется разделу, как Польша»¹. Мыслители всякого рода, чуждые живой действительности, почти всегда оказывались более прозорливыми, чем простые государственные люди. Ведь никто иной, как Руссо, как Голдсмит предсказали французскую революцию; Артур Юнг предвидел, что во Франции после кратковременного периода всяких насилий и неистовства «наступит прочное благоденствие как результат реформ». Токвиль за тридцать лет до самого события предсказывал, что южные штаты в Американской республике сделают попытку к отделению. Гейне говорил за много лет вперед: «Вам, французам, следует бояться освобожденной и объединенной Германии более, чем всего священного союза и всех казаков вместе взятых». Кинэ в 1832 г. предсказывал перемены, происшедшие затем в Германии, предугадал роль Пруссии, угрозу, нависшую над голова-

¹ Эдмунд Берк и Чарльз Фоке были членами вигов (партии аристократов и крупной буржуазии) и осуждали Французскую революцию.

ми французов, и попытку железной руки вновь захватить ключи Эльзаса. И все это потому, что у большей части государственных людей, поглощенных событиями настоящей минуты, близорукость делается естественным состоянием.

Это действительно есть их естественное состояние, и не трудно понять, что философы, умеющие не поддаваться интересам минуты, могут иногда высказывать очень верные предсказания. В своей вступительной речи во Французской академии Дешанель, бывший тогда президентом палаты депутатов, показал, насколько ошибочны могут быть предсказания государственных людей и насколько точны предсказания философов.

В продолжение тридцати лет слепая дипломатия, направляемая еще более слепым императором, ничего не видела, ничего не понимала, не могла ничего предусмотреть. Цепляясь за неопределенные принципы, столь же ребяческие, как принцип национальностей, она вызывала войны, вроде войны с Австрией за Италию, послужившей причиной всех наших бедствий¹. В течение этих тридцати лет простой философ Эрве совершенно ясно предвидел следующие события.

За семь лет вперед он предсказал австро-прусскую войну 1866 г., а после Садовы², когда крайне недалекие дипломаты и журналисты радовались успехам Пруссии, которая, разгромив Данию и Австрию, готовилась сразиться и Францию, Эрве писал: «Не вступая в бой, Франция только что потерпела наиболее серьезное после Ватерлоо поражение. Война между Францией и Пруссией неизбежна. Она будет внесена в самое сердце той или другой из этих стран». Единственным еще не исполненным предсказанием этого мыслителя является поединок между германцами и славянами.

Для того, чтобы предвидеть все это, конечно, был необходим лишь светлый здравый ум, а государственные люди принимают слишком близкое участие в текущих событиях, чтобы проявлять такой ум. Совсем недавно, во время осады посольств в Китае, ни один из проживавших в Пекине дипломатов не предвидел грозивших им событий и последовавшей затем войны³, дорого стоившей. Их интересовали гораздо больше вопросы этикета, чем то, что происходило вокруг них.

Между тем, у них не было недостатка в предупреждениях, но они исходили извне, от лиц, мнение которых, очевидно, не могло приниматься в расчет, так как они не принадлежали к дипломатическому кругу. Тотчас после захвата Киао-Чау, довершившего ряд нарушений прав Китая со стороны западных народов, морской офицер Л. де Соссюр предсказывал в «Journal de Geneve», что «чаша вскоре переполнится и очень скоро разразится государственный переворот, который, по всей вероятности, начнется с низложения императора».

Как бы то ни было, философ должен быть всегда довольно осторожен в своих предсказаниях, не идти в них далее лишь очень общих указаний, выведенных главным образом из глубокого изучения характера рас и их истории, а во всем остальном ограничиваться установлением фактов.

Оптимизм или пессимизм, какими мы окрашиваем установление фактов, представляют собой только известные оттенки изложения, могущие облегчить эти объяснения, но не имеющие сами по себе никакого значения. Они зависят только от темперамента и особенностей данного ума. Мыслитель, привыкший наблюдать неумолимое сцепление вещей, в большинстве случаев придаст своей оценке событий пессимистическую окраску; оценка событий ученым, для которого мир представляет собой лишь любопытное зрелище, будет иметь характер безропотной покорности всему происходящему или равнодушия ко всему. Исключительно оптимистические представления о вещах и событиях встречаются почти только у одних совершенных глупцов, избалованных судьбой и довольных своей участью. Но если мыслитель, философ и, случайно, человек слабого ума умеют наблюдать, то их выводы относительно явлений неизбежно будут одинаковы настолько же, как фотографии одного и того же памятника, снятые различными фотографами.

Подвергать суду уже совершившиеся события, устанавливая ответственность тех или других, расточая порицания или похвалы, как то делают многочисленные историки, — занятие совершенно ребяческое, которым историки будущего основательно будут пренебрегать. Сцепление причин, создающих события, гораздо могущественнее людей, принимающих в них участие. Самые достопамятные из великих исторических событий, например, падение Вавилона или Афин, упадок Римской империи, реформация, революция, последние наши погромы — все это должно приписывать не отдельным личностям, а целым поколениям. Картонный паяц, который, не подозревая существования двигающих его нитей, порицал бы или восхвалял движения других паяцев, конечно, был бы совершенно не прав.

Человеком руководит среда, обстоятельства и, в особенности, воля мертвых, т. е. те таинственные наследственные силы, которые в нем живут. Они управляют большей частью наших поступков и имеют тем большую силу, что мы их не замечаем. Когда в редких случаях мы имеем свои собственные мысли, то они воздействуют разве лишь на еще не родившиеся поколения.

Наши действия — наследие долгого прошлого; все последствия их скажутся только в будущем, которого мы уже не увидим. Один только переживаемый нами период времени имеет для нас некоторую ценность, а между тем, в жизни расы это такой короткий промежуток времени, что он не имеет почти никакого значения. Нам даже невоз-

¹ Имеется в виду сражение при Аустерлице в 1805 г.

² Т. е. после разгрома австро-саксонской армии под городом Садова в 1866 г.

³ Имеется в виду китайско-французская война 1884–1885 г.г.

можно оценить действительную важность событий, происходящих перед нашими глазами, потому что влияние их на нашу личную судьбу заставляет нас преувеличивать их значение. Эти события можно сравнить с маленькими волнами, беспрестанно появляющимися и исчезающими на поверхности реки, и не влияющими на ее течение. Насекомое, унесенное на листочке и поднимаемое этими волнами, принимает их за целые горы и совершенно основательно боится их напора. На самом же деле влияние их на течение реки равняется нулю.

Основательное изучение социальных явлений приводит нас к следующему двоякому положению: с одной стороны, эти явления управляются длинной цепью законов и, следовательно, могут быть предусмотрены высшим разумом, но с другой — такое предвидение в большинстве случаев недоступно таким ограниченным существам, как мы.

Между тем человек всегда будет стараться приподнять завесу, скрывающую от него непроницаемое будущее, даже сами философы не могут избежать этого тщетного любопытства. Но, по крайней мере, они знают, что их предвидения — только гипотезы, основанные преимущественно на аналогиях, заимствованных у прошлого, или выведенные из общего хода вещей и основных черт характера народов. Они знают также, что предвидения, даже самые верные, должны ограничиваться лишь ближайшим будущим, и что даже в этом случае, по многим неведомым причинам, они могут не оправдаться. Прозорливый мыслитель, изучая общее настроение умов, конечно, мог предвидеть французскую революцию за несколько лет до ее начала, но как бы он мог предугадать появление Наполеона, завоевание им Европы и империю?

Итак, научный ум не может выдавать за достоверные свои предвидения относительно состояния общества в далеком будущем. Он видит, что некоторые народы возвышаются, другие идут к упадку, а так как история прошлого учит, что склонность к упадку почти никогда не прекращается, то он имеет основание сказать, что те, которые начали спускаться по наклонной плоскости, будут продолжать падать. Он знает, что учреждения не могут изменяться по воле законодателей. а видя, что социалисты хотят совершенно расстроить всю организацию, на которой покоятся наши цивилизации, он легко может предсказать катастрофы, которые последуют от этих попыток. Конечно, это только очень общие предсказания, несколько приближающиеся к категории тех простых и вечных истин, которые известны под названием общих мест. Самая передовая наука должна довольствоваться этими весьма недостаточными приближениями.

Что же, в самом деле, могли бы мы сказать о будущем, когда мы почти совсем не знаем даже того мира, в котором мы живем, и когда наталкиваемся на непроницаемую стену каждый раз, как только пожелаем узнать причину явлений и исследовать действительность, скрывающуюся за внешностью? Сотворены или не сотворены видимые нами предметы, действительно ли они существуют или нет, вечны они или скоропреходящи? Оправдывается ли существование мира или нет? Обусловлены ли происхождение и развитие вселенной волей высших существ или же управляются слепыми законами, той верховной судьбой, которой, по понятиям древнего мира, все должно повиноваться: и боги и люди?

В мире нравственном наши сомнения ничуть не меньше. Откуда мы пришли? Куда мы идем? Все наши мечты о счастье, справедливости и правде, иное ли что, как только иллюзии, созданные приливом крови к мозгу и совершенно противоречащие убийственному закону борьбы за существование? Все эти опасные вопросы оставим под сомнением, потому что сомнение граничит с надеждой. Мы несемся на удачу по волнам океана неведомых вещей, которые становятся все более и более таинственными по мере того, как мы силимся определить их сущность. И только изредка в этом непроницаемом хаосе загораются иногда на мгновения какие-нибудь огоньки, какие-нибудь относительные истины, которые мы называем законами, когда они не представляются слишком скоропреходящими.

Нужно примириться с тем, что нам дано лишь знание этих неопределенностей. Правда, это ненадежные руководители, но только они нам и доступны. Науке уже не приходится признавать других. Древние боги не дали нам лучших. Конечно, они дали человеку надежду, но не они научили его извлекать пользу из окружающих его сил и тем облегчать свое существование.

К счастью для человечества, оно не призвано искать побуждений для своих действий в этих недоступных и холодных областях чистой науки. Оно всегда нуждалось в чарующих иллюзиях и пленяющих галлюцинациях. Ни в тех, ни в других никогда не было недостатка. Химеры политические, иллюзии религиозные, мечты социальные всегда держали нас в своей деспотической власти. Эти обманчивые призраки были и вечно будут нашими властителями.

С тех пор, как человек вышел из первобытного варварства, он в течение тысячелетий неустанно создавал себе иллюзии, которым поклонялся и на которых созидал свои цивилизации. Каждая из них очаровывала его в течение некоторого времени, но всегда наступал час, когда она теряла для него обаяние, и тогда он употреблял на ее разрушение столько же усилий, сколько потратил ранее на ее созидание. Теперь еще раз человечество возвращается к этой вечной задаче, быть может единственной, которая может заставить его забыть жестокость судьбы. Теоретики социализма только снова начинают трудное дело создания новой веры, призванной заменить веру древних веков, в ожидании того времени, когда роковой круговорот вещей обречет и ее, в свою очередь, на гибель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БУДУЩНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА

§ 1. *Условия, в которых социализм находится в настоящее время.* Краткий обзор благоприятных и неблагоприятных условий развитию социализма. Социализм гораздо более является умственным состоянием, чем доктриной. Опасность его заключается не в том, что к нему примыкает толпа, а в том, что он привлекает просвещенные умы. Социальные перевороты начинаются всегда сверху, а не снизу. Пример французской революции. Состояние умов в момент французской революции. Аналогия его с современной эпохой. Правящие классы теряют в настоящее время всякую веру в справедливость своего дела. Обещания социализма.

§ 2. *Что обещает успех социализма тем народам, среди которых он восторжествует.* Мнения великих современных мыслителей. Они все приходят к одинаковым заключениям. Ближайшая судьба народов, у которых установится социализм. Разложение общества и анархия скоро приведут к цезаризму. Гипотеза о мирном и постепенном водворении социализма.

§ 3. *Как мог бы социализм захватить управление страной.* Современные армии и их умственное состояние. Гибель любого общества неизбежна, если его армия обратится против него. Каким образом впали в анархию испанские республики в Америке, благодаря деморализации их армии.

§ 4. *Как можно успешно бороться с социализмом.* Необходимость знать секрет его силы и слабости, равно как и умственный склад его приверженцев. Способы воздействия на толпу. Как гибнут общества, когда естественные их защитники отказываются от борьбы и усилий. Не понижение уровня умственных способностей, а ослабление характеров является причиной гибели народов. Как погибли Афины, Рим и Византия.

§ 1. УСЛОВИЯ, В КОТОРЫХ СОЦИАЛИЗМ НАХОДИТСЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Мы пытались в этом труде определить главные факторы современной эволюции общества. Мы исследовали влияние открытий и изменений в науке и промышленности, влияние сближения между народами, достигнутого посредством пара и электричества, влияние изменений в образе мыслей и влияние многих других факторов. Человек, как и все живые существа, не может жить, не приспособиваясь к своей среде. Он приноравливается к ней посредством медленного процесса развития, а не посредством насильственных переворотов. Так как причины, вызвавшие современную эволюцию, возникли слишком недавно, чтобы мы могли располагать каким-либо средством в точности узнать, к чему они приведут, то мы могли указать лишь в общих чертах, каково должно быть влияние каждой из них.

Мы указали пункты, в которых стремления социалистов совпадают с происходящей перед нами эволюцией общества. Но такие совпадения встречались очень редко. Напротив, мы видели, что большая часть социалистических теорий находится в явном противоречии с законами, управляющими современным миром, и что осуществление этих теорий привело бы нас снова к низшим, давно уже пройденным ступеням цивилизации. Вот почему мы установили, что уровень современного положения народов на ступенях цивилизации определяется довольно точно степенью сопротивления их социализму.

Союз одинаковых интересов, единственная практическая форма солидарности, и экономическая конкуренция, форма современной борьбы за существование, являются насущными потребностями настоящего времени. Социализм едва терпит первую и стремится совершенно упразднить вторую. Единственная власть, какую он признает, — это власть народных собраний. Отдельная личность для него ничто, но уже только потому, что она — частица толпы, она обладает всеми качествами и всеми правами. Психология же, наоборот, учит нас, что человеческая личность, входя в состав толпы, теряет большую часть умственных качеств, составляющих ее силу.

Пренебрегать союзами и желать уничтожения конкуренции, как это предлагает социализм, значит пытаться парализовать могучие рычаги новейшего времени. Не в том дело, чтобы знать, благотельна или вредна конкуренция; следует доискаться, действительно ли она неизбежна, и, признавая ее такою, стараться применить к ней.

Мы показали, что экономическая конкуренция, которая в конце концов сокрушила бы отдельную личность, нашла себе естественный, образовавшийся сам собой, без участия какой-либо теории, противовес в объединении одинаковых интересов. Союзы рабочих с одной стороны, союзы хозяев с другой, могут бороться с равными силами, чего не могла бы сделать отдельная личность. Без сомнения, это только замена самодержавия одного лица самодержавием многих, и ничто не дает основания думать, что второе будет менее тяжким, чем первое, даже кажется, что обратное можно считать очевидным. Очевидно также, что коллективные тирании переносились всегда с наибольшей покорностью. Никогда самый лютейший тиран не мог бы себе позволить таких проявлений кровавого деспотизма, какие безнаказанно совершали во времена революции темные безымянные комитеты, действовавшие во имя истинных или воображаемых общих интересов.

Мы показали также, что, несмотря на полное противоречие между принципами социализма и данными современной науки, он обладает огромной силой вследствие стремления его принять религиозную форму. Тогда он является уже не теорией, которую можно оспаривать, а настоящим догматом, которому нужно подчиняться, и власть которого над душами неограниченна.

Именно по этой причине социализм — самая страшная из опасностей, когда-либо грозивших современному обществу. Полное его торжество вполне возможно, и потому не будет бесполезным указать, что он даст народу, который подчинением своей судьбы этому страшному властителю думает обеспечить свое благополучие.

Прежде всего припомним главные социалистические догматы и причины, могущие заставить принять их.

Не касаясь фантастических сторон бесчисленных программ теоретиков и рассматривая лишь их сущность и возможность осуществления у некоторых народов того, что дается естественной эволюцией, мы найдем, что эти программы сводятся к четырем главным пунктам:

1. Уничтожение слишком большой неравномерности богатств посредством прогрессивных налогов и особенно — достаточно высоких пошлин на наследство;
2. Постепенное расширение прав государства или, если угодно, той общины, которая заменит государство и будет отличаться от него лишь названием;
3. Передача государству земли, капиталов, промышленности и предприятий всякого рода, т. е. отчуждение их от нынешних владельцев в пользу общины;
4. Уничтожение свободной конкуренции и уравнивание заработной платы.

Очевидно, осуществление первого пункта возможно, и можно признать, хотя это еще совсем не доказано, что попытка передавать каждому поколению в общине избыток богатств, собранных прошлыми поколениями, и тем избежать образования денежной аристократии, иногда более тяжелой и гнетущей, чем старый феодальный строй, представит некоторые преимущества или, по крайней мере, явится актом справедливости.

Что касается других положений и, в особенности, прогрессивного расширения прав государства, результатом чего явилось бы уничтожение свободной конкуренции, а затем и уравнивание заработка, то проведение их в жизнь повело бы лишь к разорению страны, так как такие меры, несовместимые с естественным порядком вещей, поста-

вили бы допустивший их у себя народ в положение, явно не выгодное относительно его соперников, и вскоре заставили бы его уступить им место. Мы не говорим, что этот идеал неосуществим, так как уже показали, что некоторые народы все более и более стремятся к постепенному расширению роли государства; но мы также видели, что исключительно благодаря этому обстоятельству эти нации вступили на путь упадка.

Итак, мечта социалистов может еще осуществиться относительно этих разных пунктов, и именно по образцу, указанному английским писателем Киддом:

«В наступающую эру неустанные и продолжительные усилия народов добиться социального равенства в борьбе за существование, а также равенства политических прав вместо ограничения вмешательства государства неизбежно вызовут постепенное распространение этого вмешательства почти во все стороны нашей общественной жизни. Нужно ожидать, что это стремление к регламентации, к контролю, к ограничению прав богатства и капитала усилится до того, что само государство возьмет на себя эти права во всех тех случаях, когда будет доказано, что оставление их в частных руках идет вразрез народным интересам».

Социалистический идеал в совершенстве сформулирован в этих строках. Когда видишь, что такую программу принимают просвещенные умы, то сразу постигаешь, какие успехи сделали идеи социалистов и какое они оказали разрушительное влияние.

В этом особенно и заключается их опасность. Современный социализм — гораздо более умственное настроение, чем доктрина. Он является столь угрожающим не вследствие сравнительно еще очень слабых изменений, происшедших под его влиянием в душе народа, а вследствие произведенных им уже весьма значительных изменений в душе правящих классов. Современная буржуазия уже не уверена в законности своих прав. Впрочем, она ни в чем не уверена и ничего не может защищать; она поддается всяким рассказам и трепещет перед самыми жалкими болтунами. Она лишена той твердой воли, той дисциплины, той общности чувств, которые служат связующим цементом обществ, и без которых до сих пор не могло существовать ни одно человеческое сообщество.

Верить революционным инстинктам толпы — значит быть жертвой самой обманчивой внешности. Возмущения толпы не что иное, как бешеные порывы одной минуты. Под влиянием свойственных ей консервативных инстинктов, она скоро возвращается к прошлому и сама требует восстановления идолов, разрушенных ею в момент взрыва своих страстей. История Франции уже сто лет как твердит нам об этом на каждой странице. Едва наша революция окончила дело разрушения, как почти все, что она ниспровергла — учреждения политические и религиозные — все было немедленно восстановлено под новыми названиями; только что отведенная в сторону река вновь потекла по прежнему руслу.

Социальные перевороты никогда не начинаются снизу, а всегда — сверху. Разве нашу великую революцию произвел народ? Конечно, нет. Он никогда бы о ней и не думал. Она была спущена с цепи дворянством и правящими классами. Эта истина многим покажется несколько новой, но она станет общепонятной, когда психология менее элементарная, чем та, которой мы обходимся теперь, разъяснит нам, что внешние события всегда являются следствием некоторых безотчетных состояний нашего духа.

Мы знаем, каково было в момент французской революции состояние умов, которое на наших глазах повторяется вновь: трогательный гуманизм, который, начав идиллией и речами философов, кончил гильотиной. Это самое настроение, с виду столь безобидное, в действительности столь опасное, вскоре привело к расслаблению и разложению правящих классов. Они не имели больше веры в себя и, как справедливо заметил Мишле, сами оказались врагами собственного дела. Когда ночью 4 августа 1789 г. дворянство отреклось от своих привилегий и вековых прав, революция свершилась. Народу оставалось лишь следовать в указанном ему направлении, и тут он, как всегда, дошел до крайностей. Он не замедлил отрубить головы честным филантропам, которые так легко отказались от самозащиту. История не выразила к ним почти никакого сожаления. Однако они заслуживают снисхождения со стороны философов, привыкших определять отдаленные причины наших поступков. В самом деле, могло ли еще дворянство защищать те права, от которых оно так легко отказалось? Под влиянием теорий и речей, накопившихся за целый век, верования постепенно изменились. Идеи, постепенно овладевшие правящими классами, приобрели, наконец, такую власть, что их было уже невозможно оспаривать. Силы, создаваемые нашими бессознательными стремлениями, всегда непреодолимы. Разум не знает их, а если бы и знал, то ничего не мог бы сделать против них.

А между тем эти темные и верховные силы и являются настоящими двигателями истории. Человек действует, а они его направляют и часто — совсем наперекор самым очевидным его интересам. Эти-то таинственные нити и двигали всеми этими блестящими марионетками, о слабостях и подвигах которых рассказывают нам книги. Благодаря отдаленности их эпохи, мы часто знаем лучше, чем знали они, самые сокровенные причины их действий.

Опасность настоящего момента лежит в бессознательной работе нашего духа, создаваемой различными влияниями. Мы снова охвачены теми же чувствами болезненного гуманизма, который дал уже нам революцию, самую кровавую в истории, террор, Наполеона, гибель трех миллионов людей и страшное нашествие, вызванное его наследником. Какую услугу оказало бы человечеству благодетельное божество, которое уничтожило бы гибельную расу филантропов и, уж заодно, не менее гибельную породу болтунов!

Но опыта, сделанного сто лет назад, оказалось недостаточно, и возрождение этого самого смутного гуманизма, — гуманизма слов, а не чувств, гибельного наследия наших старых христианских идей, — стало самым серьезным фактором успеха современного социализма. Под его разлагающим и бессознательным влиянием правящие классы потеряли всякую веру в справедливость своего дела. Они все более и более уступают вожакам, требова-

ния которых расширяются по мере уступок. Эти вожаки будут удовлетворены лишь тогда, когда возьмут у противников все — и состояние и жизнь. Историк будущего, когда он узнает разрушения, причиненные нашей слабостью, и распадение цивилизаций, которые мы так плохо защищали, будет очень легко показать, насколько неизбежный заслуженны были эти бедствия.

Не следует надеяться, что нелепость большей части социалистических теорий может помешать их торжеству. Эти теории содержат в себе не больше невероятных химер, чем религиозные верования, столь давно управляющие душой народов. Нелогичность верования никогда не мешала его распространению. А социализм — гораздо более религиозное верование, чем рассудочная теория. Ему подчиняются, но его не оспаривают.

Во всяком случае, социализм как верование стоит неизмеримо ниже других религий. Религии обещали после смерти блаженство, призрачность, которого не поддавалась точному доказательству. Религия социалистов, вместо небесного блаженства, призрачность которого никто не может проверить, обещает нам блаженство земное, в несуществимости которого каждый может легко удостовериться. Опыт скоро покажет приверженцам социалистических иллюзий всю тщетность их мечты, и тогда они с яростью разобьют идола, которого почитали, прежде чем познать. К несчастью, такой опыт может быть сделан лишь при условии предварительного разрушения общества.

§ 2. ЧТО ОБЕЩАЕТ УСПЕХ СОЦИАЛИЗМА ТЕМ НАРОДАМ, СРЕДИ КОТОРЫХ ОН ВОСТОРЖЕСТВУЕТ

В ожидании часа своего торжества, который лишь очень немногим опередит час его падения, социализму суждено все расти, и никакой аргумент, подсказанный рассудком, не сможет побороть его.

А между тем, нет недостатка в предостережениях, делаемых как последователям новых догм, так и их слабым противникам. Все мыслители, изучавшие современный социализм, предупреждали об его опасности, и все пришли к одинаковым заключениям относительно будущего, которое он нам готовит. Было бы слишком долго приводить все их мнения, но не безынтересно будет привести некоторые из них.

Начнем с Прудона. В его время социализм был далеко не так грозен, как теперь. Насчет его будущности он написал страницу, справедливость которой оправдается, может быть, скоро:

«Социальная революция может привести лишь к ужасному перевороту, немедленным следствием которого будет бесплодие земли и заключение общества в смирительную куртку, а если окажется возможным продлить такой порядок вещей хотя несколько недель, то и гибель от внезапного голода трех или четырех миллионов людей. Когда правительство будет без средств, страна — без промышленности и торговли; когда голодный Париж, заблокированный департаментами, не производящий никаких платежей, не имея никакого вывоза, сам останется без подвоза; когда рабочие, развращенные политикой клубов и забастовками, будут искать себе пропитание всякими средствами; когда государство будет отбирать у граждан серебро и драгоценности, чтобы отправлять их на монетный двор; когда домовые обыски будут единственным способом сбора податей; когда первый сноп хлеба будет насильно отобран, первый дом будет взломан, первая церковь — будет осквернена и зажжется первый факел; когда прольется первая кровь и упадет первая голова; когда мерзость запустения распространится по всей Франции, — тогда вы узнаете, что такое социальная революция. Разнузданная чернь, вооруженная, жаждущая мщения и разъяренная; пики, топоры, обнаженные сабли, ножи и молотки; притихший угрюмый город; полиция у семейного очага; подозрительность ко всякому мнению, подслушанные речи, подмеченные слезы, сосчитанные вздохи, выслеженное молчание; везде шпионство и доносы; неумолимые реквизиции; насильственные прогрессивные займы; обесцененные бумаги; внешняя война на границе, безжалостные проконсульства, комитет общественной безопасности, жестокосердный высший комитет — вот плоды так называемой демократической и социальной революции. Всеми силами я отвергаю социализм, бессильный и безнравственный, способный единственно только дурачить людей»¹.

Де Лавелей, несмотря на свою снисходительность ко многим социалистическим идеям, пришел почти к таким же заключениям, указывая, что вследствие победоносной социальной революции «наши столицы будут опустошены посредством динамита и керосина с большим варварством и, главное, более систематично, чем Парижа 1871 году».

Великий английский философ Герберт Спенсер выражается не менее мрачно. Торжество социализма, говорит он, «было бы величайшим бедствием, когда-либо испытанным на земле, и окончилось бы военным деспотизмом».

Вышеозначенные заключения великий ученый развил в последнем томе своего «Трактата о социологии», представляющем заключение крупного труда, на который ушло 35 лет. Он обращает внимание на то, что коллективизм и коммунизм снова привели бы нас к первобытному варварству, и опасается, что эта революция произойдет в ближайшем будущем. «Эта победоносная фаза социализма, — говорит он, — не может быть продолжительна, но она произведет большие опустошения у наций, которые испытают ее, и доведет некоторые из них до полного разорения».

Таковы, по единогласному мнению самых выдающихся мыслителей, роковые последствия водворения социа-

¹ Эта страница, приводимая во многих трудах, в действительности состоит, по исследованию Ж. Сореля, из отрывков, выбранных из различных сочинений Прудона и сведенных в один текст. В первый раз в таком виде она появилась, будто бы, в «Journal des Debats».

лизма: сначала разрушения, о которых эпоха террора и коммуны может дать лишь слабое представление; потом неизбежная эпоха цезарей, этих цезарей времен упадка, способных возвести свою лошадь в консульское звание или приказать немедленно умертвить в своем присутствии всякого, кто посмотрел на них без должного почтения. На них, цезарей, которых однако терпели бы, как терпели их римляне, когда, утомленные междоусобными войнами и бесплодными распрями, они бросились в объятия тиранов. Этих тиранов иногда убивали, когда их деспотизм становился уж слишком свиреп, ноне переставали заменять их другими до тех пор, пока не наступило окончательное разложение и совершенное порабощение варварами. Многие народы осуждены также подпасть под власть деспотов, которые может быть будут иногда и разумны, но в силу необходимости недоступны никакой жалости и не потерпят ни малейшей попытки к возражению.

Действительно, ведь только деспотизм и может справиться с анархией. Все латинские республики в Америке подчиняются самому суровому деспотизму именно потому, что не могут избежать анархии.

За социальным разложением, порожденным торжеством социализма, неизбежно последовала бы ужасная анархия и общее разорение. И тогда скоро появился бы Марий, Сулла, Наполеон, какой-нибудь генерал, который водворил бы мир посредством железного режима, установленного вслед за массовым истреблением людей, что не помешало бы ему, как это не раз бывало в истории, быть радостно провозглашенным избавителем. Впрочем, он и был бы таким в действительности, так как за отсутствием военного деспота, народ, подчиненный социалистическому режиму, так скоро ослабел бы, что немедленно очутился бы во власти соседей и был бы бессилён препятствовать их нашествиям.

В этом кратком обзоре будущих судеб, которые нам готовит социализм, я еще не говорил о соперничестве между различными социалистическими толками, которые еще усложнят анархию. Нельзя быть социалистом, не чувствуя ненависти к кому-нибудь или к чему-нибудь. Социалисты ненавидят современное общество, но еще гораздо сильнее ненавидят друг друга. Такие неизбежные соперничества между различными социалистическими толками довели уже до падения этот страшный международный союз¹, пугавший в продолжение многих лет правительства, а теперь уже совершенно забытый.

«Одна основная причина, — пишет де Лавелей, — способствовала такому быстрому падению *Международного союза*. А именно — соперничество отдельных личностей. Как и в самой Коммуне 1871 г., здесь происходят несогласия, являются подозрения, взаимные оскорбления, а вскоре наступает и окончательное распадение. Никакой авторитет не признается, соглашение становится невозможным, ассоциация растворяется в анархию, и, если можно употребить более выразительное, хотя и вульгарное выражение, обращается в кутерьму. Это еще одно предостережение. Как! Вы желаете уничтожить государство и устранить крупных промышленников, и думаете, что порядок явится сам собой, вследствие свободной инициативы соединенных корпорацией? Но ведь если вам, по-видимому, составляющим цвет рабочего класса, не удалось сговориться, как сохранить жизненность общества, не требовавшего от вас никаких жертв и имевшего одну общую всем цель, «войну с подлым капиталом», — как же простые рабочие могут сохранить взаимное согласие, когда в повседневных сношениях им придется регулировать постоянно борющиеся интересы и принимать решения относительно вознаграждения каждого? Вы не хотели подчиниться главному Совету, который не налагал на вас никаких обязанностей, как же в мастерских вы будете подчиняться приказаниям заведующих ими, которые должны будут определять вашу работу и направлять ее?»

Тем не менее, мы можем допустить возможность постепенного и мирного введения социализма законными мерами, и мы видели, что именно такой оборот, кажется, и приняло дело у латинских народов, подготовленных к нему своим прошлым и все более вступающих на путь государственного социализма. Но мы показали также, что именно вследствие вступления на этот путь они и пошли быстро к упадку. То, что зло по-видимому не так еще страшно, еще не значит, что оно было бы не глубоко. Так как государство постепенно захватило в свои руки все отрасли производства, а стоимость изготовляемых им предметов, как это было уже доказано раньше, неизбежно должна быть выше, чем при изготовлении их частной промышленностью, то «безусловно будет необходимо, — как говорит Молинари², — осудить часть нации на принудительные работы при минимальном содержании, одним словом восстановить рабство». Рабство, нищета и цезаризм — вот неизбежные пропасти, куда ведут все социалистические пути.

И все-таки, кажется, этого ужасного режима не миновать. Нужно, чтобы хотя одна страна испытала его на себе назидание всему миру. Это будет одна из таких экспериментальных школ, которые в настоящее время одни только могут отрезвить народы, зараженные болезненным бредом о счастье по милости лживых внушений жрецов новой веры.

Пожелаем, чтобы это испытание прежде всего выпало на долю наших врагов! Если это произойдет в Европе, то все заставляет предположить, что жертвой его будет бедная, наполовину разоренная страна, например, Италия. Многие из ее государственных людей предчувствовали опасность, когда в продолжение многих лет пытались предотвратить грозу с помощью войны с нами под гарантией немецкого союза.

¹ Имеются в виду I Интернационал и раздоры между Бакуниным и Марксом.

² Гюстав де Молинари — политик, экономист, член С.-Петербургской Академии наук, публицист, автор многих работ (в том числе «Курс политической экономии» и «Политическая эволюция и революция»).

§ 3. КАК МОГ БЫ СОЦИАЛИЗМ ЗАХВАТИТЬ УПРАВЛЕНИЕ СТРАНОЙ

Но каким образом социализм мог бы захватить управление страной? Как сокрушит он стену, составляющую последний оплот современных обществ — армию? Эта задача, трудная в настоящее время, постепенно будет становиться все менее и менее трудной, благодаря уничтожению постоянных армий. Мы об этом уже говорили при изучении классовой борьбы; небесполезно будет напомнить об этом еще раз.

До сих пор силу армии составляло не число ее солдат или совершенство ее вооружения, но дух ее, а этот дух вырабатывается не в один день.

Немногие, народы, например, англичане, сумевшие сохранить профессиональное войско, почти избавлены от социалистической опасности, и потому в будущем получат значительное превосходство над своими соперниками. Армии же, созданные всеобщей воинской повинностью, все более клонятся к тому, чтобы стать настоящей недисциплинированной национальной гвардией, а история показывает, чего она может стоить в минуту опасности. Вспомним, что во время осады Парижа наши 300 тысяч национальных гвардейцев послужили лишь к провозглашению Коммуны и поджогу столицы. Знаменитый адвокат, отказавшийся тогда от представлявшегося случая обезоружить эти толпы, затем был принужден каяться и всенародно «просить прощения у Бога и людей», что оставил в их руках оружие. Он мог в свое оправдание сослаться на то, что ему неизвестна была психология толпы, но какое оправдание может быть для нас, если мы не сумеем воспользоваться таким уроком?

В тот день, когда эти вооруженные толпы без всякой внутренней связи и военных инстинктов обратят свое оружие, как во время Коммуны, против общества, для защиты которого они призваны, это последнее будет очень близко к своей гибели. Тогда оно увидит пожар своих городов, неистовства анархии, нашествие, расчленение, почувствует на себе железную пяту деспотов-освободителей и окончательное распадение.

Такой, грозящей нам в будущем, судьбе уже подверглись в настоящее время некоторые народы. Не нужно, следовательно, обращаться к предположениям о неизвестном будущем для того, чтобы найти пример наций, у которых социальное разложение произведено их армиями. Известно, в каком жалком состоянии анархии находятся все латинские республики Америки: постоянные революции, полное расхищение финансов, деморализация всех граждан, а в особенности военного сословия. То, что называют там армией, представляет собой недисциплинированные шайки, мечтающие только о грабежах и готовые пойти за первым попавшимся генералом, который захочет их вести на грабеж. Каждый генерал, пожелавший в свою очередь захватить власть, всегда находит несколько вооруженных шайек, чтобы умертвить своих соперников и самому встать на их место. Смена властей во всех испанских республиках Америки происходит так часто, что европейские газеты почти отказались их отмечать и занимаются событиями, происходящими в этих печальных странах не больше, чем жизнью лапландцев. Этой половине Америки суждено в конце концов возвратиться к первобытному варварству, если только Соединенные Штаты не окажут ей огромной услуги, покорив ее своей властью.

§ 4. КАК МОЖНО УСПЕШНО БОРОТЬСЯ С СОЦИАЛИЗМОМ

Так как социализм должен быть где-нибудь испытан, ибо только такой опыт исцелит народы от их химер, то все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы этот опыт был произведен скорее за пределами нашего отечества, чем у нас. Как бы ни было ничтожно влияние писателей, их прямая задача — отдалить осуществление этого гибельного опыта в их отечестве. Они должны вести борьбу с социализмом и замедлить наступление его торжества так, чтобы оно могло произойти где-нибудь в другой стране. Для этого необходимо знать секрет его силы и его слабости, знать также психологию его приверженцев. Такое исследование было сделано в этом труде.

Не аргументами, способными влиять на ученых и философов, следует братья за это дело необходимой обороны. Кто не ослеплен желанием громкой популярности или иллюзией, увлекавшей всегда демагогов, воображавших, что они будут в силах, когда захотят, укротить сорвавшееся с цепи чудовище, тот отлично знает, что человек не может переустроить общество по своему усмотрению, что мы должны подчиняться естественным законам, над которыми мы не властны, что цивилизация в данный момент составляет часть цепи, все звенья которой связаны с прошлым невидимыми узами, что учреждениями и судьбами народа управляет его характер и что этот характер вырабатывается веками; что эволюция обществ, вне всякого сомнения, происходит непрерывно, и что эти общества в будущем не могут быть такими, какими они являются в настоящее время, но также несомненно, что не наши фантазии и не наши мечты дадут направление этой неизбежной эволюции.

Не такими аргументами, повторяю, можно воздействовать на толпу. Эти аргументы, выведенные из наблюдений и связанные между собой заключениями разума, не имеют в ее глазах убедительности. Она нисколько не интересуется рассуждениями и книгами! Ее также не соблазнишь самой подобострастной и унижительной лестью, расточаемой ей в настоящее время. Она со справедливым презрением смотрит на тех, кто ей льстит, и возвышает свои требования по мере того, как эта лесть становится чрезмерной. Чтобы руководить толпой, нужно воздействовать на ее чувства, а не взывать к рассудку, которого у нее нет.

Так ли в самом деле трудно управлять толпой? Нужно не знать ее психологии и быть совершенно незнакомым с ее историей, чтобы так думать. Для того, чтобы увлечь ее за собой, разве необходимо быть основателем религии, как Магомет, героем, как Наполеон, галлюцином, как Петр Пустынник? Конечно, нет. Для этого вовсе не нужны такие исключительные личности. Прошло немного лет с тех пор, как почти совершенно неизвестный генерал, не имевший за собой ничего, кроме некоторой смелости, престижа своего мундира и красоты своего коня дошел до крайнего предела, граничащего с верховной властью, — предела, которого он, однако, не посмел перейти. Цезарь без лавров и без веры в себя, он отступил перед Рубиконом. Вспомним, история нам показывает, что народные движения являются в сущности движениями нескольких вожаков, вспомним наивную простоту толпы, ее неискоренимые консервативные инстинкты и, наконец, неизменные приемы убеждения, которые мы старались выяснить в предыдущем труде, а именно: утверждение, повторение, заразительность и обаяние.

Вспомним еще, что, несмотря на все внешние признаки, масса руководит не материальный интерес, так сильно действующий на отдельную личность. Толпе необходим идеал, к осуществлению которого она могла бы стремиться, ей нужно верование, которое она могла бы защищать. Но отдалиться идеалу или верованию она может лишь увлекшись их апостолами. Они одни личным обаянием возбуждают в душе народной чувства восхищения и сочувствия, составляющие самые прочные основы веры. Совсем недавно один из самых больших городов Франции¹, считавшийся оплотом коллективизма, отделался на наших глазах от давно управлявшего им социалистического муниципального совета лишь благодаря умелому воздействию на толпу человека предприимчивого, умного и деятельного.

Можно руководить толпой как хочешь, когда того захочешь. Самые противоположные режимы, самые нестерпимые деспоты всегда вызывали восторг толпы, когда они умели увлечь ее. Она подавала свои голоса за Марата, Робеспьера, Бурбонов, Наполеона, за республику и за всех авантюристов с таким же легким сердцем, как и за великих людей. Свободу она принимала с такой же покорностью, как и рабство.

Для того, чтобы защитить себя не от толпы, а от ее вожаков, стоит только захотеть этого. К несчастью, настоящим нравственным недугом нашего времени, по-видимому почти неизлечимым у латинских народов, является недостаток воли. Эта утрата воли вместе с недостатком инициативы и развитием равнодушия грозит нам большой опасностью.

Все это, конечно, общие рассуждения, и было бы не трудно от них перейти к частностям. Но какое влияние могут оказать на ход событий советы, даваемые писателем? Не выполнил ли он всю свою задачу, изложив общие принципы, из которых легко выводятся следствия?

Впрочем, указания на то, как мы должны поступать, не так важны, как указания на то, чего мы не должны делать. Общественный строй — организм очень нежный, прикасаться к нему нужно очень осторожно. Ничего не может быть губительнее для государства, как непрестанно подвергаться изменчивым и необдуманым прихотям толпы. Если и должно делать многое для нее, то через нее нужно действовать в очень редких случаях. Огромным успехом был бы уже отказ от наших нескончаемых проектов реформ, от мысли, что мы непрестанно должны из-

¹ Имеется в виду город Рубе.

менять наше государственное устройство, наши учреждения и наши законы. Прежде всего нам следовало бы постоянно ограничивать, а не расширять вмешательство государства так, чтобы принудить наших граждан приобрести хоть немного этой инициативы, этого навыка управляться самостоятельно, который они теряют вследствие требуемой ими постоянной опеки.

Но, повторяю еще раз, к чему высказывать такие пожелания? Надеяться на их исполнение не значит ли желать, чтобы мы могли изменить наш дух и отворотить течение судеб? Наиболее неотложно необходимой и, может быть, единственной истинно полезной была бы реформа нашего воспитания. Но она также, к несчастью, труднее всего выполняема; осуществление ее поистине могло бы привести к настоящему чуду: изменению нашего национального духа.

Как на это надеяться? А с другой стороны, как тут безропотно молчать, когда предвидишь опасности, которыми грозит грядущий час, и которые в теории, казалось бы, так легко избежать?

Если же допустить, чтобы равнодушие к вещам и ненависть к людям, соперничество и бесплодные споры все более и более овладевали нами, если продолжать постоянно требовать вмешательства государства в наши самые мелкие дела, то общественный союз, уже очень расшатанный, распадется окончательно. Тогда придется уступить место более сильным народам и окончательно исчезнуть с мировой сцены.

Таким образом погибали многие цивилизации, когда их естественные защитники отказывались от борьбы и усилий. Никогда умственный упадок не был причиной гибели народов, но всегда — упадок их характера.

Так кончили Афины и Рим. Так же кончила и Византия, наследница древних цивилизаций, открытий и мечтаний человечества, наследница сокровищ мысли и искусства, накопленных от самого зарождения истории.

Летописцы рассказывают, что когда султан Магомет появился под стенами столицы, то жители ее, занятые спорами о богословских тонкостях и постоянно соперничавшие между собой, весьма мало озаботились о своей защите. Представитель новой веры легко восторжествовал над такими противниками. Когда он проник в знаменитую столицу, последнее убежище просвещения древнего мира, его солдаты, не долго думая, сняли головы с наиболее шумных из этих бесполезных болтунов и обратили в рабство других.

Постараемся не подражать этим бледным потомкам слишком древних рас и будем опасаться их участи. Не будем больше терять времени в пререканиях и напрасных спорах. Научимся защищаться от грозящих нам внутренних врагов, пока не придется бороться с подстерегающими нас врагами внешними. Не будем пренебрегать даже самыми легкими усилиями и будем прилагать их каждый в своей сфере, как бы она ни была скромна. Ведь громаднейшие горы образовались от накопления крохотных песчинок. Будем постоянно изучать задачи, которые нам ставит сфинкс, и которые необходимо уметь разрешать, чтобы не быть им пожранными. И хотя бы мы думали про себя, что такие советы столь же бесполезны, как и пожелания здоровья больному, дни которого сочтены, будем поступать так, как будто мы этого не думаем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (1908).....	1
Предисловие автора к первому изданию.....	2
Предисловие автора к третьему изданию.....	4
Предисловие автора к русскому изданию.....	6

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ.....	6
§ 1. Факторы социального развития.....	7
§ 2. Разные стороны социализма.....	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА И ПРИЧИНЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.....	8
§ 1. Древность социализма.....	9
§ 2. Причины развития социализма в настоящее время.....	10
§ 3. Применение процентных соотношений при оценке общественных явлений.....	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ.....	14
§ 1. Основные принципы социалистических теорий.....	14
§ 2. Индивидуализм.....	14
§ 3. Коллективизм.....	15
§ 4. Социалистические идеи, как и разные учреждения у народов, суть последствия своих расы.....	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СОЦИАЛИЗМА И ИХ УМСТВЕННЫЙ СКЛАД.....	19
§ 1. Классификация последователей социализма.....	19
§ 2. Рабочие классы.....	19
§ 3. Правящие классы.....	23
§ 4. Полуученые и доктринеры.....	24

КНИГА ВТОРАЯ.

СОЦИАЛИЗМ КАК ВЕРОВАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОСНОВЫ НАШИХ ВЕРОВАНИЙ.....	26
§ 1. Унаследование наших верований от предков.....	26
§ 2. Влияние верований на наши представления и суждения. Психология непонимания.....	28
§ 3. Наследственное образование нравственных понятий.....	30
ГЛАВА ВТОРАЯ. РОЛЬ ПРЕДАНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ПРЕДЕЛЫ ИЗМЕНЯЕМОСТИ УНАСЛЕДОВАННЫХ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ.....	30
§ 1. Влияние преданий в жизни народов.....	30
§ 2. Предел изменчивости унаследованных душевных качеств.....	31
§ 3. Борьба между традиционными верованиями и запросами современной жизни. Современная неустойчивость мнений.....	32
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СТРЕМЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ПРИНЯТЬ ФОРМУ ВЕРОУЧЕНИЯ.....	34
§ 1. В настоящее время социализм стремится заменить собой старые верования.....	35
§ 2. Распространение верований. Их проповедники.....	36

§ 3. Распространение верований среди толпы.....	39
---	----

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОЦИАЛИЗМ У РАЗНЫХ РАС

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ.....	40
§ 1. Теоретические основания социализма в Германии.....	40
§ 2. Современное развитие социализма в Германии.....	42
ГЛАВА ВТОРАЯ. СОЦИАЛИЗМ В АНГЛИИ И АМЕРИКЕ.....	43
§ 1. Представления о государстве и воспитании у англосаксов.....	43
§ 2. Социальные идеи англосаксонских рабочих.....	46
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ.....	49
§ 1. Как определяется истинный политический режим народа.....	49
§ 2. Умственный склад народов латинской расы.....	50
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОНЯТИЕ О ГОСУДАРСТВЕ У НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ.....	54
§ 1. Каким образом у народов устанавливаются понятия.....	54
§ 2. Понятие о государстве у народов латинской расы. Почему успехи социализма являются естественным последствием эволюции этого понятия.....	55
ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОНЯТИЯ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ О ВОСПИТАНИИ, ОБРАЗОВАНИИ И РЕЛИГИИ.....	57
§ 1. Понятия латинских народов о воспитании и образовании.....	57
§ 2. Понятие латинских народов о религии.....	58
§ 3. Каким образом понятия латинской расы наложили свой отпечаток на все элементы цивилизации	59
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА У НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ РАСЫ.....	60
§ 1. Всепоглощающая роль государства.....	61
§ 2. Последствия расширения государственных функций.....	62
§ 3. Коллективистское государство.....	67
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. СОСТОЯНИЕ ЛАТИНСКИХ НАРОДОВ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.....	69
§ 1. Слабость латинских народов.....	70
§ 2. Латиноамериканские республики. Испания и Португалия.....	71
§ 3. Италия и Франция.....	73
§ 4. Результаты усвоения латинских понятий народами различных рас.....	75
§ 5. Будущность, грозящая народам латинской расы.....	76

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗАКОНАМИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРЕМЛЕНИЯМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОВРЕМЕННОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.....	77
§ 1. Современные факторы развития обществ, созданные новейшими открытиями.....	79
§ 2. Влияние современных открытий на условия существования обществ.....	79
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ.....	81
§ 1. Экономическая конкуренция.....	81
§ 2. Применяемые и предлагаемые средства.....	85
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ЗАПАДНЫМИ НАРОДАМИ.....	86
§ 1. Последствия наследственных способностей народов.....	88
§ 2. Промышленное и коммерческое положение латинских народов.....	88

§ 3. Причины коммерческого и промышленного превосходства немцев⁹³

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ И РОСТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ	97
§ 1. Современный рост народонаселения различных стран и его причины	97
§ 2. Последствия роста или уменьшения народонаселения в различных странах	99

КНИГА ПЯТАЯ.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЗАКОНАМИ ЭВОЛЮЦИИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ИДЕЯМИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРЕМЛЕНИЯМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗАКОНЫ ЭВОЛЮЦИИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И СТРЕМЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТОВ	101
§ 1. Отношения живых существ к своей среде	101
§ 2. Конфликт между естественными законами эволюции и демократическими воззрениями	103
§ 3. Конфликт между демократическими идеями и стремлениями социалистов	108
ГЛАВА ВТОРАЯ. БОРЬБА НАРОДОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ	109
§ 1. Естественная борьба между индивидами и видами	110
§ 2. Борьба народов	111
§ 3. Борьба общественных классов	113
§ 4. Социальная борьба в будущем	114
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА СОЦИАЛИЗМА. НЕПРИСПОСОБЛЕННЫЕ	116
§ 1. Размножение неприспособленных	116
§ 2. Неприспособленные вследствие вырождения	119
§ 3. Искусственное производство неприспособленных	121
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕПРИСПОСОБЛЕННЫХ	123
§ 1. Предстоящий натиск со стороны неприспособленных	123
§ 2. Использование неприспособленных	125

КНИГА ШЕСТАЯ.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОЧНИКИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВ: УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ, КАПИТАЛ И ТРУД	127
§ 1. Умственные способности	127
§ 2. Капитал	128
§ 3. Труд	132
§ 4. Отношения между капиталом и трудом. Хозяева и рабочие	132
ГЛАВА ВТОРАЯ. ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ	135
§ 1. Общественная солидарность и благотворительность	136
§ 2. Современные формы солидарности	137
§ 3. Синдикаты рабочих	140
§ 4. Промышленные предприятия с общинным управлением. Муниципальный социализм	141
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОМЫШЛЕННЫЕ СИНДИКАТЫ	142
§ 1. Распространение закона группировки однородных интересов ..	143
§ 2. Американские тресты	143
§ 3. Синдикаты промышленного производства в Германии	146
§ 4. Синдикаты промышленного производства во Франции	146
§ 5. Будущность синдикатов промышленного производства	148

КНИГА СЕДЬМАЯ.

СУДЬБЫ СОЦИАЛИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРЕДЕЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДВИДЕНИЙ	149
§ 1. Понятие о неизбежности в современном представлении об исторических явлениях	149
§ 2. Предвидение социальных явлений	150
ГЛАВА ВТОРАЯ. БУДУЩНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА	153
§ 1. Условия, в которых социализм находится в настоящее время	154
§ 2. Что обещает успех социализма тем народам, среди которых он восторжествует	156
§ 3. Как мог бы социализм захватить управление страной	158
§ 4. Как можно успешно бороться с социализмом	159